Комитет по культуре администрации Курской области
Курский государственный областной музей археологии

Материалы и исследования
по археологии Днепровского Левобережья
Выпуск IV

Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой).

Сборник научных трудов

Курск 2012

ББК 63.401д
Д 73

Печатается по постановлению Ученого Совета
Курского государственного областного музея археологии

На обложке: Золотая нашивная бляшка: человек, сидящий на грифоне, терзающем оленя. V – IV вв. до н.э. Курган № 1 у с. Дуровка (Белгородская область, Россия). Раскопки А.И. Пузиковой. 1964 г.

Тексты статей даны в авторской редакции

Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой) [Текст]: сборник научных трудов / Ком. по культуре адм. Курской обл., Курский гос. обл. музей археологии. – Курск: МУП «Курская городская типография», 2012. – 260 с. – (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья; вып. 4). – ISBN 978–5–8386–0180–3.

ISBN 978–5–8386–0180–3

Четвёртый выпуск «Материалов и исследований по археологии Днепровского Левобережья» посвящён 80-летию со дня рождения известного советского и российского археолога, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института археологии Российской академии наук (г. Москва) Анны Ивановны Пузиковой.

Тематика вошедших в сборник научных трудов посвящена вопросам истории и археологии Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья.

Сборник предназначен для археологов, историков, краеведов и всех интересующихся историей своего Отечества.

© Курский государственный областной музей археологии

© Авторы публикаций

АННА ИВАНОВНА ПУЗИКОВА: ЖИЗНЬ В АРХЕОЛОГИИ

© 2012 г. А.В. Зорин, Г.Ю. Стародубцев
Курский государственный областной музей археологии, Курск

На протяжении многих лет для студентов-историков Курского пединститута само понятие археологии чётко и вполне определённо ассоциировалось с несколькими конкретными людьми. В первую очередь это были руководившие полевой практикой Ю.А. Липкинг и пришедший ему на смену К.Ф. Сокол, а также человек, бессменно возглавлявший экспедицию, где эта практика проводилась, – Анна Ивановна Пузикова. И отнюдь не случайно в течение всех этих лет экспедиция Анны Ивановны не знала недостатка в кадрах своего «постоянного состава». Это были те, кто не покидал её и после окончания срока обязательной практики, кто неизменно перекочёвывал вместе с экспедицией к скифским курганам Белгородской области, для кого вторым домом становился летом палаточный лагерь в саду у стен старой земской школы. Новые люди, попадая в этот сложившийся круг, не отторгались, но напротив, стремительно вживались в него, усваивая устоявшиеся традиции и стиль общения. Для них своими становились и передаваемые изустно легендарные экспедиционные байки, и приёмы работы на раскопе, и отмечавшиеся в экспедиции праздники, среди которых немаловажное место занимал день рождения Анны Ивановны. Здесь у костра встречались москвичи, куряне, сибиряки из далёкого Усть-Ишима, студенты, школьники, взрослые люди самых разнообразных профессий – и это вовсе не было случайным собранием чуждых друг другу людей. Члены постоянно обновляющегося постоянного состава экспедиции из года в год упорно возвращались под сень старых палаток в школьном саду, продолжая исследование поселений, курганов и городищ. И в этом несомненная и важнейшая заслуга Анны Ивановны, наверное, ничуть не меньшая, чем её научные достижения. Ей удалось создать и на протяжении десятилетий поддерживать в экспедиции ту дружескую и творческую атмосферу, которая притягивала туда людей и тем самым обусловила успехи и долголетие самой экспедиции.

Анна Ивановна Пузикова родилась 6 августа 1932 г. в с. Ново-Архангельское Воронежской области. В 1950 г. поступила на исторический факультет МГУ, который закончила в 1955 г. Уже со следующего 1956 г. начала работать в Институте археологии АН СССР. Её основные научные интересы — археология и история племён лесостепной Скифии Среднего Подонья и Посеймья.

С 1956 по 1991 гг. участвовала в работе различных археологических экспедиций в центральных регионах России, в Молдове, Венгрии, на Дальнем Востоке. В составе экспедиции под руководством П.Д. Либерова (который в 1954–1974 гг. являлся начальником Воронежской лесостепной скифской экспедиции) участвовала в исследовании Мастюгинских курганов. В 1958–1965, 1968 гг. А.И. Пузикова – начальник Острогожского отряда Воронежской экспедиции, в 1966–1967 гг. – Воронежской лесостепной скифской экспедиции, в 1969, 1972 гг. – Южно-Курского отряда, 1973–1988, 1991 гг. – Курской и Курско-Белгородской экспедиций.

Являясь специалистом по археологическим культурам восточноевропейской лесостепи скифского времени, в 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию «Культура оседлых племен Правобережья Среднего Дона в скифское время». С 1981 по 1997 гг. – ученый секретарь отдела скифо-сарматской археологии Института археологии АН СССР (ИА РАН). Автор около 70 научных работ.

Возглавляя работы Курской экспедиции Института археологии АН СССР, Анна Ивановна сыграла важную роль в изучении древней истории (эпохи бронзы и раннего железного века) населения Курской, Воронежской и Белгородская областей. В 1967 г. она приступила к систематическому изучению памятников раннего железного века по рекам Сейм, Тускарь, Прутище, Свапа и Вабля. Как вспоминает она сама, «в августе 1967 г., когда из Курского музея пришло в ИИМК письмо с предложением небольшой суммы денег на исследование памятников скифского времени на территории Курской области, П.Д. Либеров, мой научный руководитель по работам в Воронежской и Белгородской областях, предло-

жил мне заняться и сопредельной Курской областью. Я согласилась и, таким образом, в августе 1967 г. оказалась в Курске. Отряд был небольшим: в него, кроме меня и двух студентов из Москвы, входили сотрудница КОКМ Лидия Яковлевна Беляева и Юрий Александрович [Липкинг] с семью студентами КГПИ, которые по разным причинам не смогли принять участия в общей археологической практике. Занимались мы обследованием городищ скифского времени и курганных групп на территории Обоянского и Суджанского районов. Все курганы оказались более раннего времени и относились к эпохе бронзы. За неимением скифских мы раскопали две насыпи в курганной группе у с. Средние Апочки (Горшеченский район), относящиеся к срубной культуре» (Пузикова, 1998. Личное сообщение).

В двух курганах (№ № 2 и 3) было вскрыто 10 погребений, восемь из которых относились к срубной культуре эпохи бронзы. Несколько особняком стоит погребение 7 из кургана № 3 с широкогорлым орнаментированным сосудом, принадлежащим абашевской археологической культуре. Погребение 3 из этой же насыпи было впускным и находилось в центральной части насыпи. Рядом с погребенным, лежащим на спине в скорченном положении (при этом руки покойного, вероятно, были заведены назад и связаны), были зафиксированы останки лошади. Судя по наличию этих костей, обнаруженное захоронение является кочевническим. Однако из-за отсутствия инвентаря определить культурную принадлежность и датировать данное погребение не представляется возможным (Пузикова, 1967. Л. 7, 11).

После окончания стационарных работ на могильнике А.И. Пузиковой была предпринята разведка по верхнему течению р. Псёл. Ее целью было выявление памятников раннего железного века. Во время разведки обследовано два городища Чернецкое и «Круглое» (последнее в археологической литературе фигурирует как городище Курочкино 1 (Кашкин, 1998. С. 150-151)), известные еще К.П. Сосновскому, который побывал на них в 1909 г. По материалу, собранному в качестве подъемного и обнаруженного в трех шурфах, Анна Ивановна датировала Чернецкое городище V–III вв. до н. э.

Второй из обследованных памятников расположен на левом берегу р. Псёл в 2–3 км к югу от хут. Курочкино (городище «Круглое»). Зачистка береговых склонов недалеко от городища дала самую различную керамику – от ямочно-гребенчатой до роменской. В ходе шурфовки на самой площадке городища было обнаружено темное пятно овальной формы, ориентированное по линии северо-восток – юго-запад. В заполнении пятна зафиксированы: тонкое несомкнутое бронзовое колечко, мелкие кальцинированные кости, мелкие фрагменты лепной керамики, раздробленные кости животных и кусок сильно коррозированного железного предмета. А.И. Пузикова интерпретировала яму как погребение с трупосожжением, а городище как сторожевой пункт Гочевского археологического комплекса, расположенного на противоположном высоком коренном берегу реки на расстоянии 2,5–3 км к северу от «Круглого» (Пузикова, 1967. Л. 11-15). Однако небольшие размеры памятника (30×25 м), характер его укреплений (кольцевой вал и отсутствие въезда) и топография расположения (материковый останец в пойме) заставляют усомниться в верности данного предположения. Более вероятна гипотеза А.В. Кашкина, предположившего, по внешним признакам, что данный памятник может быть отнесен к святилищам (Кашкин, 1998. С. 151). Подлинное его назначение мы сможем узнать только после полномасштабных исследований.

В 1968 г. был составлен первый проект строительства Курского водохранилища в среднем течении р. Тускарь. В этом же году дирекцией водохранилища в ИА АН СССР было направлено письмо, в котором говорилось о необходимости обследования археологических памятников, попадающих в зону затопления. Разведка территории затопления была произведена в 1968–1969 гг. отрядом под руководством О.Н. Мельниковской. В его состав входили А.И. Пузикова, Г.В. Григорьева, несколько студентов исторического факультета КГПИ и школьники курских школ. Отряд обследовал оба берега р. Тускарь от с. Тазова до г. Курска и обнаружил несколько десятков археологических памятников различных исторических эпох (Пузикова, 1997. С. 5).

В 1970-е гг. Анной Ивановной были проведены разведки и раскопки на городищах раннего железного века около с. Жидеевка (Железногорский район) (Пузикова, 1972. Л. 2), д. Нартово (Курский район) (Пузикова, 1978. С. 49-55), д. Переверзево (Золотухинский район) (Пузикова, 1975. С. 91-97), а также полностью исследовано Марицкое городище (Льговский район) (Пузиков, 1981).

Являясь начальником Курской экспедиции ИА АН СССР, Анна Ивановна тесно сотрудничала с историческим факультетом Курского пединститута, в особенности с преподавателями археологии Ю.А. Липкингом и К.Ф. Соколом, а также с первооткрывателем ряда памятников Льговского района (Нижнедеревенское и Марицкое городища, Воронинское дюнное поселение, Кудинцевский могильник) учителем и краеведом О.Н. Андреевым. Помимо работ на Курских землях, А.И. Пузикова не прекращала исследований скифских и сарматских курганных захоронений в пределах Белгородской области (Пузикова, 1995). Именно в это время в полной мере сложился тот стиль работы, сложились те традиции, которые всегда отличали экспедиции Анны Ивановны. Здесь всегда был прочно налажен повседневный быт: столовая, дежурства, чёткий график работы и отдыха, обустройство лагеря, добрые отношения с окрестными местными жителями, подвоз воды и продуктов. «Тыл» экспедиции всегда был надёжен. И поныне участникам раскопок вспоминаются и диковинный для того времени майонез на экспедиционном столе, и сыр с сосисками на фоне пустых магазинных полок 1991 года. При этом Анна Ивановна не ограничивалась одной лишь заботой о «хлебе насущном». Доброй традицией были регулярные экскурсии по памятным местам, посещения по выходным дням ближайших райцентров. Во время базирования экспедиции в Переверзево для студентов и школьников, среди которых было много приезжих, ежегодно организовывались экскурсии в местечко Свобода с посещением музея на месте командного пункта маршала К.К. Рокоссовского. В то же время все желающие навещали и местный книжный магазин, где Анну Ивановну знали уже давно и хорошо. В экспедиции всегда были дети — чьи-то сыновья, племянники, братья. Нередко из гостей они превращались затем в постоянные кадры экспедиции. Неотъемлемой частью жизни были традиционные праздники, в первую очередь День Археолога и предшествующий ему день рождения самой Анны Ивановны. Тут были и посвящение новичков в археологи, и песни у костра, среди которых неизменно звучала её любимая:

Шумят березы тихо над раскопами,
Шумят они ночами возле лагеря...
Мы сто дорог уже протопали,
Ты не суди о нас неправильно...

Оставь свой город, брось его хоть на лето,
Забудь о нем, коль что-то еще значу я.
Уверен, всё поймёшь ты правильно,
Полюбишь нашу жизнь бродячую.

А завтра снова ждут курганы дальние,
И высота террас неолитических.
Послушай всё, пойми нас правильно,
И не суди о нас скептически.

И будут снова звёзды над раскопами,
Светить ночами, но уже для нас двоих,
И у костра сквозь блики алые,
Увидишь ты глаза друзей своих...

Всё это было столь же естественной частью жизни экспедиции, как и повседневная кропотливая работа на раскопе, которую А.И. Пузикова вела и организовывала ничуть не менее тщательно, чем хозяйственные дела. Фиксация находок, снятие пластов, выборка объектов, зачистка, черчение, ведение полевой документации — всё это поддерживалось на высоком, поистине академическом уровне.

Важное место в исследованиях А.И. Пузиковой занимают раскопки Марицкого городища, проводившиеся с 1973 по 1976 гг. (Пузикова, 1974. С. 73-75; 1975. С. 73-74; 1976. С. 72-73; 1977. С. 66-67). Всего за четыре года работы было вскрыто 3950 м^2.

Материалы, полученные из культурного слоя городища, и могильник, обнаруженный на его территории, позволили более четко датировать вещевые комплексы двух групп населения, оставивших памятники лесостепных скифоидных и юхновской культур, проследить их взаимосвязь и последовательность распространения.

При раскопках вала обнаружены остатки деревянного частокола. На площадке городища — следы жилищ с открытыми очагами, расположенными чаще всего в центре помещений. Удалось проследить и планировку поселка: постройки располагались в восточной части площадки городища, следуя цепочкой друг за другом с севера на юг.

Разнообразный набор орудий труда, оружия, украшений говорит о ремесле, носившем домашний характер (прядение, ткачество, железоделательное и керамическое производство). Находки обломков греческих амфор, а также украшений специфических форм (бронзовых булавок), бывших в употреблении у племен, обитавших в это же время по берегам Днепра, говорят о торговых связях с античным миром и соседними племенами синхронных культур.

В зафиксированном на городище могильнике были обнаружены восемь захоронений. Только два из них были одиночными, в пяти находилось по два погребенных, а в одном — четыре, лежащих «валетом», по два головами в разные стороны. Инвентарь погребений чрезвычайно скуден (бронзовое и железное колечки и миниатюрный сосудик). Лишь в погребении с четырьмя покойниками были обнаружены два железных наконечника стрел с плоским пером и черенком, раздвоенным в виде «ласточкиного хвоста». По этим наконечникам могильник датируется IV—III вв. до н.э. (Пузикова, 1981. С. 33-40).

В течение долгого времени Посеймье считалась классической территорией распространения юхновской культуры (Пузикова, 1981. С. 98). Несмотря на то, что многие исследователи (А.Е. Алихова, П.И. Засурцев, В.А. Ильинская, О.Н. Мельниковская, Н.К. Лисицына, И.И. Ляпушкин, Т.Н. Никольская и другие) обращали внимание на скифоидную керамику, встречающуюся в небольших количествах в нижних пластах городищ (Алихова, 1959. С. 18-20; 1962. С. 128; Липкинг, 1962. С. 135-141; Ляпушкин, 1961. С. 55, 61, 65, 69, 73, 75, 97; Никольская, 1958. С. 66-77; 1969. С. 14-23; Засурцев, Лисицына, 1968. С. 46-54), однако ее присутствие объяснялось внешними факторами.

После раскопок Марицкого городища А.И. Пузиковой было высказано предположение о некоторых особенностях заселения территории Курского Посеймья в раннем железном веке. По ее мнению, «начиная с VI в. до н.э. многие городища были заняты населением, принадлежащем к кругу лесостепных культур скифского времени. К ним относятся городища: Кузина Гора, Моисеевское, Плаксинское, Кудеярова Гора, Липинское, Марицкое, Лысая Гора, Переверзевское, Нартовское, Шуклинское, Шатохинское, Ратманское и многие другие» (Пузикова, 1981. С. 100). В середине V в. до н.э., вероятно под натиском юхновских племен, происходит постепенная смена населения. Однако это происходило в сравнительно спокойной обстановке – на памятниках не отмечается ни пожарищ, ни следов осады, среди остеологического материала не встречено ни одной человеческой кости.

После ухода скифоидного населения жизнь на некоторых городищах прекратилась. На ряде городищ (Кузина Гора, Кудеярова Гора, Лысая Гора, Моисеевское, Липинское, Шуклинское, Переверзевское I и II, Ратмановское и т. д.) она продолжала существовать, но на смену скифоидному пришло юхновское население. Некоторые городища с чистым юхнов-

ским слоем (Александровское, Жадинское, Тимохинское, Сугровское, Малое Иванинское, Быкановское, Березуцкое и т. д.) возникли после смены населения. Все они датируются IV–III вв. до н.э. Именно в это время Марицкое городище юхновское население использует под свой могильник (Пузикова, 1981. С. 100-101).

В течение 1978–1986 гг. Скифским отрядом Курской новостроечной экспедиции под руководством А.И. Пузиковой было полностью исследовано городище Переверзево I (площадь раскопов составила 2768 м^2), частично: городище у с. Глебово (было вскрыто 884 м^2), два поселения у с. Жерновец (общей площадью около 800 м^2), поселения Переверзево I (360 м^2) и Переверзево II (528 м^2) (Пузикова, 1980. С. 71; 1981. С. 76; 1997). Если, после изучения памятников раннего железного века А.Е. Алиховой и А.И. Пузиковой в 1950 – начале 1970-х, ими было высказано предположение о смене в Посеймье скифоидного населения юхновским в середине V в. до н.э., то после сплошных раскопок на городище Переверзево I, а также частичного исследования городища Глебовского и трех открытых поселений (Жерновец 3, Переверзево I (за валом городища) и Переверзево II) этот факт можно считать твердо установленным (Пузикова, 1997. С. 88). Кроме того, было уточнено и время заселения Посеймья скифоидными племенами (VII в. до н.э.).

При раскопках оборонительных сооружений городища Переверзево I, обнаружено два вала и два рва, проходящих с западной и северо-западной сторон. В конструкцию внутреннего вала входили три параллельные стены из вертикально вкопанных бревен. С южной и юго-восточной сторон площадка не имела земляной насыпи и была укреплена тремя рядами стен из вертикально поставленных бревен, которые погибли от сильного пожара (Пузикова, 1997. С. 12-23). Также были обнаружены остатки 12 жилищ, углубленных в грунт на 0,3–0,4 м, с открытыми очагами. Стены жилищ имели плетневые каркасы и были обмазаны глиной. Культурные напластования городища по находкам датируются VI–V вв. до н.э. (Пузикова, 1997. С. 24-31, 66).

При исследовании многослойного поселения Переверзево II были получены интереснейшие материалы о трех исторических периодах жизни его населения: скифского (VII–V вв. до н.э.), роменского (конец IX–X вв. н.э.) и позднесредневекового (XVI–XVII вв.). Отдельные находки (бронзовый нож, кремень со следами скалывания) указывают на возможное существование поселения еще в эпоху бронзы. К раннему железному веку относятся два скопления керамики скифоидной культуры и два открытых очага. Среди других находок этого времени — железное шило, глиняные пряслица, «хлебцы», миниатюрные сосуды, «рогатые кирпичи». Роменская культура представлена остатками постройки полуземляночного типа и находками ювелирных изделий из бронзы, костяного острия с изображением морды животного, арабского серебряного дирхема (913–943 гг.), фрагментами позднероменской керамики X в. (Кашкин, 1998. С. 194-196). Особый интерес вызывают находки из слоя, относящегося к последнему из этапов его существования (XVI – XVII вв.), среди которых предметы обихода, орудия труда, ювелирные украшения, детские игрушки, культовые изделия.

В 1988 г. завершились исследования Анны Ивановны в Курской области. В 1991 г. , во время бурных августовских событий, состоялись её последние раскопки на белгородской земле. Наступил период анализа и глубокого осмысления полученных материалов. Подробно опубликованные А.И. Пузиковой в статьях и монографиях результаты её раскопок служат прекрасной источниковедческой базой для всех исследователей, занимающихся древней историей Посеймья и Среднего Подонья, содержат комплексы, датирующиеся от эпохи бронзы, предскифского и скифского времени до позднего средневековья (Пузикова, 1995; 1997; 2001).

Но помимо научных публикаций и музейных экспозиций, многолетние труды Анны Ивановны имели и другие результаты. Их невозможно увидеть за стеклом витрины музея или на страницах учёной монографии, но от этого они не стали менее важными. Это впечатления и воспоминания тех, кто год за годом приезжал в её экспедицию, тех, кто знако-

мился с археологией на её раскопах, тех, сидел с ней у одного костра, слушал и пел одни песни. Далеко не все из них были тогда или стали затем археологами. Но для всех них раз и навсегда слова «экспедиция», «археология», «раскопки» перестали быть просто словами. Они приобрели особый смысл и оказались накрепко связаны с одними из наиболее добрых и светлых воспоминаний в их жизни. И эти воспоминания останутся с ними навсегда.

Литература

Алихова А.Е. К вопросу о хронологии древних городищ Курского Посеймья // КСИИМК. Вып. 77. М., 1959.

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья // МИА. № 113. М., 1962.

Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь. М., 1968.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Липкинг Ю.А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье // МИА. № 113. М., 1962.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережья в эпоху железа. // МИА. № 104. М. – Л., 1961.

Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. М., 1958.

Никольская Т.Н. О поселениях раннего железного века в бассейне Десны и верхней Оки // КСИА. Вып. 119. М., 1969.

Пузикова А.И. Отчет о работе Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции в августе 1967 г. // НА КГОМА. Д. I–35.

Пузикова А.И. Раскопки Нартовского городища в Курской области // АО 1969 г. М., 1970.

Пузикова А.И. Раскопки Переверзевского I городища // АО 1970 г. М., 1971.

Пузикова А.И. Работы Курского отряда // АО 1972 г. М., 1973.

Пузикова А.И. Раскопки городища Марица // АО 1973 г. М., 1974.

Пузикова А.И. Работы Курского отряда в 1972 г. // КСИА. Вып. 149. М., 1975.

Пузикова А.И. Работы Курской экспедиции // АО 1974 г. М., 1975.

Пузикова А.И. Продолжение исследований городища Марица // АО 1975 г. М., 1976.

Пузикова А.И. Работы Курской экспедиции // АО 1976 г. М., 1977.

Пузикова А.И. Городище у д. Нартово под Курском. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Пузикова А.И. Раскопки Переверзевского I городища // АО 1979 г. М., 1980.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI – V вв. до н.э. М., 1981.

Пузикова А.И. Продолжение раскопок Переверзевского I городища // АО 1980 г. М., 1981.

Пузикова А.И. Раскопки городища Переверзево-I в 1979 г. // КСИА. Вып. 170. М., 1982.

Пузикова А.И. Завершение исследований Переверзевского I городища // АО 1981 г. М., 1983.

Пузикова А.И. Отчет о работе скифского отряда Курской экспедиции в 1983 г. // НА КГОМА. Д. I – 37.

Пузикова А.И. Акинак из с. Ключ Курской обл. //Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Пузикова А.И. Работы в зоне затопления Курского водохранилища // АО 1982 г. М., 1984.

Пузикова А.И. Работы в Курской области // АО 1984 г. М., 1986.

Пузикова А.И. Итоги археологических исследований на территории Курской области // Питання археологіі Сумщини. Суми, 1990.

Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М., 1995.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р.Тускарь (Посеймье). М., 1997.

Пузикова А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: публикация комплексов. М., 2001.

Рис.1. Члены Курского отряда ИА АН СССР на отдыхе. 1969 г. *Архив КГОМА.*

Рис.2. Жительница с. Гусиновка (Золотухинский р-н) Л.Г. Сокольникова передаёт А.И. Пузиковой амфору, найденную в р. Тускарь. 1969 г. *Архив КГОМА.*

Рис.3. На раскопках городища Переверзево-I (Золотухинский р-н). 1979 г. *Архив КГОМА.*

Рис.4. А.И. Пузикова и К.Ф. Сокол. Городище Переверзево-I. 1979 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 5. И.И. Сокол, А.И. Пузикова и К.Ф. Сокол. Городище Переверзево-I. 1981 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 6. А.И. Пузикова на раскопе. Городище Переверзево-I. 1981 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 7. Наблюдая за работами на раскопе. Поселение Переверзево. 1983 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 8. «В рабочий полдень». Поселение Переверзево. 1983 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 9. Столовая в лагере экспедиции у Переверзевской школы. 1983 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 10. Отдых на берегу р. Тускарь. 1984 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 11. У экспедиционной автомашины. 1984 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 12. Начало работ на Глебовском городище (Курский р-н). 1985 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 13. А.И. Пузикова на раскопках Глебовского городища. 1985 г. *Архив А.В. Зубкова.*

Рис. 14. Вал Глебовского городища разрезан. 1985 г. *Архив КГОМА*

Рис. 15. Раскопки кургана у с. Дуровка (Белгородская обл.). 1986 г. *Архив Е.В. Шпилевой.*

Рис. 16. Разборка погребения. Курганный могильник у с. Дуровка. 1986 г. *Архив Е.В. Шпилевой*.

Рис. 17. На раскопках курганного могильника у с. Дуровка. 1986 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 18. А.И. Пузикова распоряжается погрузкой оборудования. Дуровка. 1986 г. *Архив Е.В. Шпилевой.*

2. з. 7377

Рис. 19. А.И. Пузикова в кабине экспедиционной машины. Дуровка. 1986 г. *Архив Е.В. Шпилевой*.

Рис. 20. Проводы отъезжающих. Дуровка. 1986 г. *Архив Е.В. Шпилевой*.

Рис. 21. Раскопки поселения Переверзево. 1986 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 22. А.И. Пузикова на раскопках поселения Переверзево. 1986 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 23. Самовар на раскопе. Поселение Переверзево. 1986 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 24. Экспедиция перед отъездом. Поселение Переверзево. 1986 г. *Архив КГОМА.*

Рис. 25. Последняя экспедиция А.И. Пузиковой на курской земле. На раскопе. Переверзево. 1988 г. *Архив Е.В. Шпилевой*.

Рис. 26. Члены экспедиции перед завершением последнего сезона исследований А.И. Пузиковой в Курской области. Переверзево. 1988 г. *Архив А.В. Зорина*.

Рис. 27. А.И. Пузикова в экспедиции А.Н. Апалькова на раскопках кургана у с.Люшинка (Льговский р-н). 1993 г. *Архив А.В. Зорина*.

Рис. 28. А.И. Пузикова и дети сотрудников экспедиции. Люшинка. 1993 г. *Архив А.Н. Апалькова*.

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПЕРЕВЕРЗЕВО-II В ПОСЕЙМЬЕ

© 2012 г. А.И. Пузикова
Институт археологии Российской академии наук, Москва

Поселение Переверзево-II, расположенное на расстоянии 80–100 м к западу от городища Переверзево-II, давшего почти чистый роменский слой, раскапывалось Курской экспедицией в течение четырех полевых сезонов: 1983, 1986–1988 гг. За это время вскрыто около 2000 кв.м (1858 кв.м). Это был последний объект, раскопанный на средства Курского водохранилища. Водохранилище должно было строиться на среднем течении р. Тускарь для снабжения предприятий г. Курска технической водой. Однако, события в стране сначала приостановили, а затем и вовсе ликвидировали план этого строительства.

На поселении неоднократно закладывались шурфы, начиная с 1950-х гг., т.е. со времени работ Ю.А. Липкинга и А.Е. Алиховой, и кончая разведками последних лет, произведенных сотрудниками Института археологии – П.Г. Гайдуковым, А.В. Кашкиным, А.А. Узяновым. Все исследователи отмечали наличия слоя с отложениями трех культур: скифской (VI–V вв. до н.э.), роменской (X–XI вв. н.э.) и русской (XVI– XVIII вв. н.э.). Исследование поселения было интересно еще и тем, что оно располагалось между двух городищ: Переверзево-I, давшего слой скифского времени, и Переверзево-II, основной слой которого относится к роменской культуре. Мыс, на котором расположено поселение Переверзево-II, имел овальную форму длиной 160–180 м и шириной 80–100 м, ориентированную в направлении СЗ-ЮВ (Рис. 1-2). Первый раскоп был разбит приблизительно посередине мыса. Первоначально это была траншея длиной 16 м и шириной 4 м. Затем её размеры были увеличены за счет прирезки квадратов в западном и южном направлении. В тех же направлениях были прирезаны раскопы II, III, IV в последующие годы раскопок (1986–1987 и 1988 гг.). За все годы раскопок на площади поселения исследовано более трех десятков различных объектов: котлованов, фундаментов построек, ям, очагов, скоплений глиняных блоков и разновременной керамики (Рис.3). К скифскому времени относятся две постройки целые, сохранившийся угол третьей, три ямы, два очага и более десятка столбовых ямок (Рис.4).

От постройки №1 (раскопки 1987 г.) на глубине 32–35 см сохранился лишь угол фундамента (Рис.5). В углу размещался столб, от которого сохранилась ямка глубиной 110 см от поверхности. Западной части постройки проследить не удалось, видимо, она была уничтожена более поздними поселенцами. Пол в сохранившейся части зачищен на глубину 0,60 м от поверхности. В полу прослежено два углубления неправильно круглых очертаний, размерами 0,80 × 0,60 м. О наиболее раннем (скифском) времени сооружения постройки говорит устройство углового столба, заглубленного в материк на большую глубину – 1,10 м, и имевшего забутовку с внутренней стороны, состоявшую из смеси суглинка с черноземом. Совершенно аналогичное крепление столбов было прослежено нами на городище Переверзево-I, однослойном памятнике, относящемся к скифскому времени. Одновременно с постройкой №1 на расстоянии 2–4 м к востоку от нее было обнаружено 10 столбовых ямок. Способ их заглубления был аналогичен: вокруг столба четко прослеживалась забутовка из светлой материковой глины, в виде светлой окантовки шириной 0,10–0,12 м. Глубина ямок равна 1,20 –1,60 м. В одной из ямок сохранились остатки деревянного столба. Совершенно очевидно, что эти столбы представляли собой остатки какого-то сооружения, возможно, навеса, связанного с постройкой №1.

Постройка №4 (раскопки 1987 г.) (Рис. 7)**.** Пятно сооружения обнаружено на глубине 0,40–0,50 м. Форма – трапециевидная, длиной 3,80–3,00 × 2,80–2,40 м. Очаг располагался в центре постройки. Форма – овальная, размеры – 0,90 × 0,75 м; сверху вымощен мелким, прокаленным дочерна песчаником. В юго-западной части обнаружено скопление керамики скифского времени. Пол – ровный, без следов обмазки, к востоку от очага располагалась приочажная ямка для сбрасывания золы и мусора из очага. Подобные ямы фиксировались нами при исследовании городищ Посеймья (Марица, Переверзево-I).

Постройка №5 (раскопки 1988 г.) (Рис.6) обнаружена в восточной части раскопа. Полная форма пятна представляла собой неправильный квадрат с округленными углами и

несколько выпуклыми бортами; размеры его 2,80 × 2,70 м. При выборке заполнения котлована в находках отличалось преобладание скифской керамики. С северо-западной и северо-восточной сторон прослежены уступы шириной 1,20–0,60 м. Очаг располагался у юго-восточного борта, форма очага – подтреугольная; сам очаг представлял собой слой сильно прокаленного грунта толщиной до 0,25–0,30 м. Около очага в полу постройки прослежена приочажная яма, заполненная золой, угольками и битой лепной керамикой, глубиной 0,50; l; 1,20–1,25 м. Учитывая преобладание в засыпке постройки лепной скифской керамики, а также планировку самого жилища, изобилующего элементами внутреннего обустройства (уступы-лежанки, очаг, приочажная яма), постройку №5 с наибольшей долей вероятности следует отнести к скифскому периоду существования поселения (VI–V вв. до н.э.).

При взгляде на общий план раскопов за 4 года (Рис.3) нельзя не отметить, что объекты скифского времени располагаются на периферии раскопанной площади. Это свидетельствует о том, что объекты, располагавшиеся в центре, видимо, были уничтожены в процессе жизнедеятельности более поздних поселенцев.

Керамика и вещевой комплекс скифского времени

И форма, и орнаменты, и фактура поверхности керамики скифского времени полностью совпадают с таковыми, обнаруженными нами ранее на городищах Посеймья: Марица, Переверзево-I, Нартово, Глебово. Среди горшков можно выделить три типа.

1 тип – сосуды, у которых венчик равномерно и плавно отогнут наружу (Рис. 17; Рис. 18).

2 тип горшков характеризуется тем, что венчики горшков поставлены по отношению к тулову под тупым углом, отчего верхняя часть сосудов расширяется в виде воронки или раструба (Рис. 19).

3 тип – венчики у сосудов поставлены вертикально по отношению к тулову (Рис. 20). Находки обломков столовой посуды очень малочисленны. Один раз за все время работ был обнаружен крупный фрагмент лепного кувшина (Рис. 21, *1*) и небольшое количество мисок различных размеров (Рис. 21,*2-10*). Из глины были изготовлены так называемые рогатые кирпичи (Рис. 22, *1-2*), блоки (Рис. 22, *3-5;* Рис.23; Рис. 24); льячки, миниатюрные сосудики, глиняные лепешки (Рис. 25) и большое количество пряслиц или грузил (Рис. 26; Рис. 27). Довольно много обнаружено поделок из кости (Рис. 28), причем необходимо отметить, что изделия скифского и роменского времен визуально мало отличимы друг от друга. Из металлических находок следует отметить несколько железных ножей (Рис. 29, *6-10*); три шила (Рис. 29,*3-5*), бронзовую гривну (Рис. 29, *11*); два бронзовых височных кольца (Рис. 29, *12-13*), бронзовый браслет (Рис. 29, *14*).

Постройки роменского времени

Постройка №1 (раскопки 1983 г.) (Рис.9). Пятно постройки зачищено на глубине 0,40–0,50 м. Форма – подпрямоугольная с округленными углами, ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Размеры 3,30–3,40 × 2,25–2,60 м. Пол обнаружен на глубине 1,15–1,17 м от поверхности, обмазка – отсутствовала. Пол, вырубленный в мергелевом материке, прорезали 3 ямы. Никаких следов отопительных сооружений внутри постройки обнаружено не было. В пределах постройки и вокруг нее обнаружено большое количество разновременной керамики и несколько индивидуальных находок: глиняные пряслица, обломки различных железных, обломок позднего бронзового крестика.

Постройка №1 (раскопки 1986 г.) (Рис. 10) располагалась в южной части Р – II 1986 г. Вначале пятно имело вид двухкамерной постройки, прямоугольной в южной части и округлой – в северной. Впоследствии, при выборке заполнения, стало ясно, что мы здесь имеем дело с постройкой, северный угол которой нарушен ямой более позднего времени. На глубине 0,70–0,80 м от поверхности контуры постройки стали очень четкими: она имела прямоугольную форму, ориентированную по линии СВ – ЮЗ; размерами 3,90–4,00

× 3,20–3,00 м. С юга прослеживалась полоса входа в постройку площадью 1,20 × 0,80 м. Пол постройки, зачищенный на глубину 0,96–1,06 м от поверхности, представлял собой светлый материковый суглинок. Следов древесного покрытия на полу не было. С южной стороны, ближе к южному углу примыкал вход, площадью 1,20 × 0,80 м. Вход вел в небольшое помещение, своего рода сени, пол которого находился на 0,25 м ниже пола постройки. Площадь сеней равнялась 1,6 × 1,7 м, с запада они имели небольшой выступ в сторону восточного угла постройки. Во всех четырех углах и почти в середине северо-западной стенки прослеживались ямки от столбов диаметром 0,20–0,30 – 0,50–0,60 м.

На уровне пола форма и размеры постройки приобрели наиболее четкие очертания. Площадь ее равнялась 3,80–3,70 × 2,90–3,15 м. Северный угол был нарушен ямой, относящейся к самому позднему периоду заселения – русскому (Рис.11; разрез постройки). Исходя из этого факта, можно считать, что постройка должна относиться к роменскому периоду существования поселка. Тип постройки – столбовой: когда деревянная облицовка стен закладывалась за столбы, врытые в пол по углам и в середине сторон. Следов отопительных сооружений не зафиксировано.

Постройка №3 (раскопки 1988 г.) (Рис. 11) вначале была прослежена в виде большого пятна неопределенных очертаний, заполненного серо-золистым грунтом с большим включением древесных угольков. Полная форма выявлена на глубине 0,40 м. Она представляла собой неправильный прямоугольник, вытянутый в направлении север-юг с небольшим отклонением на СЗ – ЮВ. В северо-западном углу прослеживался круглый выступ диаметром 1,20 × 1,10 м; длина постройки – 4 м; ширина от 2,20 до 2,90 м. Котлован постройки был неглубок: он углублялся в материк на 0,25–0,30 м; пол полого опускался от стен к центру. Очаг, занимавший центральную часть жилища, представлял собой углубление в полу грушевидной формы (глубиной 0,20–0,25 м, длиной 2,60 м, шириной 0,40–1,60 м, забитое золой, перемешанной с углем). В юго-западном углу постройки обнаружена ямка от столба, диаметром и глубиной 0,60 м. Совершенно очевидно, что столб, укрепленный в ней, входил в конструкцию постройки и мог служить для опоры кровли, хотя ямки от второго, противоположного столба, обнаружено не было. В заполнении фундамента жилища преобладала лепная керамика роменского времени, изготовленная из грубой глины с примесью крупных кусков шамота. Поэтому постройку №3 следует отнести к роменской культуре.

Развал стены роменского времени (Рис. 12) был обнаружен к северу от постройки №3. Он представлял собой неровную полосу жженого грунта шириной от 0,60 до 1,20 м. Полоса шла в направлении север-юг, доходила до ямы №2 и там контуры ее терялись. Общая длина ее равнялась более 7 м. При выборке заполнения полосы, состоявшего из смеси чернозема с золой, углем и жженым грунтом, было обнаружено большое количество роменской лепной керамики. Возможно, что эта полоса являлась результатом развала стены, соединявшей в роменское время постройку №3 и яму №2 в единый хозяйственный комплекс.

Объект – яма №2 (Рис. 12). Интересно сооружение, которое мы назвали ямой – объектом №2. Вначале на глубине 0,55–0,60 м. было обнаружено сооружение из глиняной обмазки в виде ромба с закругленными углами. Размеры его равнялись 1,80 × 1,60 м. Вдоль юго-западной, юго-восточной и северо-восточной сторон сохранились нечто вроде бортиков шириной 0,20 и высотой 0,10–0,15 м. В центре этого сооружения сохранился участок пола или пода, состоявший из кусков прокаленной потрескавшейся обмазки. Бортики также были прокалены, вдоль них с внутренней стороны шли полоски угля. При расчистке и разборке этого сооружения под ним было обнаружено ямное пятно правильно-круглой формы диаметром 2,4 м. Под этим пятном было собрано большое количество кусков обмазки (1200); около 300 фрагментов гончарных сосудов и несколько индивидуальных находок: сапожная подковка, целый медный крестик, поздний железный нож, т.е. все находки относились к позднему русскому периоду заселения поселка. При выборке заполнения ямы была отмечена характерная особенность: до глубины 1 м в заполнении преобладала

славянская гончарная керамика. Ниже, вплоть до дна (-2,80 м) в заполнении резко превалировала роменская посуда. Интересна форма ямы: от глубины 50 см до 2 м борта ямы плавно сужались ко дну. Борта ее были прекрасно обработаны. На глубине 2 м в дне ямы прослеживалось углубление диаметром 0,90 м и глубиной 0,30 м правильно круглой формы, отчего в разрезе ямы прослеживался небольшой уступ. Общая глубина ямы от уровня поверхности равнялась 2,8 м, от уровня зачистки – 2,3 м. О назначении и хронология объекта можно сказать следующее. Вначале, в роменское время, была вырыта яма, которая, судя по прекрасной отделке ее стен и дна, имела какое-то хозяйственное назначение. Затем, в поздний период существования поселения, на этом месте была сооружена глинобитная постройка, впоследствии погибшая от огня. Назначение постройки неясно. Однако это явно не жилая постройка, о чем говорят ее небольшие размеры (1,80 × 1,60 м).

Керамика и вещевой комплекс роменского времени

Лепная роменская посуда представлена фрагментами венчиков толстостенных горшков, как правило, небольших размеров, изготовленных из грубой глины с примесью крупного шамота и дресвы. Венчики у сосудов очень небольшие и часто резко отгибались наружу (Рис.34-38). У некоторых сосудов внутри, на месте перегиба плечика, получался резкий угол – видимо, упор для крышки. Узоры орнаментированных лепных горшков чаще всего состояли из отпечатков крупного гребенчатого штампа на шейках и по краю венчика. Довольно часто сосуды орнаментировались пальцевыми защипами, вмятинами и насечками, аналогичными скифским. Однако и формы сосудов, и глина, и фактура поверхности (Рис. 30; Рис. 31) были типично роменскими.

Вещевой комплекс: 2 диргема серебряных, саманидских; железные браслеты; серия ножей; кресала, наконечники стрел; шиферные пряслица; костяные проколки; наральник; бронзовый перстень с шестигранной ячейкой наверху; глазчатые и многочастные шариковые бусины и т.д. (Рис. 32*;* Рис. 33, *1-2,11-13*). Интересной находкой является костяное остриё с зооморфным окончанием (Рис.28, *1*). Наиболее важное значение имеют находки двух диргемов. Первый (1988 г. раскопок) является кочевническим подражанием монетам Саманида Наср-бен-Ахмеда. По определению Г.А. Федорова-Давыдова – чеканен не ранее 914 г. (Рис. 33, *2*). Второй (1986 г. раскопок) тоже кочевническое подражание монетам его сына Абу-бен-Насра, годы правления которого приходятся на 913–943 гг. (Рис. 33, *1*). Определение сотрудника ГИМа – Фомина А.Вл.)

Таким образом, роменский слой поселения Переверзево-II можно датировать X – началом XI вв. н.э.

Позднеславянский или русский слой (Рис.13)

Из объектов русского времени прежде всего следует обратить внимание на **постройку №2 (раскопки 1983 г.)** (Рис.14). Постройка пробрела правильные очертания на глубине 1,25–1,35 м от материка (-1,75–1,80 м от поверхности). Она имела вид почти правильного прямоугольника, ориентированного длинными сторонами по линии север-юг с небольшим отклонением на СВ-ЮЗ, длиной 3,40 м, шириной 3,20 м. Вдоль всех стен проходила канавка шириной 0,12–0,15 м, глубиной 0,10 м, заполненная древесным тленом – след от деревянной обшивки стен. В трех углах постройки находились ямки от столбов диаметров 0,30–0,35 м, глубиной 0,20–0,35 м. В северо-западном углу была выявлена яма, уходящая под пол и за пределы постройки. Яма имела правильно круглую форму, диаметр 1,40 м. Пол и борта ямы были прекрасно обработаны. Пол ямы, располагавшийся ниже пола постройки на 0,45–0,50 м, был покрыт ровным слоем древесного угля толщиной до 0,1 м. Глубина подбоев равнялась 0,20–0,30 м; подбои имели сводчатый потолок. Сама яма является остатками печи, конструкцию которой сейчас описать невозможно. В центре и в северо-западной части постройки попарно располагались 6 столбов диаметром 0,20–0,50 м, заглубленные в

пол на 0,10–0,35 м. Видимо, это остатки какого-то навеса, входившего в конструкцию печи. Дата постройки – (XVI–XVII вв.) определяется белоглиняной керамикой, а также находками бронзовых крестиков, детских свистков, многочисленных железных изделий и т.д.

Постройка №3 (раскопки 1983 г.). Фундамент представлял собой яму трапециевидной формы, ориентированную по линии СЗ – ЮВ (Рис. 15), длиной 4 м, шириной 3,80–3,85 м. Как выяснилось после выборки заполнения, стены сохранились на глубину 0,80–0,85 м от пола. Выше они обрушились и оплыли, в результате чего первоначальные контуры постройки сильно исказились. На полу сохранились следы деревянного настила и три ямки от столбов, видимо, ранее поддерживавших кровлю. В каждом из четырех углов также прослеживались столбовые ямки диаметром 0,30 м, глубиной 0,20–0,35 м. судя по этому, можно говорить о том, что стенки постройки были облицованы деревом. Исходя из фактов наличия деревянного пола и стен, можно предположить жилой характер данной постройки, однако следов отопительных сооружений обнаружено не было. В засыпке постройки №3 была обнаружена русская белоглиняная керамика и индивидуальные находки этого же времени: железные ножи, подковки от сапог, обломки железных пластинок, стеклянная бусина, язычок от железной пряжки и т.д.

Четыре следующие остатка фундаментов построек – однотипны. Постройка №2 (раскопки 1987 г.) (Рис. 16,*2*) размерами 3,10 х 2,80 м, глубиной 1,20 м и №3 – того же года раскопок размерами 3,70 х 3,60 м, глубиной 1,00 м (Рис. 16,*3*) имели деревянные полы. В постройках №1 (Рис. 16,*1*) 1988 г. раскопок (размеры фундамента 2,80 х 2,70 м, глубина 1,05 – 1,45 м) и №4 (Рис. 16,*4*) того же года раскопок (размеры 2,90 х 2,70 м, глубина 0,90 м) по углам прослеживались уступы. В засыпке сооружений преобладали керамика и находки наиболее позднего – русского периода заселения поселка.

Материал русского времени представлен, прежде всего, гончарной керамикой, количество фрагментов которой исчислялось сотнями. В заполнении построек их число возрастало до тысяч (Рис. 39-43). Большую часть посуды составляли горшки, изготовленные из белой глины и часто орнаментированные. Кроме горшков, встречено довольно много обломков крышек и немного – венчиков кувшинов и ручек от них; несколько мисок. Необычен сосуд, от которого сохранился обломок массивного венчика, похожего на древнегреческий пифос. В заполнении **ямы 5 (раскопки 1983 г.)** был обнаружен раздавленный сероглиняный кувшин, который впоследствии удалось восстановить (Рис.39). Среди керамики выделяется серия находок, датируемых наиболее поздним периодом существования поселения и относящихся к XVIII в. (Рис.41).

Изделия из железа очень многочисленны, но, в силу фрагментарности, назначение их не всегда определимо. Определимы: светец, кованые гвозди, много ножей и подковок от сапог, изделия типа скобелей, пружинный замок, язычки от пряжек, серп, бритва, дверные накладки, тесак, ложкарь, тесла и т.д. (Рис.44-51). Интересной находкой является перекрестье сабли, датируемое, по всей видимости, XVII в. (Рис.56). Следует обратить внимание и на нож с костяным навершием и сохранившимися следами деревянной рукояти (Рис.48, *1*).

Изделия из меди – кресты нательные и энколпионы (Рис. 33, *3-10*).

Изделия из глины – грузила (рыболовные?), пряслица, свистки в виде фигурок животных, так называемые улитки – игрушки, курительная трубка (Рис.53-54).

Изделий из кости мало: это обломок гребня и несколько обломков полых трубочек диаметром 2–2,5 см неизвестного назначения (Рис.52, *1-4*). Особняком стоит находка обломка пальчатой фибулы и нескольких звеньев медной цепочки сложного переплетения, которая могла служить для укрепления фибулы (Рис.55)[1].

[1] Керамика и находки русского времени максимально полно представлены в отчетах автора, которые хранятся: 1) в архиве Института археологии РАН (г. Москва, ул. Дм.Ульянова, 19) и 2) в Курском государственном областном музее археологии (г. Курск, ул. Пионеров, 6)

Наиболее важное значение для хронологии имеют находки нательных крестиков и энколпионов, определение даты которых было произведено к.и.н. Д.А. Беленькой и д.и.н. Л.А. Беляевым. Нательный крестик (Рис.33,*3*) и энколпион (Рис. 33,*4*) датируются XVII – XVIII вв. и имеют аналогии от Мангазеи до Белгорода и Курска. К наиболее позднему времени, концу XVIII и началу XIX в., относятся 2 обломка крестов (Рис. 33,*8,10*).

Таким образом, место, на котором расположено поселение Переверзево-II, было обитаемо с перерывами с VI – V вв. до н.э. до начала XIX в.

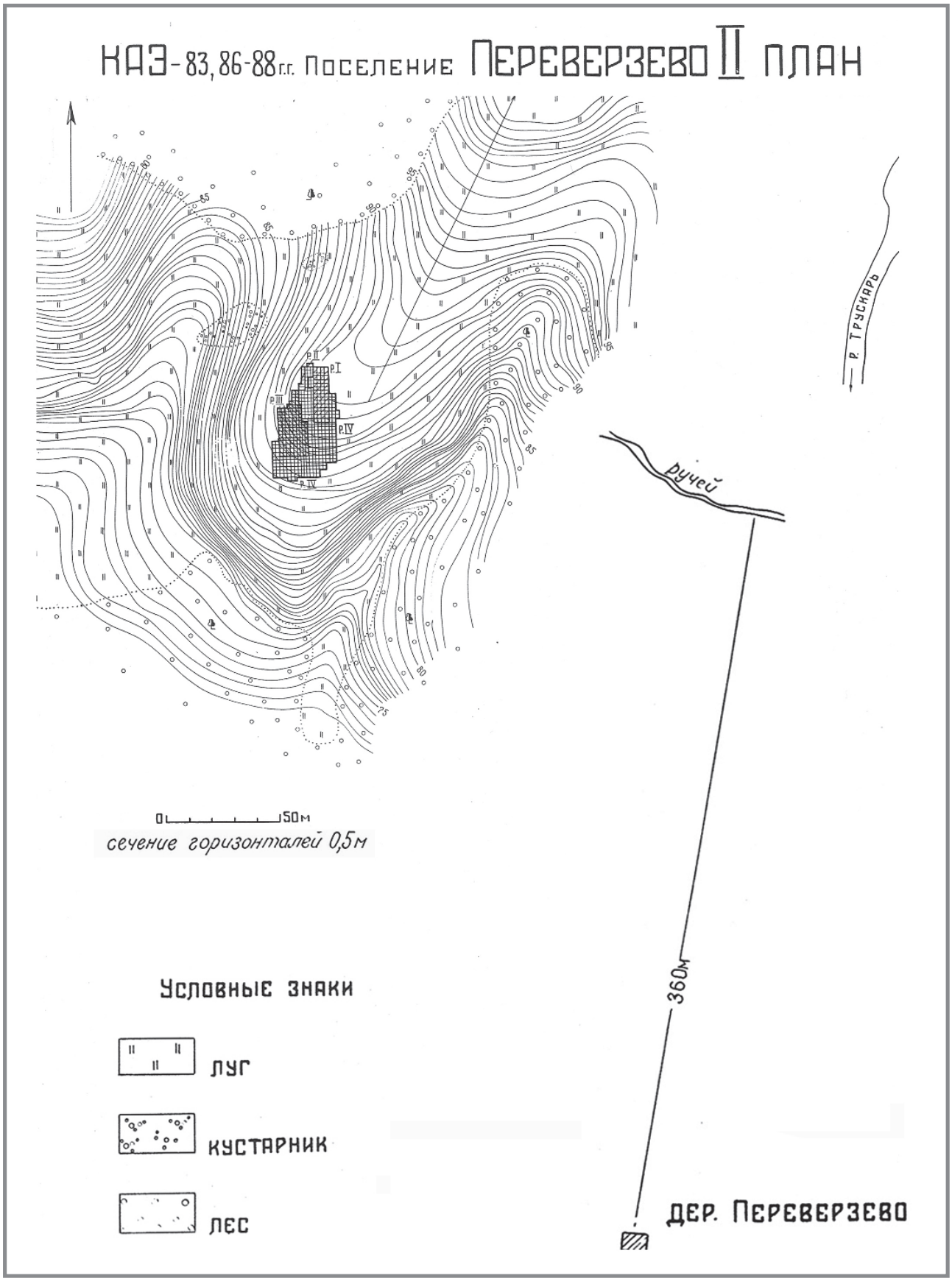

Рис 1. Поселение Переверзево-II. План.

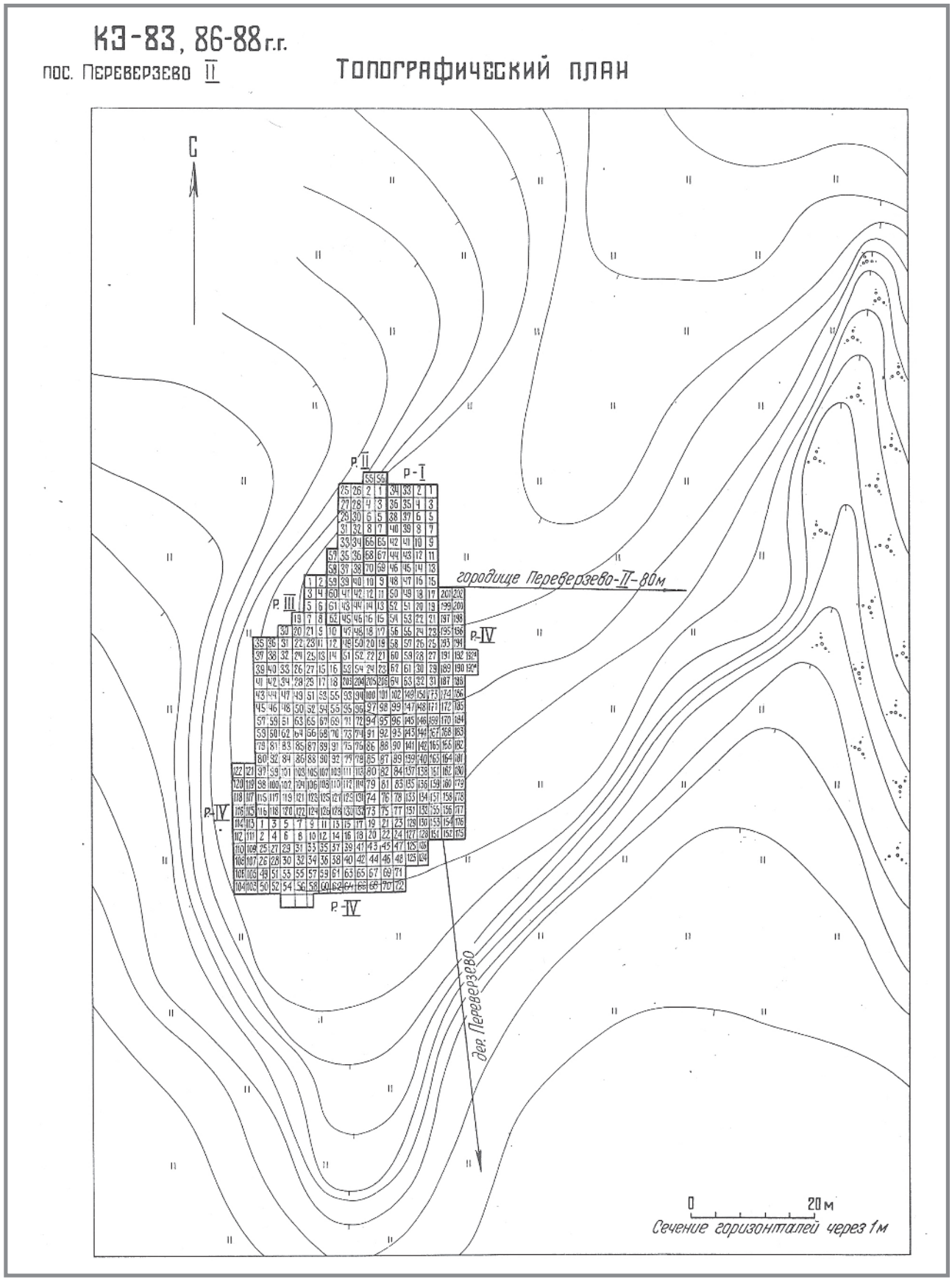

Рис 2. Поселение Переверзево-II. Топографический план и сетка раскопов.

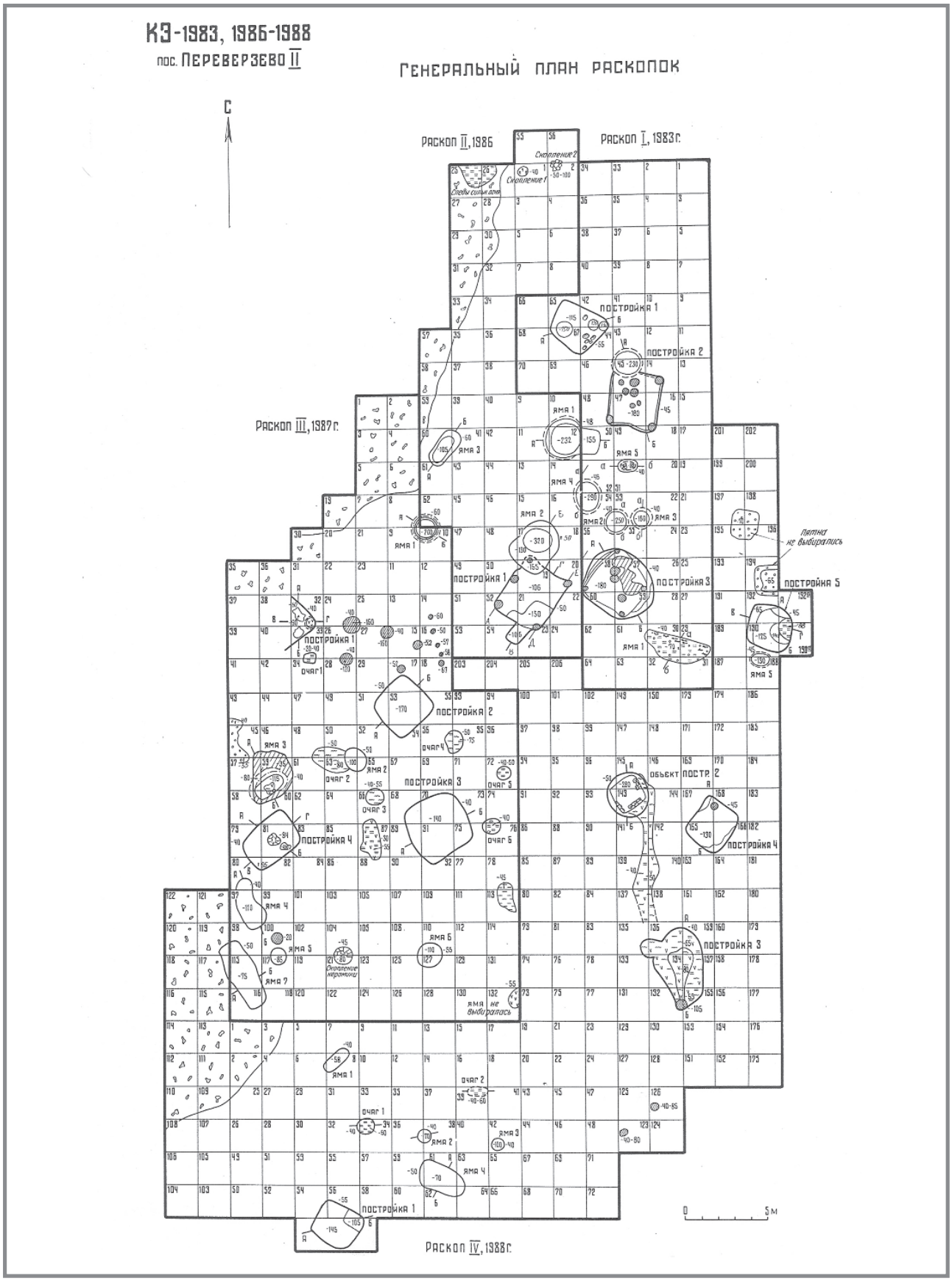

Рис 3. Поселение Переверзево-II. Генеральный план раскопов.

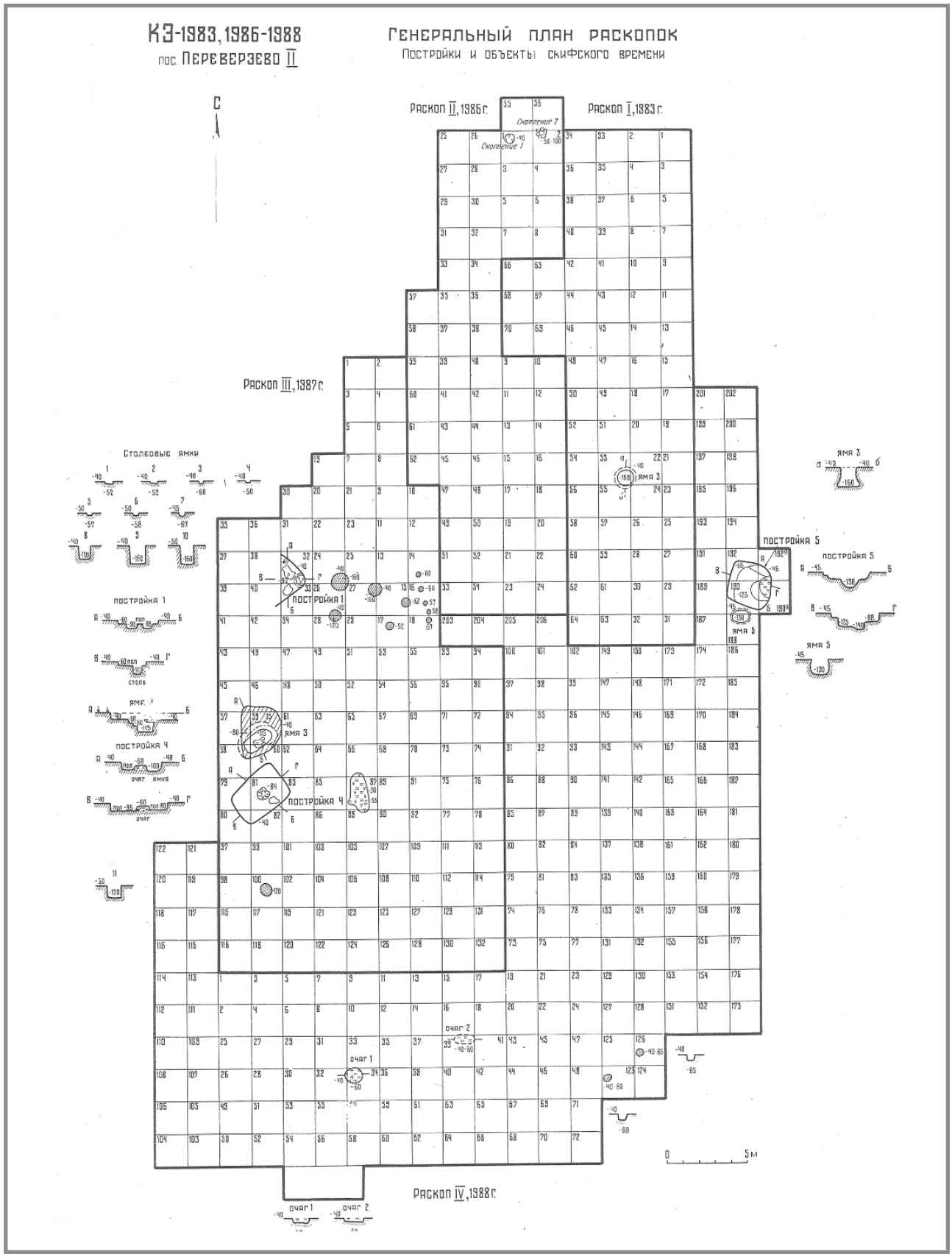

Рис 4. Поселение Переверзево-II. Генеральный план раскопов.
Постройки и объекты скифского времени.

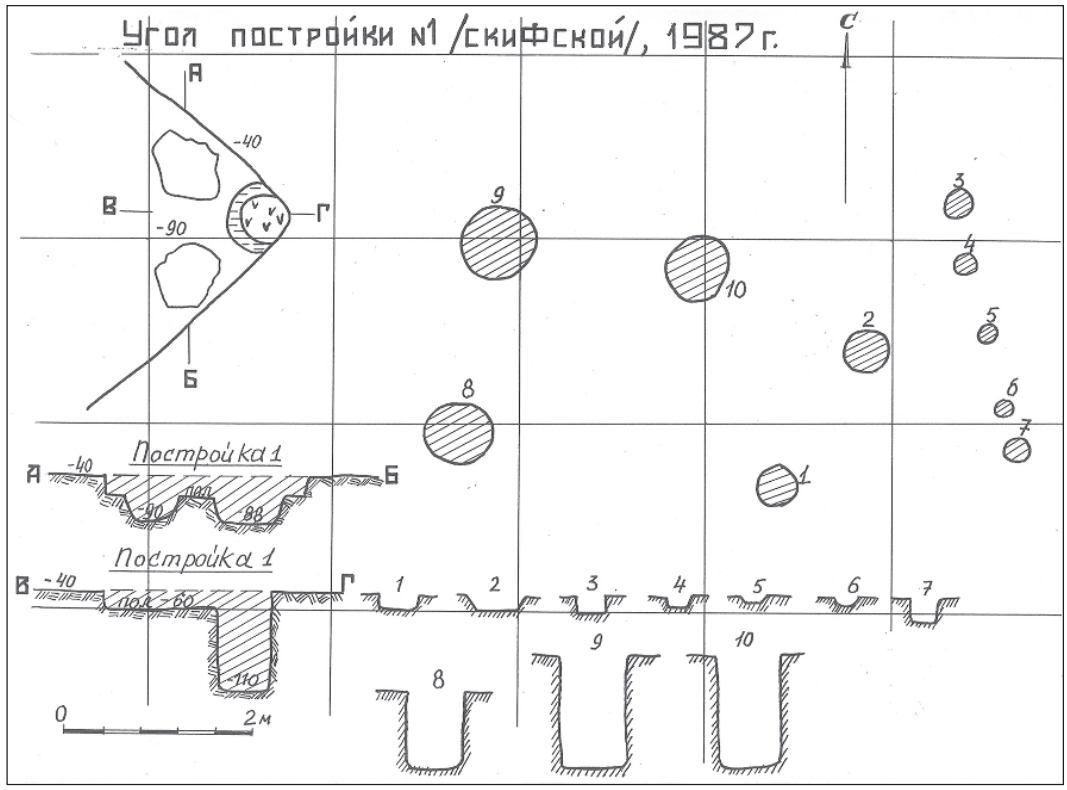

Рис 5. Постройка 1. Раскопки 1987 г.

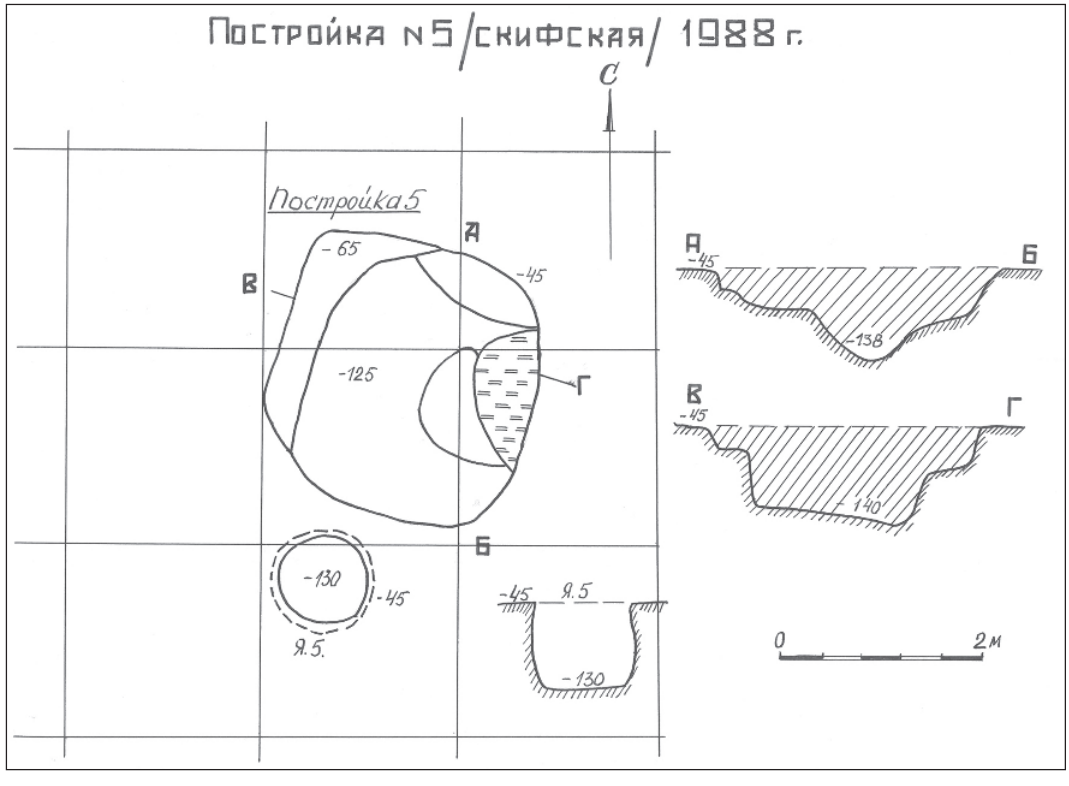

Рис 6. Постройка 5. Раскопки 1988 г.

3. з. 7377

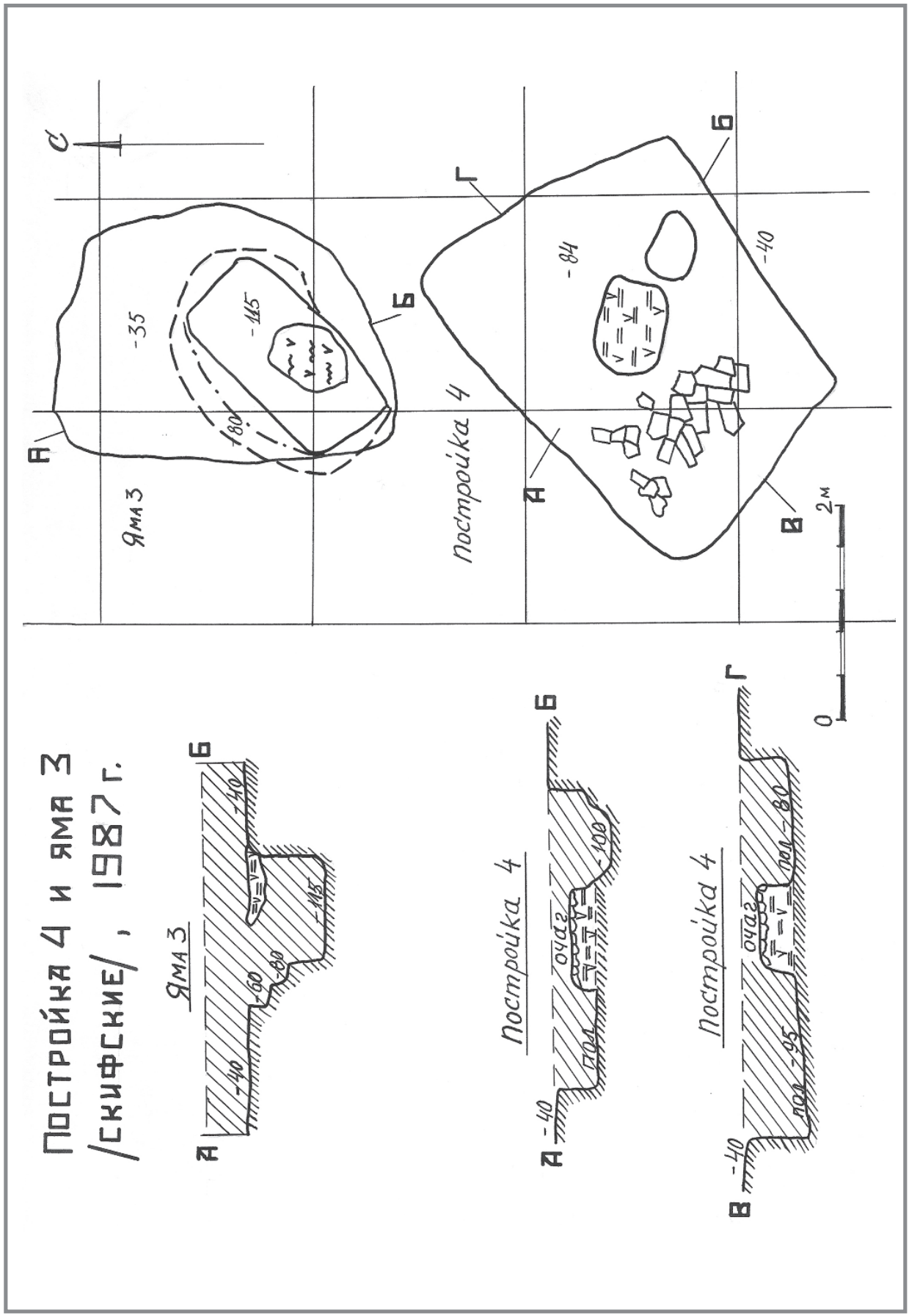

Рис 7. Постройка 4 и яма 3. Раскопки 1987 г.

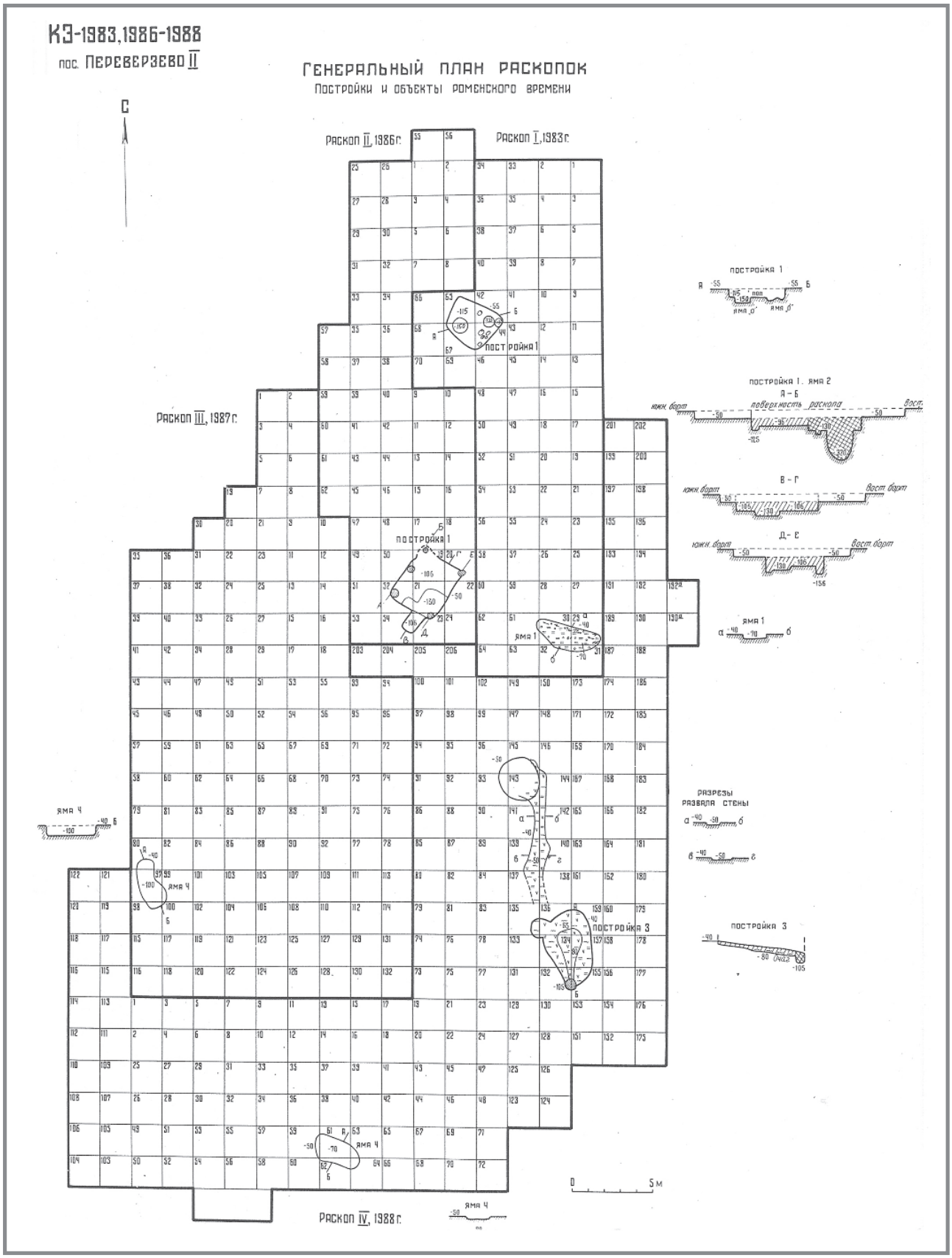

Рис 8. Поселение Переверзево-II. Генеральный план раскопов.
Постройки и объекты роменского времени.

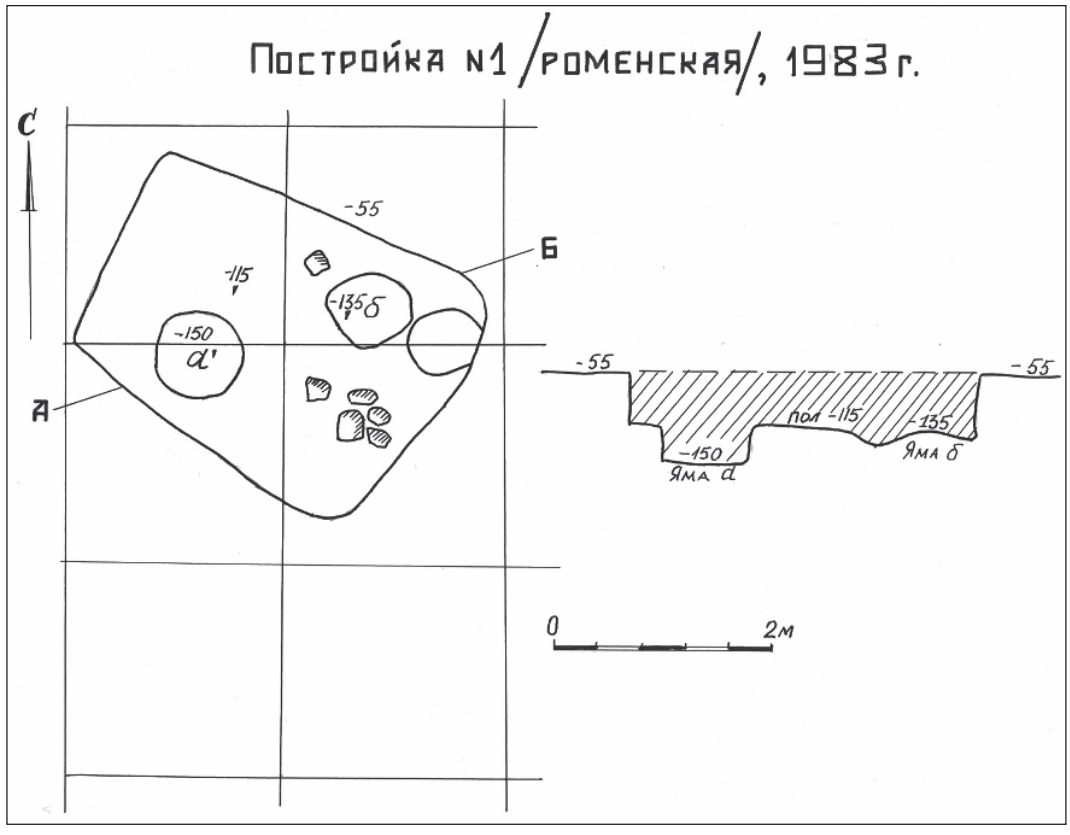

Рис 9. Постройка 1 (роменская). Раскопки 1983 г.

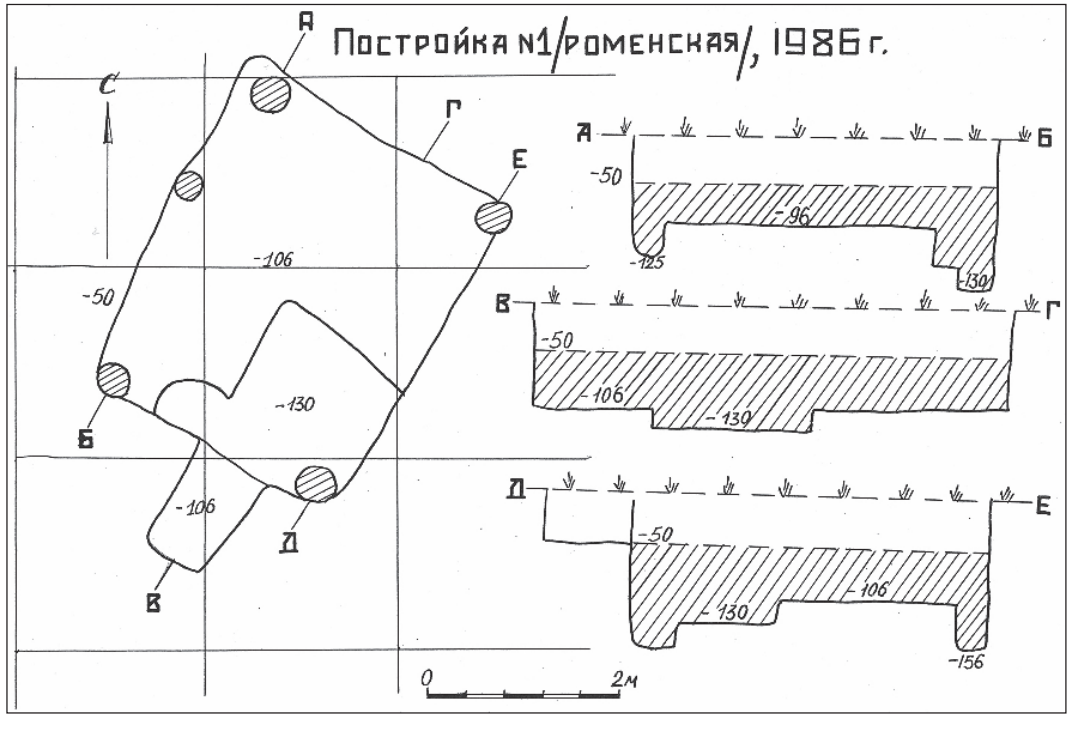

Рис 10. Постройка 1 (роменская). Раскопки 1986 г.

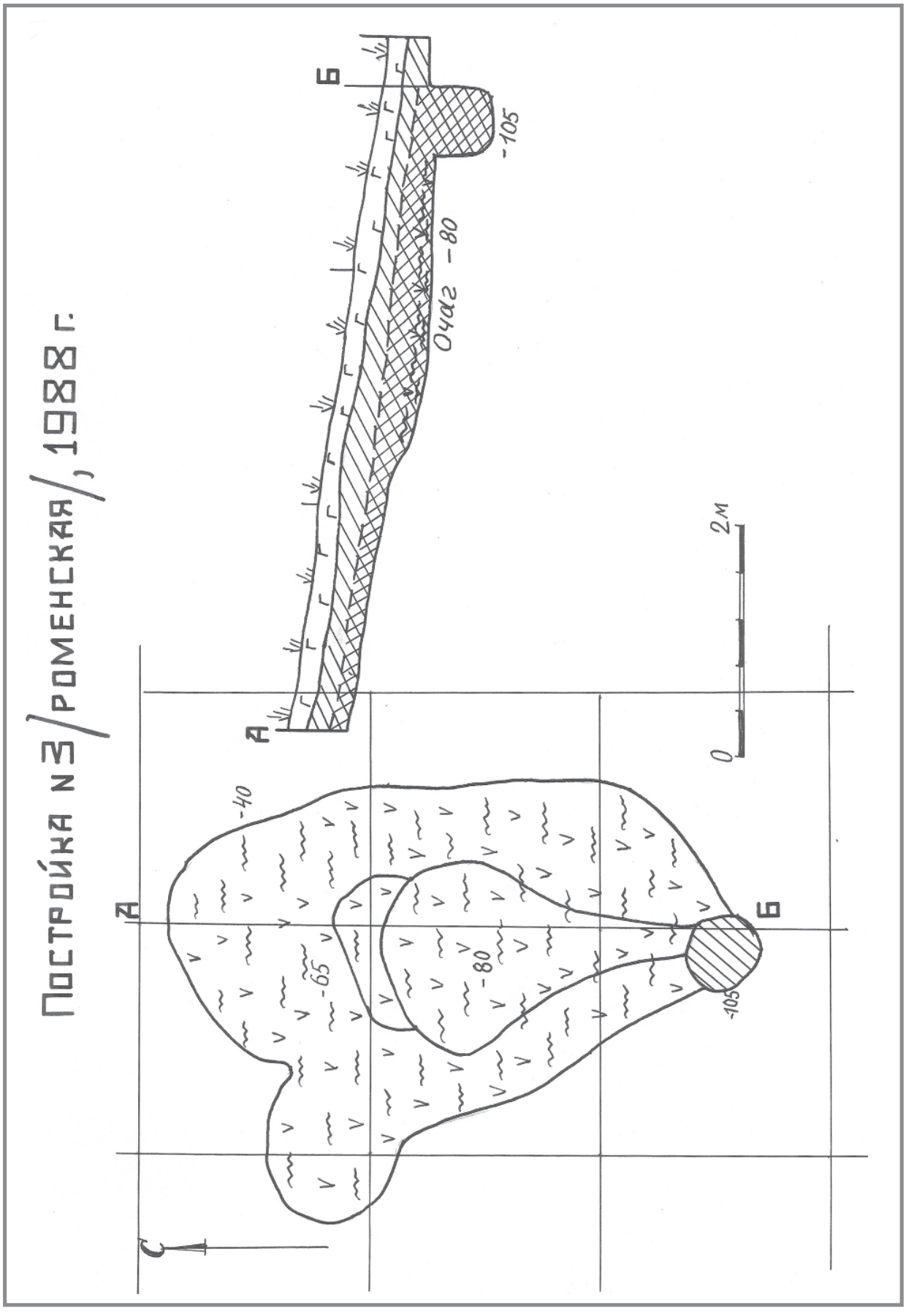

Рис 11. Постройка 3 (роменская). Раскопки 1988 г.

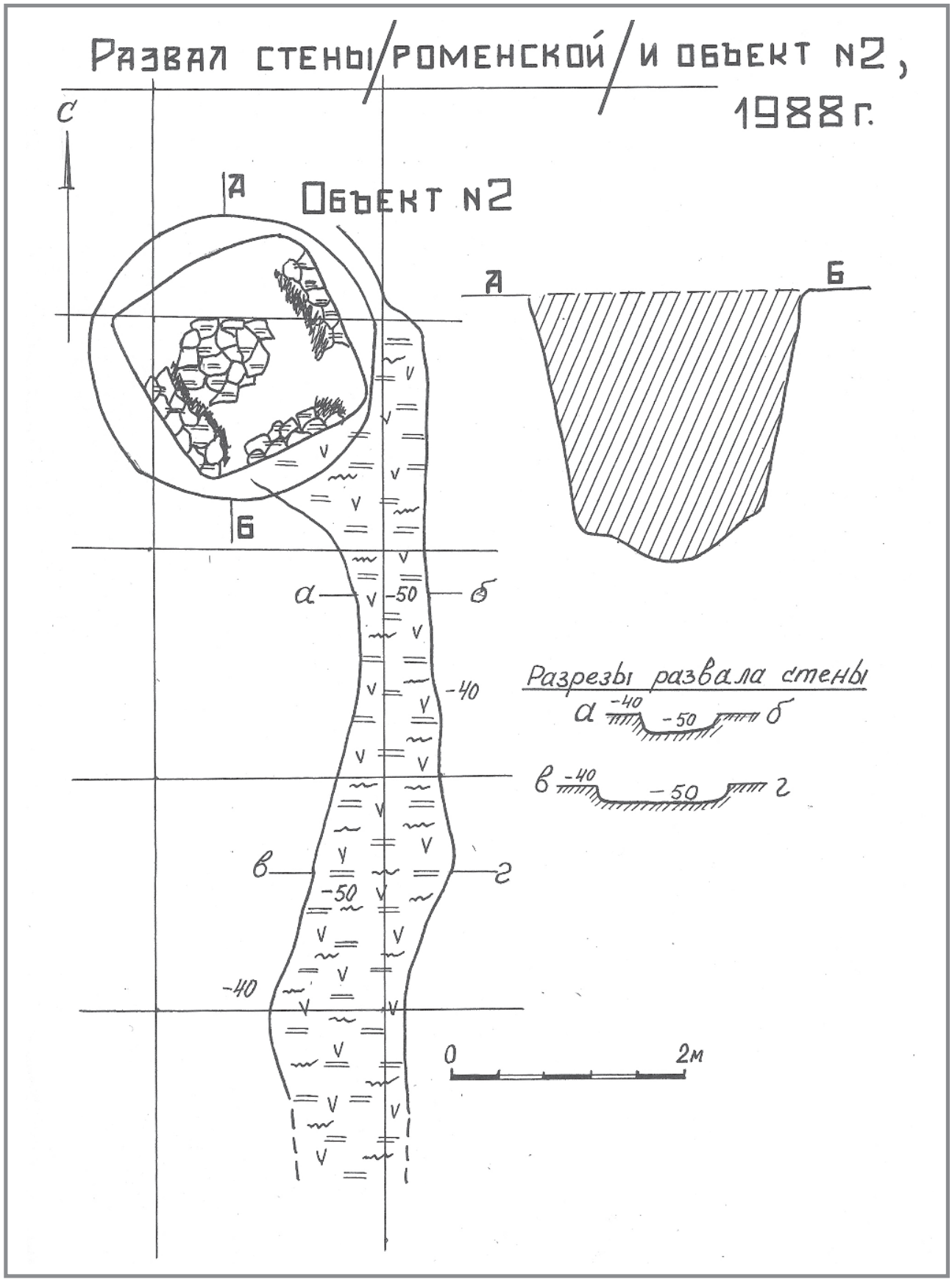

Рис 12. Развал стены (роменской) и объект №2. Раскопки 1988 г.

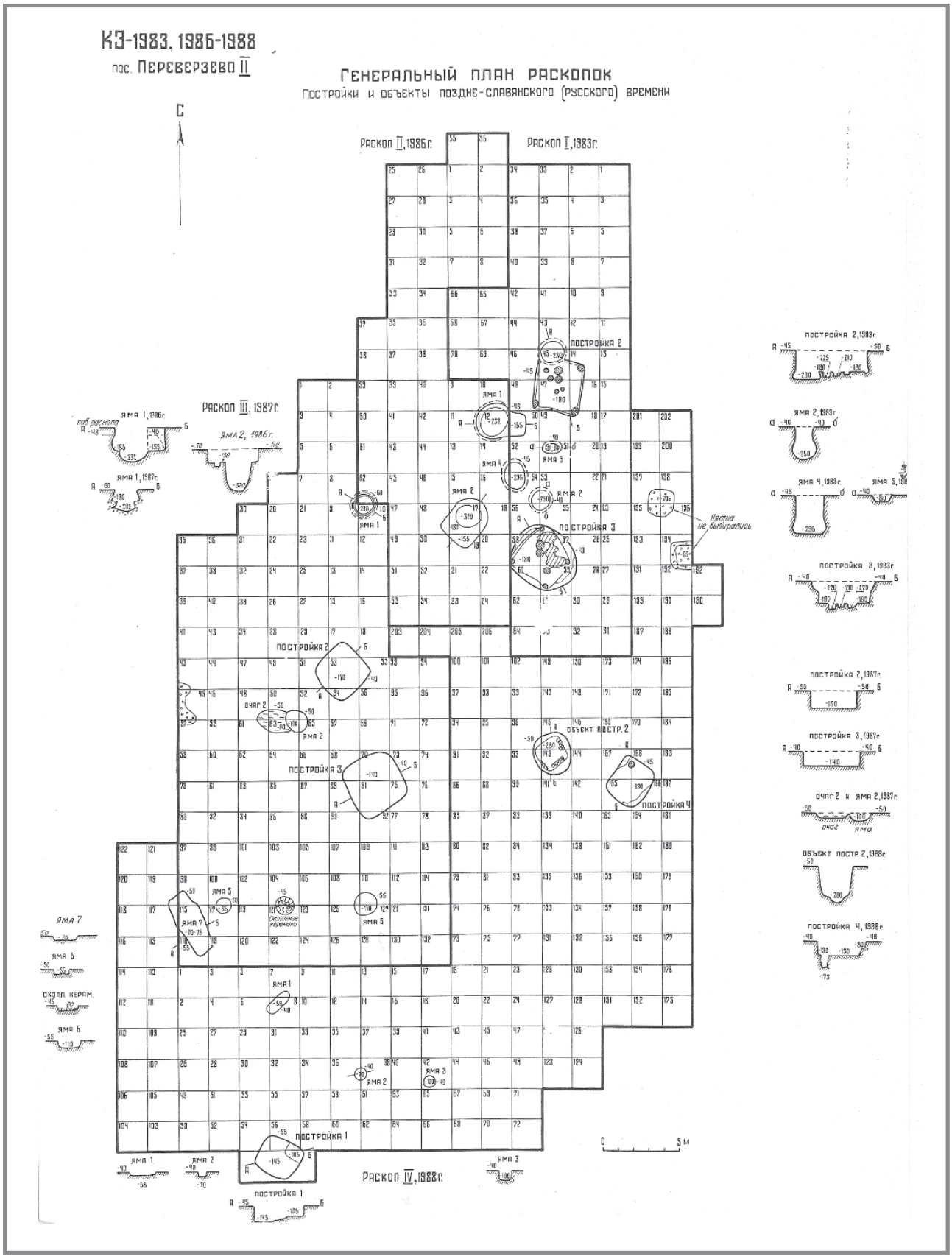

Рис 13. Поселение Переверзево-II. Генеральный план раскопов.
Постройки и объекты позднеславянского (русского) времени.

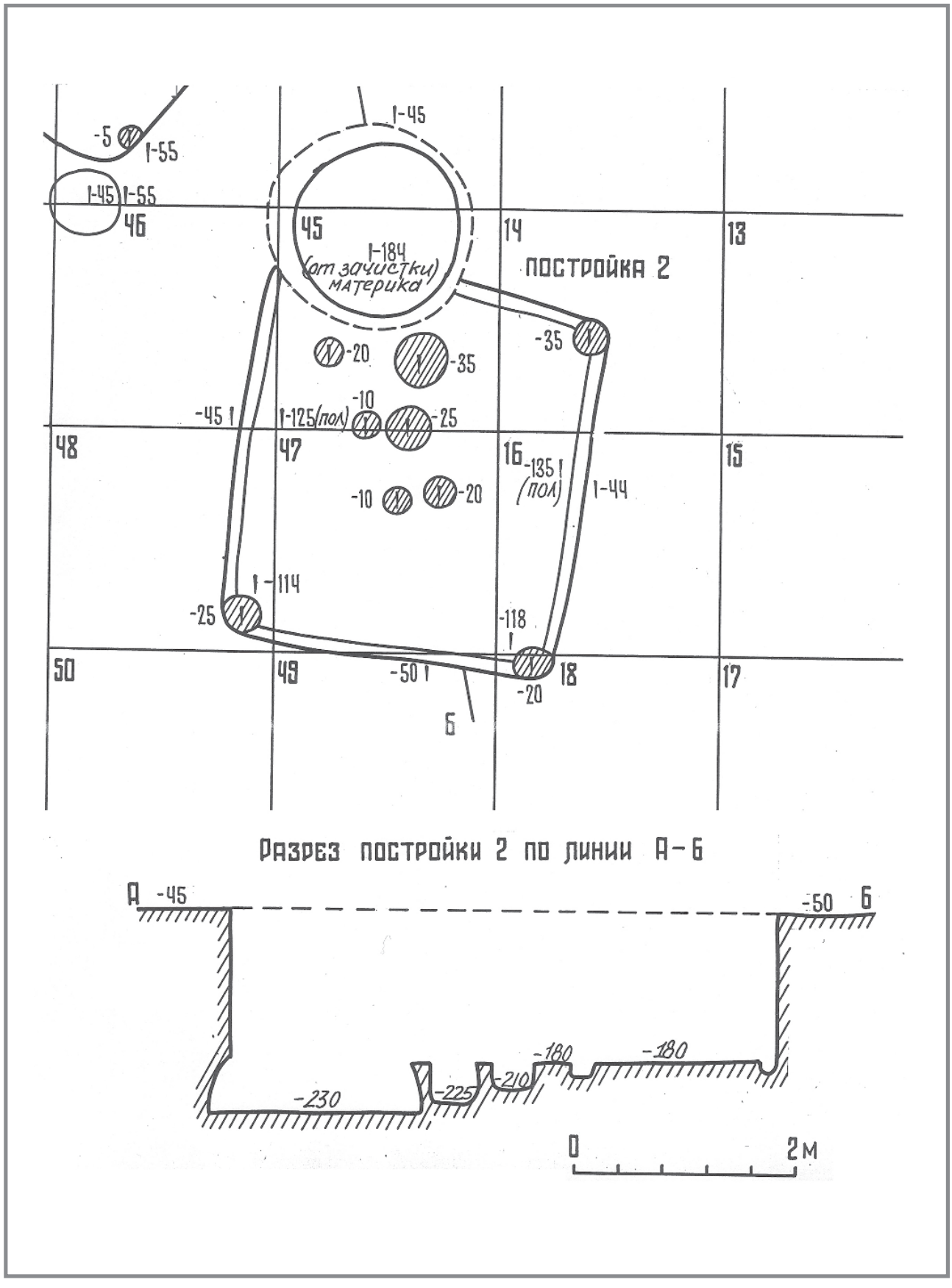

Рис 14. Постройка 2 (русская). Раскопки 1983 г.

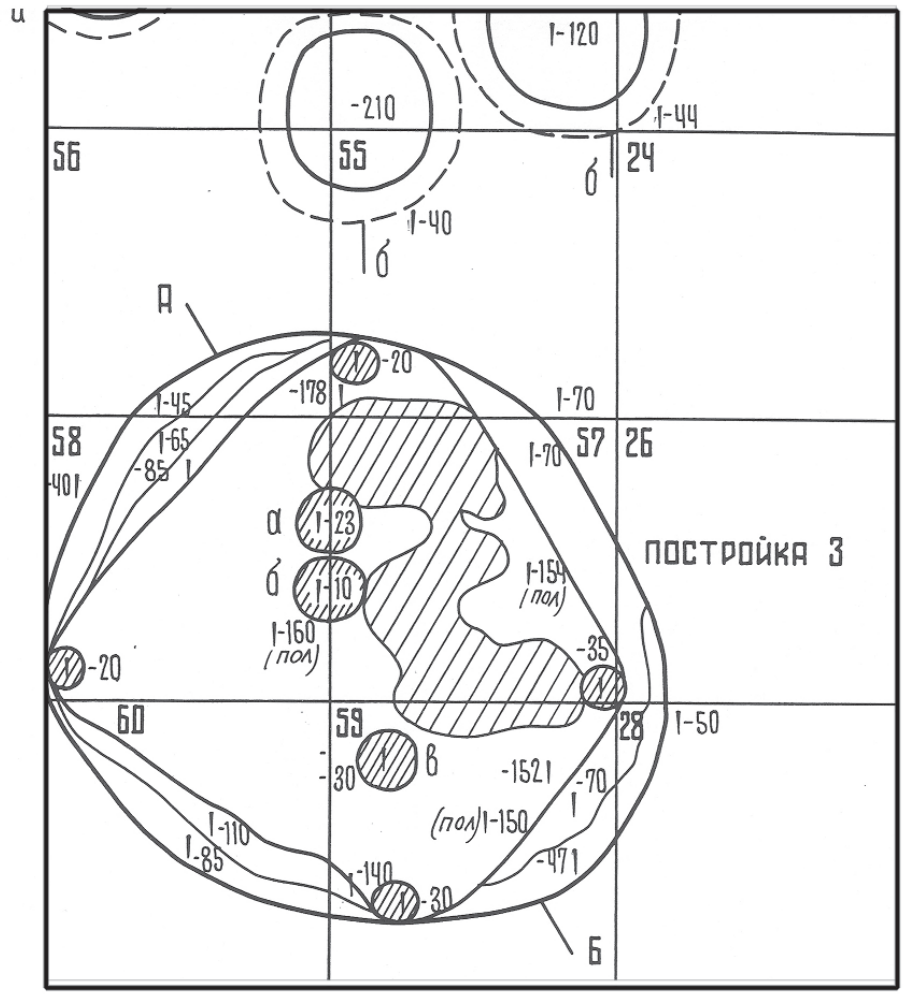

Рис 15. Постройка 3 (русская). Раскопки 1983 г.

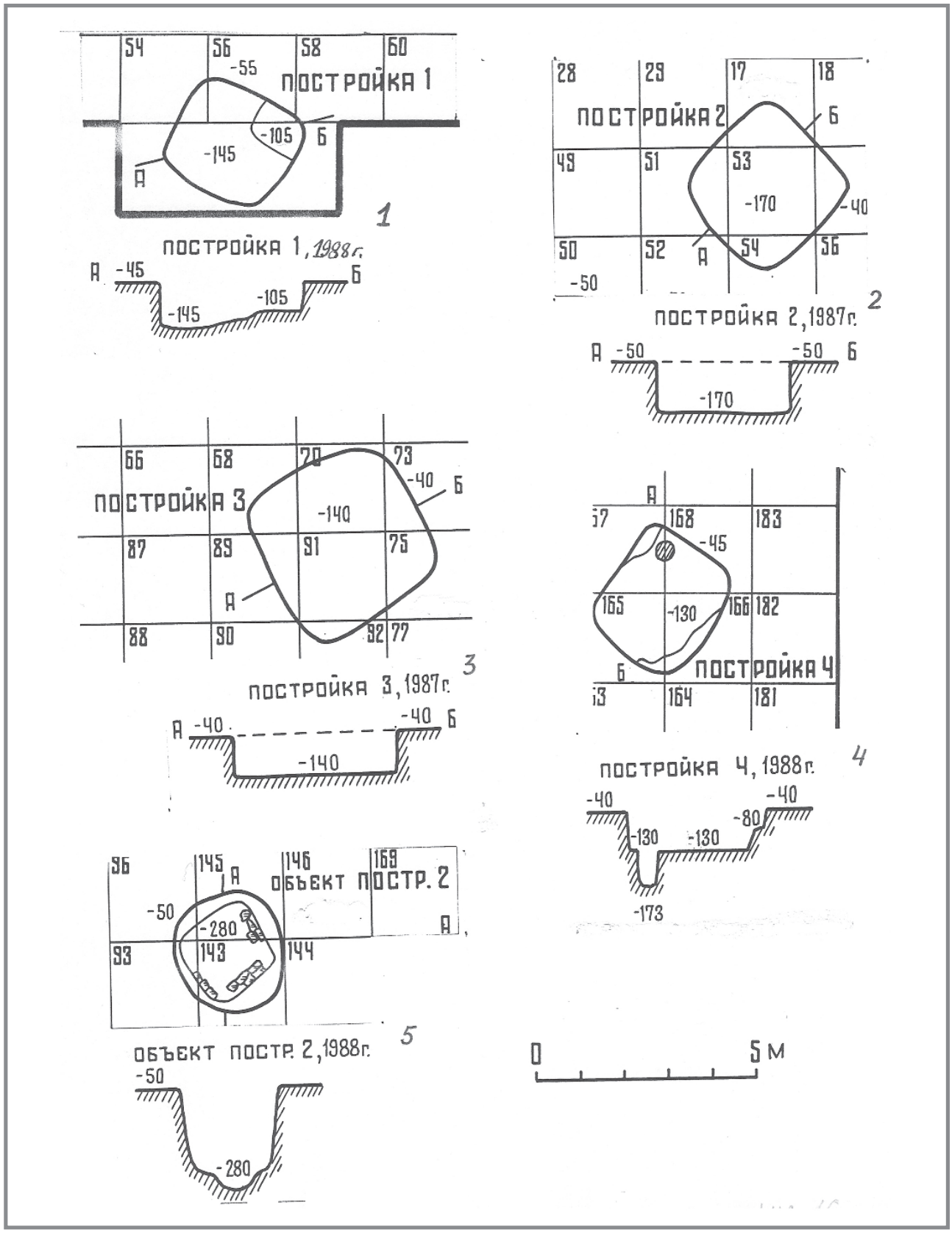

Рис 16. Постройки позднеславянского (русского) времени.
1 – постройка 1, раскопки 1988 г.; 2 – постройка 2, раскопки 1987 г.; 3 – постройка 3, раскопки 1987 г.; 4 – постройка 4, раскопки 1988 г.; 5 – объект постройки 2, раскопки 1988 г.

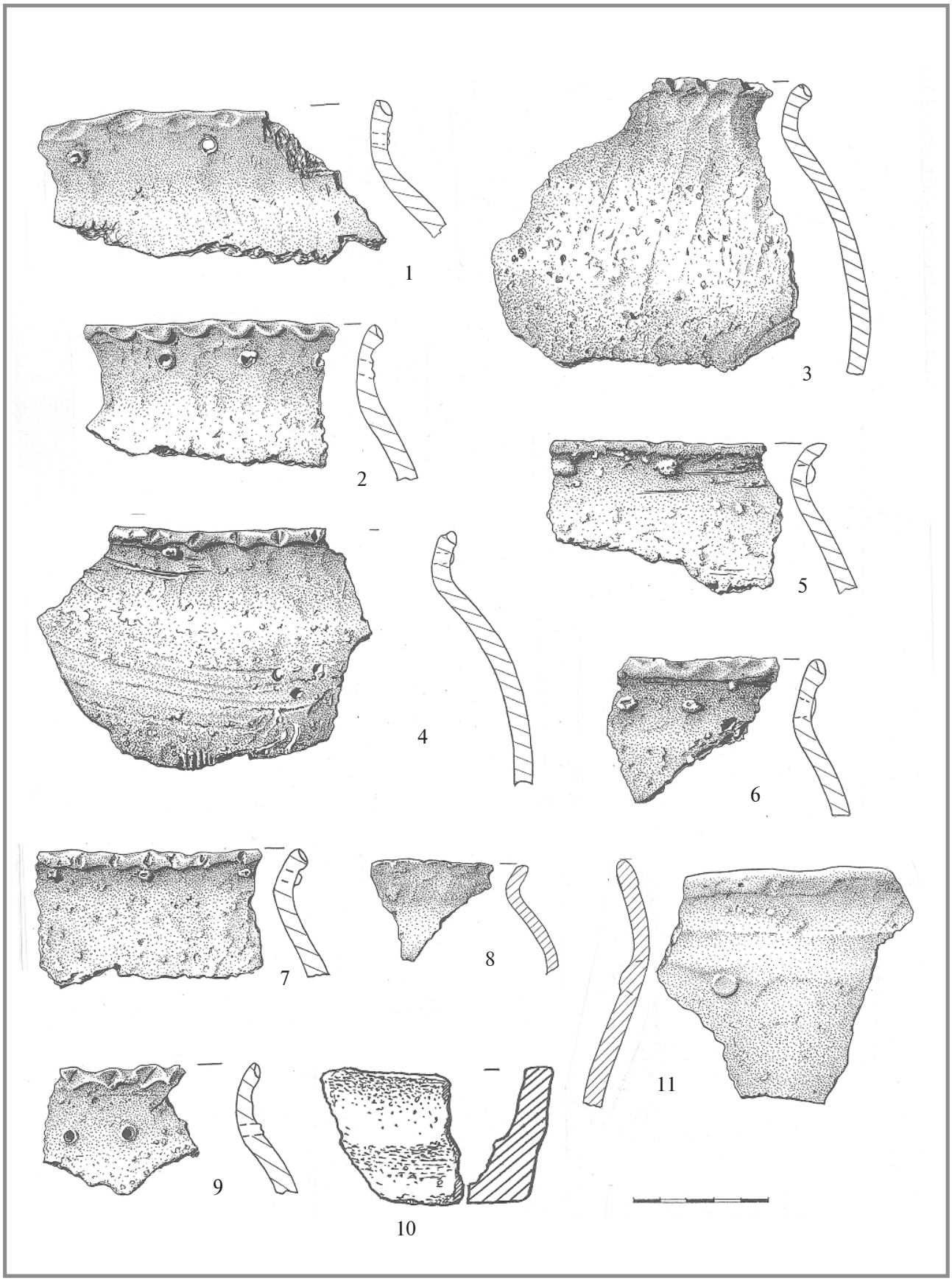

Рис 17. Керамика скифского времени. Горшки типа I.

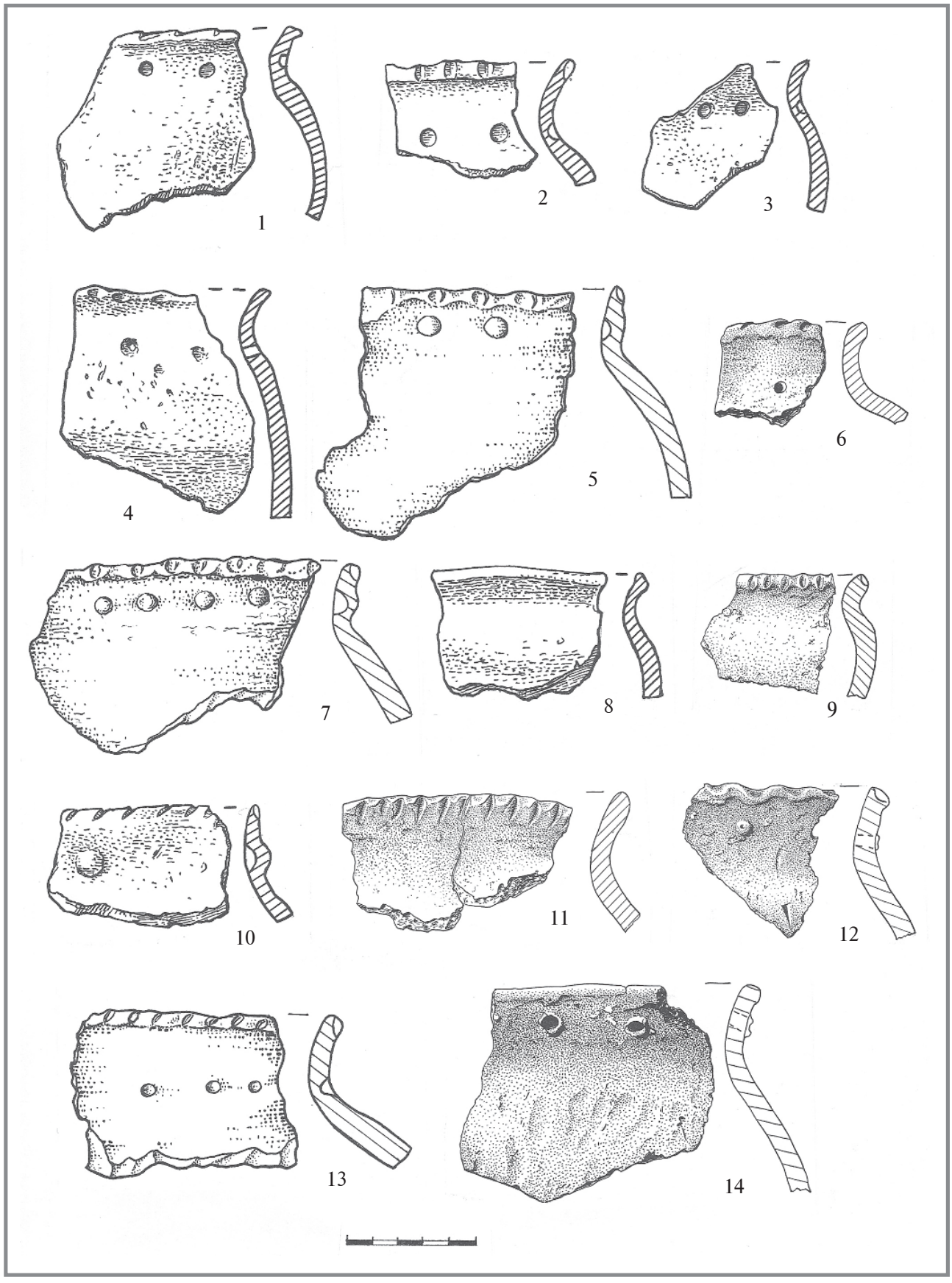

Рис 18. Керамика скифского времени. Горшки типа I.

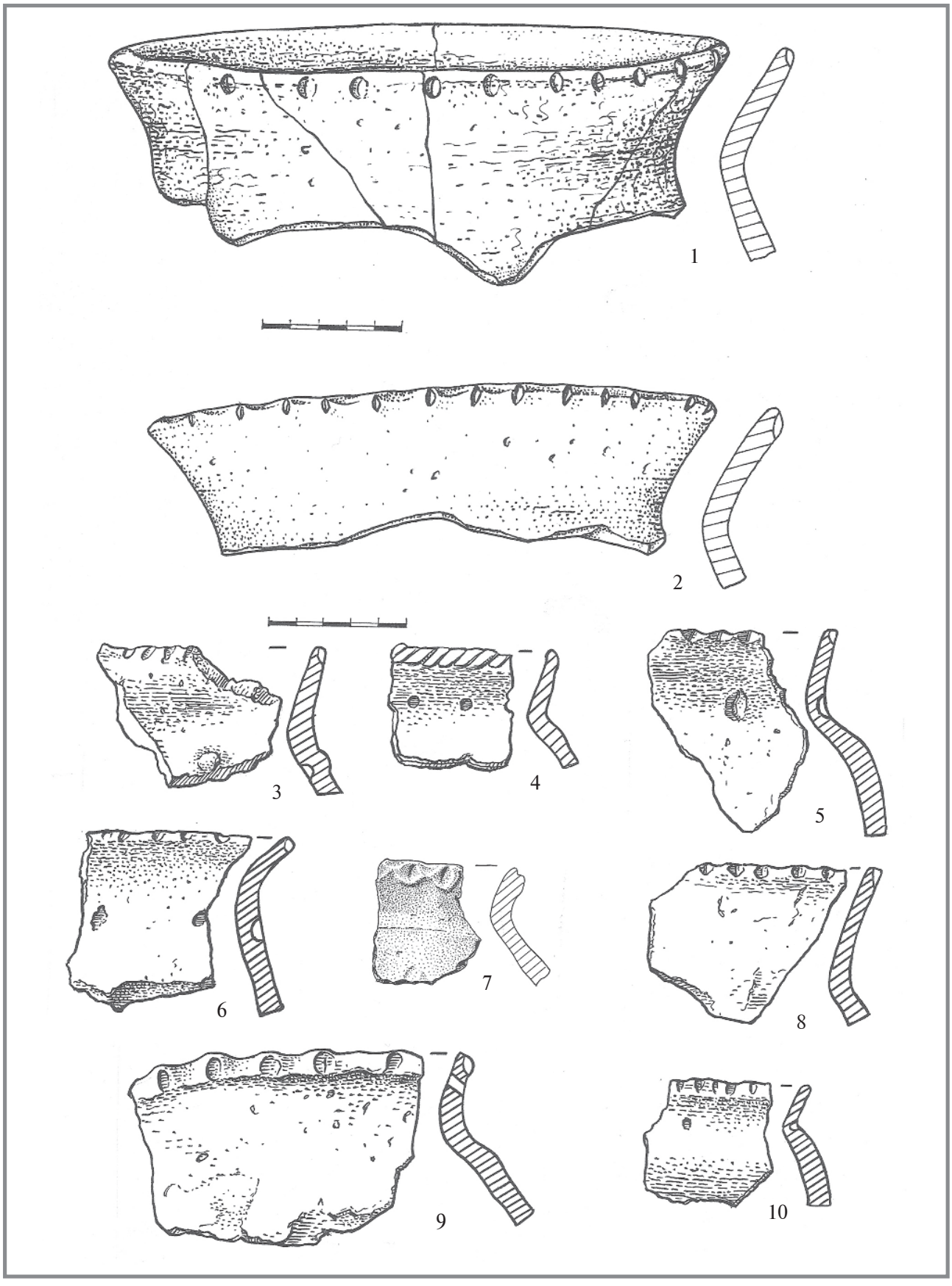

Рис 19. Керамика скифского времени. Горшки типа II.

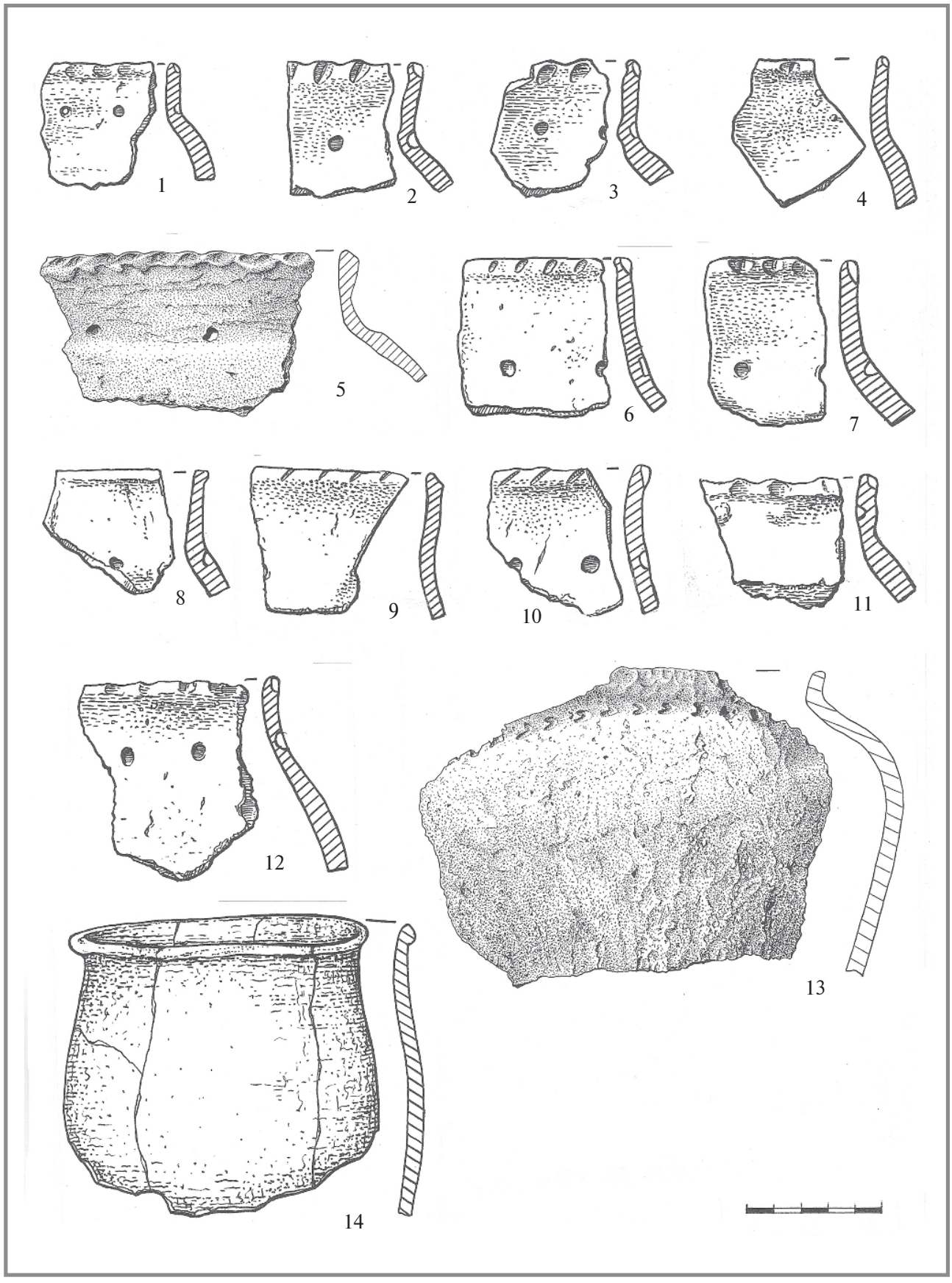

Рис 20. Керамика скифского времени. Горшки типа III.

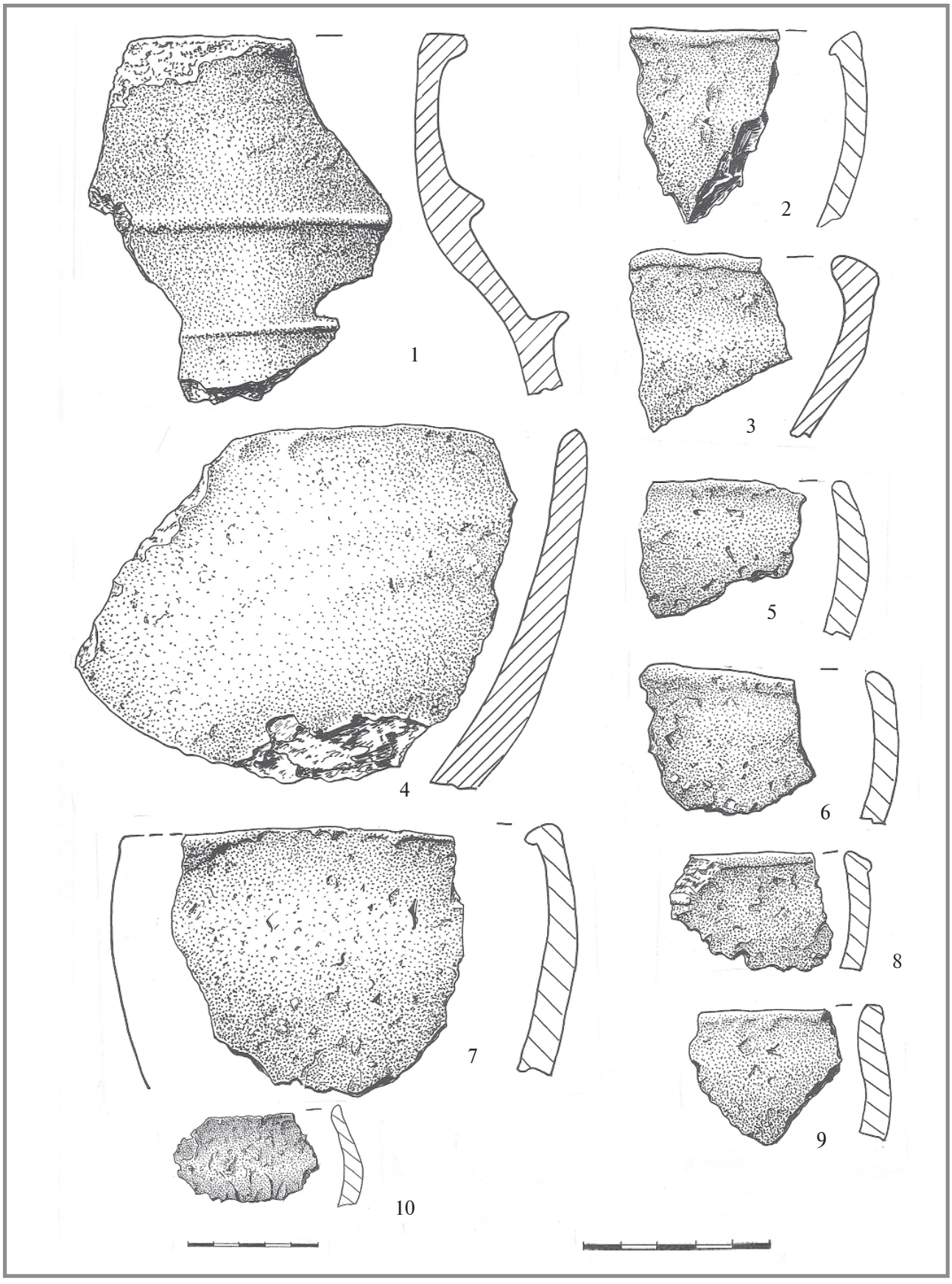

Рис 21. Керамика скифского времени. 1 – лепной кувшин; 2–10 – лепные миски.

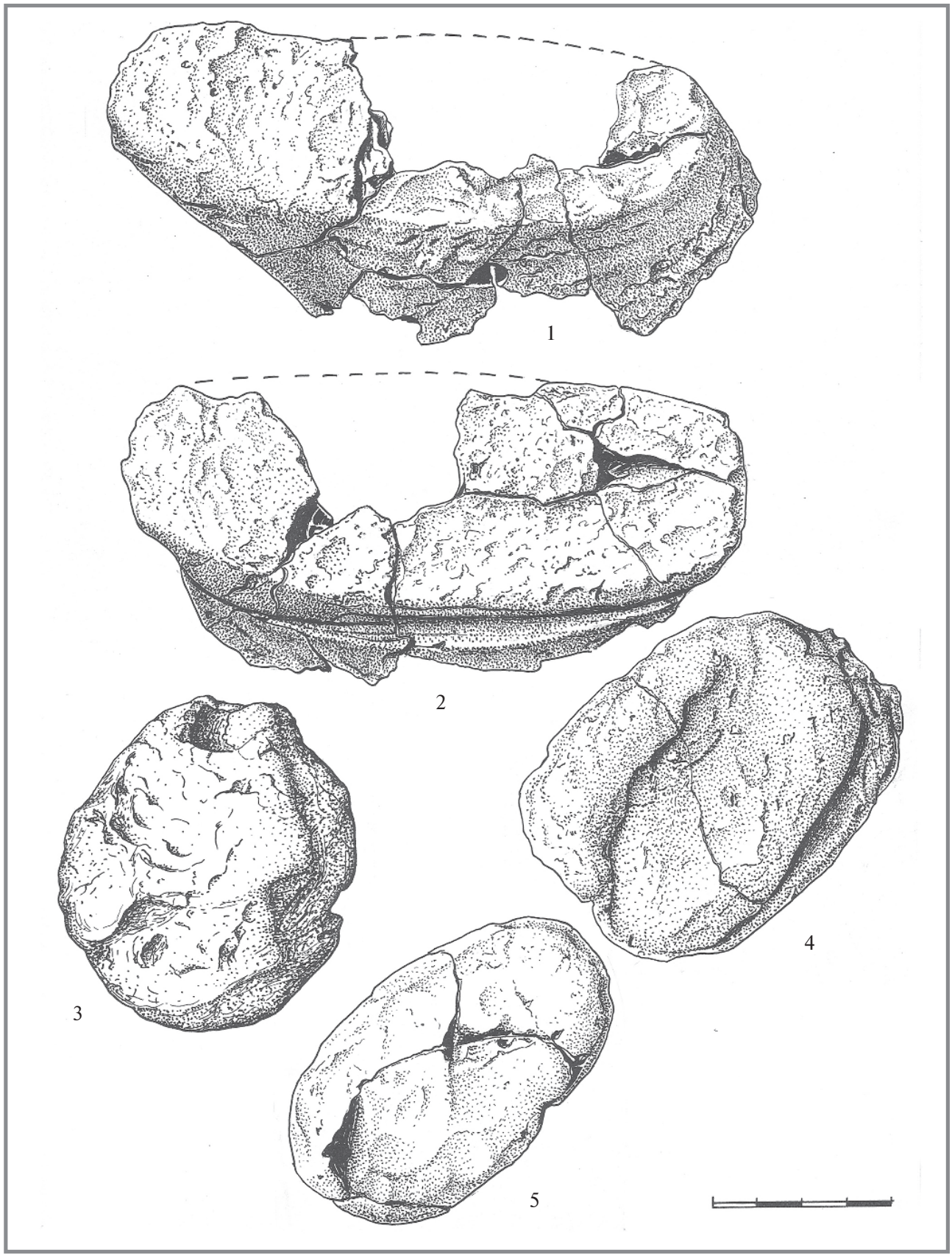

Рис 22. Глиняные изделия скифского времени.
1-2 – рогатые кирпичи; 3-5 – глиняные блоки.

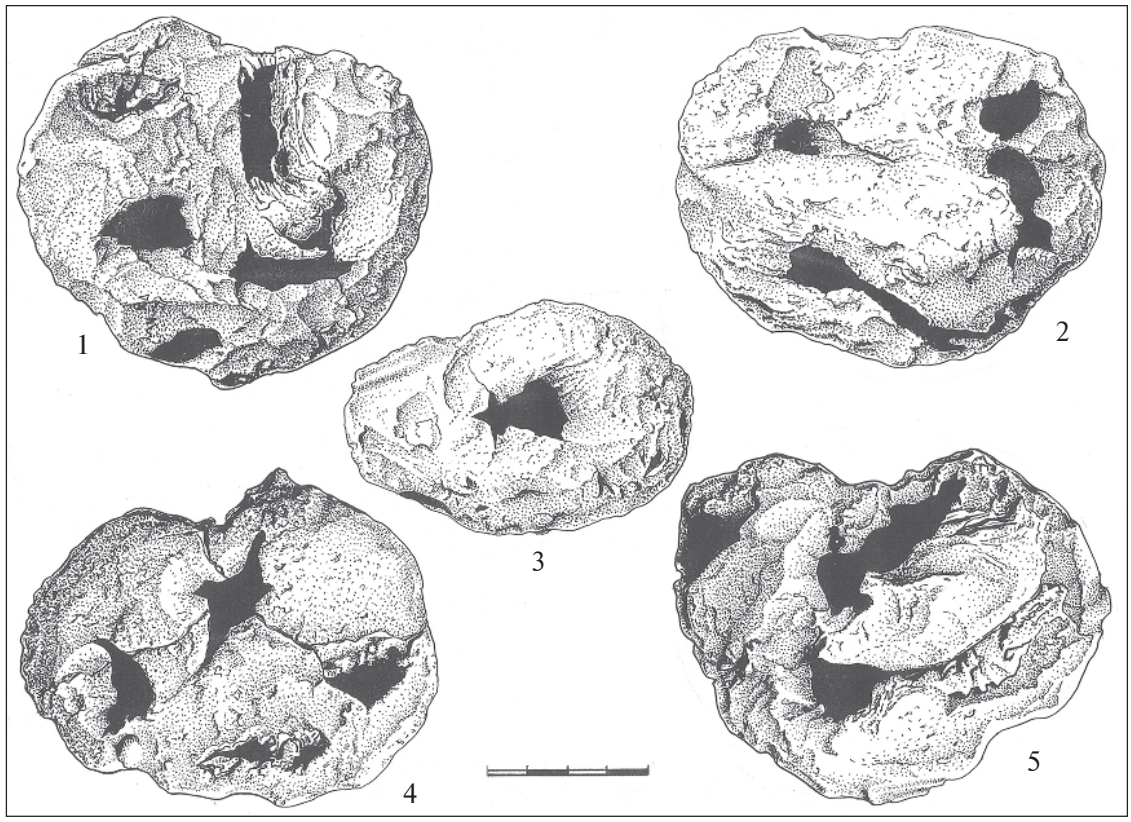

Рис 23. Глиняные блоки роменского (?) времени.

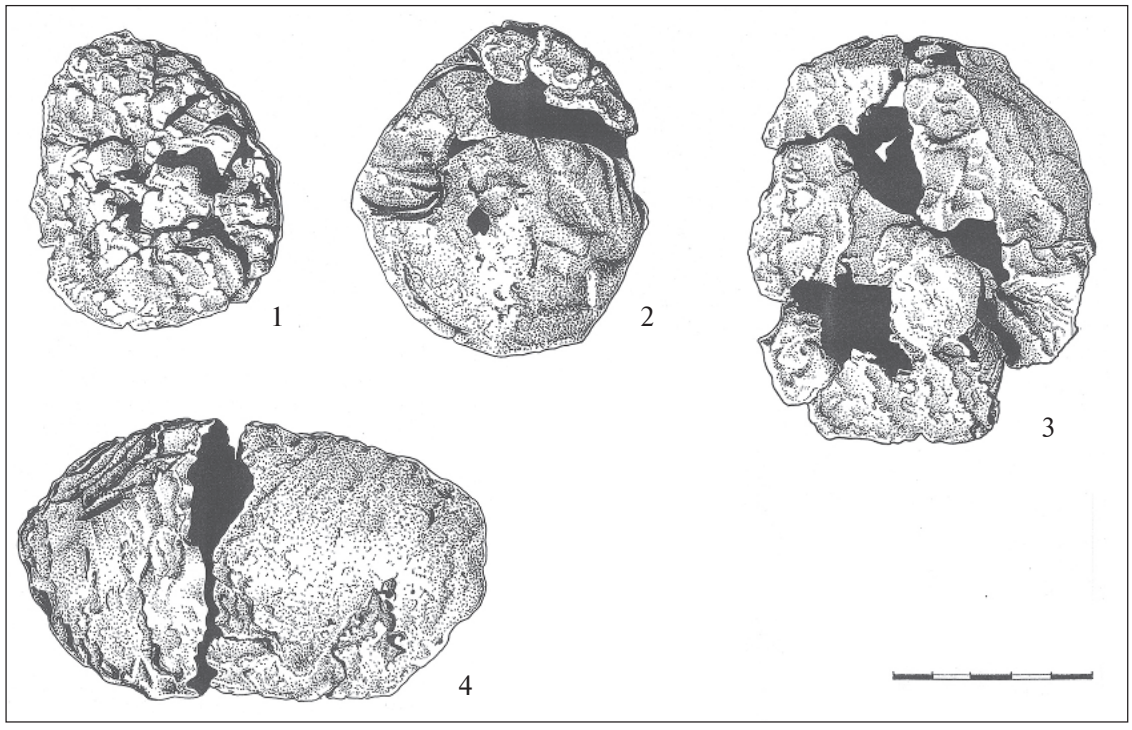

Рис 24. Глиняные блоки роменского (?) времени.

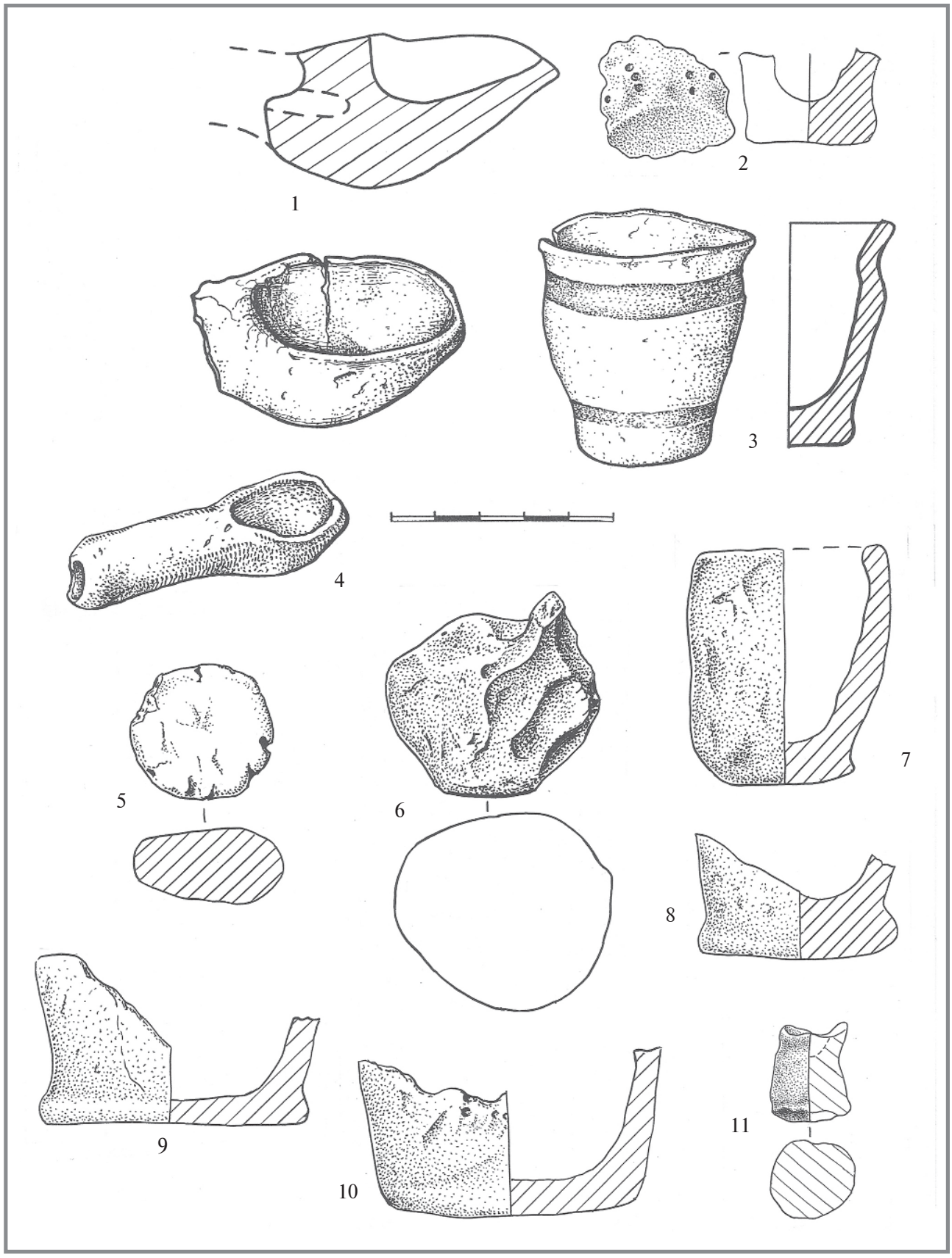

Рис 25. Глиняные изделия скифского времени.
1, 4 – льячки; 2,3,7-11 – миниатюрные сосудики; 5,6 – глиняные лепёшки.

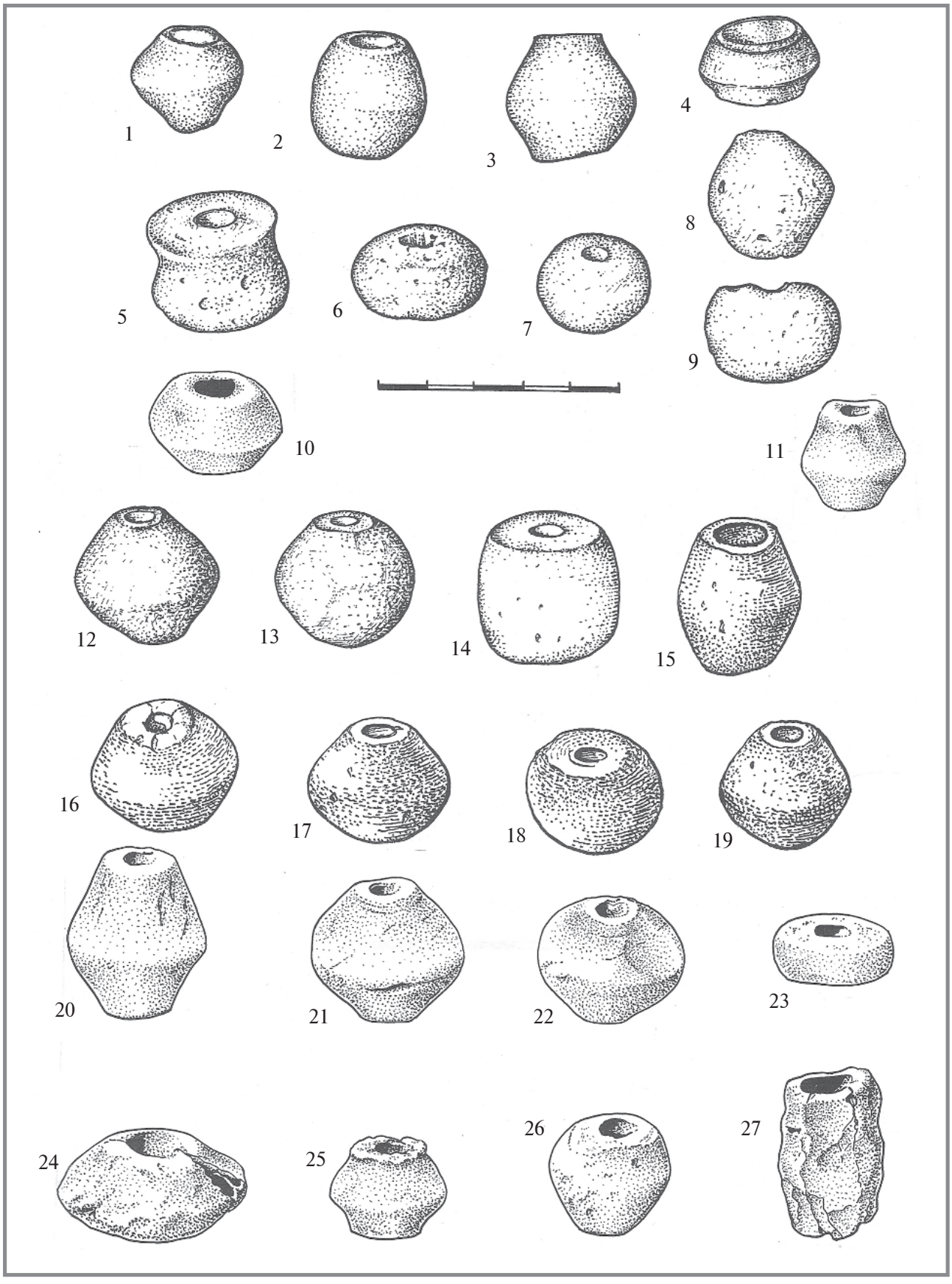

Рис 26. Пряслица и грузила скифского и роменского времён.

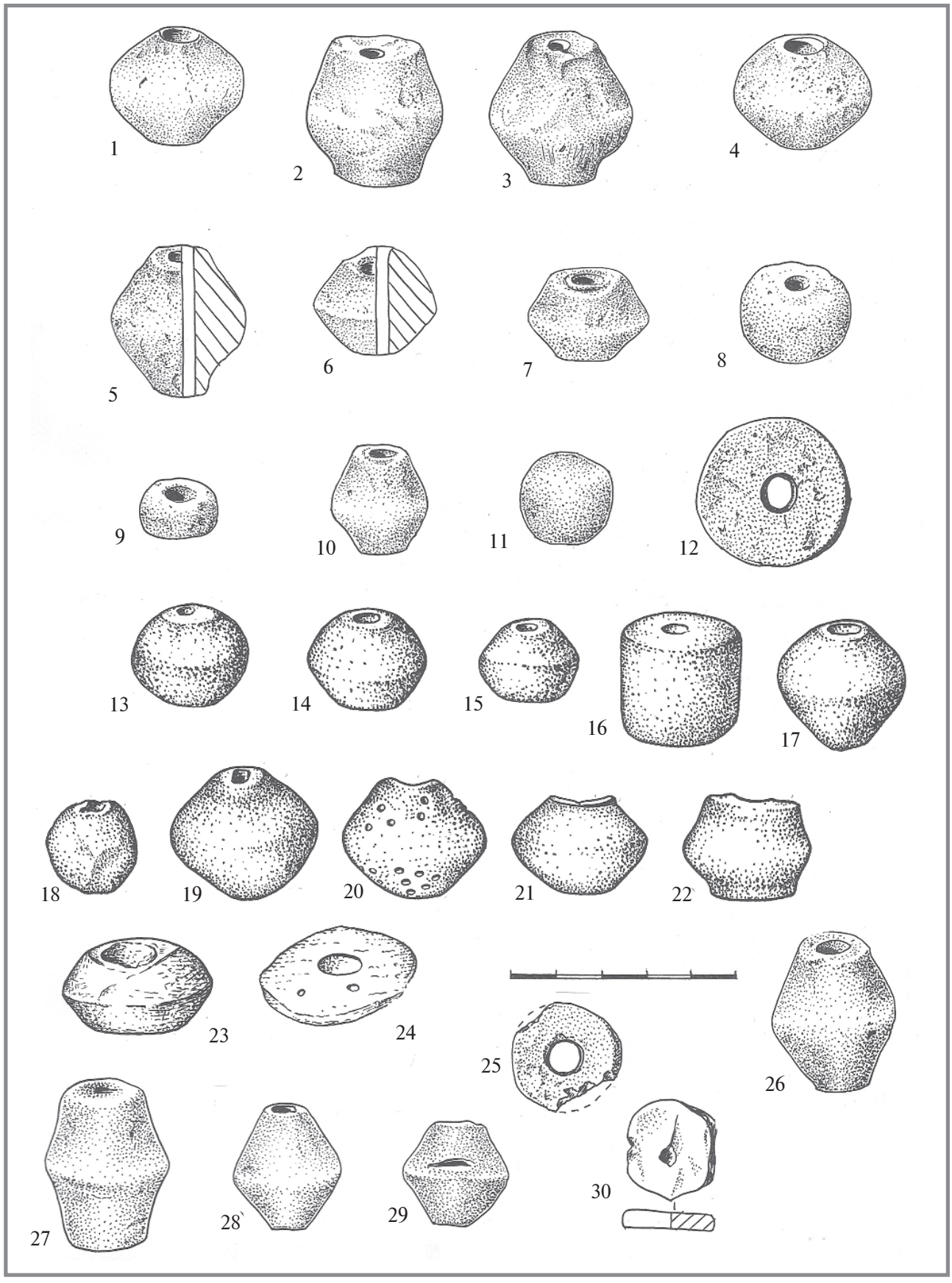

Рис 27. Пряслица и грузики скифского и роменского времён.

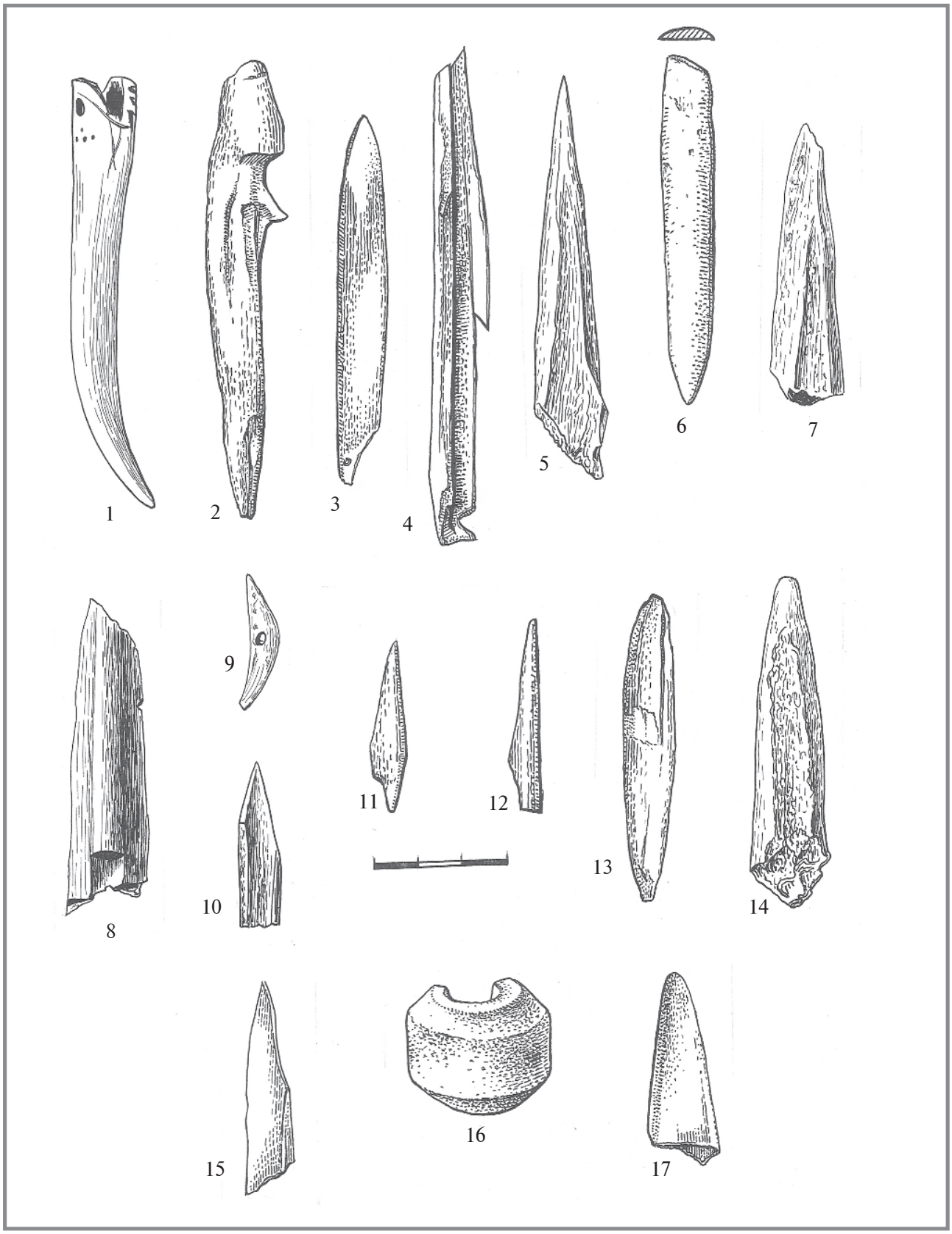

Рис 28. Изделия из кости скифского и роменского времён.
1 – остриё с зооморфным окончанием; 2-8, 10-15, 17 – проколки; 9 – амулет из просверленного клыка; 16 – фрагмент пряслица.

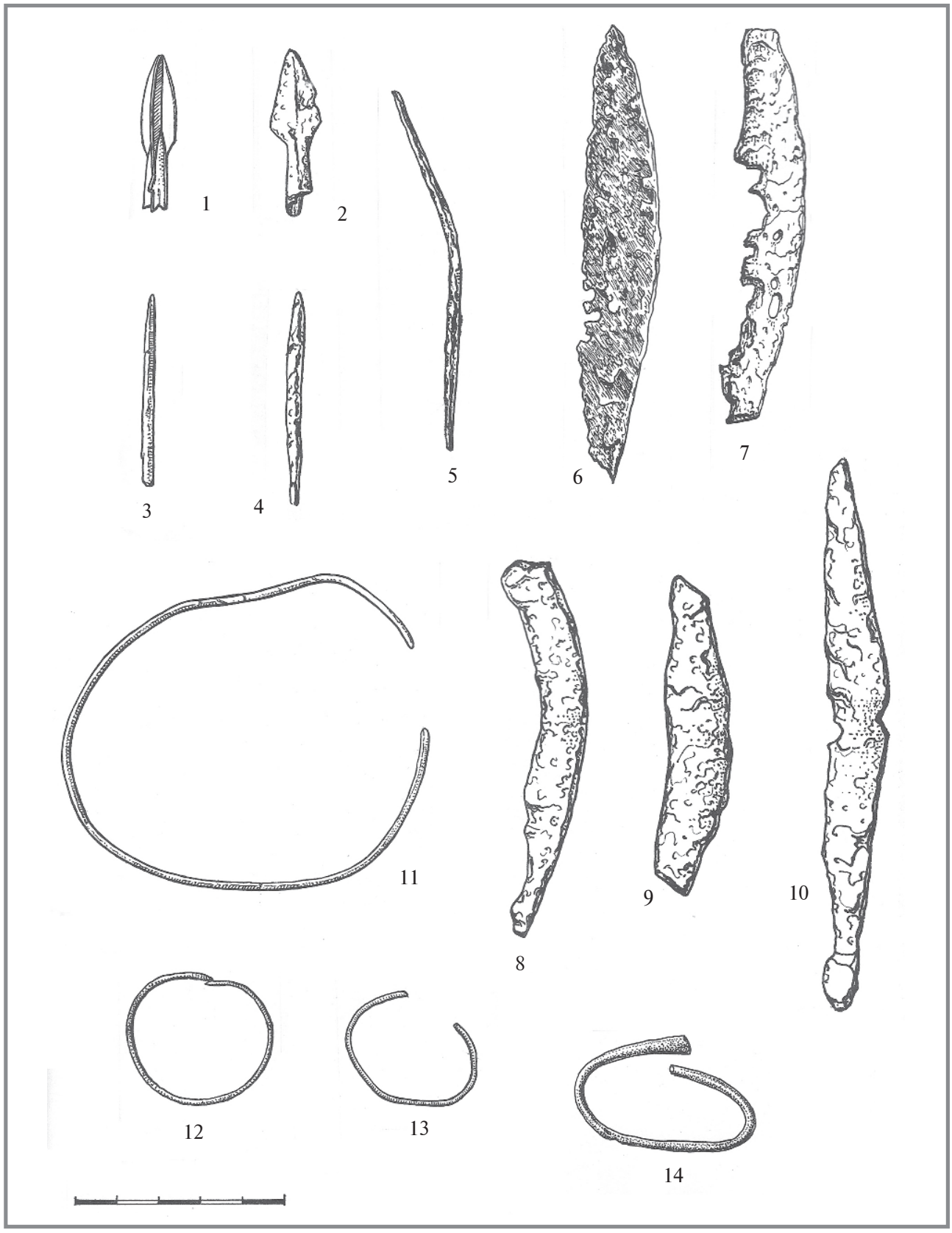

Рис 29. Металлические изделия скифского и роменского времён.
1-2 – наконечники стрел; 3-5 – шила; 6-10 – ножи; 11 – шейная гривна; 12-13 – височные кольца; 14 – браслет с расширяющимися концами (2, 3-10 – железо; 1, 11-14 – бронза)

Рис 30. Лепная керамика роменского времени.

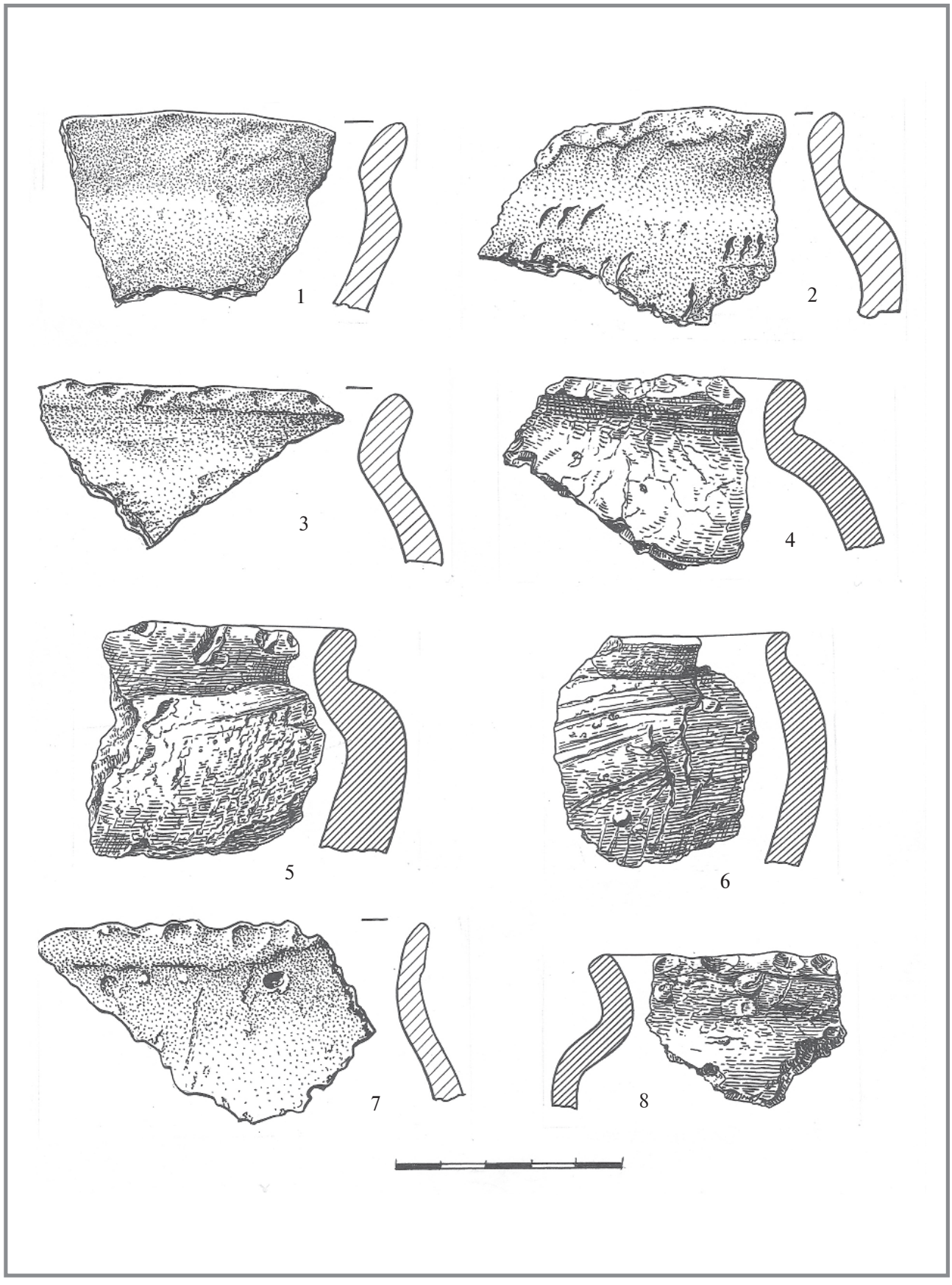

Рис 31. Лепная керамика роменского времени.

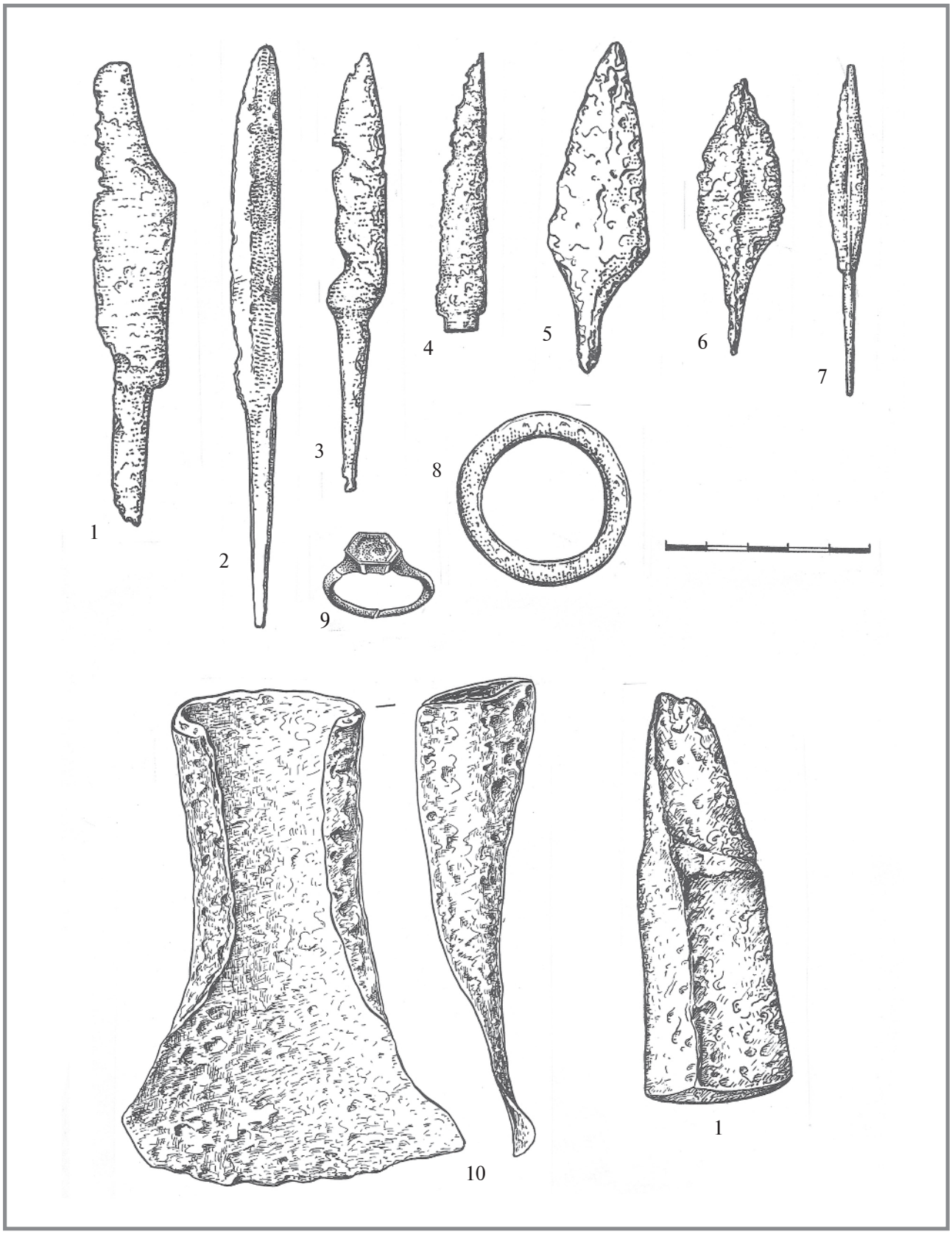

Рис 32. Металлические изделия роменского времени.
1-4 – ножи; 5-7 – наконечники стрел; 8 – кольцо; 9 – перстень; 10 – наральник; 11 – долото (1-8, 10-11 – железо; 9 – бронза).

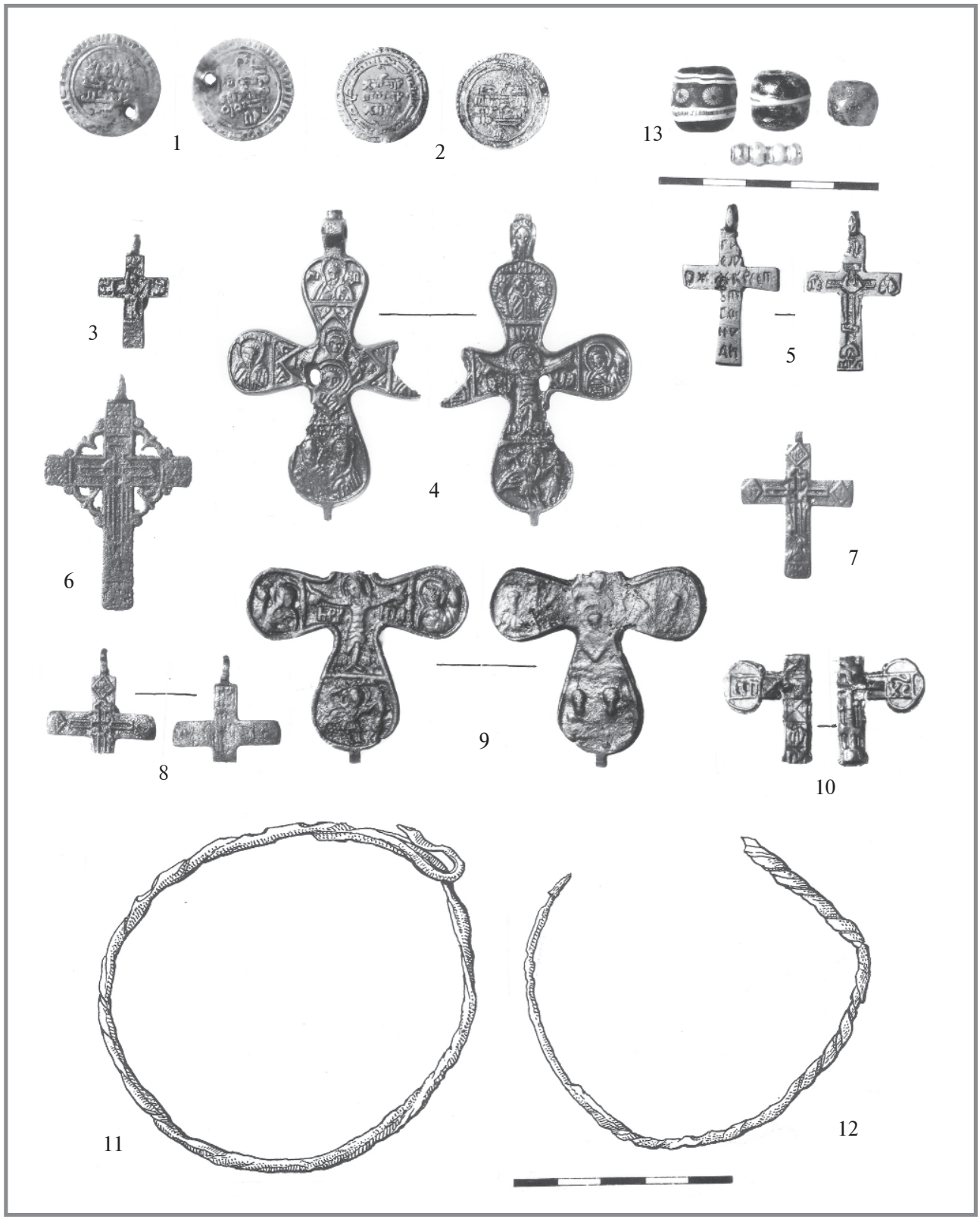

Рис 33. Индивидуальные находки роменского и позднеславянского (русского) времён.
1-2 – диргемы арабские эпохи Саманидов; 3-4 – нательный крест и энколпион XVI в.; 5,6,7,9 – кресты и энколпион XVII-XVIII вв.; 8, 10 – кресты XVIII – начала XIX вв.; 11-12 – браслеты роменского времени; 13 – бусы роменского времени (1-2 – серебро; 3-10 – медный сплав; 11-12 – железо; 13 – стекло).

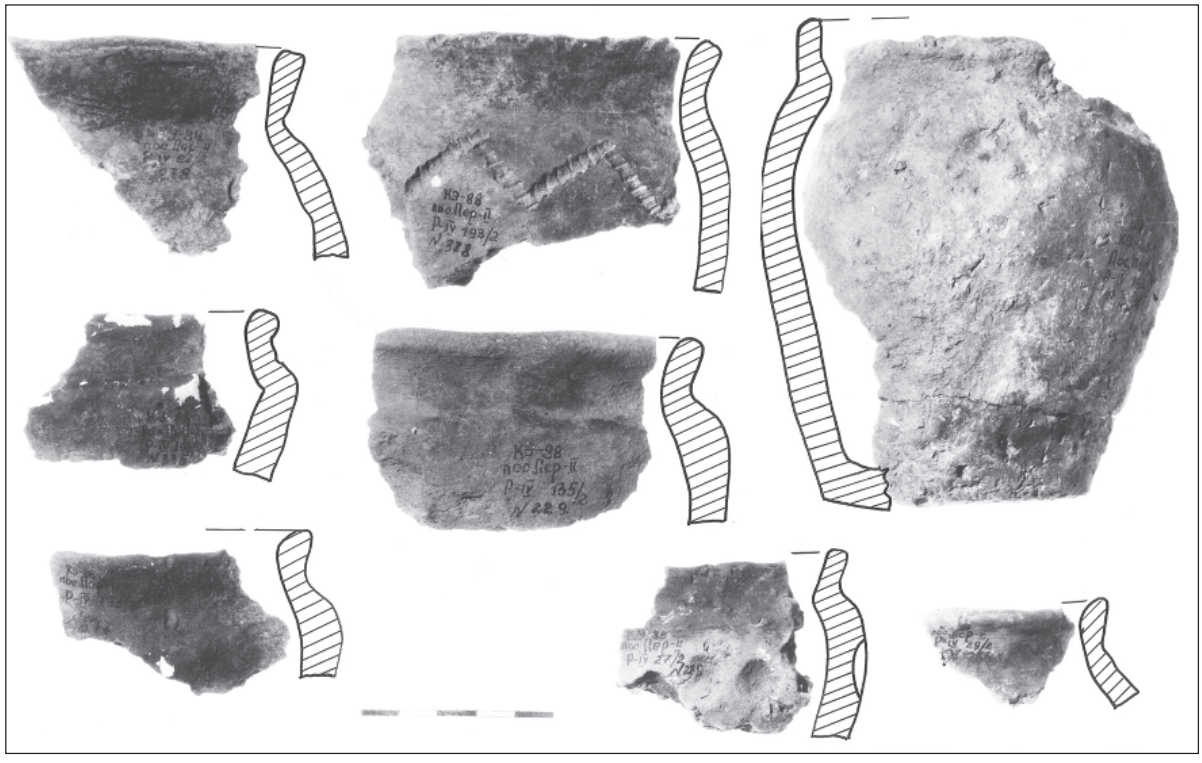

Рис 34. Лепная керамика роменского времени.

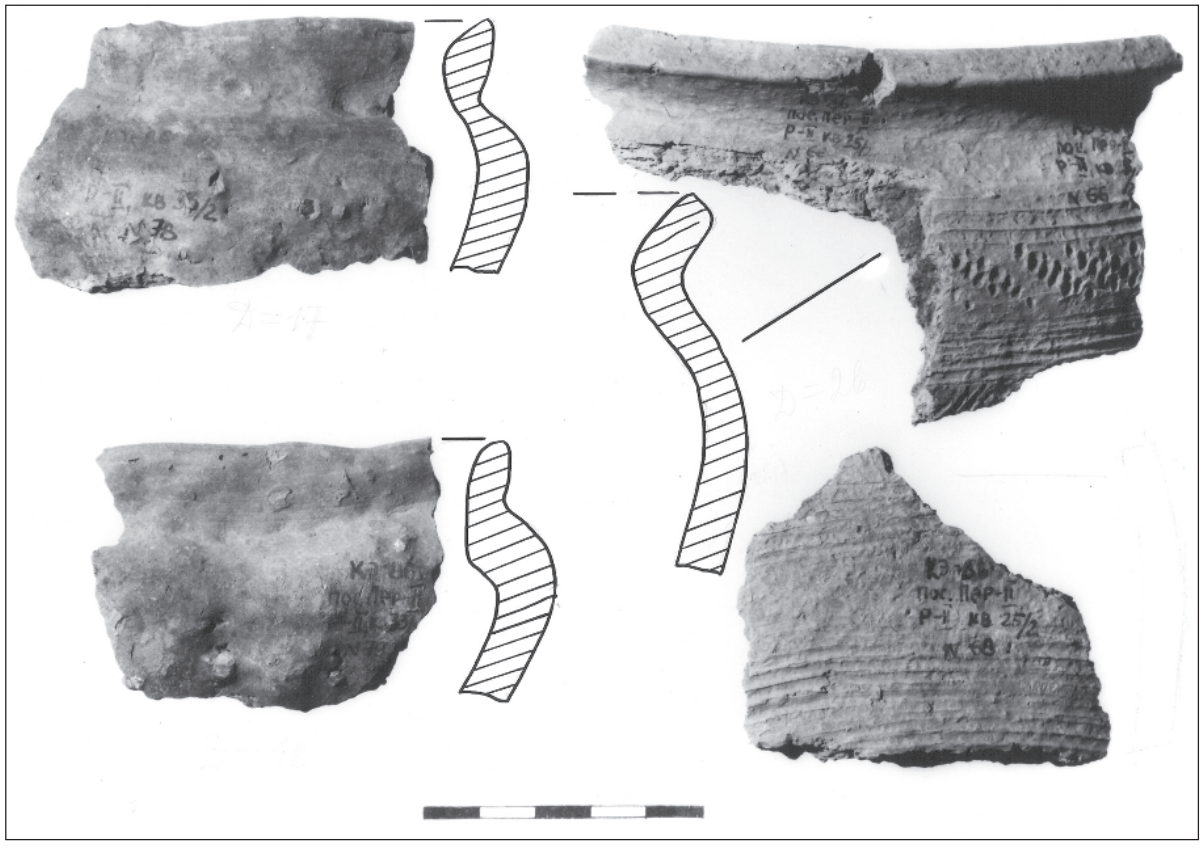

Рис 35. Лепная и раннекруговая керамика роменского времени.

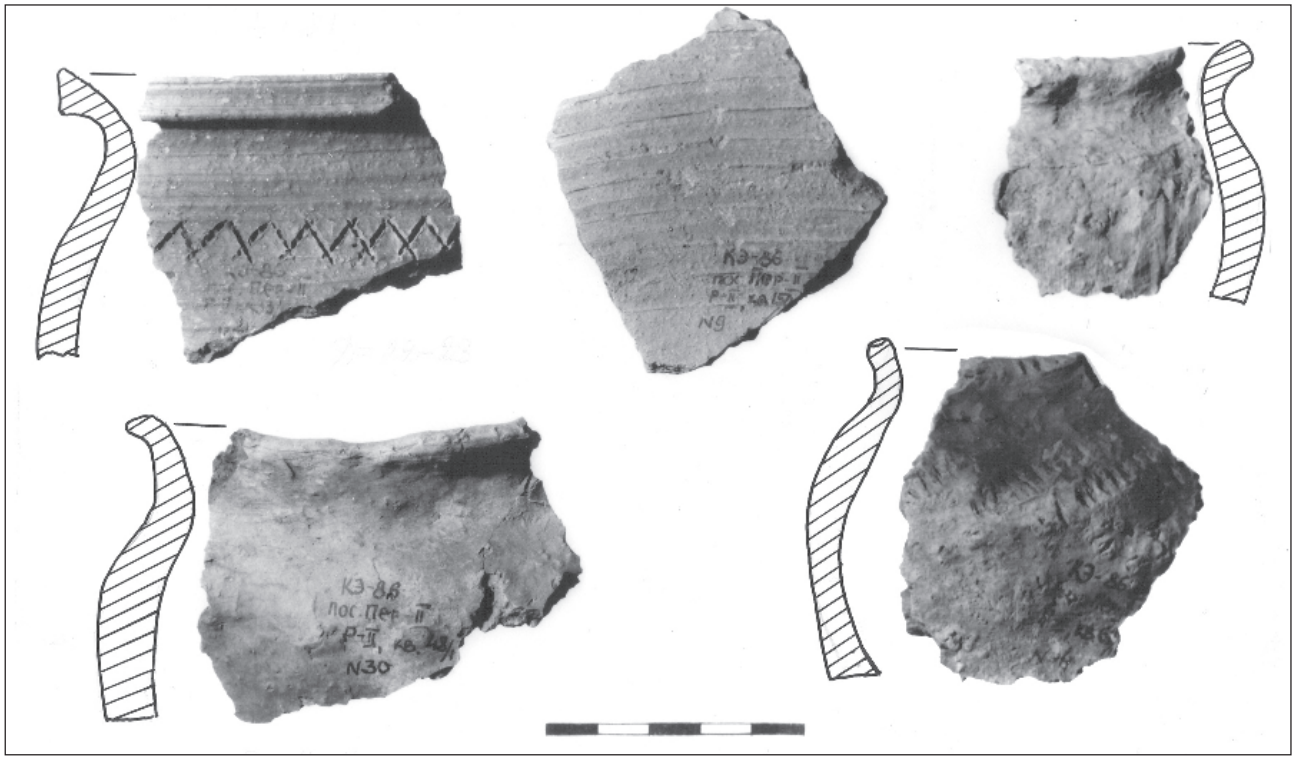

Рис 36. Лепная и раннекруговая керамика роменского времени.

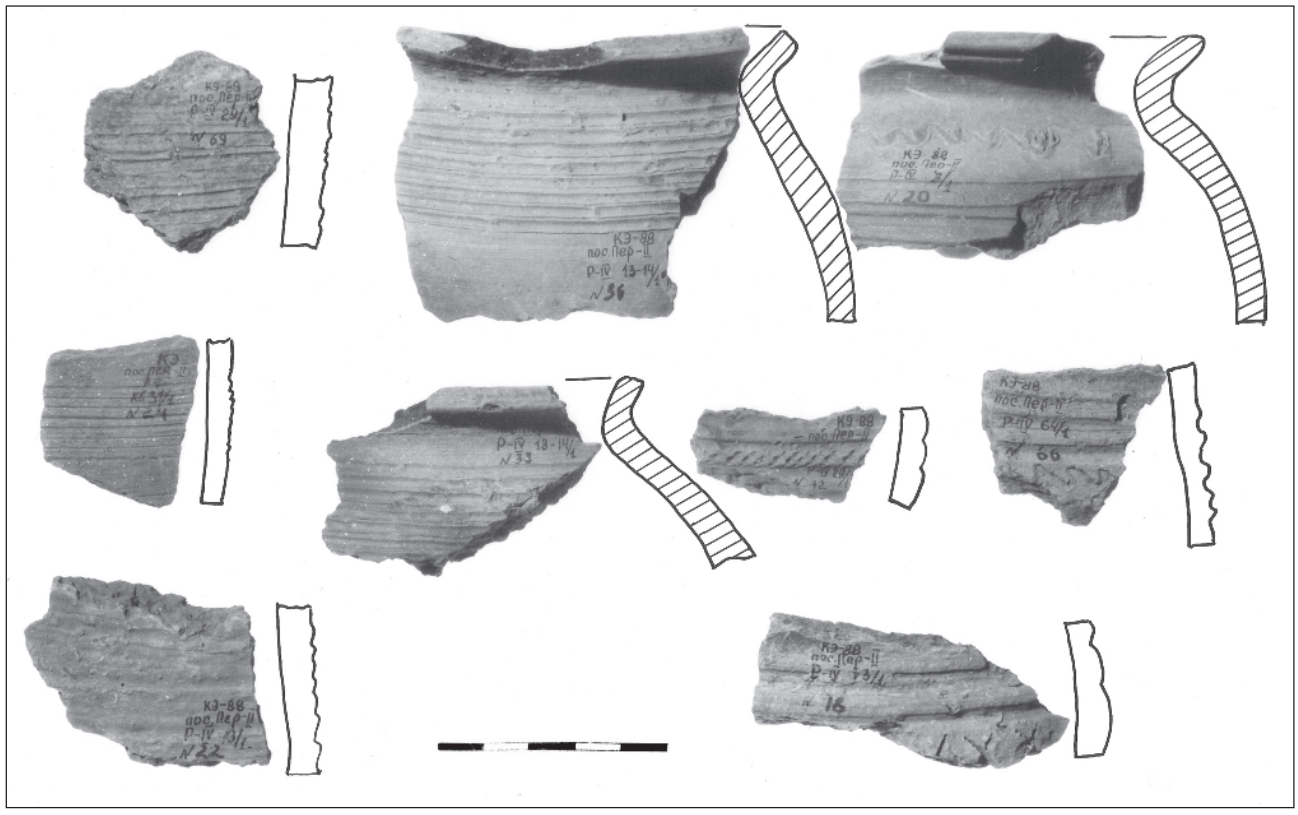

Рис 37. Раннекруговая древнерусская керамика.

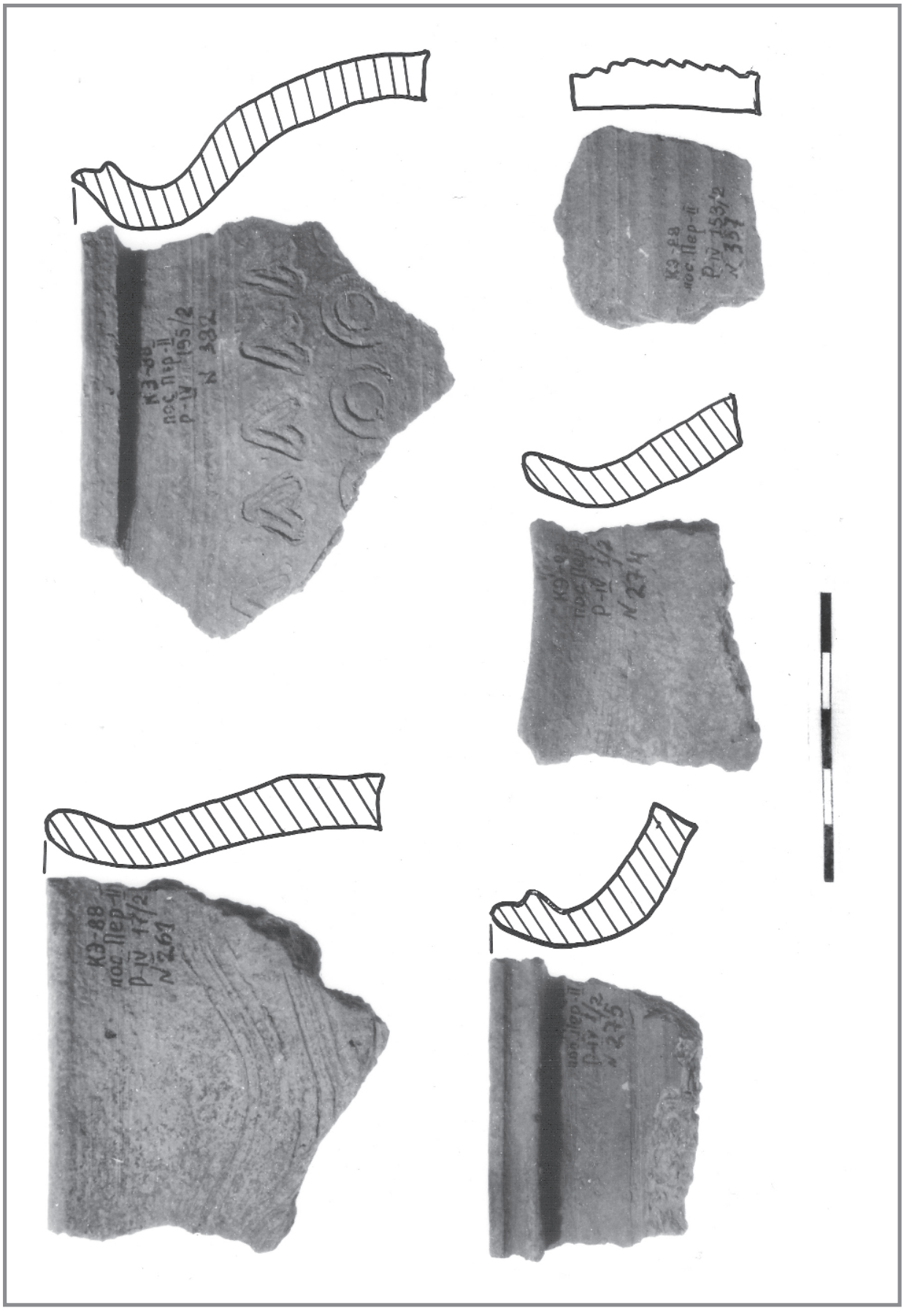

Рис 38. Раннекруговая древнерусская керамика.

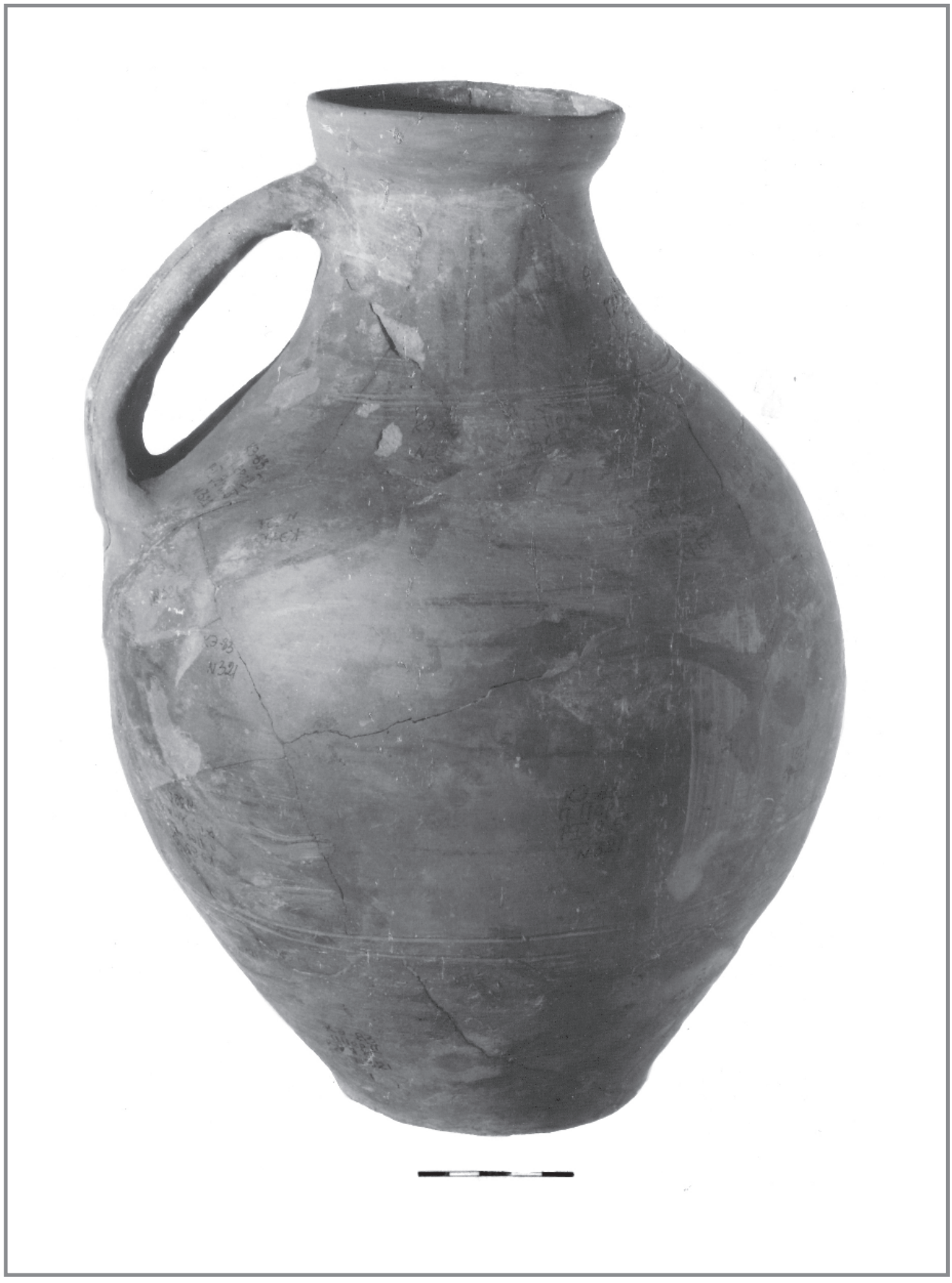

Рис 39. Кувшин XVII в.

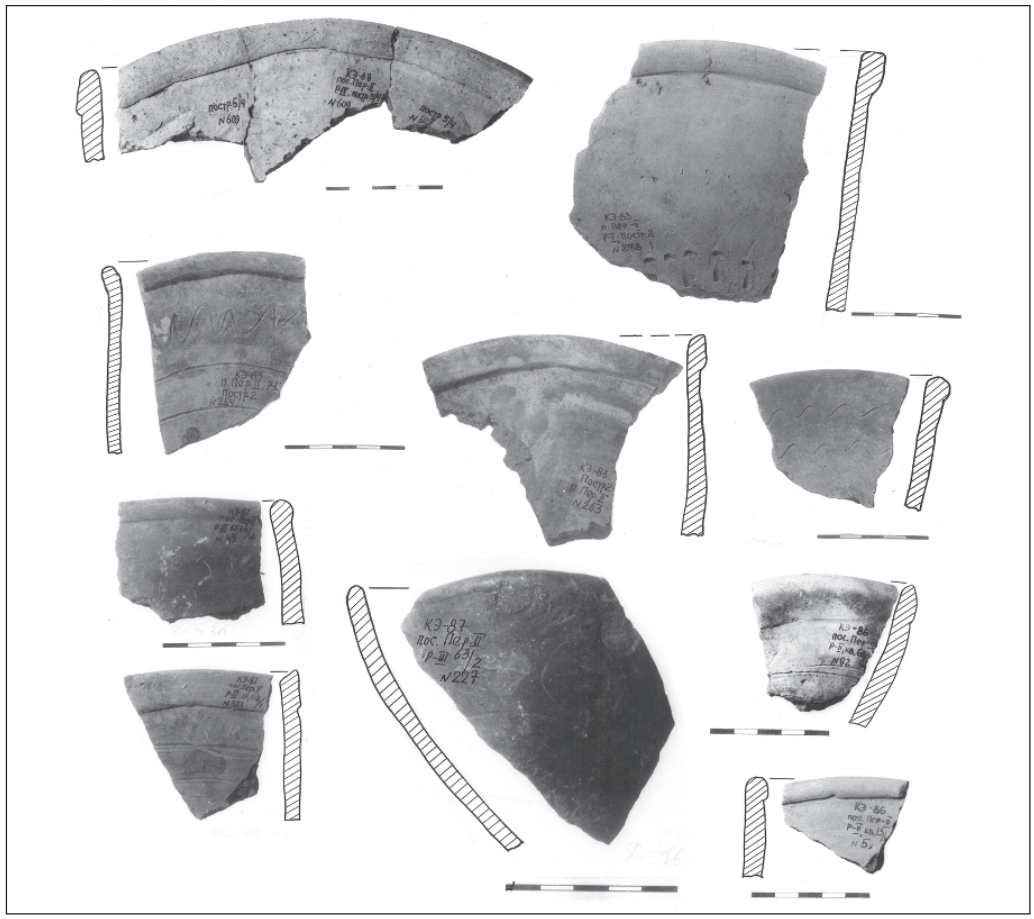

Рис 40. Фрагменты крышек и мисок XVII–XVIII вв.

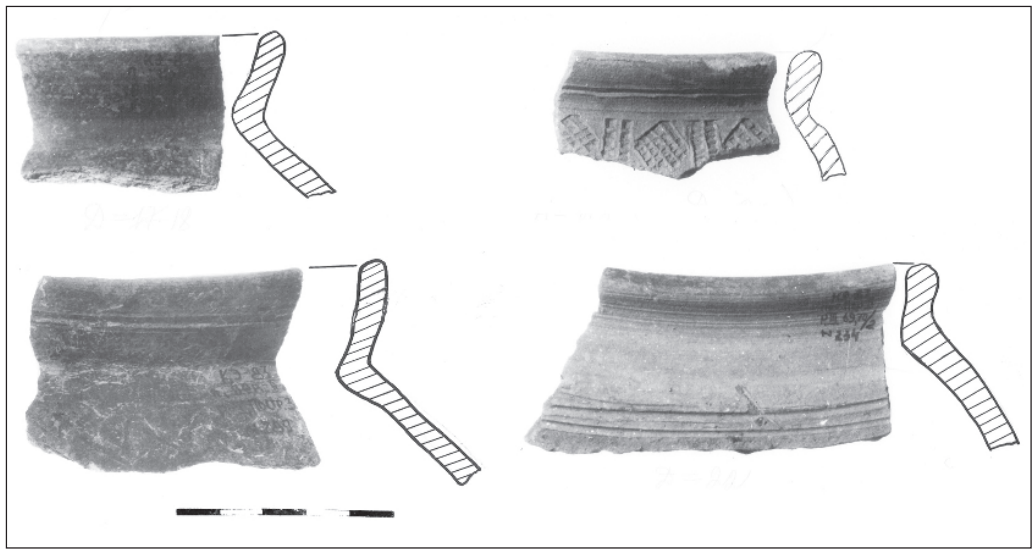

Рис 41. Венчики сосудов XVIII в.

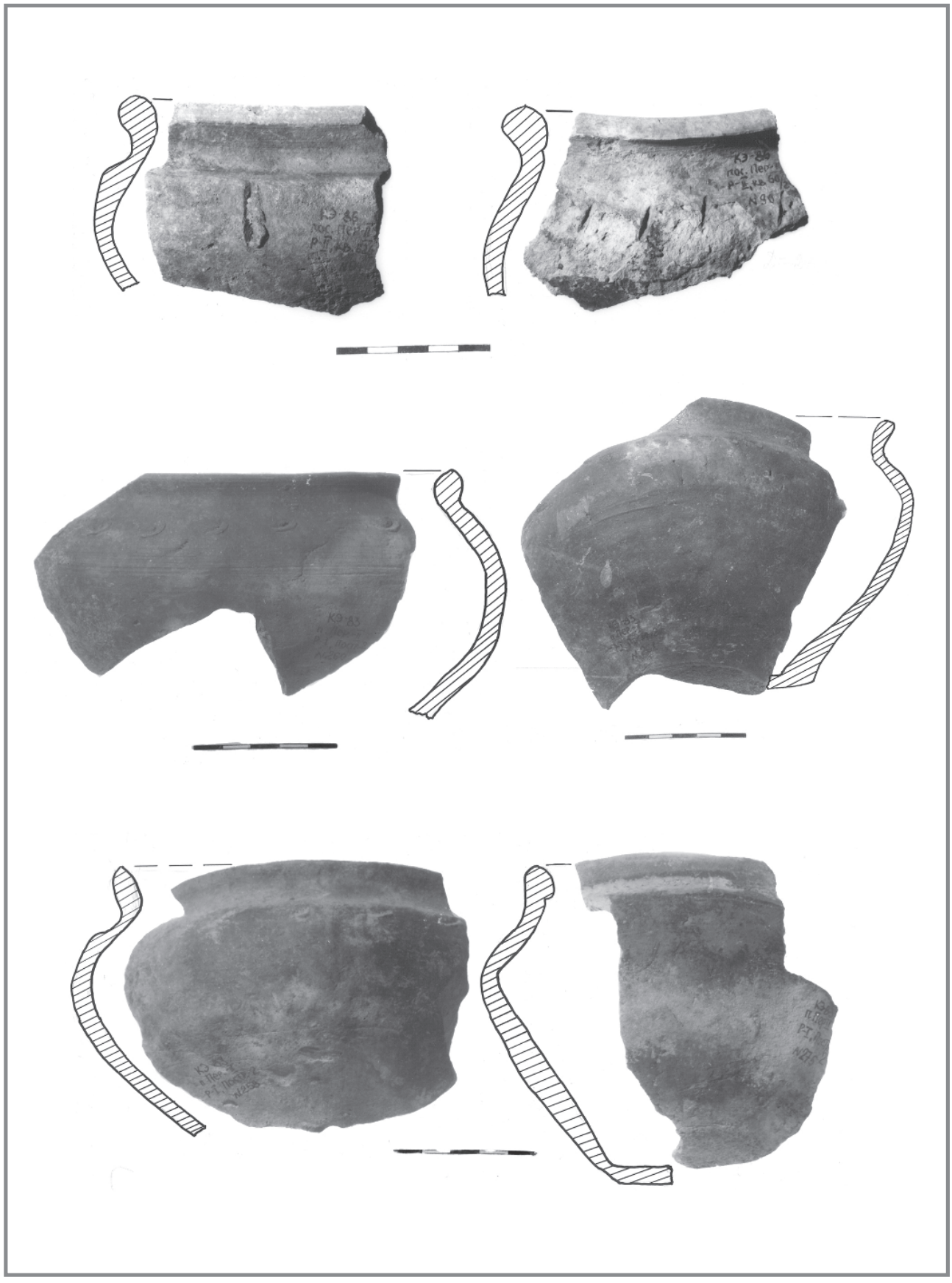

Рис 42. Керамика XVII в.

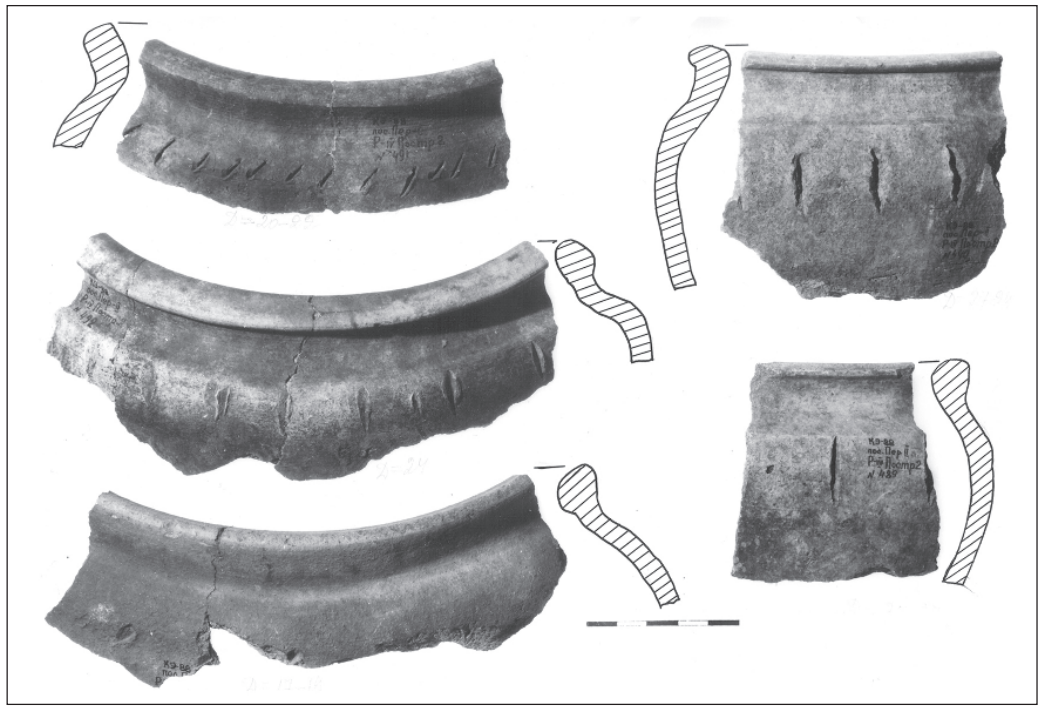

Рис 43. Керамика XVII в.

Рис 44. Железные изделия позднеславянского (русского) периода.
1 – наконечник стрелы; 2 – нож; 3 – шило; 4-5 – обувные подковки.

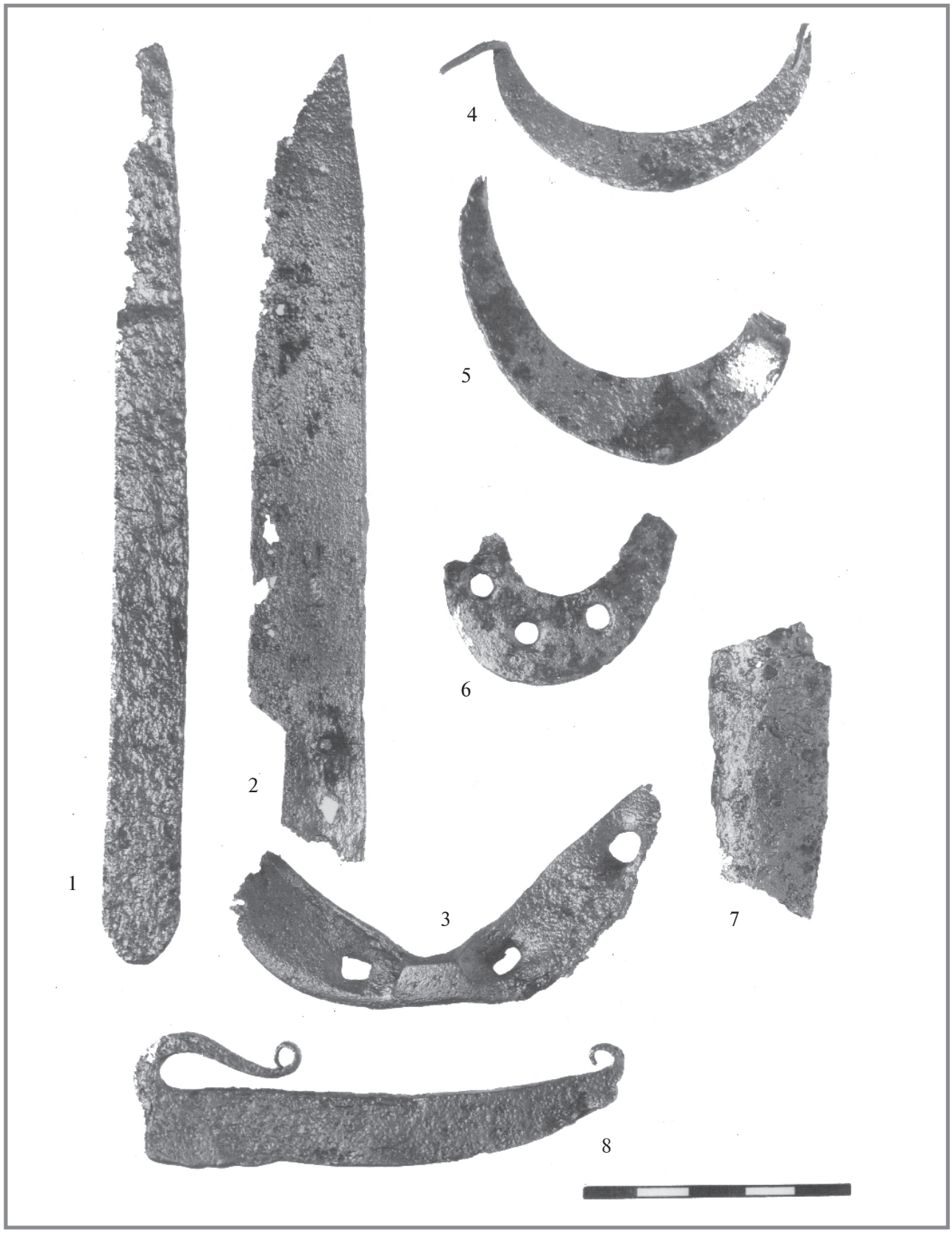

Рис 45. Железные изделия позднеславянского (русского) периода.
1 – бритва; 2 – нож; 3,6 – обувные подковки; 4-5 – скобели (?); 7 – обломок пластинки; 8 – кресало.

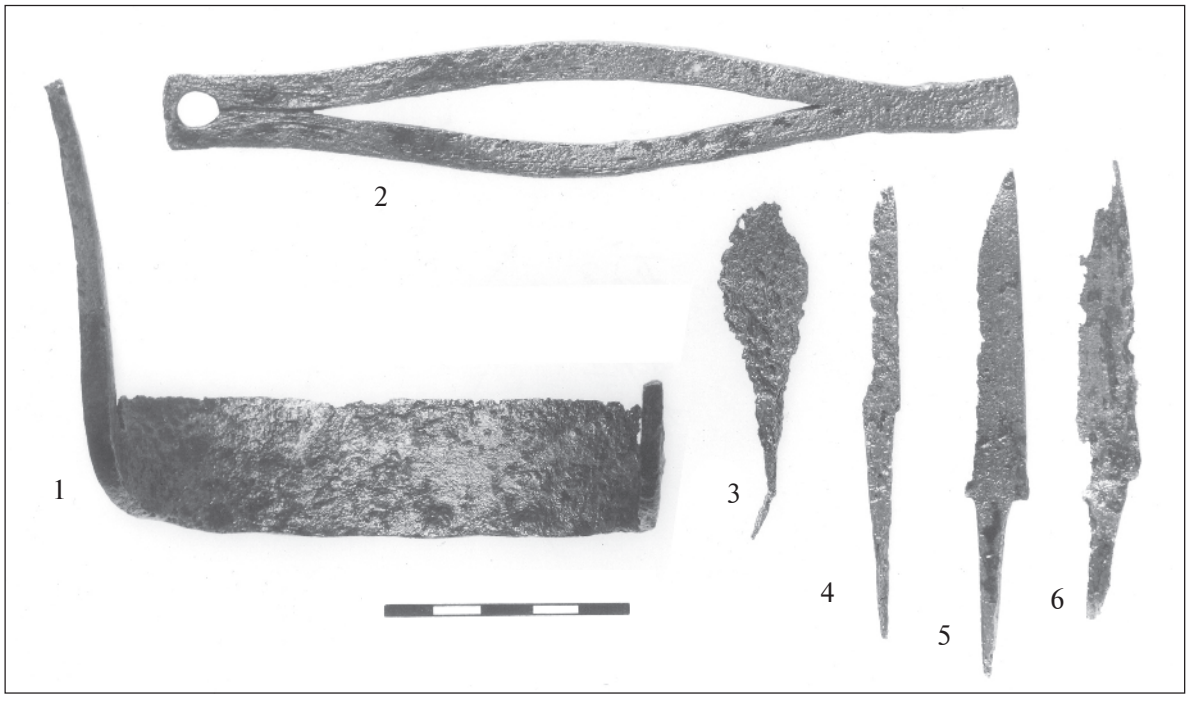

Рис 46. Железные изделия позднеславянского (русского) периода.
1 – скобель; 2 – кресало; 3 – наконечник стрелы; 4-6 – ножи.

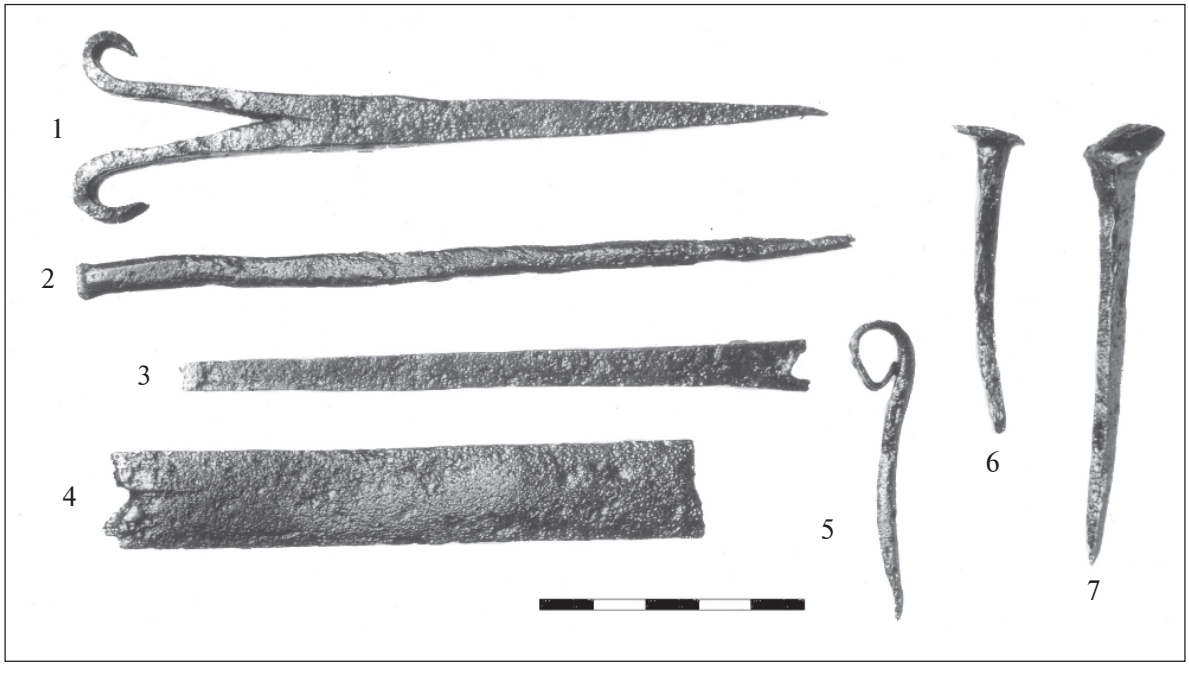

Рис 47. Железные изделия позднеславянского (русского) периода.
1 – светец; 2-3 – острия; 4 – пластинка; 5 – язычок пряжки; 6-7 – гвозди.

Рис 48. Железные изделия позднеславянского (русского) периода. 1-3 – ножи; 4 – совня.

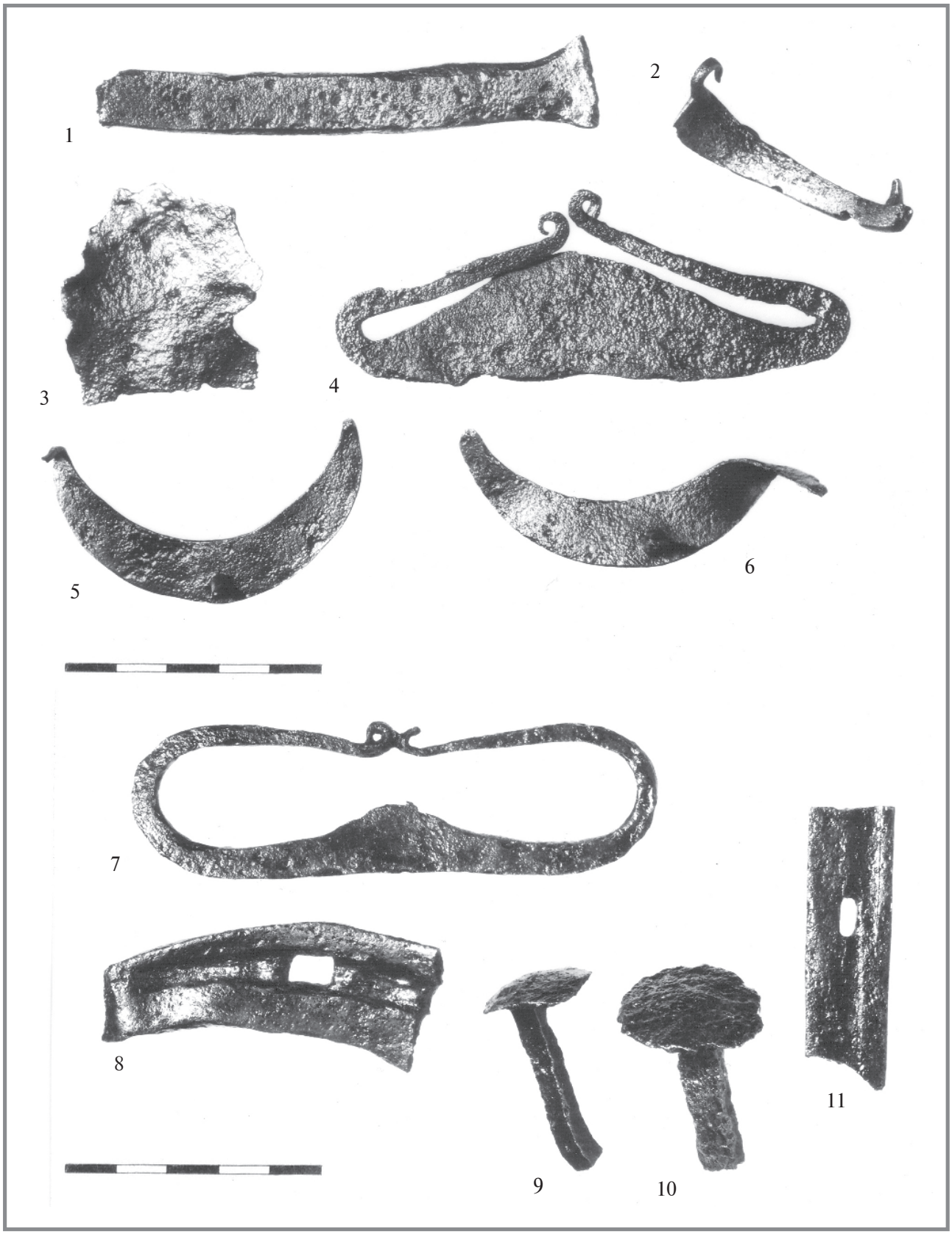

Рис 49. Железные изделия позднеславянского (русского) периода.
1 – стержень с расширенным концом; 2,5,6 – изделия типа скобелей; 3 – пластинка; 4,7 – кресала; 8,11 – фрагменты подков; 9-10 – гвозди.

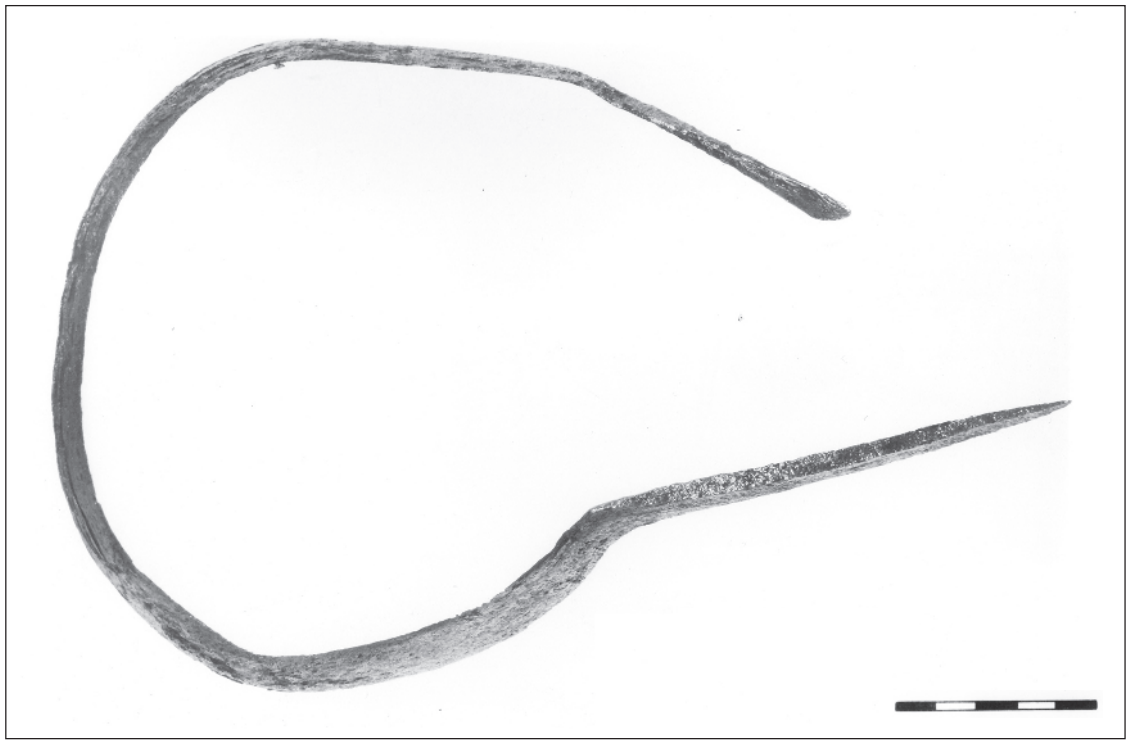

Рис 50. Серп позднеславянского (русского) периода

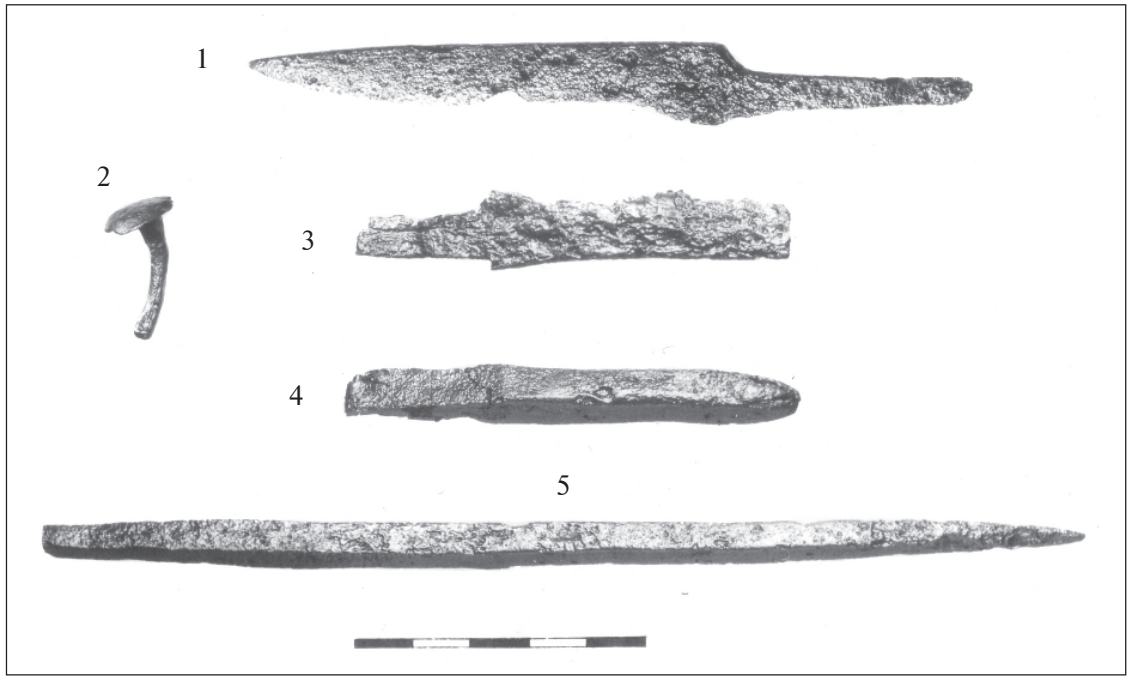

Рис 51. Железные изделия позднеславянского (русского) периода.
1,3 – ножи; 2 – гвоздь; 4-5 – четырёхгранные стержни.

Рис 52. Костяные изделия позднеславянского (русского) периода.
1-4 – обломки полых трубочек.

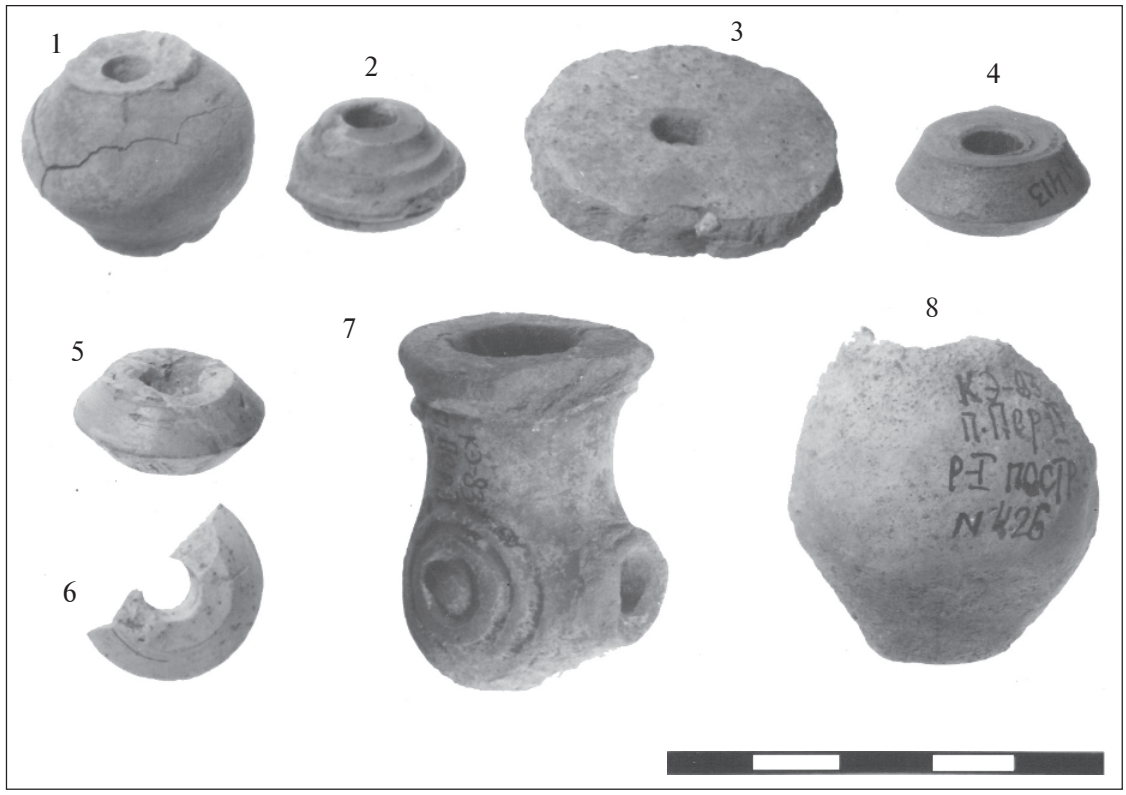

Рис 53. Глиняные изделия позднеславянского (русского) периода.
1-6 – пряслица; 7 – курительная трубка; 8 – обломок грузила.

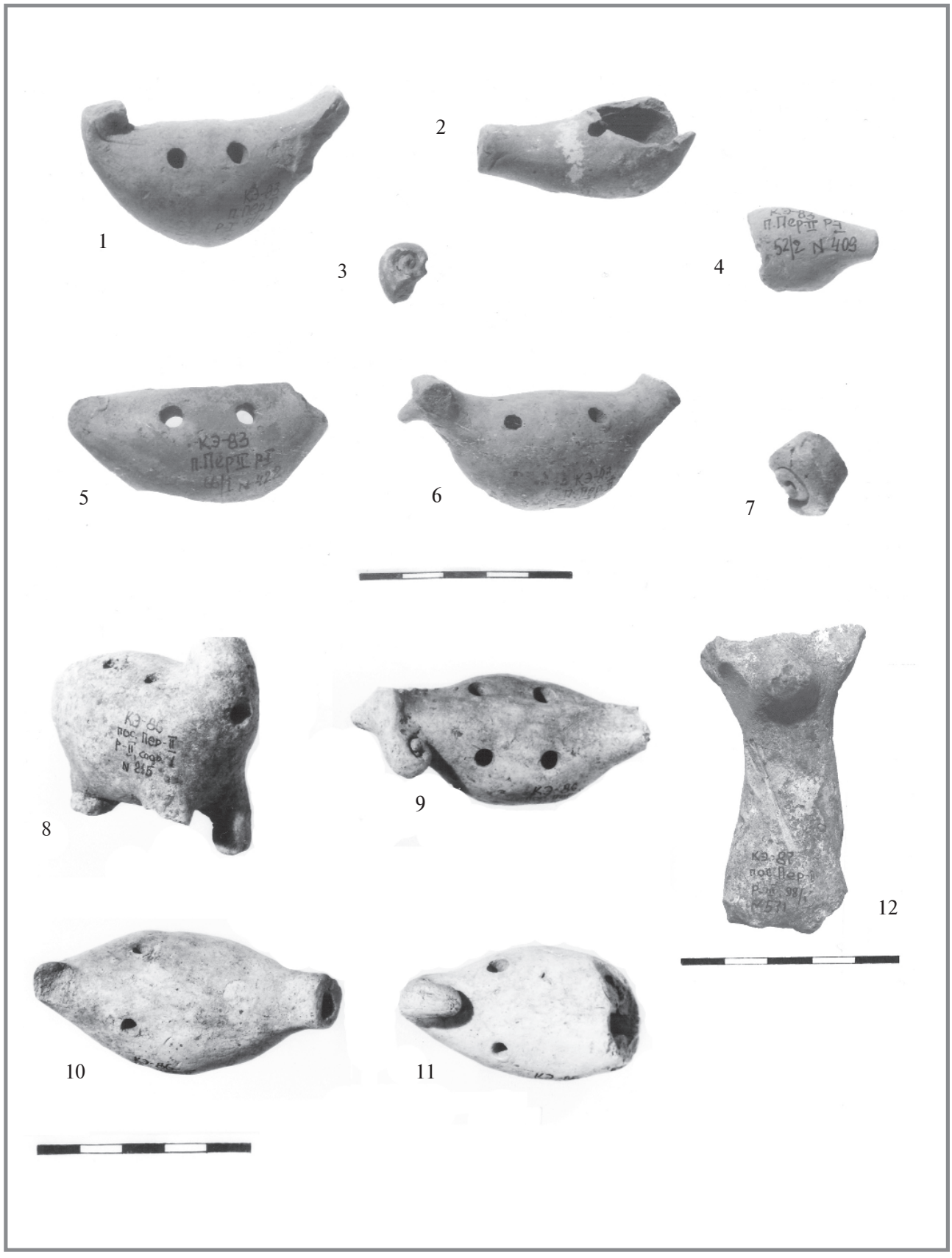

Рис 54. Глиняные игрушки XVII-XVIII вв.
1-11 – свистульки в виде птиц и животных; 12 – обломок коника.

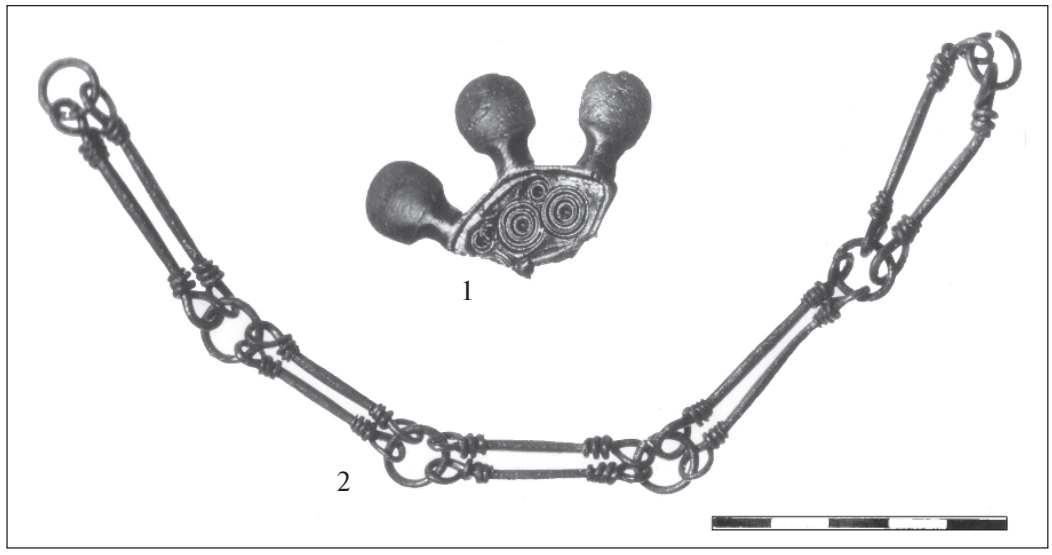

Рис 55. Находки, не имеющие чёткой связи с культурными напластованиями поселения. 1 – фрагмент пальчатой фибулы; 2 – цепочка.

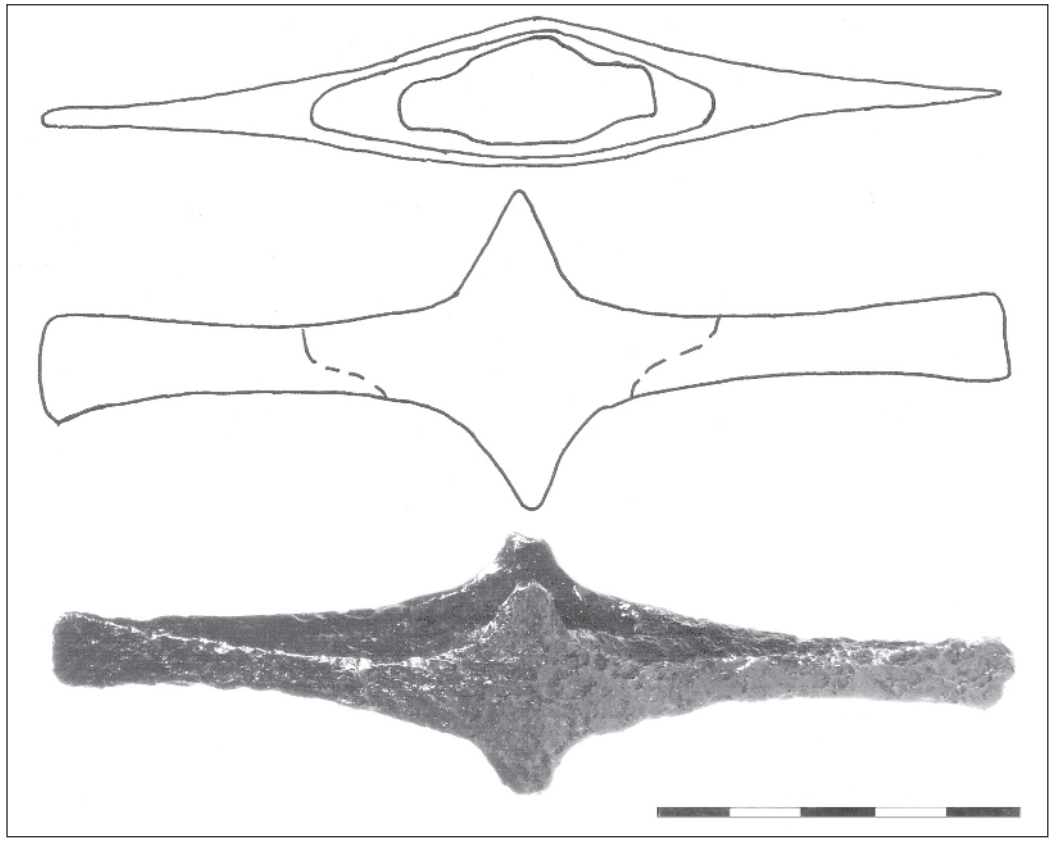

Рис 56. Перекрестье сабли (XVII в.).

СМЕНА ТИПОВ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПОСЕЙМЬЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПОСЛЕДНЕГО ОЛЕДЕНЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНОК ПОСЕЙМЬЯ БЫКИ)

© 2012 г. Н.Б. Ахметгалеева
Курчатовский государственный краеведческий музей (Курская обл., Россия)

Введение. В последнее время усилилось внимание отечественных исследователей к рассмотрению взаимосвязей между окружающей средой и образом жизни древнего человека. Одной из главных особенностей верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины является активное расселение людей и появление разнообразных типов стоянок на заключительных этапах последнего оледенения. Это могло быть взаимосвязано с расширением территорий, пригодных для обитания. В тоже время происходила адаптация позднепалеолитического человека к условиям изменяющегося ландшафта и климата.

В данном исследовании будут обобщены результаты многолетних комплексных исследований, проведённых на верхнепалеолитических стоянках Быки (бассейн Сейма), расположенных на стыке разных палеолитических регионов – Десны, Костёнковско-Борщевского района и степных стоянок Левобережья Украины. Пограничное положение памятника отразилось в своеобразии изучаемых материальных культур. Здесь выявлено не только существование разных типов и структур верхнепалеолитических поселений, ранее неизвестных индустрий, но и их постепенное изменение и смена.

Краткая сравнительная характеристика каменных индустрий и условий залегания культурных слоёв стоянок. Данный комплекс стоянок общей площадью более 500 м^2 расположен на левом берегу реки Сейм, на мысообразном выступе второй надпойменной террасы (Григорьева, Филиппов, 1978. С. 168-175; Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2004а. С. 22-33). Стоянки находятся в 2,5–3 км от современного русла реки, но характер рельефа и строение террасовых поверхностей позволяют считать, что в период обитания древнего человека русло Пра-Сейма проходило в непосредственной близости (Рис. 1). На то, что древний мыс был выбран обитателями Быков как оптимальный для обитания в то время участок, указывают особенности геоморфологического строения местности (Ахметгалеева, 2007. С. 155-156).

В настоящее время здесь выявлено 8 местонахождений каменного века. К сожалению, до сих пор в литературе можно встретить упоминание о Быках как о некой единой стоянке, что существенно искажает реальную ситуацию. История изучения этого палеолитического комплекса берёт своё начало в 1975 году, когда были проведены спасательные исследования Пенской стоянки под руководством Г.В. Григорьевой во время строительства отстойных сооружений Пенского сахарного завода (Григорьева, Филиппов, 1978. С. 168-175) После длительного перерыва работы были возобновлены после открытия нового памятника Быки-1 (Апальков, Стародубцев, 1995. С. 66-67.). Его исследования проводила Сеймско-Деснинская палеолитическая экспедиция (СДПЭ) под руководством А.А. Чубура в 1996–1999 гг (Чубур, 1998. С. 107-116; 2001). Тогда же при участии А.Н. Апалькова было открыто местонахождение Быки-2, а затем А.А. Чубуром был выделен отдельный пункт Быки-3 в непосредственной близости от Быков-1 (Ахметгалеева, Чубур, Шпилёв, 1999. С. 219-220). В мае 1998 года во время разведочных работ СДПЭ А.Г. Ахметгалеевым и Р.Ф. Гильфановым в 180 м к востоку от стоянки Быки-1 был собран первый подъёмный материал со стоянки Быки-5 (Ахметгалеева, Чубур, Шпилёв, 1999. С. 240; Ахметгалеева, 1999. С. 34-35). С 1999 года начинается новый этап в исследованиях на данной территории Посеймья. Одновременно ведут работы две экспедиции. Быки-1 последний год изучает СДПЭ под руководством А.А. Чубура, а к исследованиям новой стоянки Быки-5 приступает Курчатовская палеолитическая экспедиция (КПЭ) под руководством автора. Одновременно продолжаются и разведочные работы. Несколько отдельных групп КПЭ ежегодно осматривают территорию древнего мыса. С первых дней исследований на комплексе отдельные обозначения получали все участки вымывания подъёмного материала. Основой для подразделения являлась удалённость новых пунктов от ранее известных мест в совокупности с изменением сырьевых, технологических и типологических характеристик расщеплённого кремня. Итогом было открытие в 1999 году

ещё двух верхнепалеолитических местонахождений – Быки-6 и Быки-8 (Ахметгалеева, 2001. С. 50-52). А в 2000 году в 180 м юго-западнее стоянки Быки-5 была открыта стоянка Быки-7. Изучение этого трёхслойного памятника внесло существенные коррективы в понимание общей ситуации на комплексе. С 2000 года, с работ на стоянке Быки-7, начинаются комплексные исследования с привлечением специалистов-естественников палеогеографа Юрия Николаевича Грибченко (ИГ РАН), палеозоолога Натальи Дмитриевны Буровой (ИИМК РАН), геофизика Владимира Григорьевича Бездудного (г. Ростов-на-Дону) и других.

Для стоянок получена серия радиоуглеродных дат. Пенская стоянка датируется 21 600 ± 50 (ЛЕ-1434а), 23 100 ± 280 (ЛЕ-1434б), 25 200 ± 350 (ЛЕ-1434(в). Для стоянки Быки-1 получены даты 17570 ± 120 (ГИН-8408), 17 640 ± 130 (ГИН-8409), 17 200 ± 300 (ГИН-8408а), 16 600 ± 180 (ГИН-8409а). Дата Ia культурного слоя Быки-7 – 16 000 ±130 (ГИН – 11755); I культурного слоя 17 000 ± 90 (ГИН – 11753). В 2007 году стала известна новая серия дат для этой стоянки, полученных Л.Д. Сулержицким (ГИН РАН) и Н.Д. Буровой (ИИМК РАН). Радиоуглеродная дата Ia культурного слоя, полученная по битым костям животных, в том числе птичьим, залегавшим в лёссовидной супеси 14 300 ± 370 (ГИН – 13082). 14 600 ± 250 (ГИН – 13083) – получена по битым костям, в том числе птичьим, происходящим из мерзлотных трещин. Новая дата I слоя, полученная также по битым костям животных, в том числе птичьим, 15 600 ± 400 (ГИН – 13084). В лаборатории ИИМК РАН по костям песца и зайца для Ia культурного слоя Быков-7 получена дата 17 320 ± 640 (ЛЕ – 7794). Относительная хронология памятников не вызывает сомнения. И старые, и новые серии дат по разным слоям Быков-7, полученные в лаборатории ГИН, повторяют хронологический разрыв в тысячу лет, и это важное наблюдение. Чем объясняется омоложенность второй серии дат, полученных в лаборатории ГИН, пока не ясно.

Стратиграфическое соотношение культурного слоя с мерзлотными деформациями и расположением других датированных стоянок позволило охарактеризовать возраст Быков-5 как более молодой по отношению к Быкам-7(Ia) и оценить его приблизительно в 13–15 тысяч лет.

Характерной является непродолжительность обитания на Быковских стоянках и преобладание в остеологических коллекциях костей копытных животных и пушного зверя, в то время как на остальных известных стоянках Посеймья и центра Русской равнины, относимых к позднеледниковью, преобладают кости мамонта. На основе анализа видового состава и экологической приуроченности млекопитающих сделан вывод о том, что фауна стоянок Быки относится к *бореальному подкомплексу мамонтового териокомплекса* позднего Валдая. Она свидетельствует о том, что на территории обитания древних людей был распространен перигляциальный лесостепной ландшафт с преобладанием открытых пространств и небольших участков лесов по берегам рек (Бурова Н.Д.: по Ахметгалеева, Бурова, 2008. С. 44-55.).

Пены, Быки-1, 2, 3, и Быки-7(I, Ia культурные слои) объединяют единые культурные традиции, выражающиеся в сходстве каменного и костяного инвентаря, стратегии жизнеобитания. В центре Русской равнины перечисленные стоянки единственные, в каменном инвентаре которых микролиты – вытянутые треугольники представлены большими сериями. Набор кремнёвых орудий на этих памятниках достаточно специализирован (Ахметгалеева, 2004б. С. 285–298; 2004в. С. 58-67; 2006. С. 34-39; 2007. С. 155-169; 2011. С. 343-355). Присуще большое разнообразие форм скребков с постепенным увеличением их доли по сравнению с резцами от Пенской стоянки к Быкам-7. Присутствуют короткие скребки, укороченные, двойные, со стрельчатым и со скошенным лезвием, с желвачной коркой, на отщепах, с шипами, в сочетании с резцовым сколом. Резцы представлены в основном многофасеточными, трансверсальными, на сломе и двугранными. Разнообразны в коллекциях проколки, выделяются с длинным жалом, на пластинах с выемками.

На остальных памятниках этой группы – Быках-5,6,7(II),8 в орудийном составе преобладают резцы, в том числе ретушные, треугольных микролитов нет. По имеющимся на сегодня немногочисленным сведениям о них можно предположить, что это разнокультурные памятники.

Материалы поселений Быки-2,3,6 и 8 находятся на начальной стадии изучения**,** поэтому об их структуре, планиграфии и о стратиграфической позиции говорить рано.

Что касается остальных, то наблюдается сложная стратиграфия памятников. Обитание человека на стоянках, в индустриях которых присутствуют треугольные микролиты, приурочено к периодам смены климатических условий. Культурные слои залегают, как минимум в двух литологических слоях, разделённых периодами деградации мерзлоты. Изучение микростратиграфии *Пен, Быков-1* и *Быков-7* показало, что культурные отложения на них могут относиться к разным периодам существования поселений (Ахметгалеева, 2005а. С. 10-27; 2009. С. 233-236). Нижний уровень залегания находок приурочен к верхней толще песчаных отложений и связан с жилыми площадками. Верхний уровень залегания находок, свидетельствующий об отдельном этапе заселения, приурочен к нижней пачке лёссовидных супесей.

На поселениях встречен ограниченный количественный состав каждого вида млекопитающего. Даже грубый подсчёт показывает, что возможное количество мясных запасов на стоянках было невелико, что ограничивает *время обитания*. Максимум концентрации находок в культурном слое вне объектов не превышает 100 предметов (не считая мельчайших чешуек), а в среднем это всего 10–25 предметов на квадрат. Таким образом, к долговременным поселениям их отнести нельзя. При описании концентрации находок на разных типах поселений в дальнейшем я буду исходить из этих показателей максимума и минимума. Изучение материалов Пен и Быков-1, не разделённых авторами раскопок по горизонтам, производилось с учётом их нивелировочных отметок и описания условий залегания. Безусловно, не исключена определённая погрешность.

В отличие от археологических стоянок Пены, Быки-1 и Быки-7(Ia, I), изучение которых свидетельствует о постепенном освоении площади поселения или определённой цикличности заселения, культурный слой *Быков-5* и *нижний (II) слой Быков-7* имеют более определённую локализацию во вмещающей толще. Это может иметь значение, т.к. их материалы в культурном отношении отличаются от первой группы стоянок.

Работая с памятниками, значительная площадь которых уничтожена, а определённая часть сохранившихся участков не исследована, приходится признать, что определение статуса их функционального типа нуждается в дополнительном исследовании и аргументациях. Тем не менее, анализ соотношения фауны, качественного состава каменного инвентаря, трасологические и зооархеологические наблюдения приводят к выводу о существовании в данном регионе нескольких различных типов поселений. Попробуем их охарактеризовать.

Основные стойбища, предположительно существовавшие в холодные периоды

1 тип На стоянке происходил практически полный цикл кремнеобработки и использования орудий, но использовались принесённые на стоянку преформы и заготовки. Кремень не патинирован. Многочисленны костяные орудия, среди которых превалируют острия, связанные с креплением или прокалыванием кож/шкур.

Культурные остатки связаны с ограниченной площадью углубленной жилой площадки. Присутствуют очаги, зольники, ямы разного назначения, костные конструкции и иные объекты культурного слоя. Участки поселения характеризуются средней и высокой плотностью находок, насыщенностью культурного слоя.

В фаунистическом наборе присутствуют представители двух экологических ниш: степи и леса. Доминирующий вид отсутствует. Основными объектами охоты древних обитате-

лей были северный олень, широкопалая лошадь, песец и заяц. Найдены кости единичных особей мамонта, шерстистого носорога и бизона. Есть как свидетельства первичной, так и вторичной разделки туш животных, включая полный цикл утилизации костного сырья и обработки шкур животных (включающей их скрепление, пошив одежды). Представлена разнообразная хозяйственная деятельность.

К 1 типу основного стойбища, существовавшего в холодный период, можно отнести ***нижний уровень обитания стоянки Быки-1*** и, возможно, ***нижний уровень обитания Пенской стоянки.***

По мнению А.А. Чубура, на Быках-1 им изучен углубленный жилой объект александровско-тельманского типа (Рис. 2, *I*). «Остатки основной его части представляли собой котлован диаметром около 5 метров и глубиной около 1 метра с некогда почти отвесными стенками, серией углублений различной формы и назначения на дне и в придонной части культурного слоя и центральным очагом сложной конструкции.» (Чубур, 2001. С. 34-42). 14 ям расположено по периметру площадки, отмечены 4 приочажных ямки. Количество кремня и костных остатков в них минимальны. Отмечена неодновременность существования ям, наличие двух золистых прослоек. Это можно объяснить или постепенным освоением площади стоянки, что более вероятно, или цикличностью обитания на ней.

Трасологические наблюдения инвентаря данного этапа обитания свидетельствуют о разнообразной домашней деятельности. Среди орудий большой процент использован в работе с твёрдыми материалами, присутствуют костяные заготовки и орудия (Ахметгалеева, 2005а). По мнению А.А. Чубура, наличие как молодых, так и старых рогов в материалах раскопок свидетельствует об охоте на северного оленя в значительную часть года. Отсутствие костей сосунков может быть объяснено охотой на северного оленя в холодные сезоны (Чубур, 2001. С. 26). О суровых климатических условиях свидетельствует и присутствие в материалах стоянки бивневого нуклеуса и трёх отщепов. Экспериментальные работы Е.Ю. Гири и Г.А. Хлопачёва показали, что раскалывание бивня осуществимо только при температуре не выше -25°С (Хлопачёв, 2006. С.24-27).

Коллекция Пенской стоянки происходит с ограниченной территории в 4,5 м^2 (Рис. 2, *II*) и не может свидетельствовать о направлении хозяйственной деятельности в целом (Григорьева, Филиппов, 1978. С. 168-170). Функционально-планиграфический анализ жилых объектов Пенской стоянки и Быков-1 выявил сходство их приочажных зон (Ахметгалеева, 2005а. С. 10-28). Сходно и конструктивное использование крупных костей.

2 тип На стоянке происходил ограниченный цикл кремнеобработки и использования орудий. В работу шли в основном принесённые на стоянку орудия и заготовки, случаи расщепления галек единичны. Нуклеусное расщепление ориентировано на получение микролитов. Кремень не патинирован. Отмечен высокий уровень утилизации инвентаря. Многочисленны костяные орудия, среди которых превалируют острия.

Культурные остатки связаны с ограниченной площадью не углубленной жилой площадки. Присутствуют зольники, ямы разного назначения и иные объекты культурного слоя. Характеризуется средней и слабой насыщенностью культурного слоя**,** в основном находки залегают в искусственных ямах, где их концентрация достигает максимума.

Доминирующий вид отсутствует. В фаунистическом наборе отмечены представители двух экологических ниш: степи и леса. Основными объектами охоты древних обитателей были северный олень, широкопалая лошадь, песец и заяц. Есть свидетельства первичной и вторичной разделки туш животных, включая полный цикл утилизации костного сырья и шкур животных (включающей их скрепление, пошив одежды).

Превалируют работы по разделке туш животных и обработке шкур.

К 2 типу «основного стойбища, существовавшего в холодный период» может относиться ***средний (I) культурный слой стоянки Быки-7.*** Исследования жилого объекта I культурного слоя размерами 7 × 8 м^2, по типологическому описанию наиболее близкого к аносовско-

гмелинскому типу жилищ, закончены в 2004 году (Рис. 3; 4). В его центре расположены два зольника, по периметру 25 ям. Но не все они спущены с единого уровня, но ввиду сильной деформации слоя строительными работами корреляция объектов друг с другом возможна лишь на ограниченных участках. Это можно объяснить или постепенным освоением площади стоянки, или цикличностью обитания на ней.

Трасологические исследования инвентаря показали, что основные работы на стоянке заключались в разделке охотничьей добычи, выделке шкур и изготовлении меховых изделий (Ахметгалеева, 2005а. С. 12-28; 2009. С. 231-145). Обращает на себя внимание выборочность набора скелетных элементов лошади и северного оленя (Ахметгалеева, Бурова, 2008. С. 44-55). Преобладают фрагменты ребер и изолированные зубы лошади, для северного оленя характерно большое количество фрагментов ребер, позвонков и метаподий. Все длинные кости конечностей раздроблены. Единичны анатомические группы костей и фрагменты краниального скелета. Среди костей зайца преобладают элементы дистальных и средних отделов конечностей. Остатки песца в слое I представлены, главным образом, позвонками, ребрами и трубчатыми костями. Минимальное количество третьих фаланг песца и зайца позволяет предполагать, что в процессе снятия шкурки они оставались внутри, а шкурки затем были унесены с территории лагеря (по Буровой: Ахметгалеева, Бурова, 2008. С. 46-55). Встречены единичные кости мамонта, волка и бурого медведя, степного хорька (?), кости птиц. Сезон обитания стоянки должен был затрагивать конец зимы – начало весны, поскольку возраст одной из особей северного оленя определён как 8–12 месяцев.

Характер коллекций каждого объекта и в целом стоянки, степень изношенности орудий, фрагментарность предметов неутилитарного характера, позволяет предполагать, что это остатки выброшенных предметов. Всё это свидетельствует в пользу того, что стоянка была покинута не вследствие какого-то стихийного бедствия, а планово. Культурные отложения I слоя Быков-7 соответствуют определённому циклу заселения этой жилой площадки. В этом плане интересно, что уникальная с точки зрения современников, зооморфная поделка из бивня мамонта с навершием в виде головы лошади была найдена расслоившейся до её консервации на периферии жилой стоянки, воткнутой вертикально в песок (аналогично местонахождению зооморфной поделки с Быков-1). Детальный анализ её местонахождения и трасологическое изучение позволили предположить, что поделка была оставлена преднамеренно, и что с этим может быть связан охотничий ритуал (Ахметгалееева, 2005б. С. 70-76.).

Основные стойбища тёплого периода (?)

1 тип На стоянке происходил практически полный цикл кремнеобработки и использования орудий. Расщеплялись принесённые на стоянку формы, не требующие предварительной подготовки, пренуклеусы и обрабатывались заранее подготовленные заготовки. Кремень преимущественно патинирован.

Доминирующий вид отсутствует. Основными объектами охоты древних обитателей были северный олень, широкопалая лошадь, песец и заяц. Кости особей мамонта, шерстистого носорога и бизона единичны и выветрены в большей степени, чем остальные костные остатки. Преобладает первичная разделка туш животных, но присутствуют и элементы вторичной разделки. Характеризуются присутствием анатомических групп костей, фрагментами краниального скелета. Не фиксируется полного цикла утилизации костного материала и шкурок животных. Представлена разнообразная хозяйственная деятельность, но при этом выделяются различные функциональные зоны, насыщенность культурных слоёв на них вариативна – от участков значительных размеров с минимальной концентрацией находок до максимума.

Характеристика данного типа стойбища в Быках требует дополнительной проверки, тем более что анализируются значительно повреждённые площади поселений.

СМЕНА ТИПОВ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ПОСЕЙМЬЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПОСЛЕДНЕГО ОЛЕДЕНЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНОК ПОСЕЙМЬЯ БЫКИ)

К основным летним стойбищам можно отнести верхние горизонты с находками Пен (?), Быков-1, Ia культурный слой (верхний) Быков-7.

В Быках 1 к этому типу поселений могут относиться культурные отложения верхнего горизонта заполнения котлована жилища и на прилегающих к нему участках. В целом, распространение культурных отложений в супеси фиксируется на площади не менее 300 м^2. Даже если учесть значительную повреждённость и незаконченность исследования всей площади стоянки, следует отметить наличие разных функциональных зон. Учитывая сложную стратиграфию памятника, нельзя исключать того, что разграничение находок по слоям весьма условно, и высока погрешность. Участок жилой площадки связан со скоплениями разных анатомических групп, раздробленных при добыче костного мозга и преднамеренно фрагментированных длинных костей лошади и северного оленя, костей и черепов крупных животных (последние, возможно, принесены в ритуальных или каких-либо хозяйственных целях[1]). Наблюдались и три скопления, определённые А.А. Чубуром как следы «летних жилищ» (Чубур, 2001. С. 43-47). Не вникая в дискуссионность данного утверждения, обратим внимание на правильно отмеченную избирательность орудий в этих скоплениях. Трасологические наблюдения инвентаря данного горизонта указывают на превалирование вкладышей охотничьего вооружения и работ по разделке туш животных, первичной обработке кости. Обработанная кость представлена в основном заготовками и остриями, не связанными с обработкой шкур.

В **Пенах** к этому этапу освоения площади поселения могут относиться культурные отложения, залегавшие в супеси. К сожалению, их характеристика малоинформативна.

К 2012 году вскрыто 213 м^2 площади верхнего **Ia культурного слоя Быков-7**, работы не завершены. Здесь будут представлены промежуточные результаты исследования. Сразу отмечу слоистость лёссовидной супеси, в которой залегает археологический слой, что увеличивает вероятность цикличности формирования культурных остатков.

Зооархеологические и трасологические наблюдения показывают, что в целом основные работы на данном этапе обитания могли быть связаны с охотничьим промыслом, в том числе разделкой туш животных. Но есть отличия, наблюдаемые между участками даже при поверхностном анализе типологического соотношения групп орудий. Последние исследования показали прямую зависимость уровня микролитизации инвентаря от функционального назначения вскрытого участка. Практически отсутствует инвентарь, связанный со скреплением и последующим использованием шкурок и кож.

Наблюдается выборочность набора скелетных элементов лошади и северного оленя. Здесь встречаются в большом количестве анатомические группы костей песца и зайца, фрагменты краниального скелета лошади и северного оленя. Преобладают фрагменты ребер лошади и северного оленя. Все длинные кости конечностей, расколотые в результате добычи костного мозга, не имеют свидетельств их дальнейшего использования. Среди костей зайца преобладают элементы дистальных и средних отделов конечностей. Остатки песца представлены элементами дистальных отделов конечностей и позвонками в анатомической связке. Минимальное количество третьих фаланг песца и зайца позволяет предполагать, что в процессе снятия шкурки они оставались внутри, а шкурки затем были унесены с территории лагеря. Встречены единичные кости мамонта, шерстистого носорога, волка, росомахи, кости птиц, позвонок крупной рыбы и раковины двухстворчатых моллюсков, обитавших в тёплый период (консультация А. Чепалыги).

Сегодня мы можем выделить несколько зон, отличающихся по насыщенности культурных отложений и качественному составу инвентаря. Это *юго-восточный* участок, харак-

[1] А.А. Чубуром черепа бизона, мамонта и многие длинные кости крупных животных рассмотрены как конструкции жилища. К сожалению, его интерпретация противоречива и не подтверждена детальным описанием микростратиграфии.

теризующийся появлением слабых углисто-охристых пятен и средней для памятника концентрацией находок. *Юго-западный* участок характеризуется минимальной концентрацией каменного инвентаря и залеганием в заполнении мерзлотных трещин анатомических групп животных мелкого размерного класса (заяц, песец, птицы). *Центральная часть* вскрытой площади практически полностью уничтожена во время строительных работ. Качественный состав находок, соотношение групп орудий соответствует первому участку. Есть отдельные находки и скопления костей копытных животных, в том числе рогов северного оленя. Насыщенность культурного слоя минимальна.

Основная концентрация культурных остатков Ia слоя фиксируется на северных квадратах вскрытой площади. После того, как образовавшееся природное углубление было немного заполнено супесчаным материалом, оно было использовано в качестве места обитания первобытной группой. *Северо-западный* участок связан с залеганием максимального для стоянки количества остеологического материала в золисто-углистом пятне мощностью до 15 см по южному борту природной западины (Рис. 3;5). На этом участке значительно меняется соотношение групп орудий – уменьшается процент микролитов (вкладышей охотничьего вооружения) и увеличивается количество скребков (орудия по обработке шкур и дерева).

Северо-восточный участок характеризуется равномерным по площади залеганием находок (Рис. 3;6). Мощность золисто-углистого пятна, распространяющегося практически по всей площади, в среднем 2–5 см. Концентрация расщеплённого кремня увеличивается почти в два раза, в основном он залегает на сопредельных с костными скоплениями участках.

Временные перевалочные пункты

Это также наиболее трудно аргументируемый по имеющемуся археологическому материалу тип поселения. Главная его характеристика – специализированный характер хозяйственной деятельности, маломощность культурного слоя.

1 тип (обитание в тёплый период?). На стоянке происходило расщепление кремнёвых плиток, в ограниченных размерах изготовление орудий. Культурные остатки концентрируются отдельными скоплениями. Культурный слой маломощный, есть значительные участки, на которых находки отсутствуют. В общей сложности площадь поселения может занимать более 200 м^2. Не исключено, что фиксируется наложение разных приходов древнего человека на сопредельные участки, что археологическими методами определить невозможно.

Костные остатки редки и представлены преимущественно костными фрагментами одной – двух особей копытных животных (лошадь, северный олень), оставшихся после добычи костного мозга. Наиболее ценные в пищевом отношении части туш и костное сырьё для изготовления орудий унесены за пределы стоянки.

Углубленных объектов, ям, очагов, костных конструкций и иных объектов не обнаружено.

2 тип (холодный период обитания?). Характеризуется ограниченной площадью распространения и маломощностью культурных остатков, преобладанием первичного расщепления кремня. Изготовление орудий происходило в крайне ограниченных пределах.

От первого типа может отличаться своеобразием хозяйственных занятий. Орудия концентрируются на ограниченном участке и связаны с обработкой твёрдых материалов. Костные остатки редки и представлены фрагментами разных видов животных, в том числе пушных (лошадь, северный олень, заяц, песец). Кости копытных животных расколоты в целях добычи костного мозга.

Углубленных объектов, ям, конструкций не обнаружено, фиксируются отдельные небольшие зольные пятна.

К 1 типу временных стойбищ можно отнести ***Быки-5.***

Определены возможные размеры стоянки, которое могут превышать 500 м^2 (более 160 м^2 из них вскрыто). К сожалению, строительными работами потревожена большая её часть, в итоге нами исследуются только отдельные разрозненные участки с сохранившимся культурным слоем (Рис. 7).

Здесь расщеплялись принесённые на стоянку кремнёвые плитки. Зафиксировано место, на котором непосредственно происходило расщепление кремня. Изготовление орудий происходило в ограниченных размерах. Значительно преобладают резцы (66%). Кремень сильно патинирован. В настоящее время исследуется площадь, на которой происходила хозяйственная деятельность, связанная с использованием резцов и микропластинок с притупленным краем.

Встречены неопределимые фрагменты плохой сохранности, принадлежащие копытным животным, а также находки раковин двухстворчатых пресноводных моллюсков, обитавших в тёплый период.

Структурные и функциональные особенности памятника пока недостаточно ясны. Работы 2011 года показали, что между основными раскопами существует площадь, на которой хозяйственная жизнь отсутствовала. Аналогичные результаты давали и исследования в 2000 году. Этому может быть два объяснения. То, что эти участки обитания всё же имеют между собой небольшой хронологический перерыв. И второе – то, что на разрозненных, удалённых друг от друга площадках происходила разнообразная хозяйственная деятельность. В настоящий момент, более вероятной видится первая версия. Но над этим надо ещё работать. Вполне вероятно, что основные места хозяйственной деятельности на поселении точно ещё не определены и новые раскопки принесут новые неожиданные результаты.

Ко второму типу временного стойбища, предварительно отнесены культурные остатки нижнего ***II культурного слоя Быков-7.***

Участок, на котором распространены культурные остатки II слоя, занимает ограниченную площадь около 20–30 м^2 (Рис. 3; 8).

Верхний контакт находок с песком, как и отсутствие патины на кремне, свидетельствует о резкой смене климатических условий и его быстрой консервации. На северных участках, где в результате мощных криогенных деформаций I генерации образовалась западина, культурный слой отсутствует (уничтожен?), отдельные кремни встречены в заполнении мерзлотных клиньев.

Костные остатки редки. Есть осколки, образованные при раскалывании костей копытных животных в целях добычи костного мозга (лошадь, северный олень), присутствуют костные остатки волка, песца и зайца. На вскрытом участке каменные орудия концентрировались в центральной части вскрытой площади. Наиболее многочисленной категорией являются резцы, есть тронкированные пластинки с притупленным краем и прямоугольники. Предварительный трасологический анализ показывает превалирование работ по твёрдым материалам (Ахметгалеева, 2011. С. 343-355). На остальной площади происходило расщепление кремня, использовались принесённые плитки. Изготовление орудий происходило в крайне ограниченных размерах.

Обсуждение. Зачастую оспариваемое в своей правомочности обращение археологов к этнографии даёт очень интересные параллели. Л.Л. Коссинской описаны три основных варианта промыслового хозяйства таёжного населения, сформировавшегося к сер. II тыс. н.э. (Косинская, 2006. С. 19-21). Наиболее архаичным представляется глубинно-таёжный тип хозяйственного комплекса, характеризующийся меньшей охотничьей специализацией и ориентированный на добычу крупных копытных, мелкого зверя, птицы и, который дополнялся рыболовством. Территория, используемая домохозяйством, распространялась на многие десятки километров труднопроходимой местности. Основной производственный кол-

6. з. 7377

лектив состоит от двух до трёх близкородственных семей. Годовой цикл делится на два сезона (с конца осени по раннюю весну и летний). В безоленных домохозяйствах им соответствуют как минимум два основных стойбища – зимнее и летнее, расположенные в разных местах промыслового участка, а также ряд временных стоянок. Каждая покинутая территория по истечении времени становилась вновь пригодной для обитания. Изучая систему и продолжительность эксплуатации хозяйственных территорий, проводя этнографо-археологическую параллель, Л.Л. Косинская делает вывод, что «...одновременные поселения соседних общин могли располагаться на расстоянии десятков, если не сотен километров друг от друга. Каждое древнее «домохозяйство» за столетие должно было оставить после себя несколько поселений» (Косинская, 2006. С. 24)

На наш взгляд, такая биполярная модель существования охотничьего хозяйства с некоторыми вариациями вполне могла существовать и в эпоху позднеледниковья. Безусловно, реконструкции подобного плана чрезвычайно сложны и ограничены источниковой базой. К примеру, мы не знаем *полный путь миграций,* и то, где находятся другие лагеря данных первобытных групп. Важно понять, почему на ограниченном участке древнего мыса мы наблюдаем разные типы поселений? Вероятная причина этого видится в постепенном изменении границ охотничьих участков. Если учесть, что древние охотники следовали путями миграций диких животных, то следует признать, что должны были происходить какие-то изменения в природном окружении, заставлявшие животных менять ареалы своих обитаний.

Посмотрим, фиксируются ли серьёзные природные изменения археологическими или естественнонаучными методами?

Геоморфологические исследования выявили изменчивость литологических слоёв в пределах древнего мыса и даже в пределах одной стоянки. Приуроченность культурных слоёв многих поселений к контакту разных литологических слоёв отражает не только резкие изменения природного характера, но и изменение древнего рельефа, что не могло не повлиять на выбор конкретного участка для обитания. Проявления различных типов криогенеза в зоне распространения сплошной многолетней мерзлоты в какой-то степени могло обеспечивать достаточную стабильность поверхности, выбиравшейся первобытными людьми для поселения. Возникающие периоды деградации мерзлоты, приведшие к значительным трансформациям этих поверхностей, должны были вынудить человека покинуть привычное место.

На примере наиболее изученной в этом плане трёхслойной стоянки Быки-7 были проанализированы изменения в материальной культуре разновременных поселений, расположенных на одном локальном участке. Три культурных слоя разделёны периодами возникновения мерзлотных деформаций. Они различаются между собой по пространственному распределению культурных остатков, по структурным особенностям. Залегание археологических слоёв в разном вмещающем грунте указывает на различие в природном окружении в период их накопления и консервации. Данные тафономических наблюдений свидетельствуют о более быстром захоронении культурных отложений I и II слоёв в отличие от от Ia слоя, что подтверждает тезис о различающихся природных условиях в период их накопления.

Обратимся к изменениям в составе остеологических коллекций стоянок. Как уже отмечалось, доминирующего вида по стоянкам не отмечено. Наблюдаются особенности, связанные скорее с вариацией в хозяйственных направлениях вскрытых участков, нежели с существенным изменением охотничьего уклада. Но фиксируются изменения в сырьевой базе костяной индустрии. На наиболее древней Пенской стоянке в качестве исходного сырья используется бивень мамонта. Но он редок в коллекциях стоянок Быки-1 и 7(Ia,I). Только по материалам Пенской стоянки можно рассматривать вопрос о возможности использования свежего бивня, на остальных использовался выветренный материал. На стоянках Пены и Быки-1 в большей степени использовались в костяной индустрии кости круп-

ных животных, чем на стоянке Быки-7(Ia,I). В то же время в материалах Быков-7(Ia,I) возрастает роль костей песца, и особенно, зайца. Наблюдаются и изменения в группе стоянок Пены, Быки-1, Быки-7 в сторону увеличения в орудийном составе доли вкладышей охотничьего вооружения.

Вернёмся к вопросу о существовании разных типов поселений в Быках.

Важно понять, имеет ли место взаимозаменяемость и смена определённых типов поселений, обусловленная адаптацией древнего человека к меняющимся условиям природного окружения. Учитывая хронологическое и стратиграфическое соотношение выделенных типов поселений Быки можно прийти к определённым выводам, но, безусловно, требующих поиска дополнительных аргументаций:

Основные стойбища 1 типа заменяются поселениями 2 типа. С другой стороны, происходит постепенное замещение существования ограниченных жилых площадок, характеризующихся наличием углубленных ям и очагов летними стойбищами разных типов. Существование временных стоянок разных типов на изучаемой территории во все хронологические периоды пока не вызывает особого отрицания.

Благодарности: Автор выражает признательность своим коллегам, работающим на стоянках Быки палеозоологу Н.Д. Буровой и палеогеографам Ю.Н. Грибченко, Е.В. Воскресенской.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 06-06-80103-а

Литература

Апальков А.Н., Стародубцев Г.Ю. Исследования Курского музея археологии //Археологические открытия 1994 года. М., 1995.

Ахметгалеева Н.Б. Палеолитическая стоянка Быки-5 (Курчатовский район Курской области)// Археология Центрального Черноземья и Сопредельных территорий. Липецк, 1999.

Ахметгалеева Н.Б., Чубур А.А., Шпилев А.Г. Курский край: каменный век. Научно-популярная серия в 20 томах. Т.1. Курск, 1999.

Ахметгалеева Н.Б. Четыре новых местонахождения верхнего палеолита в Курской области// Археологические открытия 2000 года. М., 2001.

Ахметгалеева Н.Б. Комплекс стоянок каменного века Быки и его место среди позднепалеолитических памятников Русской равнины // Курский край. Научно-исторический журнал №№1-2 (51-52). Курск, 2004.

Ахметгалеева Н.Б. Кремневый комплекс стоянки Быки-7 // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.

Ахметгалеева Н.Б. Микроиндустрия стоянки Быки-7 // Деснинские древности–III. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвящённой памяти Ф.М. Заверняева. Брянск, 2004.

Ахметгалеева Н.Б. Использование кости на верхнепалеолитических стоянках комплекса Быки Курской области. Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2005.

Ахметгалеева Н.Б. Зооморфная поделка из бивня мамонта со стоянки Быки-7 // Археология, этнография и антропология Евразии 4(24). Новосибирск, 2005.

Ахметгалеева Н.Б. Перспективы исследований верхнепалеолитической стоянки Быки-7 Курской области // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006.

Ахметгалеева Н.Б. О перспективе исследований взаимодействия окружающей природы и верхнепалеолитических коллективов по материалам стоянок Быки в Посеймье // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер). М., 2007.

Ахметгалеева Н.Б., Бурова Н.Д. Зооархеологические наблюдения и реконструкция функционального назначения вскрытых участков стоянки Быки-7 // Человек. Адаптация. Культура. М., 2008.

Ахметгалеева Н.Б. Эволюция природных комплексов и смена типов верхнепалеолитических поселений на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки) // Археологический альманах, № 20. Донецк, 2009.

Ахметгалеева Н.Б. Нижний культурный слой стоянки Быки-7: проблемы и перспективы // Палеолит и мезолит Восточной Европы: Сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова. М., 2011.

Григорьева Г.В., Филиппов А.К. Пенская позднепалеолитическая стоянка // СА. № 4. 1978.

Косинская Л.Л. Взгляд археолога на Западно-сибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций // Тверской археологический сборник. Т. 1. Вып. № 6, Тверь, 2006.

Чубур А.А. Верхнепалеолитическая стоянка Быки на Сейме (предварительное сообщение) // РА. №1, М., 1998.

Чубур А.А. Быки: Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001.

Хлопачёв Г.А. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2006.

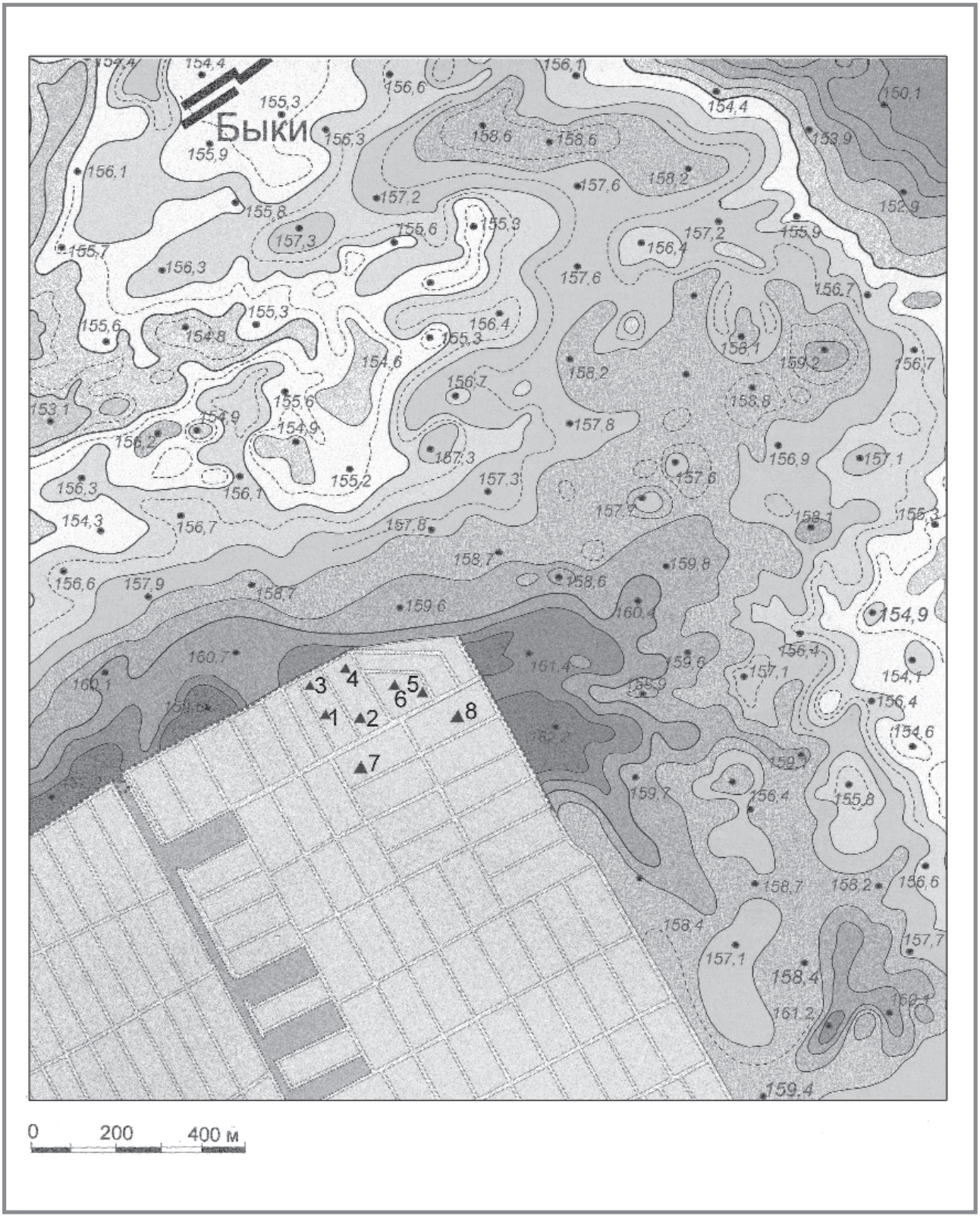

Рис. 1. Топографическая карта местности с указанием стоянок комплекса Быки, горизонтали через 10 м. *Прорисовка Ю.Н. Грибченко. Нумерация стоянок соответствует их порядковому номеру: 1 – Быки-1, 2 – Быки-2, 3 – Быки-3, 4 – Пены, 5 – Быки-5, 6 – Быки-6, 7 – Быки-7, 8 – Быки-8.*

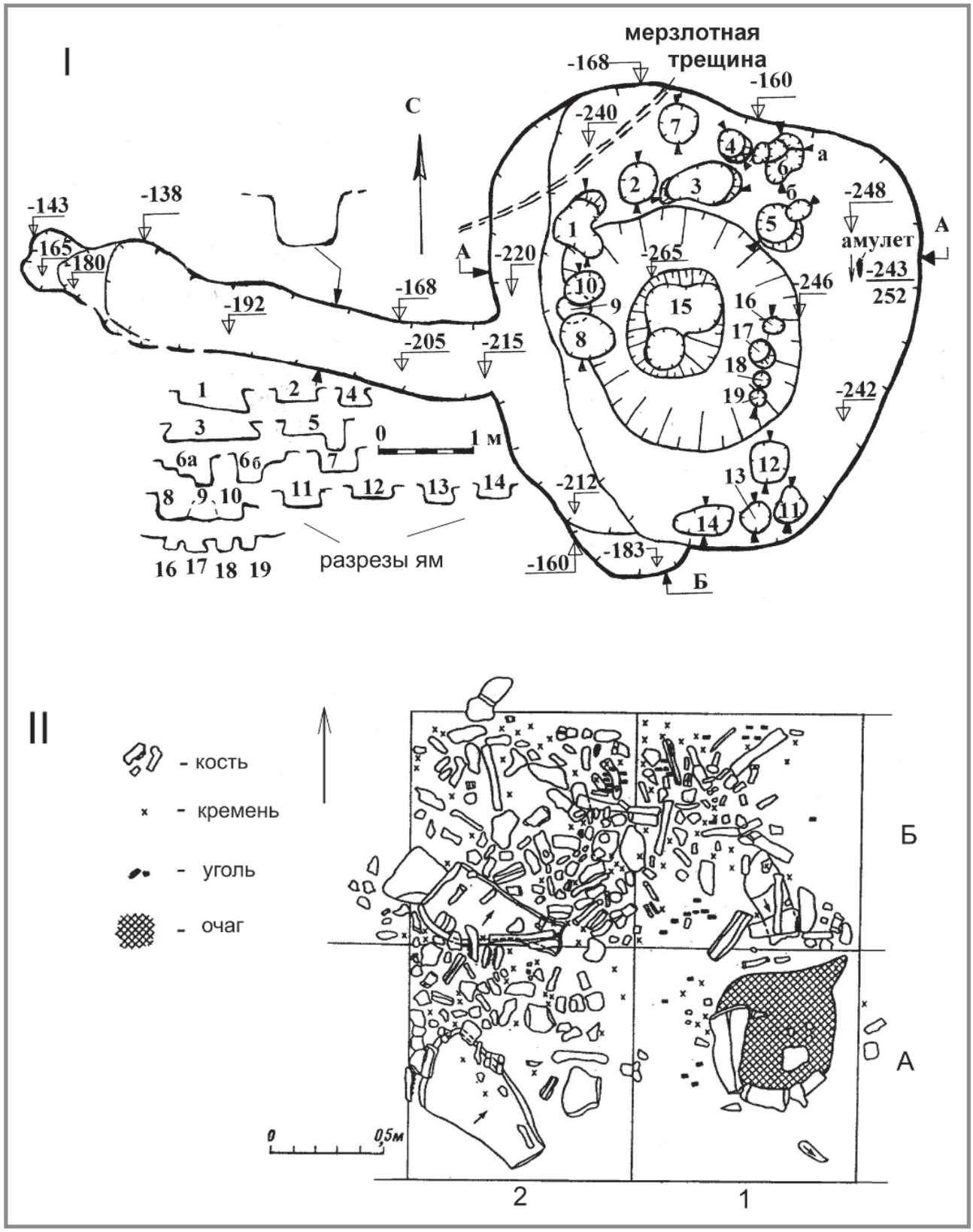

Рис. 2. I – План жилого объекта стоянки Быки-1 по А.А. Чубуру (Чубур, 2001. С. 39)
II – План сохранившегося участка Пенской стоянки по Г.В. Григорьевой, А.К. Филиппову (Григорьева, Филиппов, 1978. С. 16).

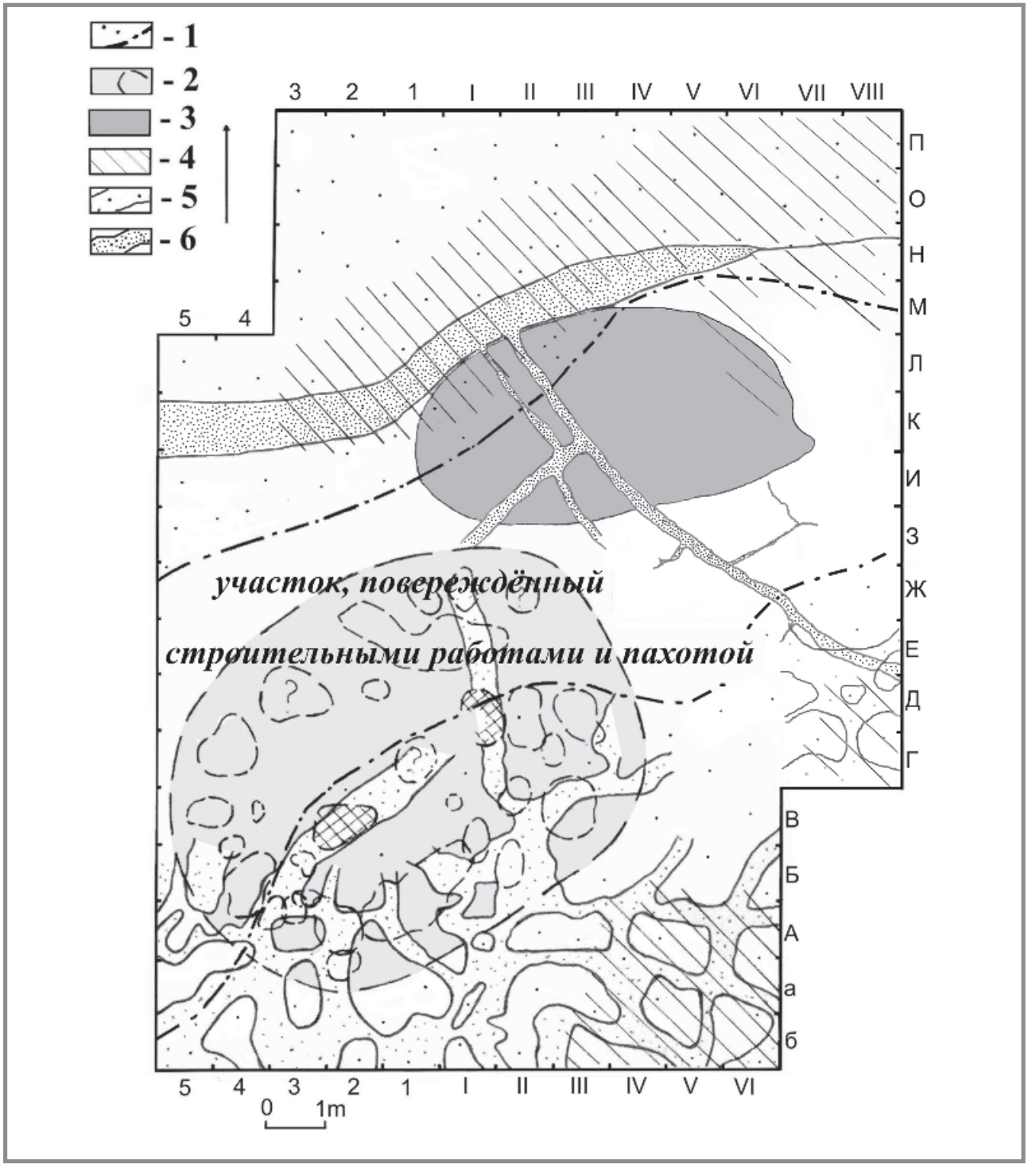

Рис. 3. План расположения культурных слоёв стоянки Быки-7.

Условные обозначения:

1 – пространственное распространение Iа культурного слоя;
2- жилая площадка с искусственными объектами I культурного слоя;
3 – II культурный слой;
4 – максимальная насыщенность культурных остатков Iа слоя в природной западине;
5 – мерзлотные трещины II генерации;
6 – мерзлотные трещины I генерации.

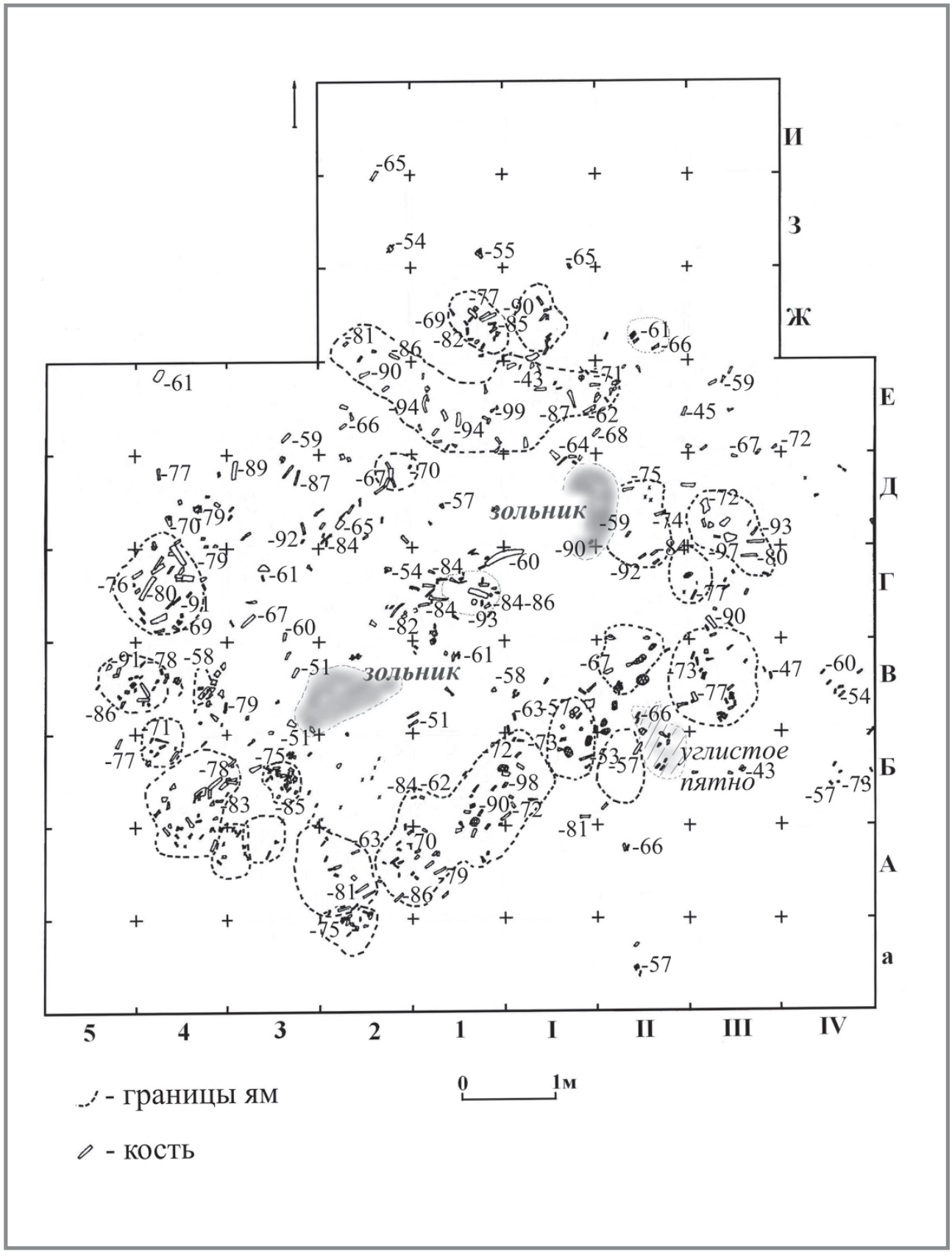

Рис. 4. План жилого объекта I культурного слоя стоянки Быки-7.

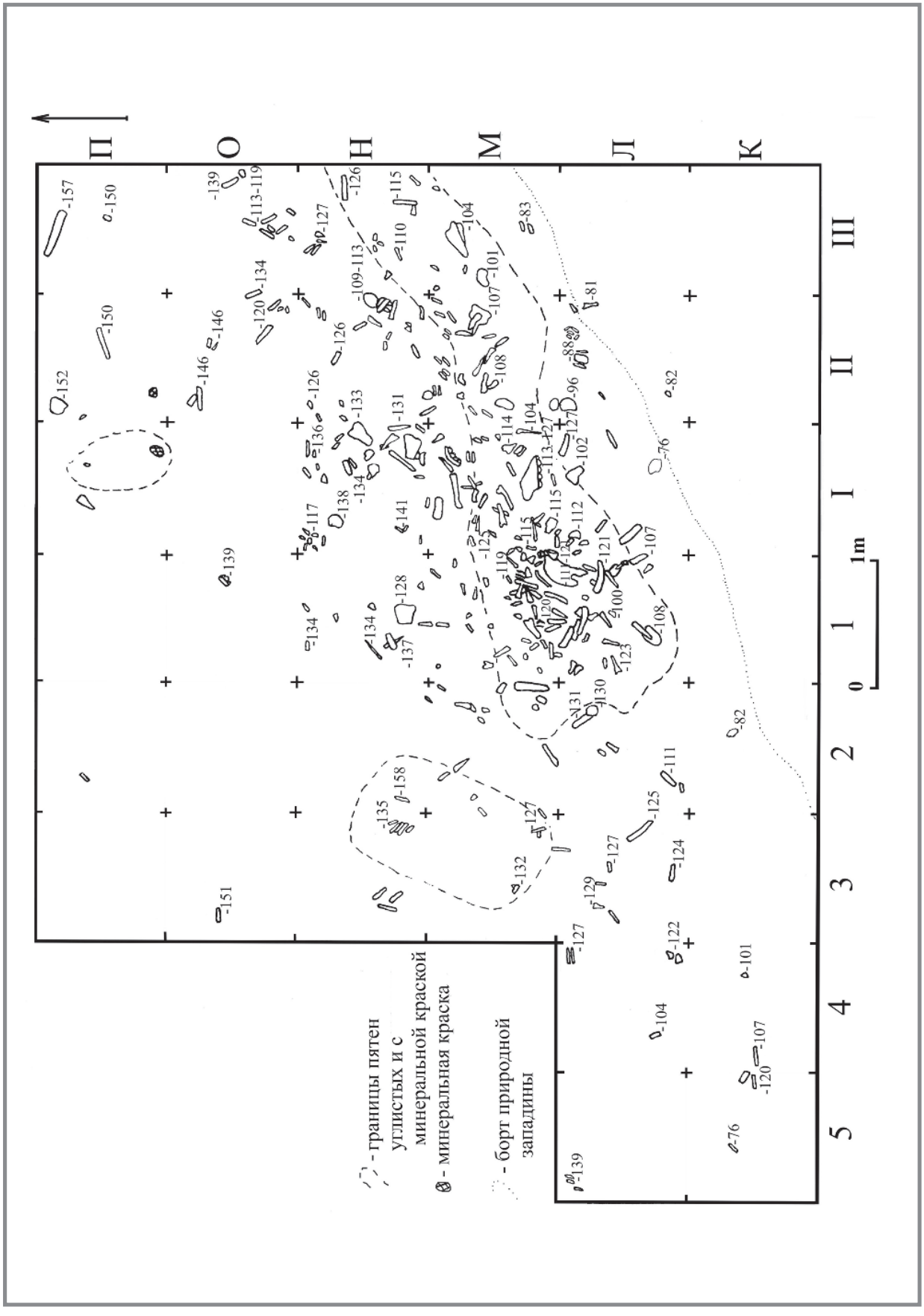

Рис. 5. План северо-западного участка Ia культурного слоя стоянки Быки-7.

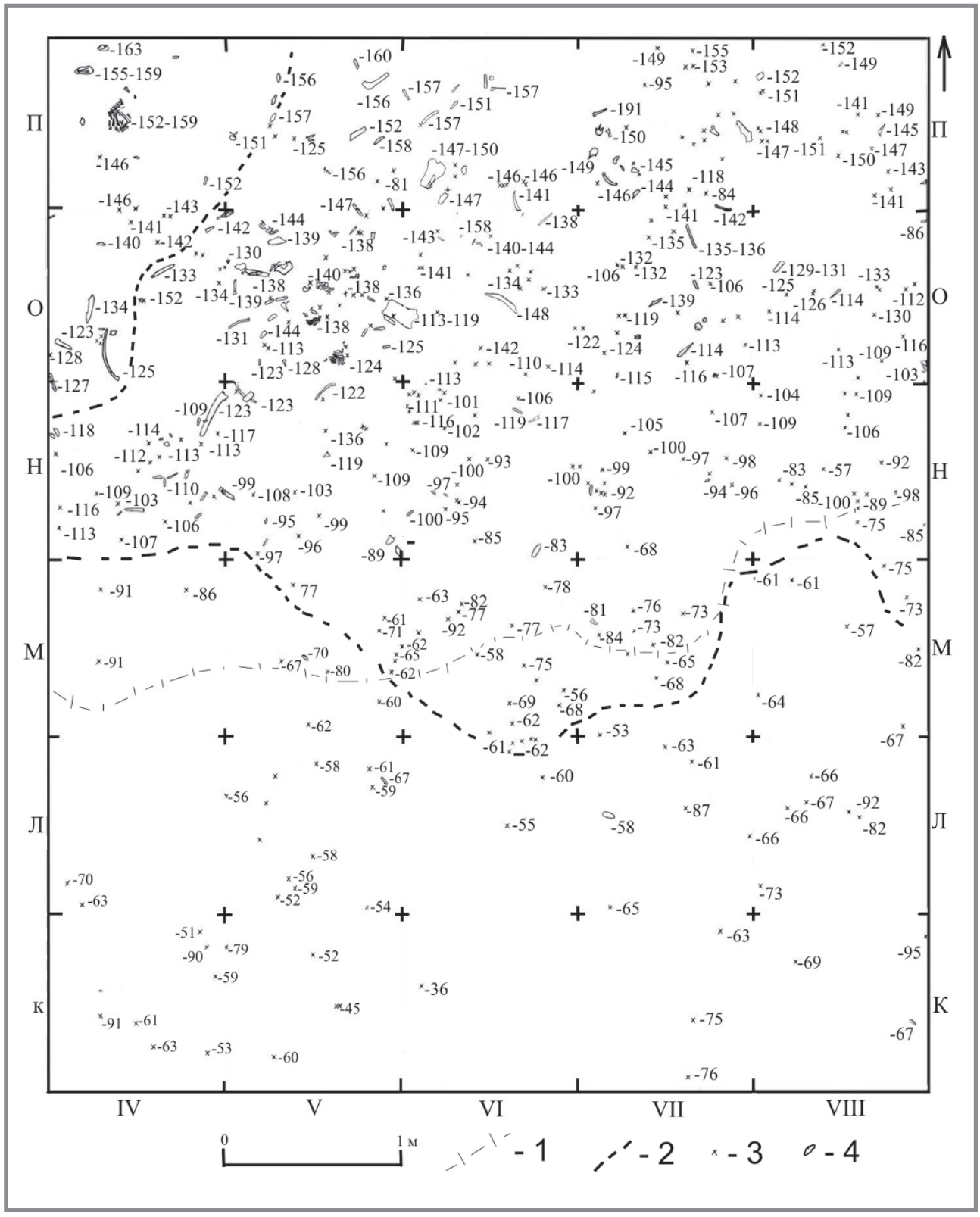

Рис. 6. План северо-восточного и небольшого участка центрального участка Ia культурного слоя стоянки Быки-7.
Условные обозначения: 1 – южная граница природной западины, 2 –границы распространения углистой массы, 3 – кремень, 4 - кость

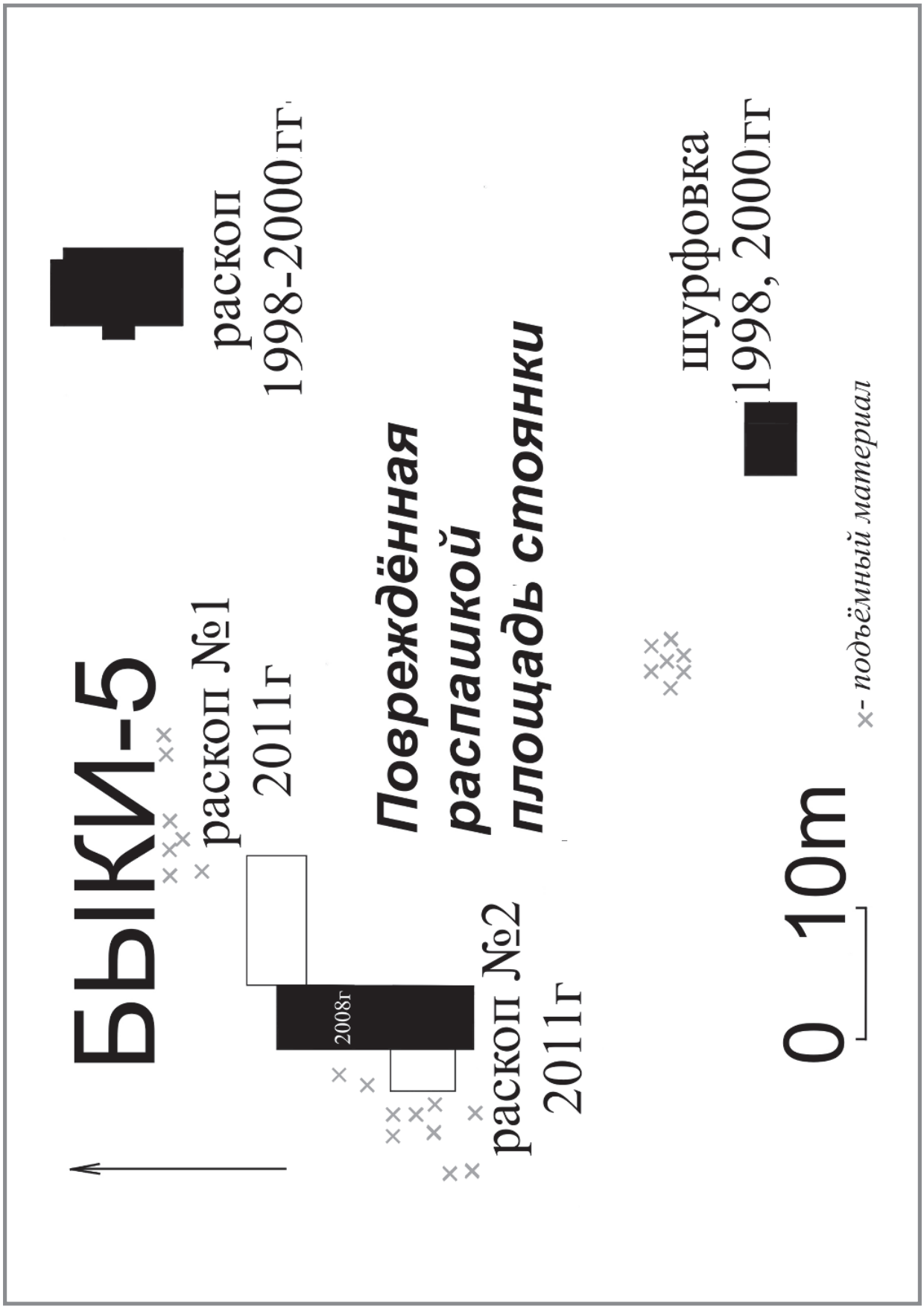

Рис. 7. Схема расположения раскопов на стоянке Быки-5.

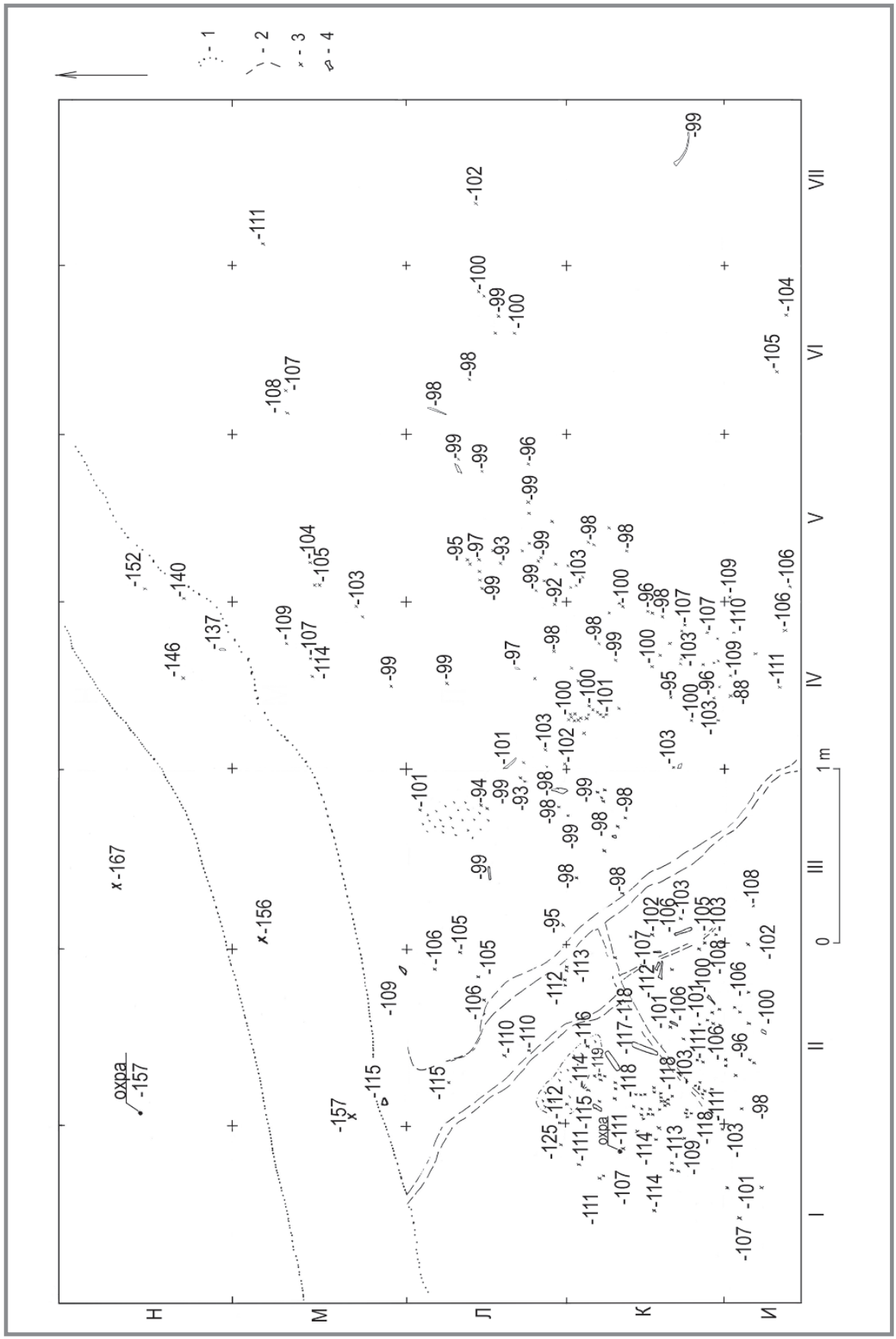

Рис. 8. План находок на стоянке Быки-7, II культурный слой.
Условные обозначения: 1 – мерзлотная трещина I генерации, 2 – мерзлотные трещины II генерации, 3 – кремень, 4 – кость.

НОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ г.КУРСКА

© 2012 г. А.В. Зорин
Курский государственный областной музей археологии, Курск

Наиболее яркими и наиболее хорошо исследованными памятниками бронзового века на территории современной Курской области в настоящее время являются могильные курганы, оставленные носителями различных археологических культур, сменявших друг друга на протяжении двух тысячелетий. Изучено их сравнительно немного, а потому любые новые находки данного периода представляют большой интерес для археологии Курского края.

Захоронения катакомбного времени в пределах Курского края пока чрезвычайно редки. Одно из них было случайно обнаружено в 1936 г. в центре Курска при строительстве цирка на месте современного Главпочтамта. На глубине двух метров строители вскрыли парное погребение мужчины и женщины, скорченные скелеты которых были густо посыпаны красной охрой, а в состав погребального инвентаря входили небольшой глиняный сосуд и некогда скреплявшие одежду погребенных молоточковидные булавки. Вероятно, первоначально над могилой возвышался курган, впоследствии снесенный и перекрытый более поздними культурными напластованиями (Зорин и др., 2008. С.52-53).

Второе погребение катакомбной культуры было раскопано в августе 1990 г. Ю.П. Матвеевым и Г.А. Левых у д. Азарово в Касторенском районе. В неглубокой катакомбе на левом боку лежал скорченный скелет девочки-подростка. В состав погребального инвентаря входили два бронзовых браслета, ожерелье из бронзовых бус, орнаментированный глиняный сосуд и бронзовый нож. Данное захоронение относится к среднедонскому варианту катакомбной культуры и датируется XVII в. до н.э. (Матвеев, 1998).

Гораздо больше изучено в Курской области погребений со срубными захоронениями. Первые из них исследовал ещё Д.Я. Самоквасов в 1891 г. у с. Воробьёвка Курского уезда (ныне Золотухинский район) (Зорин и др. 2000. С.32-33.). Ещё один срубный курган в 1962 г. был исследован А.Е. Алиховой у с. Средние Апочки в Горшеченском районе (Алихова, 1967). В 1967 г. А.И. Пузиковой были раскопаны еще два кургана Апочкинского могильника (Пузикова, 1967). Во всех данных погребениях были обнаружены скорченные скелеты со следами красной охры на костях и характерными для срубной культуры погребальными сосудами.

Помимо того, погребения бондарихинской культуры были обнаружены в 1994 г. сотрудником Курского государственного областного музея археологии А.Н. Апальковым при исследовании курганного могильника у д. Коробкино (Конышевский район) (Апальков. 1994). Разрушенное захоронение сосницкой культуры было обнаружено В.М. Горюновой в 1987 г. у с.Гочево (Беловский район) (Зорин и др., 2008. С.68).

Последнее по времени обнаружения погребение эпохи бронзы на данной территории было открыто в мае 2008 г. в пределах пос. Рышково, входящего ныне в пределы г. Курска (Рис.1). Обстоятельства находки таковы.

В мае 2008 г. во дворе дома по адресу ул. 1-я Соловьёвка, д.3, при рытье погреба мальчиком Алексеем Фроловым был обнаружен лепной орнаментированный сосуд. Сосуд имел баночную форму, ушки для подвешивания (сохранились остатки одного из них), диаметр донца 10,2 см, высоту 9 см. Стенки и венчик сосуда богато орнаментированы наколами, составляющими параллельные линии и треугольники (Рис.5, *I*). Алексей и его мать С.В. Фролова передали сосуд в Курский музей археологии.[1] Согласно их сведениям, домовладения на ул. 1-я Соловьёвка располагались на территории, бывшей ранее пахотным полем. Учитывая это, а также то, что сосуд был обнаружен на глубине около 1,5 м, было весьма вероятно, что находка происходит из погребения распаханного кургана эпохи бронзы. Пред-

[1] Автор пользуется случаем, чтобы от имени музея принести искреннюю и глубокую благодарность семье Фроловых, передавших находки в музейные фонды и предоставивших возможность сотрудникам музея провести обследование территории в пределах собственного домохозяйства.

положение подтвердилось год спустя, когда при новых земляных работах во дворе того же дома, примерно в 2 м к югу от места предыдущей находки, действительно были обнаружены захоронения бронзового века. Об этом хозяевами участка было сообщено в музей археологии, сотрудники которого 26 мая 2009 г. произвели обследование и фиксацию погребений. При этом проследить особенности погребального обряда и конструкцию погребальной камеры не представилось возможным, поскольку для исследования была открыта лишь площадь котлована будущего погреба.

В пределах раскопанного участка их оказалось два (Рис.2). Оба располагались на едином уровне жёлтой материковой глины на глубине около 1,5 м от уровня современной дневной поверхности. Следы могильных ям в пределах котлована не прослеживались. Погребение-1 представляло собой захоронение ребёнка с молочными зубами и глиняным сосудом в ногах. К сожалению, оно оказалось практически полностью уничтожено в ходе рытья котлована. Из костей удалось собрать лишь одно крыло таза, берцовые кости, обломки рёбер и позвонков, несколько зубов. Согласно рассказам владельцев участка, костяк был ориентирован по линии ЮЗ–СВ, головой к СВ.

В районе предположительного расположения грудного отдела костяка погребённого была обнаружена костяная пряжка с двумя отверстиями, типичная для срубной культуры (Граков. 1977. С.148, рис.100). По мнению В.В. Отрощенко и А.И. Василенко, подобные пряжки были деталями парадного и боевого оснащения воинов-колесничих, но могли использоваться также и в качестве подвесок. В настоящее время на территории Восточной Европе известно около 500 таких изделий (Лысенко. 2008. С.165; Отрощенко. 1998. С.113-117; Василенко, Супрун. 1998. С.35).

Данная пряжка имеет овальную форму, выгнутая, её размеры составляют 6х4 см, при диаметре отверстий соответственно 1,5 см и 0,4 см (Рис.6, *1-2*). Согласно классификации, предложенной С.Д. Лысенко, она относится к типу О2-В.

Погребение сопровождал также глиняный сосуд, собранные фрагменты которого позволили восстановить его форму. Он имел резко отогнутый венчик и был орнаментирован по шейке и плечику параллельными линиями и обращёнными вершиной вниз треугольниками. Диаметр донца составлял 8,5 см при высоте сосуда 11,5 см (Рис.5, *2*).

В непосредственной близости от черепа костяка погребения-1 располагалось погребение-2, сохранившееся гораздо лучше. Костяк взрослого мужчины в возрасте примерно до 30 лет, ориентированный по линии СЗ–ЮВ головой на ЮВ, лежал на боку с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками. Височные кости черепа под тяжестью насыпи вдавились внутрь коробки (Рис.3-4). Ступни ног отсутствовали. Грудной отдел и кисти рук сохранились крайне плохо. Череп имел продолговатую приплюснутую форму, образовавшуюся, вероятно, в результате прижизненной искусственной деформации. В ногах стоял глиняный сосуд, разрушенный при рытье котлована. Высота сосуда составляла 10,5 см при диаметре донца 9 см и диаметре горлышка 15,7 см. Сосуд имел резко отогнутый венчик и округлые неорнаментированные стенки, плавно переходящие в дно (Рис.5, *3*). Кроме того при исследовании было встречено несколько фрагментов керамики, не принадлежащим данным сосудам.

Исходя из полученных при обследовании места находки материалов следует сделать вывод о принадлежности данных захоронений к срубной культуре. Учитывая размеры, каких обычно достигали курганы «срубников», можно с уверенностью сказать, что под участком семьи Фроловых и их соседей находится ещё не одно захоронение.

Полученные в ходе исследований материалы были переданы в фонды Курского государственного областного музея археологии.

Литература

Алихова А.Е. Среднеапочкинские курганы и поселение // Краткие сообщения института археологии. Вып. 112. М., 1967.

Апальков А.Н. Отчет о раскопках курганного могильника у с.Коробкино Конышевского района Курской области в 1994 г. // Научный архив Курского государственного областного музея археологии. Д. I-7

Василенко А.И. Супрун А.В. К вопросу о происхождении костяных поясных пряжек // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1998.

Граков Б.Н. Ранний железный век. М., 1977.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г. История изучения курских древностей / Курский край. Т. V. Курск, 2000.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края. Курск, 2008.

Лысенко С.Д. Костные пряжки Среднего Поднепровья – отголоски «героической эпохи» в Евразийской Степи // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008.

Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Серия «Археология восточной лесостепи». Вып. 11. Воронеж, 1998

Отрощенко В.В. Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998.

Пузикова А.И. Отчёт о работе Курского отряда Скифской лесостепной экспедиции в августе 1967 г. // Научный архив Курского государственного областного музея археологии. Д. П I-35.

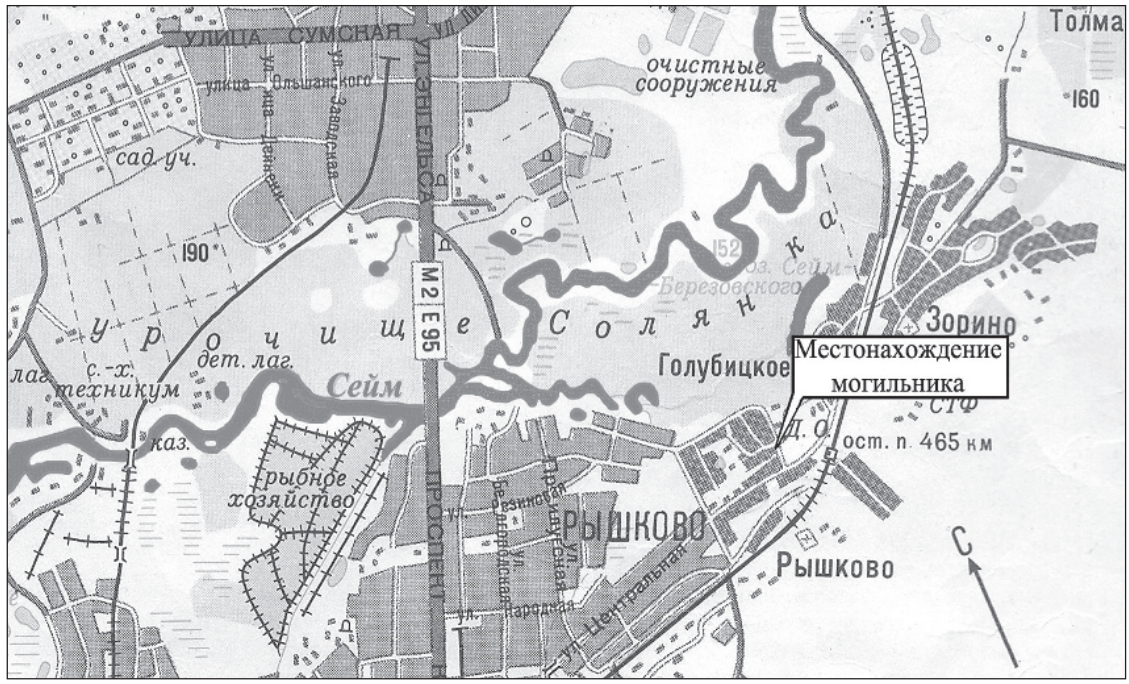

Рис 1. Расположение могильника 1-я Соловьёвка в пределах г. Курска.

Рис 2. Схема расположения погребений 1 и 2 в пределах котлована погреба.

Рис 3. Погребение-2, вид с ЮЗ.

Рис 4. Погребение-2, череп и грудной отдел.

7. з. 7377

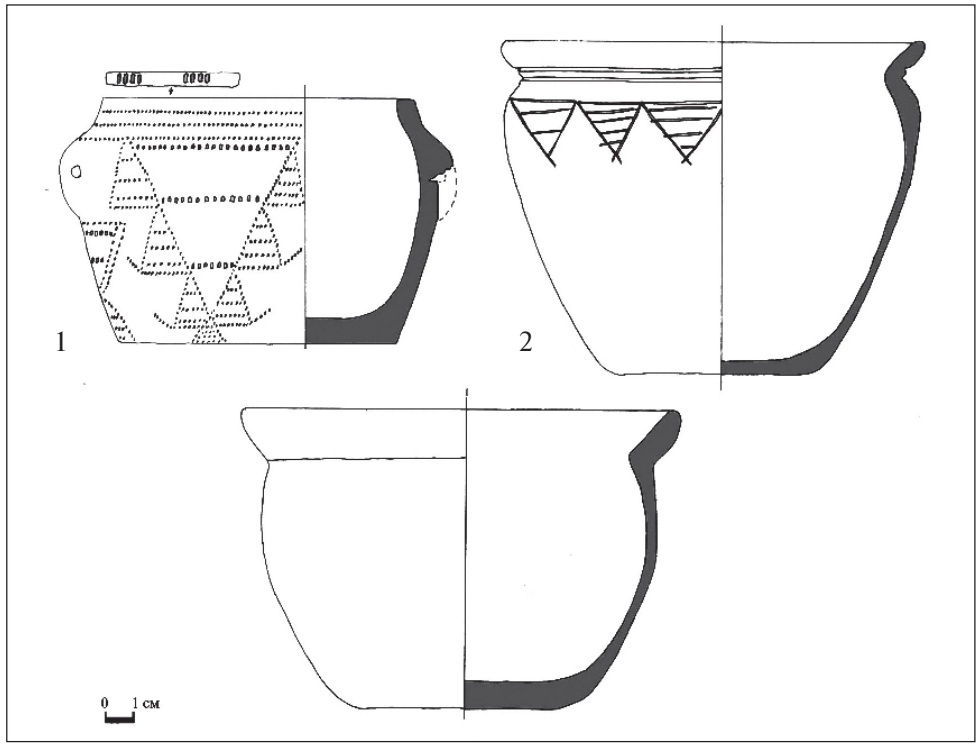

Рис 5. Восстановленные погребальные сосуды.
1. Сосуд-1 (находка 2008 г.); 2. Сосуд-2 (погребение-1);
3. Сосуд-3 (погребение-2).

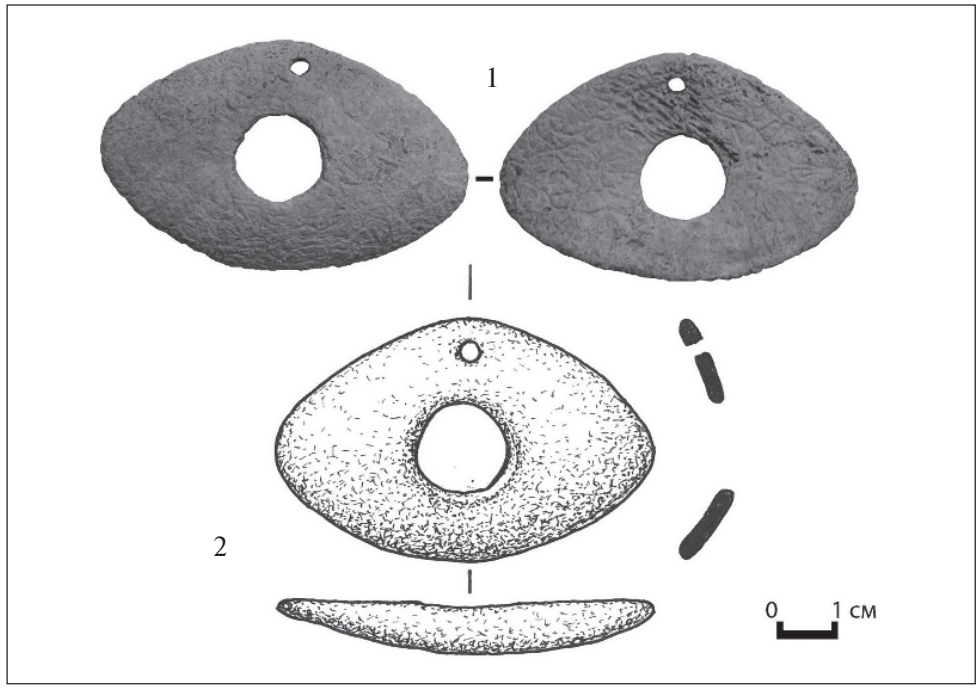

Рис 6. Погребение-2, костяная пряжка (1. Фотография; 2. Прорисовка).

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ВБЛИЗИ ПУТИВЛЯ

© 2012 г. Е.В. Плаксина, А.А. Удовиченко
Государственный историко-культурный заповедник, Путивль (Сумская обл., Украина)
Государственное предприятие "Научно-исследовательный центр "Охранная археологическая служба Украины" ИА НАН Украины, Киев

В июне 2010 г. недалеко от с. Латышевка Путивльского района научным сотрудником сектора археологии Государственного историко-культурного заповедника Е.В. Плаксиной был найден глиняный сосуд. Вдоль дороги, которая ведет к речке Сейм, в результате стекания дождевых вод образовалась промоина. Именно в ней он и находился.

Найденный сосуд – невысокий, приземистый. Он имеет широкое горло с прямым коротким венчиком и маленькое, слегка вогнутое, донышко. Корпус немного асимметричен, его максимальный диаметр приходится на нижнюю треть высоты. Вся поверхность горшка украшена орнаментом, который, линиями из оттисков шнура разделен на шесть равных горизонтальных частей (поясов). Верхняя часть под венчиком украшена вертикальными насечками, ниже идет линия зигзага, за ней три части, украшенные вертикальными насечками. В придонной части горшка орнамент оканчивается линией зигзага. По способу орнаментации горшка и качеством замеса теста его можно отнести к первой группе столовой посуды среднеднепровской культуры эпохи бронзы (XXVI–XV вв. до н. э.). На позднем ее этапе посуда, которая встречается на поселениях и в погребениях, украшалась по всей поверхности и по дну оттиском шнура, линейным штампом, короткими насечками, которые создают горизонтальне ряды, зигзаги и другие мотивы. Такая посуда известна из раскопок поселений Исковщина и Пекари в Среднем Поднепровье (Артеменко,1985. С. 364-375).

Осенью место находки обследовалось сотрудниками Государственного историко-культурного заповедника Е.В. Плаксиной и Государственного предприятия «Научно-исследовательный центр «Охранная археологическая служба Украины» ИА НАН Украины Л.И. Белинской, А.А. Удовиченко. В промоине, где был найден горшок, обнаружены фрагменты его венчика и ножевидная пластина из кремня, аналогичная кремневым орудиям из поселений среднеднепровской культуры (Пекари, Исковщина, Радуль).

Находка практически целого горшка вместе с ножевидной пластиной дает основание относить их к погребению. Племена позднего этапа среднеднепровской культуры хоронили умерших в курганных и грунтовых могильниках по обряду трупоположения и трупосожжения. Для них характерна небольшая глубина (0,5–1,0м) захоронений. Сжигание покойника осуществлялось на стороне, в могилу ссыпались пережженные кости, часто перемешанные с золой. Сюда же клали различный погребальный инвентарь: посуда, каменные топоры, ножи, скребки и другое. Грунтовые погребения размещались в поймах рек на песчаных возвышенностях или останцах, а также на краях или останцах боровых террас (Артеменко,1985. С. 364-375). Во время обследования территории вокруг находки курганных насыпей обнаружено не было, также и на месте находки горшка костей или следов кремации не найдено. Само погребение, скорее всего, было размыто и уничтожено сбегающими со склонов дождевыми водами, поэтому нам и не удалось его обнаружить.

Дополнительным подтверждением того, что горшок относится к погребальному инвентарю, является тот факт, что во время обследования прилежащей территории похожего материала обнаружено не было.

Данное место находится на территории поселения раннего железного века и раннего средневековья. Оно находится за 0,4 километра на юго-запад от восточной околицы села, на пологом склоне правого коренного берега р. Сейм. Высота над поймой 5-20 м. Размеры поселения 400–500 на 50–250 метров (Березанська, 1971. С.309-317)

Поселение было выявлено Д.Т. Березовцом в 1952г., обследовалось О.В. Сухобоковым, Л. И. Белинской. В 1991 г. В.В. Приймаком на поселении проводились охранные археологические раскопки, во время которых обнаружены хозяйственные постройки скифского времени и киевской культуры. Сейчас поселение активно разрушается оврагами и карьером, в обвалах оврага в материке местами прослеживаются углубленные объекты.

На северо-западной околице села, вверх по течению р. Сейм, в урочище Хутор Мартына, на мысе высокого правого берега расположено поселение Латышевка, выявленное Д.Т. Березовцом в 1952 г. Поселение от с. Латышевка отделяет глубокая с крутыми склонами, балка. Во время исследования поселения были найдены обломки керамики роменской культуры, незначительное количество фрагментов гончарной древнерусской керамики, а также одинокие фрагменты, которые относятся к посуде времен поздней бронзы (Березанська, 1971. С.309-317).

Итак, исходя из того, что памятники среднеднепровской культуры, как правило, размещались на высоких участках коренного берега, чаще на мысах, отделенных от плато глубокими оврагами, а похожая топографическая ситуация наблюдается и на месте находки, то и сам горшок мы склонны относить к среднеднепровской археологической культуре. Как исключение, лишь несколько поселений данной культуры, которые скорее всего были временными, сезонными стоянками, располагались в иных топографических условиях – в пойме, на отдельных возвышениях и останцах коренного берега (Березовець, 1952. С. 242).

Также на это указывает географическое расположение находки – бассейн р. Сейм, который заселялся представителями среднеднепровской культуры на ее позднем этапе, когда поселения и могильники этого времени появились на берегах Сейма.

Способ орнаментации горшка по всей поверхности оттисками шнура, линейного штампа, короткими насечками, которые создают горизонтальные ряды, зигзаги, указывает на его принадлежность к среднеднепровской археологической культуре позднего этапа (XVIII – XV вв. до н.э.).

Литература

Артеменко И. И. Среднеднепровская культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.

Березанська С. С. Середньодніпровська культура // Археологія Української РСР. Т.1. Київ, 1971.

Березовець Д. Т. Дослідження на території Путивльського району Сумської області // АП УРСР. Т.3. Київ, 1952.

Рис 1. Ножевидная пластина из кремня.

Рис 2. Ножевидная пластина и лепной горшок.

Рис 3. Лепной горшок.

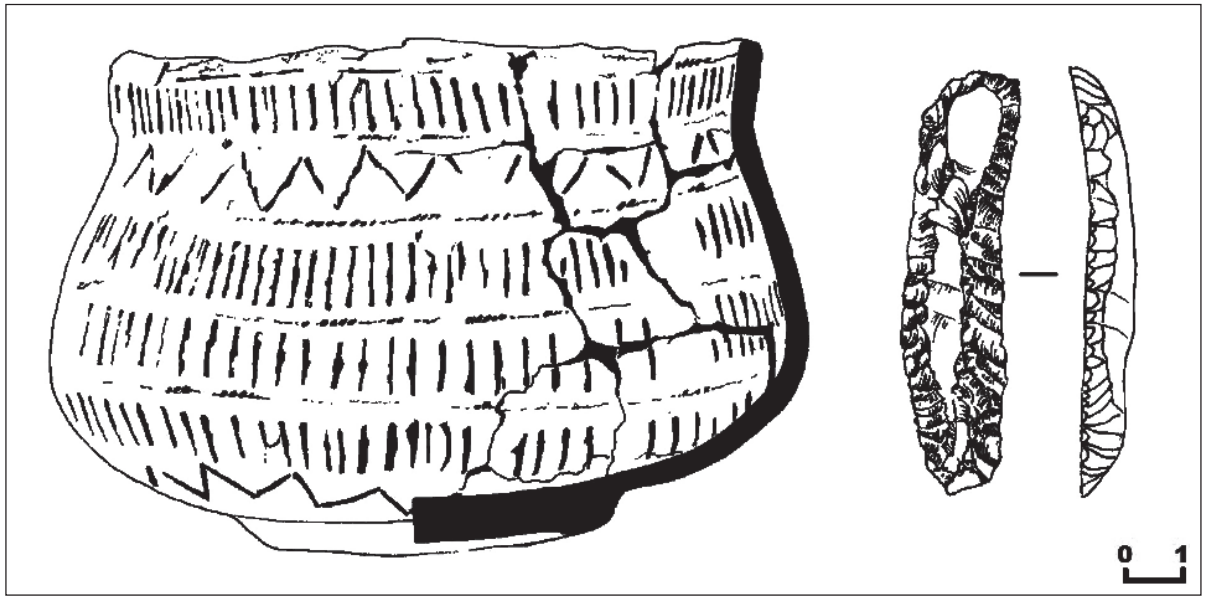

Рис 4. Лепной горшок и ножевидная пластина.

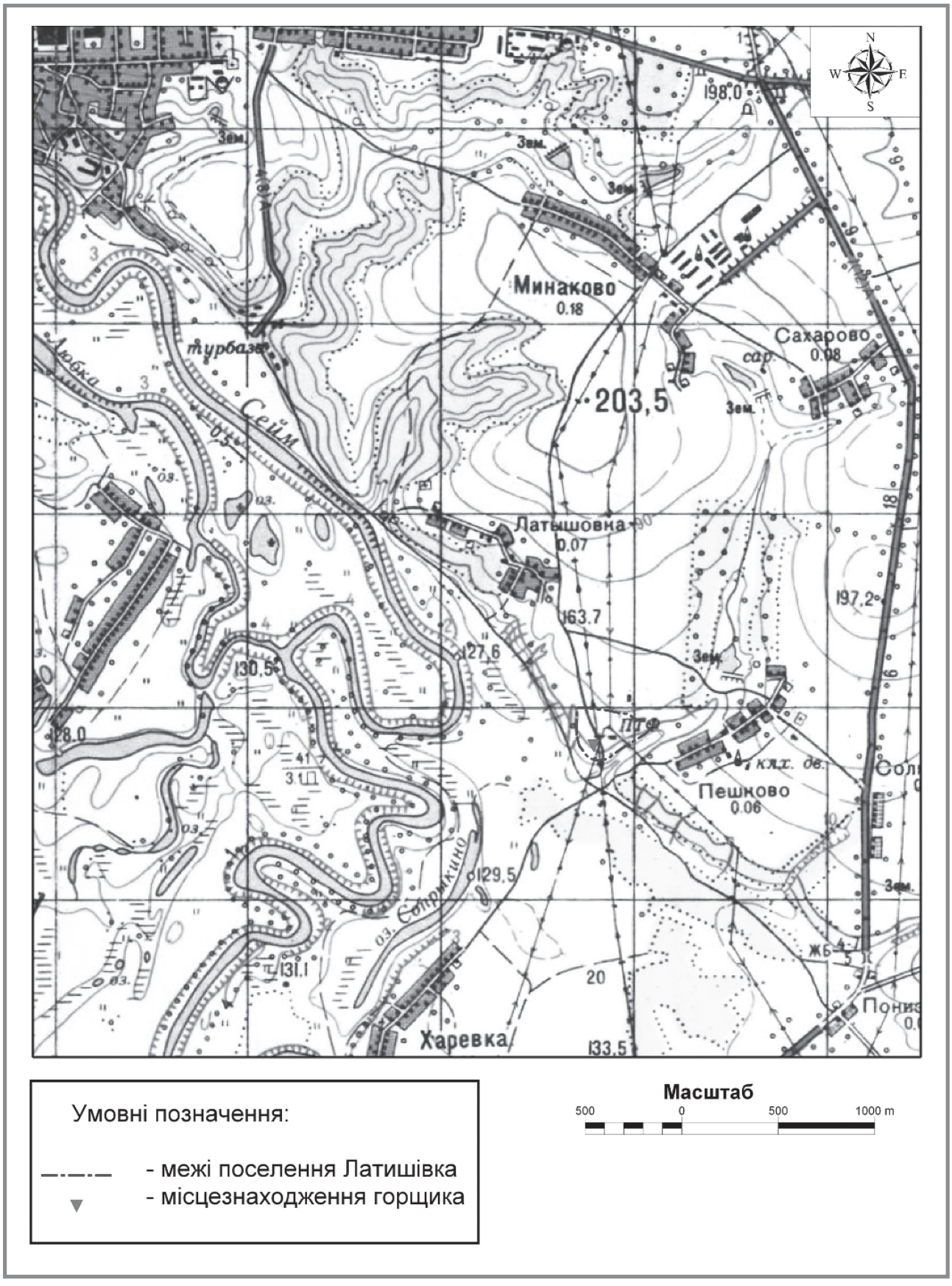

Рис 5. Локализация поселения около с. Латышевка.

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.И. ПУЗИКОВОЙ

© 2012 г. Т.А. Безматерных
Воронежский государственный университет, Воронеж

Вопрос об этнокультурной принадлежности населения Среднего Подонья в скифское время является одним из самых дискуссионных в археологии раннего железного века. Ряд исследователей локализуют на данной территории скифское, другие – скифоидное население. Известно, что территория лесостепного Подонья впервые была включена в мир единой скифской культуры еще в дореволюционное время (М.И. Ростовцев, А.А. Спицын. Были сторонники у этой концепции и в послевоенное время (А.Ф. Шоков). Принципиально иную концепцию этнокультурной истории этого региона в середине I тыс. до н.э. предложил П.Д. Либеров. Он локализовал здесь не скифское, а так называемое скифоидное население, оставившее среднедонскую культуру скифского времени (Либеров, 1969. С. 5 – 26). Комплексный анализ археологических и письменных источников позволил ему сопоставить ее носителей с будинами и гелонами Геродота.

Заметим, что по вопросу культурного единства населения, оставившего городища и курганные могильники лесостепного Подонья, окончательное разделение взглядов исследователей произошло уже на современном этапе. С начала изучения памятников скифского времени на территории Среднего Подонья и вплоть до целенаправленных работ Лесостепной Скифской экспедиции под руководством П.Д. Либерова об облике местной культуры судили преимущественно по подкурганным погребениям. Работами этой экспедиции были изучены многие известные ранее и выявленные участниками экспедиции городища скифского времени. В настоящее время эти категории памятников являются предметом многолетней дискуссии. Ученые, помещающие на территории лесостепного Подонья скифское население, одновременно говорят и о единстве культуры населения городищ и населения, оставившего курганные могильники. (В.И. Гуляев, Е.И. Савченко). Сторонники скифоидной принадлежности местного населения, напротив, настаивают на различиях культурного облика городищ и курганных могильников. (А.П. Медведев, В.Д. Березуцкий, Ю.Д. Разуваев). Будет нелишним отметить, что сам П.Д. Либеров считал местную культуру скифского времени единой, в основе которой лежали хозяйственные различия, вызванные различными природно-географическими условиями Право- и Левобережья Среднего Подонья (Либеров, 1965. С. 7).

Однако участники дискуссии редко обращаются к работам и взглядам А.И. Пузиковой, чье имя теснейшим образом связано с изучением памятников скифского времени на территории лесостепного Подонья. Между тем, их анализ позволяет уяснить некоторые интересные аспекты в истории изучения интересующей нас темы. При ее самом активном участии Лесостепной Скифской экспедиции удалось развернуть комплексные археологические исследования территории Среднего Подонья – раскапывались не только могильники, но городища и поселения.

Анна Ивановна Пузикова в течение 13 лет была бессменной помощницей П.Д. Либерова. Она закончила исторический факультет МГУ в 1955 г., с 1956 г. начала работу в ИА РАН (тогда ИИМК). В этом же году она впервые приняла участие в работе тогда еще Воронежского отряда Донской экспедиции в качестве лаборанта (Либеров, 1956. Л. 1). В 1957 г. одной из задач экспедиции было проведение разведок по берегу р. Дон от г. Воронеж до г. Острогожск. Разведки новых памятников скифского времени в Острогожском и Коротоякском районах были продолжены и в следующем году. Именно в 1958 г. А.И. Пузикова становится начальником Острогожского отряда экспедиции. Руководство отрядом она осуществляла в течение 10 последующих лет (с перерывом в 1966–1967 гг., когда она руководила всей экспедицией вместо П.Д. Либерова, который в летние месяцы исполнял обязанности директора Института археологии на время отпусков и командировок Б.А Рыбакова). Под началом А.И. Пузиковой были проведены значительные разведочные работы по рекам Тихая Сосна, Потудань, Ведуга и Битюг, а также раскопки Волошинского 1 городища, городищ

у с. Стрелецкое, у хут. им. Кирова, у с. Круглое, поселения 3 у с. Русская Тростянка и ряда курганов могильников Русская Тростянка и Дуровка (Либеров, 1958. Л. 3; Либеров, Пузикова, 1961. Л. 1-2; Либеров, Пузикова,1962. Л. 72). В 1968 г. экспедиция работала в нескольких местах и А.И. Пузикова вновь руководила Острогожским отрядом. Под её руководством были продолжены раскопки Волошинского 1 городища (Либеров, Пузикова, 1968. Л. 1). В 1969 г. А.И. Пузикова становится начальником Южно-Курского отряда и работы в Воронежской области проходят уже без ее участия. К работам на территории лесостепного Подонья А.И. Пузикова вернулась только в 1984 г., о чем будет сказано ниже.

В связи с тем, что могильники у с. Русская Тростянка и д. Дуровка были выявлены в результате разведок, проведенных А.И. Пузиковой в 1958 и 1961 гг. и ранее не были известны, мы позволим себе подробнее остановиться на истории исследований данных базовых памятников среднедонской культуры. Известно, что в своих публикациях и теоретических построениях она чаще всего опирается на результаты раскопок именно этих могильников.

Большой курганный могильник у с. Русская Тростянка был обнаружен в 1958 г. разведками А.И. Пузиковой. Он располагался на левом берегу пересыхающей р. Тростянка приблизительно в 1 км от села. Памятник был выявлен в ходе поездки для осмотра городища скифского времени, расположенного недалеко от того же села (Пузикова, 1962. С. 219). Он содержал около 40 насыпей. Все курганы распахивались и представляли собой небольшие возвышения или пятна обожженной глины. Однако, как указывает А.И. Пузикова, в могильнике имелись и насыпи высотой до 1,5–2 м (Пузикова, 2001. С. 124). Раскопки могильника производились А. И. Пузиковой в 1959–1963 и 1968 гг. Всего было вскрыто 22 насыпи, исследование могильника не было завершено. Обследование курганной группы в 1991 г. установило, что часть насыпей была уничтожена высаженной лесополосой (Пузикова, 2001. С. 124). Материалы раскопок отдельных курганов публиковались в 1962 и 1964 гг. (Пузикова, 1962. С. 219 –224; Гуляев, 1964. С. 162–174), полностью материалы могильника изданы А.И. Пузиковой лишь в 2001 г. (Пузикова, 2001. С. 124 – 181). После предварительного ознакомления ею был сделан вывод о синхронности основной массы курганов одноименному городищу. Основываясь на материалах первых лет раскопок, могильник был датирован IV–III вв. до н.э. Последующие работы позволили несколько удревнить нижнюю дату его существования до V–IV вв. до н.э. (Пузикова, 2001. С. 132–135).

Курганный могильник у дер. Дуровка также был открыт А.И. Пузиковой в ходе разведок, проводившимся Острогожским отрядом Воронежской лесостепной экспедиции под ее руководством. Могильник располагался на восточной окраине дер. Дуровка (сейчас Вербное) Белгородской области, на правом берегу р. Камышенка. Курганная группа, содержавшая 23 насыпи, была полностью исследована в результате работ, проводившихся в 1964–1965 и 1985–1987 гг. Обследование 1984 г. выявило аварийное состояние насыпей курганов, уничтожавшихся систематической вспашкой, на некоторых насыпях были замечены грабительские ямы, что и побудило А.И. Пузикову, как отмечает сама исследовательница, завершить изучение этого интересного памятника (Пузикова, 1997. С. 211; Пузикова, 2011. С. 182). Материалы раскопок первых курганов публиковались в 1966 и 1969 гг. (Пузикова, 1966. С. 80–91; Пузикова, 1969б, С. 82 – 95), полностью могильник опубликован в 2001 г. (Пузикова, 2001. С. 182–265). До начала работ памятник был датирован IV–III вв. до н.э. (Пузикова, 1969. С. 80), дальнейшие раскопки в целом подтвердили эту датировку. Он также оказался синхронным находящемуся неподалеку Кировскому городищу (за исключением III в. до н.э.).

Результатом систематической и целенаправленной работы Воронежской лесостепной скифской экспедиции по выявлению и исследованию поселенческих памятников Среднего Подонья стала фиксация 58 поселений и 28 городищ, отнесенных П.Д. Либеровым к среднедонской культуре (Либеров, 1971. С. 8). Основная масса материалов раскопок открытых и укрепленных поселений Среднего Дона была введена в научный оборот в 1969 г. А.И. Пузиковой (Пузикова, 1969а. С. 41–81). В обобщающей публикации были систематизирова-

ны материалы из раскопок, проводившихся экспедицией в течение 12 лет, что открыло новые возможности для изучения культуры населения Среднего Подонья в скифское время. Полученный материал позволил А.И. Пузиковой сделать ряд выводов о хозяйстве и занятиях населения лесостепного Подонья в скифское время, его торговых связях и социальной дифференциации.

Подчеркну, что А.И. Пузикова всегда рассматривала и продолжает рассматривать поселения и могильники в комплексе. Она связывала могильник и городище, находящееся на расстоянии от 2 до 8 км. А.И. Пузикова склонна отождествлять население, оставившее городища Среднего Подонья с населением, которому принадлежат курганные могильники данного региона (Пузикова, 2000. С.265). А.П. Медведев, напротив, считает удаленность курганных некрополей от городищ свидетельством противопоставленности разных групп населения, что подчеркивается и тем, что курганы и городища всегда располагались на противоположных берегах рек и суходолов (Медведев, 1999. С. 125). На основании данных археологии он выделяет и другие свидетельства (отказ от использования в качестве погребального инвентаря наиболее распространных типов местной посуды, звериный стиль с одной стороны и грубая лепная глиняная антропо- и зооморфная пластика на городищах, с другой) существования на Среднем Дону двух различных социально, хозяйственно и этнически групп населения (Медведев, 2004. С. 37).

Здесь необходимо заметить, что еще в ранних публикациях 1960-х годов А.И. Пузикова избегала прямолинейных суждений об этнической и культурной принадлежности населения лесостепного Подонья (Пузикова, 1969а. С. 41–81). Очевидно, она не разделяла полностью мнение П.Д. Либерова о выделении на Среднем Дону новой культуры раннего железного века и о существовании на территории Среднего Подонья двух типов хозяйственной деятельности. На всей территории Среднего Подонья IV–III вв. до н. э. А.И. Пузикова помещала оседлое население, основными занятиями которого были земледелие и скотоводство (Пузикова, 1969а. С. 80). Видимо, это объяснялось тем, что Правобережье лесостепного течения Дона с его более выраженной оседлостью в скифское время являлось исследовательнице более «близкой» территорией, чем Левобережье, где памятники скифского времени практически отсутствуют. Отметим, что Правобережье ближе А.И. Пузиковой, поскольку это ее малая родина – родилась она в с. Ново-Архангельское Воронежской области.

И сегодня А.И. Пузикова выступает в защиту этнокультурного единства городищ и курганных могильников Среднего Подонья. Остановимся на основных аргументах, которые приводит исследовательница. Полученный в результате работ на городищах и курганных могильниках обширный и разноплановый материал позволил А.И. Пузиковой отметить «абсолютное сходство материала» городищ и курганных могильников (Пузикова, 2000. С.265). При публикации материалов раскопок среднедонских курганных могильников скифского времени исследовательница специально обращает внимание на находки фрагментов кухонной посуды и орудий труда (ножей и мотыг/тесел с заплечиками) в захоронениях. Насыпи курганных могильников, как уже упоминалось выше на примере могильников Русская Тростянка и Дуровка, уменьшаются и исчезают с течением времени в результате хозяйственной деятельности человека. Именно в этом А.И. Пузикова видит возможную причину несоответствия числа выявленных городищ и курганных некрополей – большая их часть просто могла исчезнуть с лица земли (Пузикова, 2000. С.258). При этом появление небольшого числа грунтовых могильников, обнаруженных в Ольховатке, Мостище, Семилуках, она связывает с экстремальными событиями – эпидемиями или войнами. По мнению А.И. Пузиковой, выводы воронежских археологов о существовании двух культур – земледельческо-скотоводческого рядового оседлого населения и элитарного военно-аристократического кочевого слоя, нуждаются в более развитой аргументации, проведении дальнейших работ и изменении самого характера раскопок могильников – переходе к раскопкам сплошными площадями (Пузикова, 2000. С. 263–265).

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДОНЬЯ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ А.И. ПУЗИКОВОЙ

Настаивая на этнокультурном единстве населения Среднего Подонья, А.И. Пузикова с 90-х годов изменяет свою прежнюю точку зрения и настаивает на проживании на этой территории скифов. В публикации 1995 г. с говорящим названием «Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области)» она пишет: «скифами назывались племена, обитавшие в указанное время (VII–III вв. до н.э. – прим. авт.) на обширном пространстве от Дуная до Дона (с запада на восток) и от побережья Черного моря до Курского Посеймья (с юга на север)» (Пузикова, 1995. С. 1-2). Между тем, справедливости ради следует напомнить, что в античной письменной традиции скифы на территории Среднего Подонья не упоминались.

В связи с этим необходимо сделать важное замечание. «История» Геродота является основным письменным источником по истории населения Среднего Дона в середине I тыс. до н.э. Многие исследователи отмечали, что его свидетельства вследствие неполноты и неясности привели к возникновению множества версий о локализации этносов, проживавших во времена Геродота к востоку и северо-востоку от Скифии. Между тем, А.П. Медведев убедительно показал, что сведения Геродота более достоверны, когда речь идет о народах, через земли которых проходили торговые пути (Медведев, 2004. С. 66). Именно сведения о торговом пути из Ольвии в Приуралье лежали в основе описания племен «за Танаисом» (Медведев, 2004. С. 65). Особое значение в этом отношении приобретает порядок перечисления Геродотом нескифских народов, которые всегда приводятся в одной и той же последовательности. На территории Среднего Поднепровья и Среднего Подонья он помещает только невров, андрофагов, меланхленов, гелонов и будинов. Как отметил еще П.Д. Либеров: « мы видим, что Геродот неукоснительно и твердо придерживается той мысли, что земля будинов и гелонов находится в крайней северо-восточной части территории относительно Скифии» (Либеров, 1969. С. 6). Скорее всего, именно они и обитали на территории Среднего Подонья.

В настоящее время существует возможность проверить сведения Геродота с помощью данных археологии. Они свидетельствуют о наличии в Подонье трех сильно различающихся культур скифского времени – савроматской, среднедонской и городецкой. Как отмечает А.П. Медведев, «важно то, что их последовательность точно соответствует трем большим этносам, упомянутым Геродотом: савроматам в степях за Танаисом; будинам в его среднем лесостепном течении; и, наконец, тиссагетам в его верховьях» (Медведев, 2004. С. 66).

Называя население Среднего Подонья скифским, А.И. Пузикова указывает на его «сходство, а, скорее всего, родство с населением лесостепного Право- и Левобережья Днепра» (Пузикова, 1995. С. 7). Свидетельством этого, по мнению исследовательницы, является устройство погребальных сооружений. Сходство это не отрицается современными исследователями, но на территории левобережного лесостепного Поднепровья собственно скифы также не известны, ни античной традиции, ни археологически (Медведев, 1999. С. 135). И здесь нельзя еще раз не напомнить о том, что основным типом погребальных сооружений собственно скифов во время расцвета среднедонской культуры были катакомбы, а не столбовые склепы, иногда с дромосами, как на Среднем Дону. Действительно, в донской лесостепи и в IV в. до н.э. захоронения совершались в грунтовых ямах (Пузикова, 2001. С. 128), столбовых склепах (Пузикова, 2001. С. 136), дромосных гробницах (Пузикова, 2001. С. 67), а курган 1 Дуровского могильника является примером столбового склепа с дромосом (Пузикова, 2001. С. 182 – 184).

Указывая на родство населения лесостепного Подонья с населением лесостепного Поднепровья, А.И. Пузикова в то же время неоднократно подчеркивала своеобразие и самостоятельность его культуры в ряде компонентов (в частности, в зверином стиле), что подтвердило недавнее исследование Л.Ю. Гончаровой (Гончарова, 2001. С. 36–48; Гочарова, 2002. С. 3–14). Современные исследователи не отрицают отдаленное родство части местного населения, оставившего курганные могильники, ранним скифам. Однако относится это только к одной

группе населения – военно-аристократической верхушке, которую А.П. Медведев связывает с гелонами Геродота. Близость, но не идентичность этого населения классическим скифам он связывает с тем, что гелоны явились потомками одной из групп расселившихся в восточно-европейской лесостепи «ранних» или «старших» скифов (Медведев, 1999. С. 141).

Таким образом, проблема этнокультурной принадлежности населения Среднего Подонья в скифское время до сих пор остается открытой. Это связано как со сложностью и неоднозначностью толкования данных письменной традиции, так и с трудностями в поиске археологических критериев этничности. Видимо, именно с тем, что скифская триада как индикатор этнической и культурной принадлежности потеряла свою значимость, связаны разногласия в понятиях и определениях. Между тем, база для разрешения противоречий и решения проблемы этнокультурной принадлежности населения Среднего Подонья в скифское время была заложена работами Воронежской лесостепной скифской экспедиции, в частности, деятельностью А.И. Пузиковой.

Подводя итог, подчеркнем, что А.И. Пузикова является одной из значительных фигур в археологическом освоении территории Среднего Подонья в 50–60-е годы прошлого века. Благодаря ее работам в составе Воронежской Лесостепной скифской экспедиции, были проведены исследования археологических памятников огромной научной значимости, таких как, например, Волошинское 1 городище, Дуровский могильник и могильник у с. Русская Тростянка. Важно, что все исследованные ею погребальные памятники оперативно водились в научный оборот и, в конце концов, были изданы одной книгой. Важно и то, что Анна Ивановна уделяла внимание не только выдающимся находкам из курганов, но и массовому, на первый взгляд, менее «представительному» материалу поселений. В результате была существенно расширена источниковая база для изучения истории лесостепного Подонья в скифское время.

Литература

Гончарова Л.Ю. Искусство Лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV – начале III вв. до н.э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк, 2001.

Гончарова Л.Ю. Искусство звериного стиля в лесостепном Подонье – культурный феномен скифской эпохи // Край Воронежский: Межвузовский студенческий сборник. Вып. IV. Воронеж, 2002.

Гуляев В.И. Памятники эпохи бронзы у с. Русская Тростянка // В книге Либерова П.Д. «Племена Среднего Дона в эпоху бронзы». М., 1964.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда, Донской экспедиции ИИМК АН СССР. М., 1956 // Архив ИА РАН. 1956. Р-1. №1275.

Либеров П.Д. Отчет о работе Воронежского отряда Лесостепной экспедиции. М., 1958 // Архив ИА РАН. Р-1. №1726.

Либеров П.Д., Пузикова А.И. Отчет о работе Воронежского отряда Скифской лесостепной археологической экспедиции. М., 1961 // Архив ИА РАН. Р-1. №2258.

Либеров П.Д., Пузикова А.И. Отчет Воронежского отряда Лесостепной скифской археологической экспедиции о разведках по рр. Тихой Сосне и Битюгу и о раскопках у с.Мастюгина, у с.Русской Тростянки и у с.Вознесенки (на правом берегу р.Ведуги). М., 1962 // Архив ИА РАН. Р-1. №2489.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ.Д1-31. М., 1965

Либеров П.Д., Пузикова А.И. Отчет об археологических исследованиях Воронежской лесостепной скифской экспедиции. М., 1968 // Архив ИА РАН. Р-1. №3692.

Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. № 151. М., 1969.

Либеров П.Д. Древняя история населения Подонья. Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1971.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.

Медведев А.П. Исследования по археологии и истории Лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

Пузикова А.И.. Курганный могильник скифского времени у с. Русская Тростянка // СА. № 4, 1962.

Пузикова А.И, Два кургана скифского времени у с. Русская Тростянка // КСИА. Вып. 102, 1964.

Пузикова А.И. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. Вып. 107, 1966.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. № 151, 1969а.

Пузикова А.И. Раскопки могильника скифского времени у с.Дуровка в 1965 г. // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. № 151, 1969б.

Пузикова А.И. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М., 1995.

Пузикова А.И. Городища и курганные могильники Среднего Подонья: к вопросу о их этнокультурном единстве // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СРЕДНЕМ ПОСЕЙМЬЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2012 г. О.О. Билинский

Национальный университет «Киево-Могилянская академия», Киев

В понимании этнокультурных процессов, происходивших в Днепровской Левобережной лесостепи в эпоху раннего железа, особое место занимает Посеймье. Бассейн Сейма является северной границей Лесостепи, а в раннем железном веке он был и северной окраиной распространения скифоидных памятников.

Изучение этого периода в среднем Посеймье началось в XİX в. Первым их исследователем был Д.Я. Самоквасов. Занимаясь проблемой появления первых городов на территории Древней Руси, он собрал информацию и сам обследовал многие известные на то время городища. По результатам его исследований были опубликованы работы, где археологические материалы дополнялись глубокими лингвистическими и юридическими разведками (Самоквасов, 1873; Самоквасов, 1908). В приложении книги «Древние города России» помещен каталог городищ, сохранившихся на территории Черниговской губернии, который составлялся на основании донесений волостных правлений, данных, собранных Филаретом Гумилевским и напечатанных в Черниговских епархиальных ведомостях 1862–1870 гг., а также личных исследований автора (Самоквасов, 1873). Среди городищ были и памятники, расположенные возле сел Воргол, Червоный Ранок (бывш. Божок), Ховзовка, на которых позже обнаружили материалы скифского времени.

В Курском Посеймье еще в первой половине XIX в. полевые археологические исследования проводил краевед А.И. Дмитрюков, издавший в 1854 г. работу «Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах». Позже, по инициативе Д.Я. Самоквасова, в 1874 г. был издан «Указатель городищ, курганов и других земляных насыпей в Курской губернии». К этому же этапу можно отнести разведки А.Н. Александрова, проводившиеся в долине Сейма между Льговом и Рыльском. Ему же принадлежат небольшие разведочные работы на Ивановском городище (Пузикова, 1981. С. 3).

Также в среднем Посеймье, в 1928–1931 гг. по правому берегу Сейма проводились разведки Я.М. Морачевским, который с конца 20-х годов был директором Глуховского музея. Им обследованы городища у сел Викторово, Сварково, а в ур. Ивановское у с. Волокитино найдена характерная керамика, «орнаментированная по краю глубокими нарезами и проколами почти по самому краю» (Морачевский. С. 2, 8–9).

Систематические и целенаправленные исследования в Посеймье начались в 1947 г. Экспедиция ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством И.И. Ляпушкина провела масштабные разведки, исследовав среднее и нижнее течение Сейма в Курской и Сумской областях. Несмотря на то, что маршрут экспедиции проходил по уже известным в литературе памятникам, И.И. Ляпушкин определил принадлежность многих из них к скифскому времени и открыл ряд новых. Результатом этой работы стала статья, посвященная так называемой «зольничной культуре» (Ляпушкин, 1949), и раздел в монографии «Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа», где впервые была составлена археологическая карта городищ и поселений скифского времени в Посеймье, сделано описание памятников и обнаруженных материалов (Ляпушкин, 1961). Среди последних упоминаются 2 бронзовых наконечника стрел с городища возле с. Ховзовка, но в публикации автор не дает их изображения, описания и датировки (Ляпушкин, 1961. С. 138). Рассматривая левобережную лесостепную культуру скифского времени как единую по происхождению, он как датирующий элемент использует керамику, на основании которой в «зольничной культуре» выделяет два этапа: «раннезольничный» (VII–IV вв. до н.э.) и «позднезольничный» (IV–II вв. до н.э.) (Ильинская, 1950. С. 28-37). Согласно концепции И.И. Ляпушкина, керамика с памятников Сейма попадала в группу «позднезольничных» и, следовательно, эти памятники могли появиться здесь не ранее IV в. до н.э. Исследователь считал, что заселение бассейна Сейма «произошло в результате передвижки «скифов-пахарей» именно из южной полосы» (Ляпушкин, 1949. С. 71).

Противником идеи такого хронологического членения и вообще самого термина «зольничная культура» выступила В.А. Ильинская. На примере памятников Сулы (где абсолютно отсутствует чернолощеная посуда, которую И.И. Ляпушкин называл «раннезольничной») она убедительно доказала, что инвентарь курганов Посулья датируется временем не позднее VI в. до н.э. (Ильинская, 1950. С. 144). А значит и вся хронология «зольничной культуры», разработанная И.И. Ляпушкиным, не совсем точна. Что касается памятников Сейма, то, опираясь на дальнейшие находки оружия и украшений, относящихся к скифской архаике, можно говорить, что и время заселения Посеймья относится к более раннему времени.

Практически в это же время в среднем Посеймье работала экспедиция ИА АН УССР под руководством Д.Т. Березовца. Он на протяжении 1947–1950 гг. занимался изучением славянских древностей, но во время разведок им были обследованы и памятники скифского времени у сел Литвиновичи, Великая Стражонка, Хижки, Ширяево и в г. Путивле. На некоторых славянских памятниках, которые он раскапывал, были обнаружены слои, относящиеся к скифскому времени (Березовець, 1952; Березовець, 1955). В частности, это поселения у с. Волынцево и Воргол.

В 1950 г. к исследованиям памятников Сейма приступила В.А. Ильинская. Ею были произведены работы на Ширяевском (Старо-Гончаровском) городище, где до нее материалы скифского времени обнаружил Д.Т. Березовец (Іллінська, 1953). Это были первые и, к сожалению, последние серьезные исследования, которые проводились археологами с целью изучения скифского периода в среднем Посеймье. Добытые материалы послужили еще одним аргументом в дискуссии с И.И. Ляпушкиным о хронологии скифского периода в Днепровском Левобережье.

Данные, полученные с территории среднего Посеймья, вошли в ряд фундаментальных работ В.А. Ильинской. Это монография «Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья)» (Ильинская, 1968. С. 182); ее докторская диссертация «Скифский период в днепровском лесостепном Левобережье» (Ильинская, 1971. С. 17-19), в которых исследовательница указывает на близость памятников Сейма к памятникам Псла, Сулы и Северского Донца (Ильинская, 1968. С. 182). В совместной монографии В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина «Скифия VII–IV вв. до н.э.», которая посвящена вопросам истории, развития культуры, этногеографии, экономики и социального устройства скифского общества, население Левобережья сопоставляется с ираноязычными скифами-земледельцами Геродота, а скифская культура на этой территории появляется, по мнению авторов, в уже сложившемся виде в VI в. до н.э., что хронологически совпадает с завершением азиатских походов скифов (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 366).

С большей интенсивностью с 1950-х годов идут исследования в Курском Посеймье. Связано это с именами Ю.А. Липкинга, М.В. Воеводского, П.И. Засурцева, Т.Н. Никольской. С 1955 г. исследованиями тут занимается А.Е. Алихова, а с 1968 г. – О.Н. Мельниковская (Пузикова, 1981. С. 4). В 1969 г. к работам подключается скифолог А.И. Пузикова, которая сначала провела здесь разведки, а с 1973 г. начала раскопки на Марицком городище. Её работа отличалась тем, что была направлена на изучение скифских материалов, а не юхновских, как у большинства ее предшественников. Именно её работы положили начало систематическим исследованиям городищ скифского времени в Курском Посеймье и стали эталонными (Пузикова, 1981). С 1982 по 1989 годы ею было практически полностью раскопано городище Переверзево-І (Пузикова, 1997).

Что же касается полевых исследований в среднем Посеймье, то здесь изучались в основном славянские и древнерусские памятники, которые в 70-х – 90-х годах активно исследовались О.В. Сухобоковым, Ю.Ю. Моргуновым, А.М. Обломским, Р.В. Терпиловским и другими археологами. На многих из них слои скифского периода перекрывались горизонтами более поздних эпох. Так, материалы скифского времени были обнаружены О.В. Сухобоковым на городище возле с. Игоревка (Сухобоков, 1990. С. 94-101).

С начала 2000-х годов, после принятия закона Украины об охране культурного наследия, в ходе работ по обследованию земель, отводящихся в аренду, под строительство и приватизацию, сотрудниками ИА НАН Украины в бассейне Сейма были обнаружены новые памятники скифского времени. Эти работы, собственно, и являются последним этапом в изучении этого периода на Сейме.

Среди последних публикаций, посвященных исследованиям памятников скифского времени в среднем Посеймье, следует назвать статьи сотрудника Государственного историко-культурного заповедника в г. Глухове Ю.А. Коваленко, который проводил обследования и шурфовку на ряде городищ в бассейне Сейма (Коваленко, 2007а; Коваленко, 2007б).

По сравнению с Курским Посеймьем, памятникам среднего Сейма уделялось недостаточно внимания со стороны скифологов, что проявилось в незначительном количестве стационарных исследований. Даже те материалы, которые были получены в ходе разведок, практически не проанализированы и не систематизированы. К тому же, внимание исследователей привлекали преимущественно городища, которые считались едва ли не единственными памятниками скифского времени в этом регионе (Ильинская, 1968. С. 182).

В литературе, посвященной скифской проблематике, есть упоминания всего о 9 городищах: Горки-2, Воргол, Линово, Ширяево (Старые Гончары по И.И. Ляпушкину) Никольская Горка (г. Путивль), Червоный Ранок, Ховзовка, Волынцево, Хижки (Ляпушкин, 1961; Ильинская, 1968; Ильинская, Тереножки, 1983). В процессе работы с материалами нам удалось пересмотреть статус двух памятников (Хижки и Волынцево) и дополнить список еще 9 городищами: Бунякино (Сухобоков, 1986. С. 86), Новая Слобода (Коваленко, 2007б. С. 231), Ленинское (Обломский, Терпиловский, 1990. С. 31-32), Игоревка (Сухобоков, 1990. С. 94-101), Сварково (Приймак, 2007. С. 152), Перемога, Викторово, Будища (Коваленко, 2007а. С. 20-22), Камень. Памятники у сел Хижки и Волынцево, видимо, не могут быть классифицированы как городища. Они фигурируют у И.И. Ляпушкина как «болотные» (пойменные городища), а так как подобного типа памятников скифоидной культуры больше не известно, скорее всего, в раннем железном веке это были обычные поселения, а укрепления на них появились в славянскую эпоху.

На данный момент в среднем Посеймье в пределах Сумской области, в процессе изучения архивных материалов и специальной литературы, нам удалось собрать информацию о 34 памятниках с материалами скифского времени. Среди них 16 городищ и 18 поселений.

Форма городищ разнообразна и определяется преимущественно формой мыса. Большинство городищ не имеет предградий, а укрепления, представленные валом и рвом, прослеживаются лишь с напольной стороны. По классификации А.А. Моруженко такие памятники можно отнести к 1 типу I классу (Моруженко, 1985. С. 161). Исключениями являются памятники у сел Воргол и Викторово, планировка которых нам пока остается не совсем ясной. И.И. Ляпушкин, который был на Воргольском городище в 1947 г., пишет, что городище занимает два отрога мыса, вдающегося в пойму реки. С напольной стороны мыс отгорожен валом, а там где он раздваивается, западный отрог укреплен еще одним валом. Исследователь обнаружил материалы скифского времени на обоих отрогах, отмечая большую их концентрацию на западном (Ляпушкин, 1961. С. 59–60). В свою очередь, Д.Т. Березовец пишет, что оба отрога имеют общий ров и отдельные валы. При этом, материалы скифского времени он обнаружил только на восточном городище (Березовець, 1955. С. 58–61). А.А. Моруженко Воргольское городище относит к 1 классу III типу своей классификации. То есть, к городищам, защищенным валом и рвом с напольной стороны и состоящим из основного укрепления и предградья (Моруженко, 1985. С. 161). План городища, который она дает в своей статье, больше отвечает описанию И.И. Ляпушкина (Моруженко, 1985. С. 165).

Существование в скифское время поселения на узком вытянутом мысу коренного берега выглядит маловероятным. По топографии это место больше подходит для городища.

К тому же, как известно, племена роменской культуры нередко использовали фортификации раннего железного века, приспосабливая их для себя, часто путем уменьшения площади. Таким образом, городище, вероятно, существовало в скифское время, имея один вал, защищавший оба отрога. Другие же укрепления могли появиться в северянское время. А если вспомнить описание памятников возле Воргола Д.Я. Самоквасовым, который пишет: «на правом возвышенном берегу р. Клевени сохранились два больших двойных городища, лежащие в расстоянии 4-х верст друг от друга» (Самоквасов, 1908. С. 40), то, возможно, речь идет вообще о разных памятниках.

Также обращает на себя внимание площадь городищ, которая редко превышает 1 га, а в среднем составляет 0,75 га. В общем можно сказать, что городища среднего Посеймья типологически близки с синхронными памятниками Курской области. Среди отличий следует отметить, разве что, полное отсутствие юхновских материалов. Видимо, ареал юхновской культуры по Сейму заканчивался примерно в районе современного Рыльска (Кашкин, 2000. С. 91; Ляпушкин, 1961. С. 131), и снова выходил к Сейму лишь в устье, на Шабалиновском городище (Ильинская, 1968 С. 182), огибая территорию расселения племен скифского времени в среднем Посеймье.

Что касается материальной культуры региона, то она явно требует дополнительного изучения. Из упомянутых памятников небольшие раскопки проводились лишь на трех. При чем скифские древности были целью изучения только в одном случае (раскопки В.А. Ильинской на Ширяевском городище).

Во время раскопок Д.Т. Березовцом памятников возле с. Волынцево в 1948 году, кроме керамики скифского времени, на поселении была найдена посоховидная булавка, которую по типологии В.Г. Петренко можно отнести к 19 типу 1 варианту, и датировать VII в. до н.э. (ближайшие аналогии – с Жаботинского поселения и с. Куриловка Черкасской области). Интересно, что исследовательница отмечает распространение такого типа булавок, лишь на Правобережье Днепра (Петренко, 1978. С. 16).

В 1949–1950 гг. Д.Т. Березовец также провел раскопки на восточном и западном отрогах Воргольского городища. Кроме керамики, на городище были найдены 2 наконечника стрел, которые автор раскопок отнес к скифскому времени. Первый, изготовленный из кости – довольно редкий, ему сложно найти аналогию. Второй – бронзовый двухлопастный с выступающим шипом (Березовець, 1955. С. 61). По классификации А.И. Мелюковой он может быть датирован VII–VI вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 18). Также на городище производились исследования вала, которые, к сожалению, не дали однозначного ответа о времени его возведения (Березовець, 1955. С. 61).

Нами была проанализирована керамика с этого памятника, которая хранится в фондах Сумского областного краеведческого музея. Для классификации использовались типологии, разработанные В.А. Ильинской по материалам Ширяевского городища, А.И. Пузиковой для Курского Посеймья и Д.С. Гречко для памятников Северского Донца. Среди керамики Воргольского городища по профилям венчиков было выделено 4 типа. Интересно, что в орнаментации сосудов, кроме сквозных проколов под венчиком, преобладают косые насечки по его срезу или внешнему краю, а, считающиеся традиционными для скифского времени, пальцевые вдавления (Гречко, 2010 С. 60) почти не встречаются. Обращает на себя внимание и тот факт, что керамика с Воргола более близка к керамике Марицкого городища нежели Ширяевского, хотя расстояние между памятниками в первом случае – более 100 км, а во втором – менее 30 км. Объяснить это можно, скорее всего, этнической неоднородностью населения этого региона, или же разным временем существования памятников (Білинський, 2011а).

В 1950 г. В.А. Ильинская провела раскопки на Ширяевском городище (Іллінська, 1953). Площадь раскопа, который был заложен в его юго-восточной части, составляла 160 кв.м. Во время раскопок были открыты остатки оборонительных и жилых сооружений. Юго-вос-

точный край городища был искусственно досыпан и выровнен, а сверху закреплен глинобитной вымосткой. Наземное жилище имело глинобитный пол и остатки 2 печей (исходя из площади, покрытой вымосткой, размеры жилища – 8×8 м). За пределами пола и на его площади найдены столбовые ямки. На полу жилища обнаружен бронзовый наконечник стрелы VI в. до н.э. и пирамидальные бусины, характерные для конца V–IV вв. до н.э. Также интерес представляют 2 железные булавки с загнутыми в петлю головками. При публикации материалов раскопок автор дает лишь их изображение (Іллінська, 1953. С. 117–118). По классификации В.Г. Петренко одну из них – посоховидную, можно отнести к 19 типу 4 варианту, и датировать IV–III в. до н.э. Но в своей монографии исследовательница отмечает, что подобная булавка на Левобережье встречена лишь в одном экземпляре в ворсклинской группе (Петренко, 1978. С. 17). Вторая булавка, к сожалению, не может быть продатирована, так как не имеет верхней части. Среди необычных для скифского периода находок следует отметить железный крючок и 2 кучи камня из 200 и 1500 штук. На городище камень был привезен, так как в непосредственной близости выходов кварцита нет. Автор раскопок считала, что кучи были сложены с оборонительной целью (Іллінська, 1953. С. 112).

Согласно найденным материалам, хронологические рамки жизни на городище довольно широки (VI–IV вв. до н.э.), хотя учитывая место находок в стратиграфии раскопа, автор считает, что эти рамки могут оказаться шире (Іллінська, 1953. С. 112–120). Следует отметить, что этот памятник является эталонным для среднего Посеймья, поскольку, кроме скифских материалов, здесь обнаружено лишь незначительное количество керамики эпохи бронзы (скорее всего бабинской культуры), а значит возведение укреплений точно принадлежит к раннему железному веку.

Небольшие разведочные работы проводились Ю.А. Коваленко на городище возле с. Викторово (Коваленко, 2007а). Среди находок, кроме керамики, следует отметить S-подобный псалий, который автор датирует V–IV вв. до н.э. и трехлопастную стрелу IV–III вв. до н.э. Довольно интересна непродатированная автором железная посоховидная булавка со спиралевидной головкой. По классификации В.Г. Петренко ее можно отнести к 22 типу, датирующемуся VII – началом VI в. до н.э. Но автор классификации отмечает, что подобные булавки встречаются только в правобережной и западно-подольской группах памятников скифского времени (Петренко, 1978. С. 18). На сегодняшний день в Левобережной лесостепи уже известно несколько подобных украшений. В частности это булавка с Битицкого городища на Псле, представленная в экспозиции Сумского областного краеведческого музея и булавка с Переверзевского городища из раскопок А.И. Пузиковой (Пузикова, 1997. С. 63). Также привлекает внимание, обнаруженная во время шурфовки прослойка камня, которая исследователю показалась похожей на остатки фундамента (Коваленко, 2007а. С. 20). Учитывая отсутствие на памятнике слоев поздних эпох, такая трактовка находки кажется маловероятной.

Также Ю.А. Коваленко проводил исследования на городище в ур. Аксенов Бугор возле с. Будище и в г. Глухове. Из первого происходит трехлопастная бронзовая скифская стрела V–IV вв. до н.э., а из Глухова – двухлопастная с шипом, которая датируется VII–VI вв. до н.э. (Коваленко, 2007а. С. 21).

Отдельно, также, следует отметить недавние случайные находки оружия скифского времени в бассейне Сейма (Білинський, 2011б). Они представлены двумя кинжалами. Первый был найден во время пахоты у с. Виры Белопольского района. Кинжал имеет редкое сегментовидное перекрестье и по классификации А.И. Мелюковой относится к I отделу 5 типу, датируясь VI–V вв. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 53). Ближайшей аналогией ему может служить кинжал, найденный А.Е. Алиховой на городище Кузина Гора, не упомянутый А.И. Мелюковой. Этот кинжал Р.Ф. Воронина датирует V–IV вв. до н.э. (Воронина, 1962. С. 132).

Второй кинжал найден скорее всего в г. Белополье. Он имеет обычное для скифского времени сердцевидное перекрестье, но отсутствие навершия не дает нам возможности точно

продатировать его. Время бытования таких кинжалов колеблется в пределах VI–V вв. до н.э. Видимо, к этому времени и следует отнести находку. Ближайшей аналогией ему могут служить кинжалы из Тимского района Курской области (Воронина, 1962. С. 130).

Подводя итог, следует отметить определенный недостаток внимания со стороны скифологов к Среднему Посеймью. Хотя мы убеждены, что памятники именно этой территории, в силу отсутствия на них слоев юхновской культуры, могут пролить свет на историю всего Посеймья в VI–IV вв. до н.э.

До конца не установленным, к примеру, остается погребальный обряд. В.А. Ильинская считала, что местное население не было «строителями курганов» (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 344), и предполагала бескурганный обряд, опираясь на единичную находку могильника у с. Долинское в низовьях Сейма (Ильинская, 1968. С. 182). Но следует отметить, что одно из описанных О.Н. Мельниковской погребений, было найдено под возвышением (Мельниковская, 1950. С. 72), которое раньше, видимо, было курганом. Другие погребения находились на незначительной глубине и сама исследовательница отмечает, что здесь имело место снятие грунта в хозяйственных целях (Мельниковская, 1950. С. 70). К тому же, в этом районе известны курганы, но работы на них не проводились (Мельниковская, 1950. С. 72). Но даже, если предположить, что погребальный обряд местного населения был все же бескурганным, следует отметить, что единичные отклонения от обычных подкурганных погребений встречаются и на территории других локальных групп скифского времени (Петренко, 1962. С. 142–151). Тем более, что на могильнике открыты только женские и детские погребения, что является не совсем обычным явлением для скифского периода.

Здесь уместно вспомнить, что в реестре памятников археологии Сумской области в Путивльском и Конотопском районах значится большое количество курганов высотой 1–3 м. Большинство из них абсолютно не исследовано. Сейчас мы знаем примеры скифских могильников, где покоятся мужчины с оружием, деталями узды и вещами в зверином стиле, а высота курганов при этом редко превышает 1 м (Гречко, Шелехань, 2012). Очевидно, вследствии интенсивной распашки, проводившейся в богатых черноземных районах лесостепи, где насыпи не имели таких внушительных размеров как курганы Посулья, они не привлекли внимания исследователей или вообще уничтожены. Окончательное решение этой проблемы мы считаем возможным лишь благодаря раскопкам курганов на указанной территории, поскольку только так можно получить однозначный ответ на вопрос о их культурной принадлежности, а скорее всего и о погребальном обряде местного населения скифского времени.

Днепровское Левобережье считается одной из наиболее изученных частей Скифии. Многими исследователями подготовлены специальные работы, посвященные отдельным локальным вариантам материальной культуры этого региона. Но практически белым пятном на этом фоне выглядит бассейн Сейма и средний его отрезок в частности. Из-за недостаточного количества исследований пока не решены многие важные проблемы, связанные с историей этого региона. А без этого мы не можем иметь точного представления о жизни всего Левобережья в раннем железном веке. Поэтому, на данном этапе необходимым является картографирование всех известных на сегодняшний день памятников, анализ и систематизация полученных данных и, самое главное, сравнительный анализ материалов всего междуречья Дона и Днепра. Только это сможет дать более полное представление о экономической и этнокультурной ситуации в регионе и определить место памятников Посеймья в нем.

Литература

Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області // АП УРСР. т. III. 1952.

Березовець Д.Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949 – 1950 рр. // АП УРСР. т. V. 1955.

Білинський О.О. Археологія: спадок віків // Матеріали Міжнародної наукової конференції студентів, аспірантів та молодих вчених. Кїев, 2011.

Білинський О.О. Нові знахідки скіфських кинджалів із території Сумщини // Сумська Старовина. №35. 2011.

Воронина Р.Ф. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // МИА. №113. М-Л., 1962.

Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Кїев, 2010.

Ильинская В.А. По поводу так называемой «зольничной культуры» // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950.

Гречко Д.С. Шелехань А.В. Гришковский могильник скифов на Харьковщине. Киев, 2012.

Іллінська В.А. Городище скіфського часу на р. Сейм // Археологія. т. VІІІ. 1953.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.

Ильинская В.А. Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье: автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра истор. наук. М., 1971.

Ильинская В.А., Тереножкин А. И. Скифия VII – IV вв. до н.э. Киев, 1983.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Часть 2. М., 2000.

Коваленко Ю.О. Скіфські старожитності на Глухівщині // Сіверщина в контексті історії України. Суми, 2007.

Коваленко Ю.О. Археологічні дослідження Софронієвського монастиря та його околиць // Могилянські читання 2006. Кїев, 2007.

Ляпушкин И.И. Поселения зольничной культуры («скифов-пахарей») в бассейне Сейма // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949.

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М-Л., 1961.

Мельниковская О.Н. Могильник у села Долинское Черниговской области // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Д-4. М-Л., 1964.

Морачевський Я.М. Щоденник археологічної рекогносцировки в південній частині Глухівщини // Фонды Сумского областного краеведческого музея. НВ 1878.

Моруженко А.О. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н.э. // СА. № 1. 1985.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Отчет о работе Левобережной ранне-славянской экспедиции на территории Сумской области в 1990 г. // Научный архив Сумского областного краеведческого музея. 1990/3

Петренко В.Г. Могильник скифского времени у с. Гришенцы // МИА. №113. М-Л., 1962.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н.э. // САИ. Д4-5. М-Л., 1978.

Приймак В.В. Путивльське удільне князівство Чернігово – Сіверщини. Полтава, 2007.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени басейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997.

Самоквасов Д.Я. Древніе города России. СПБ., 1873.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

Сухобоков О.В. Древнерусский Путивль и его округа (по материалам археологических исследований). Путивль, 1990.

Сухобоков О.В. Отчет о полевых исследования Левобережной славяно-русской экспедиции в 1986 г. // Научный архив Сумского обласного краеведческого музея. 1986/1.

БУЛАВКИ С АЖУРНЫМ ЛИСТОВИДНЫМ НАВЕРШИЕМ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ТИПОЛОГИЯ, АРЕАЛ, СЕМАНТИКА

© 2012 г. А.А. Чубур

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск

На поселениях раннего железного века лесной и лесостепной зоны центра Восточной Европы встречается особая разновидность украшений – крупные булавки с железной иглой и напаянной на нее бронзовой или, много реже, серебряной ажурной (прорезной, решетчатой) головкой листовидной формы. Иногда изделия не биметаллические, а цельнолитые, тогда бронзовая игла составляет одно целое с навершием. Все они по совокупности датирующих факторов относятся к IV–II вв. до н.э. и, вероятно, не переживают рубежа нашей эры.

Большинство ажурных наверший изготовлено отливкой по модели, выполненной в технике «воскового вязания». Из воска и пропитанных воском нитей и шнурков изготавливалась узорчатая ажурная модель. Она заливалась жидкой глиной, которая заполняла все углубления модели. Форма сушилась, а затем при обжиге из нее вытапливался воск, выжигались нити и шнуры. В промытую форму заливался металл. При извлечении готовых изделий форма разбивалась, поэтому каждое изделие оказывалось эксклюзивным. Некоторые более грубые навершия отлиты по оттискам в глине уже готовых булавок.

Поначалу их именовали дьяковыми навершиями – скорее всего в связи с одной из первых находок, сделанной на Ермоловском городище дьяковской культуры на Верхней Волге, близ Ржева (Бачинский, 1926, С.153). Однако вскоре выяснилось, что ареал дьяковцев лежит к северу и северо-востоку от основного ареала распространения таких украшений, которые для нее не характерны (Смирнов, 1974; Сапрыкина, 2006). Попытка отнести находки булавок к раннему периоду мощинской культуры (Никольская, 1959, С.86-96; 1962, С.221-240) тоже была отвергнута как несостоятельная (Массалитина, 1995, С.13-17). Наконец, Р.Л. Розенфельдт и В.В. Седов именуют их балтскими навершиями (Розенфельдт, 1963; Седов, 1967, S.129-146), однако характерны они далеко не для всех балтских племён раннего железного века. Встречается в литературе не прижившееся, но нейтральное наименование - решетчатые фибулы (Засурцев, Лисицына, 1968, С.54). Наиболее используемым стало другое нейтральное в культурно-хронологическом плане наименование, которое применяет и автор: булавки с ажурным навершием.

Несмотря на то, что находки такого рода известны более 100 лет, до сих пор имеются лишь две попытки обозначения ареала этих вещей (Седов, 1967; Массалитина, 1995), а типология этих изделий, образующих довольно разнородную и достаточно многочисленную группу, вообще никем не разрабатывалась. В.В.Седовым было учтено 18 пунктов таких находок (и 24 предмета), причем, среди них минимум один выпадает из контекста, относясь к подгорцевскому типу, изученному С.Е. Рассадиным, и в данной работе не рассматриваемому. Сведения о ряде находок, не вошедшие в свод В.В. Седова, содержатся в публикациях о более поздних раскопках ряда памятников – например городища Пекшево, Большое Горнальское и других. Наконец, в последнее десятилетие в СНГ катастрофические для археологического наследия масштабы приобрел так называемый «любительский металлопоиск». Правда, далеко не все находки «поисковиков» a priori результат преступных грабительских раскопок (которые автор, безусловно, осуждает и считает непоправимой трагедией): много и реально случайных находок, сделанных вне археологических памятников или на открытых таким образом объектах. В ряде случаев поисковики-краеведы содействовали выявлению новых памятников археологии и оперативной передаче сведений о них органам охраны наследия и специалистам-археологам. Так или иначе, автор счел долгом учесть все, известные к настоящему времени ажурные навершия, в чем ему активно помогали как коллеги-археологи, так и поисковики-краеведы, принципиально не участвующие в разграблении древностей и активно сотрудничающие с учеными.

Автором учтено 76 булавок с ажурным навершием, хранящихся в государственных музеях (ГИМ, Калужский областной краеведческий музей, Курский государственный областной музей археологии, Железногорский краеведческий музей и др.) и в частных собраниях (Приложение 1).

Изготовленные в слегка различных стилях, но сохраняющие богатую орнаментацию изделия распространены, за редкими исключениями, на ограниченной территории, внутри которой имеются несколько областей концентрации (Рис.1).

С верхней Оки и ее притоков в пределах Калужской и, отчасти, Тульской и Смоленской обл. известно в настоящее время 24 экземпляра, основным компактным районом концентрации является здесь течение Оки примерно от устья Жиздры до устья Угры, а также целиком бассейн Угры. Это селище Певкин Бугор (Розенфельдт, 1963, С.226-229), городища Вороново (Никольская, 1964), Гремячево (Булычов, 1898), ряд случайных находок. По левому притоку Оки – Угре – находки сделаны на городищах Свинухово и Николо-Ленивец (Никольская, 1959, 1962), селище Козлово (Массалитина, 1995). Имеется серия случайных находок в Калужской и на северо-востоке граничащей Смоленской области.

Удалена от этого района, хотя и относится к бассейну Оки находка наверший на городище Сатинка в Тульской обл. (Изюмова, 1967, С.122-139). К этой второй территориальной группе можно отнести случайные находки в Ясногорском р-не Тульской обл., в Новосильском р-не Орловской обл., в Измалковском р-не Липецкой обл. и в Воронежской обл. (всего 9 экз.).

Третий район концентрации булавок с ажурным навершием (пока учтено 32 экз.) – левобережье Десны в пределах среднего течения и верхнее течение Сейма и притоков. В эту группу попадают булавки с городища Торфель на территории Брянска (Горюнова, 1950, С.148-156) и целый ряд случайных находок по левым притокам Десны, а также все находки из Посемья и верхнего течения Псла: минимум 13 булавок с ажурным навершием происходят из Курского Посемья – и случайные, и сделанные во время раскопок находки в Октябрьском (Липинское городище, городище Быканово?), Курчатовском (Александровское городище и две находки, место которых уточнить не удалось), Дмитриевском, Железногорском, Хомутовском (с. Бупел), Рыльском р-нах Курской обл. (Алихова, 1962; Апальков, 1996; Засурцев, Лисицына, 1968, С.46-54). Тяготеют к ним и минимум три находки с верхнего Псла в Беловском (с.Долгий Колодезь) и Суджанском (Большое Горнальское городище) районах Курской обл. (Куза, 1980. С.6-39; Зорин, Стародубцев, Шпилёв, Щеглова, 2008).

На самой периферии территории, очерченной этими тремя зонами концентрации, известны единичные находки. К югу это две булавки из Полтавской области Украины, к востоку – булавка с городища Пекшино в Воронежской области (Медевдев, 1999). К северу – уже упомянутая булавка из раскопок Ермоловского. В бассейне Западной Двины лежит область разреженных находок своеобразных булавок с эсовидными волютами по периметру навершия и с петлёй для привязывания на тыльной поверхности. Это – обломок с городища Бураково к северо-западу от Витебска на Западной Двине (Шадыро, 1985), железная игла с обломком такого навершия с городища Лакисы на Каспле (Ляуданскі, 1930; Массалитина, 1995) и булавка из Витебска (устье р.Лучесы). Все они связаны с культурой штрихованной керамики.

Несмотря на то, что облик каждого предмета индивидуален, ибо каждое навершие изготавливалось из формы в одном экземпляре, можно сказать, что все они имеют форму листа. Некоторые авторы выделяют овальные навершия, однако они столь редки, что мы считаем их разновидностью листовидных. По долевой оси проходит основной стержень, напаянный на железную иглу. От него расходятся нервюры – гладкие или перевитые жгутиком, прямые или зигзагообразные, наклонные вверх либо вниз, или перпендикулярные оси. Внешний ободок изделия иногда орнаментирован по периметру проволочными завитками-волютами, зернью, либо волной. Сам ободок может состоять как из гладких, так и из витых элементов, идущих в один-четыре ряда концентрически. У некоторых наверший имеется внутри второй концентрический контур, отделенный от основного нервюрами. Нервюры в этом случае расположены в два ряда – между внешним и внутренним контуром и между осью и внутренним контуром. Ушко для привязывания обыкновенно располагается с

левой ее стороны и может быть двойным либо одинарным. Однако в ряде случаев (Западно-Двинская группа) ушко расположено у основания навершия на оси с тыльной стороны.

За основу предлагаемой типологии взят рисунок, образуемый нервюрами – с одной стороны наиболее вариативная деталь, а с другой – образующая четко выделяемые группы. Каждому типу присвоены номер и условное название по месту массового распространения.

Тип 1 (Верхнеокский) – прямые нервюры по отношению к оси образуют орнамент «ёлочка». Подтипы: 1-а – однонаправленная «ёлочка» ветвями вверх. 1-б – двунаправленная «ёлочка»: в верхней части внутреннего поля нервюры направлены наклонно вверх, а в нижней – вниз (Рис.2).

Тип 2 (Посеймский) – навершия с вписанным вторым контуром. Во внутреннем контуре нервюры образуют «ёлочку», как в подтипе 1-а. Во внешнем контуре они радиальные (Рис.3).

Тип 3 (Деснинский) – нервюры горизонтальные, перпендикулярные оси. Подтипы: 3-а – все нервюры прямые. 3-б – чередование зигзагообразных и прямых нервюр (через одну или группами по несколько). 3в – все нервюры зигзагообразны. 3-г – вертикальные волнистые нервюры (переходный вариант к решетчатому заполнению) (Рис.4).

Тип 4 (Сеймско-Деснинский) – крупноразмерные навершия, выполненные особенно тщательно, контур заполнен косой литой мелкоячеистой решеткой. Решетка, вероятно, генетически связана с пересекающимися волнистыми нервюрами (как на булавке типа 3-в с Ратманского городища). Край тоже ажурный, с ложновитыми элементами, несет по периметру ряды мелких сквозных отверстий. Эта разновидность наиболее филигранно исполнена и представляется отражением расцвета данной группы украшений (Рис.5).

Тип 5 (Окско-Донской) – Листовидно-подтреугольное навершие без нервюр, имеет волнистый или зубчатый ободок (Рис.6).

Тип 6 (Западнодвинский) – нервюры образуют косой крест в листовидном контуре, украшенном волютами. Петля для привязывания сзади, у основания навершия (Рис.7).

Тип 7 (Днепро-Балтийский) – нервюры образуют небольшой косой крест в листовидно-каплевидном навершии. Ободок широкий (Рис.8).

Тип 8. Донской. нервюры образуют косой крест в волнистом по внешнему краю листовидном контуре (Рис.9).

Типы 5-8 являются периферийными дериватами – производными формами, вызванными к жизни упрощенным копированием «классических» образцов украшений.

Две перемычки в навершиях-дериватах направлены вверх, две – вниз, что отдаленно напоминает расставленные руки и ноги (в духе виртувианского человека в круге от Леонардо да Винчи). Это породило сомнительную трактовку об антропоморфности изображения (Изюмова, 1967). На самом деле семантика всех наверший трактуется легко – автор, как и большинство исследователей, видит в них изображение мирового древа, причем в ряде случаев с четким трехчастным вертикальным делением, обозначенным либо направлением наклона, либо формой нервюр. Это универсальный, характерный для первобытного мифологического сознания на огромных территориях образ (Топоров, 1980, С.398-406.), воплощающий космогоническую концепцию – трёхчастное деление мира.

Булавки с листовидными ажурными навершиями в основном распространены вне ареалов милоградской, скифоидной лесостепной, днепродвинской, городенской и дьяковской культур раннего железного века лесной и лесостепной зон Восточной Европы. Из материалов доброго десятка юхновских городищ раскопанных В.А. Падиным, Л.В. Артишевской и О.Н. Мельниковской на Деснинском правобережье не происходит ни одной булавки с ажурным навершием. Нет таких находок и в Новгород-Северском полесье (Каравайко, 2012). Основной ареал распространения листовидных ажурных наверший достаточно четко совпадает с ареалом верхнеокской культуры. Булавки показывают, что естественной её границей с юхновцами служила, скорее всего, река Десна. В таком случае, позволи-

тельно поставить вопрос об особом месте в культурной мозаике региона памятников Посемья, где, в отличие от правобережья Десны, находки ажурных наверший обильны и своеобразны (в частности именно тут концентрируются навершия с двойным контуром). Насколько правомерно их традиционное отнесение к юхновской культуре покажут дальнейшие исследования.

В заключение автор искренне благодарит коллег-археологов Геннадия Стародубцева, Андрея Шпилева, Игоря Бажана, краеведов Алексея Трошина, Александра Гаврилова, Сергея Емельяненкова и ряд пожелавших остаться неизвестными частных коллекционеров за помощь в поисках и уточнении информации о случайных находках.

Приложение 1.

СВОД НАХОДОК ЛИСТОВИДНЫХ БУЛАВОК С АЖУРНЫМ НАВЕРШИЕМ

Белгородская область

1. Верхнее течение р. Оскол (привязка отсутствует) – тип 8. Длина 60 мм, ширина 30 мм. Ободок с волнистым краем и плохо прослеживающейся «прочерченной» линией по периметру. Две верхние нервюры направлены от оси под углом вверх, две нижние – вниз, на каждой по три «прочерченных» продольных линии (Рис. 9,*1*).

Брянская область

1. Торфель, Брянский р-н – городище Торфель, современный Бежицкий р-н г. Брянска, раскопки Е.А. Калитиной (Горюнова, 1950, Рис.54: 44). Тип 1а – прямые нервюры (12 пар) по отношению к гофрированной оси образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина 70 мм, ширина 40 мм. Ободок 3-рядный, внешний ряд ложновитой, внутренние – гладкие. Слева в нижней половине двойная гладкая петля (Рис. 2,*12*).

2. Брасовский р-н – тип 1б – прямые нервюры образуют двунаправленную «ёлочку». Нервюры двойные, по 6 пар сверху и снизу, симметричные относительно гофрированной оси. Длина 80 мм, ширина 34 мм. Ободок 3-рядный, внешний и средний ряды ложновитые, внутренний – гладкий. Слева в нижней половине двойная гладкая петля. Под ней, ближе к игле – на внешнем крае ободка S-видная волюта, справа ближе к игле также две таких волюты (Рис. 2,*22*).

3. Севский р-н, место неизвестно – тип 3а – прямые горизонтальные нервюры. Длина 46 мм, ширина 25 мм. Сохранность плохая. Ободок, вероятно 3-рядный, ложновитой. Справа в нижней половине двойная петля. Нервюры двойные, по 6 пар сверху и снизу, симметричные относительно оси. Ось с мелкими гофрами (Рис. 4,*5*).

4. Севский р-н, место неизвестно – тип 3а – прямые горизонтальные нервюры (9 пар). Длина 70 мм, ширина 30 мм. Ободок 3-рядный, внешний и внутренний ряды ложновитые, между ними гладкий. Справа внизу на внешнем краю три спиральных волюты. Вдоль оси наложена поверх двойная волна (Рис. 4,*1*).

Владимирская область

1. Точное место находки неизвестно – дериват, напоминает дубовый лист, имеются три пары симметрично расположенных округлых отверстий, перемычки меж которыми и округлым отверстием на вершине по центру – подобие нервюр. Длина 33 мм. Ширина 18 мм (Рис. 2,*17*).

Воронежская область

1. Семилукский р-н – точное место неизвестно. Тип 5, подтреугольных очертаний. Длина 60 мм, ширина 30 мм. Боковые линии ободка, у основания закрепленные на гофрированной оси имитируют плетеную из шнурка косичку. По внешнему краю по три S-видных

волюты. Слева внизу на внешнем краю гладкая петля. Верхняя дугообразная часть ободка, крепящаяся к оси состоит из три S-видных волют (Рис. 6,*1*).

2. Пекшево, Рамонский р-н – городище, раскопки А.П. Медведева (Медведев, 1999, С.33-39). Булавка с железной иглой и бронзовым навершием. Тип 1-а – прямые тройные нервюры (6 пар) по отношению к гофрированной оси образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина общая – 140 мм, длина навершия - 67 мм, ширина 40 мм. Ободок имитирует косичку. Слева в нижней половине наружная гладкая петля, под ней две спиральных волюты, с противоположной правой стороны – три (Рис. 2,*14*).

3. Северо-запад региона, р. Дон – точное место неизвестно. Навершие цельнолитой бронзовой булавки (острие сломано) подтреугольно-листовидных очертаний, тип 5. Длина 55 мм, ширина 30 мм. Нервюр нет. Края ободка несут по внешнему краю по 4 прямоугольных выступа, каждый с двумя «глазками» как на лицевой, так и на тыльной сторонах. Верхняя дугообразная часть ободка образует два боковых выступа над краями и расширение в соединении с осью (Рис. 6,*2*).

4. Северо-запад региона, р. Дон (привязка отсутствует) – Тип 8. Ободок с волнистым краем и линией по периметру. Длина – 60 мм, ширина – 40 мм. Слева внизу петля. Четыре нервюры, каждая с тремя продольными рельефными линиями, две верхние направлены от гофрированной оси под углом 45 градусов вверх, две нижние – вниз. Ближайшая аналогия – навершие с городища Сатинки (Рис. 9,*3*).

Калужская область

1. Певкин бугор, с. Желохово Перемышльского р-на. Фрагмент навершия тип 8 с ажурным волнистым краем и ажурной центральной частью, разделенными ободком, имитирующим три ряда витого шнурка. Ось гофрированная. Длина свыше 4 см, ширина свыше 25 мм. Раскопки К.Я. Виноградова, 1936 г. (Рис. 9,*5*).

2. Гремячево, Перемышльский р-н, городище Гремячево. Раскопки Н.И. Булычова, 1898 год. ГИМ: зал 5, витрина 3. Тип 1-а – прямые ложновитые нервюры (12 пар) по отношению к гофрированной оси образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина ок. 70 мм, ширина ок. 35 мм. Ободок 3-рядный, ложновитой. Петля отсутствует.

3. Гремячево, Перемышльский р-н, городище Гремячево. Раскопки Н.И. Булычова, 1898 год. ГИМ: зал 5, витрина 3. Тип 1-б – нервюры образуют двунаправленную «ёлочку»: в верхней половине нервюры направлены от гофрированной оси наклонно вверх, а в нижней – вниз. Ободок ложновитой, по внешнему краю были закреплены по три S-видных волюты с каждой стороны, по одной у основания и одна на вершине (всего 7), однако нижняя часть правой половины навершия утрачена. Длина около 90 мм, ширина около 45 мм (Рис. 2,*19*).

4. Вороново, Перемышльский р-н – городище, раскопки Т.Н. Никольской (Никольская, 1964). Тип 2 – с вписанным вторым контуром, в котором тройные нервюры (4 пары) образуют «ёлочку», с наклоном от гофрированной оси кверху. Длина 85 мм, ширина 53 мм. Во внешнем контуре тройные нервюры радиальные (12 пар). Внешний ободок в два ряда – внешний гладкий и внутренний ложновитой. Внутренний контур 3-рядный – имитация косички заключена между гладкими линиями. На левой стороне внизу двойная гладкая петля (Рис. 3,*3*).

5. Козлово (округа г. Калуга) – случайная находка XIX в. (Рис. 2,*2*). Тип 1-а – прямые нервюры (14 пар, верхние 4 – ложновитые) вокруг гофрированного стержня образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина 70 мм. Ширина 35 мм Ободок тройной, снаружи ложновитой, внутренние ряды – гладкие. Внизу слева – две петли (Массалитина, 1995).

6. Николо-Ленивец, Дзержинский р-н – раскопки городища Николо-Ленивец Т.Н. Никольской (Никольская, 1959, 1962). Тип 1а – прямые нервюры (8 пар) по отношению к гофрированной оси образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина 72 мм, ширина 37 мм. Ободок 3-рядный, внешний ряд имитирует витой шнурок, внутренние гладкие. Слева в нижней половине двойная псевдовитая петля (Рис. 2,*5*).

7. Николо-Ленивец Дзержинский р-н – раскопки городища Николо-Ленивец Т.Н. Никольской (Никольская, 1959, 1962). Тип 1а – прямые нервюры (7 пар) от гофрированной оси образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина 54 мм, ширина 33 мм. Ободок двухрядный, внешний ряд имитирует косичку, внутренний гладкий (Рис. 2,*13*).

8. Свинухово Дзержинский р-н – раскопки городища Свинухово Т.Н. Никольской (Никольская, 1953). Калужский обл. краеведческий музей. Тип 1-б – ложновитые прямые нервюры образуют двунаправленную «ёлочку»: в верхней половине нервюры (6 пар) направлены от гофрированной оси наклонно вверх, а в нижней (4 пары) – вниз. Длина 93 мм, ширина 53 мм. Ободок представляет собой имитацию плетеной косички, обрамленной двумя гладкими линиями, по внешнему краю ободка – ряд «жемчужин» имитирующих зернь. С левой стороны одиночная петля (Рис. 2,*20*).

9. Свинухово Дзержинский р-н – раскопки городища Свинухово Т.Н. Никольской (Никольская, 1953). Калужский обл. краеведческий музей. Тип 1а – прямые сдвоенные нервюры (7 пар) от гофрированной оси образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина 50 мм, ширина 33 мм. Ободок 3-рядный, внешний ряд ложновитой, внутренние – гладкие. Слева внизу гладкая петля (Рис. 2,*9*).

10. Свинухово, Дзержинский р-н – раскопки городища Свинухово Т.Н. Никольской (Никольская, 1953). Калужский обл. краеведческий музей. Тип 1а – прямые сдвоенные нервюры (12 пар) от гофрированной оси образуют «ёлочку» ветвями вверх. Длина 90 мм, ширина 48 мм. Ободок ложновитой. Слева внизу гладкая двойная петля.

11. Кожухово, Дзержинский р-н – случайная находка на поле, вне культурного слоя, 2011 г. Тип 1а – прямые сдвоенные нервюры (8 пар) образуют «ёлочку» ветвями вверх от гофрированной оси. Длина 75 мм, ширина 40 мм. Ободок 3-рядный, внешний ложновитой, внутренние – гладкие. Слева внизу ложновитая петля (Рис. 2,*6*).

12. Дзержинский р-н – точное место неизвестно. Тип 3-б – горизонтальные нервюры (7 пар), чередуются поочередно волнистые (4) с прямыми (3). Длина 65 мм, ширина 35 мм. Ободок 3-рядный, внешний ряд имитирует витой шнурок, внутренние – гладкие. Ось – гофрированная (Рис. 4,*8*).

13. Юго-восток, бассейн Оки, привязки нет – овальное навершие, тип 3-г – во внутреннем поле две зигзагообразные нервюры в вертикальном направлении, касающиеся поочередно ободка и гофрированной оси. Длина 58 мм, ширина 25 мм. Ободок с ложной зернью. Слева внизу – петля, слева симметрично ей S-видная волюта (Рис.4,*13*).

14. Бассейн Оки, привязки нет – тип 1-б – нервюры образуют двунаправленную «ёлочку»: в верхней половине 4 парных нервюры направлены от гофрированной оси наклонно вверх, а в нижней четыре парных – наклонно вниз. Ободок тройной ложновитой, по внешнему краю тянется ряд S-видных волют ближе к основанию поверх его справа и слева добавлено еще по одной такой же волюте. Длина 75 мм, ширина 42 мм (Рис. 2,*18*).

15. Бассейн Оки, привязки нет **-** тип 1а – прямые сдвоенные нервюры (8 пар) образуют «ёлочку» ветвями вверх от гофрированной оси. Длина 70 мм, ширина 36 мм. Ободок 3-рядный, внешний имитирует косичку. Слева внизу двойная петля (Рис. 2,*1*).

16. Бассейн Оки, привязки нет – тип 1-б – прямые нервюры имитации косички образуют двунаправленную «ёлочку»: в верхней половине 3 парных нервюры направлены от гофрированной оси наклонно вверх, а в нижней 3 парных – наклонно вниз. Ободок тройной ложновитой, по внешнему краю тянется ряд ложной зерни. Слева внизу петля. Длина 75 мм, ширина 42 мм (Рис. 2,*21*).

17. Бассейн Оки, привязка утрачена– тип 1а – прямые сдвоенные нервюры (3 пары) образуют «ёлочку» ветвями вверх от гофрированной оси. Длина 45 мм, ширина 20 мм. Ободок двойной ложновитой. Слева внизу двойная петля, с противоположной стороны две S-видных волюты (Рис. 2,*10*).

Курская область

1. Липино. Октябрьский р-н – раскопки Липинского городища П.И. Засурцевым (Засурцев, Лисицына 1968). Курский гос. обл. музей археологии. Фрагмент верхней части крупного навершия. Тип 4. Контур заполнен литой косой мелкоячеистой решеткой. Край ажурный с ложновитыми элементами, несет по периметру ряды мелких отверстий (Рис. 5,*2*).

2. Октябрьский р-н (городище Быканово?) – тип 2 – с вписанным вторым контуром, в котором тройные нервюры (3 пары) образуют «ёлочку», с наклоном от гофрированной оси кверху. Во внешнем контуре тройные нервюры радиальные (9 пар). Длина – 90 мм, ширина – 53 мм. Внешний ободок в 4 ряда – внешние два с ложной зернью, два внутренних гладкие. Внутренний контур 2-рядный ложновитой. На левой стороне внизу – двойная гладкая петля. Под ней и симметрично с другой стороны – по 2 S-видных волюты (Рис. 3,*1*).

3. х. Александровский, Курчатовский р-н – Александровское городище, раскопки А.Е. Аликовой (Алихова, 1962). Курский гос. обл. музей археологии, экспозиция. Тип 2 – с вписанным вторым контуром, в котором тройные нервюры (5 пар) образуют «ёлочку», с наклоном от гофрированной оси кверху. Длина 88 мм, ширина 52 мм. Во внешнем контуре тройные нервюры радиальные (12 пар). Внешний ободок в 4 ряда – два внешних ложновитые, два внутренних гладкие. Внутренний контур 3-рядный – два внешних ряда ложновитые, внутренний гладкий. На левой стороне внизу двойная гладкая петля. Под ней и симметрично с другой стороны – S-видные волюты (Рис. 3,*2*).

4. Курчатовский р-н – нижняя часть крупного навершия. Тип 4. Контур заполнен косой мелкоячеистой решеткой. Край ажурный с ложновитыми элементами, по периметру ряды мелких сквозных отверстий. Ось гофрированная. Ширина свыше 55 мм (Рис. 5,*4*).

5. Курчатовский р-н – тип 3-б – волнистые горизонтальные нервюры (9 пар). Длина 84 мм, ширина 38 мм. Ободок 3-рядный, ложновитой. Слева внизу двойная ложновитая петля. Под ней по краю 2, а справа – 4 тройных «жемчужины» ложной зерни. Ось гофрированная (Рис. 4,*14*).

6. с. Бупел, Хомутовский р-н, городище Бупел, случайная находка (Апальков, 1996, С.3-7) – вариация типа 2 (?). Длина ок. 80 мм, ширина ок. 45 мм. Нервюры заменены на расположенные вверху и внизу на гофрированной оси S-видные волюты, еще 2 волюты находятся в средней части ровной внутренней поверхности ободка. Ободок имитирует плетёную косичку лежащую на гладком контуре. Слева внизу одинарная ложновитая петля. Под ней и симметрично с другой стороны в основании по спиральной волюте (Рис. 3,*5*).

7. Рыльский р-н – отлитое по оттиску оригинала навершие тип 2 - с вписанным вторым контуром, в котором тройные нервюры (3 пары) образуют «ёлочку», с наклоном от гофрированной оси кверху. Во внешнем контуре тройные нервюры радиальные (7 пар). Длина – 80 мм, ширина – 44 мм. Внешний и внутренний контуры имитируют тройные ложновитые ряды. Слева в нижней части – двойная гладкая петля. Под ней и симметрично с другой стороны – S-видные волюты (Рис. 3,*4*).

8. с. Ратманово, Железногорский р-н – навершие овальное тип 3а – прямые горизонтальные нервюры (4 пары). Длина 60 мм, ширина 25 мм. Ось с двумя рядами ложной зерни. Ободок 3-рядный, внешний ряд ложновитой, внутренние гладкие. Слева в нижней половине двойная гладкая петля. Справа симметрично петле три тройных жемчужины ложной зерни (Рис. 4,*15*).

9. Дмитриевский р-н – тип 3-в – чередование прямых (1, 4, 5, 8, 9 снизу) и волнистых (2, 3, 6, 7 снизу) горизонтальных нервюр (9 пар). Длина 80 мм, ширина 30 мм. Ободок 3-рядный, ложновитой. Слева внизу гладкая одинарная петля. Ось гофрированная (Рис. 4,*9*).

10. с. Долгий Колодезь, Беловский р-н – биметаллическая булавка тип 3-б – волнистые горизонтальные нервюры (6 пар, две средних с более пологой волной). Длина булавки 130 мм, длина навершия 75 мм, ширина 46 мм. Ободок 4-рядный, 3 внешних ряда ложновитые, внутренний гладкий. Слева внизу гладкая одинарная петля. Под ней, и симметрично справа у основания – жемчужины псевдозерни. Ось гофрированная (Рис. 4,*12*).

11. Горналь Суджанский р-н, Большое Горнальское городище, раскопки А.В. Кузы (Куза, 1981) – навершие тип 3б – волнистые горизонтальные нервюры (6 пар). Длина – 80 мм, ширина 35 мм. Ободок 3-рядный, внешний ряд имитирует косичку, внутренние два гладкие. Слева в нижней половине гладкая двойная петля. Под ней, и симметрично справа у основания – жемчужины псевдозерни. Ось гофрированная (Рис. 4,*11*).

12. Горналь Суджанский р-н – биметаллическая булавка с бронзовым навершием. Тип 3в – чередование волнистых (1, 2, 5, 6 снизу) и прямых (3, 4, 7 снизу) горизонтальных симметричных двойных нервюр (6 пар – две средних с более пологой волной). Длина булавки 118 мм, длина навершия 70 мм, ширина 34 мм. Ободок 3-рядный, внешний ряд ложновитой, внутренние гладкие. Слева в нижней половине гладкая одинарная петля. Под ней, и симметрично ей справа – жемчужины псевдозерни. Ось гофрированная (Рис. 4,*10*).

13. Место не установлено - тип 3-б – чередование прямых и волнистых горизонтальных нервюр (3 нижних прямые, 3 средних – волнистые, 3 верхних – прямые). Длина 76 мм, ширина 32 мм. Нервюры симметричны относительно оси, каждая – тройная (разделена на три параллельных линии). Ободок, 3-рядный, внешний и внутренний ряды ложновитые, средний гладкий. Справа в нижней половине двойная гладкая петля. Справа симметричный петле ложновитой выступ. Ось с мелкими гофрами (Рис. 4,*7*).

14. Место не установлено – тип 3-б – чередование симметричных относительно гофрированной оси прямых и волнистых тройных горизонтальных нервюр (нижняя волнистая, 2 прямые, волнистая, 2 верхних прямые). Длина 76 мм, ширина 32 мм. Ободок, 3-рядный, ложновитой. Справа в нижней половине двойная гладкая петля (Рис. 4,*19*).

15. Место не установлено. Фрагмент нижней части навершия, тип 3-б, вероятно была аналогична предыдущей, но несколько крупнее в размерах (Рис. 4,*6*).

16. Жидеевка, Железногорский р-н – тип 2 – с вписанным вторым контуром, в котором тройные нервюры (3 пары) горизонтальны. Длина 68 мм, ширина 44 мм. Во внешнем контуре тройные нервюры радиальные (8 пар). Внешний ободок в 3 ложновитых ряда. Внутренний контур 3-рядный – внешний ряд ложновитой, внутренние гладкие. На левой стороне внизу двойная гладкая петля, ось гофрированная (Рис. 3,*6*).

17. Рыльский район, Банищанский лес – тип 2 – с вписанным вторым контуром, в котором тройные нервюры (3 пары) направлены косо вверх. Длина 75 мм, ширина 42 мм. Во внешнем контуре тройные нервюры радиальные (8 пар). Внешний ободок в двухрядный – внешний ряд косичка, внутренний – гладкий. Внутренний контур - косичка. На левой стороне внизу гладкая петля, под ней S-видная волюта. Ось местами гофрированная, но это плохо читается из-за невысокого качества литья (Рис. 3,*7*).

18. Рыльский район, Банищанский лес – тип 2 – с вписанным вторым контуром, в котором тройные нервюры (5 пар) направлены косо вверх. Длина 75 мм, ширина 46 мм. Во внешнем контуре тройные нервюры сверху радиальные (9 пар), а снизу горизонтальные (4 пары). Внешний ободок тройной – внешний ряд косичкой, два внутренних гладкие. Внутренний контур двухрядный – внешний ряд - косичка, внутренний гладкий. На левой стороне внизу двойная гладкая петля, под ней и напротив – S-видные волюты. ось гофрированная (Рис. 3,*8*).

19. Рыльский район, Банищанский лес – тип 3-в – волнистые (с прогибом вниз) двойные горизонтальные нервюры (7 пар). Длина 71 мм, ширина 25 мм. Ободок 3-рядный, крайние ряды – ложная зернь, средний гладкий. Слева внизу двойная ложнозерненая петля. Под ней по краю 1, а справа – 3 тройных «жемчужины» ложной зерни. Ось с продольной двойной волной (Рис. 4,*20*).

20. Рыльский район, Банищанский лес – атипичное навершие, близкое к типу 5 – изогнутый дрот образует пять петель (две обращены книзу, три – кверху), центральная петля опирается краями на гофрированную ось, места соединения меж собой остальных петель «скреплены» четрьмя S-видными волютами. Длина и ширина по 48 мм (Рис. 6,*4*).

Ленинградская область

1. **Усть-Луга** – найдена в груде камней на холме над озером. Булавка бронзовая с каплевидным навершием Тип 7. Длина полная 140 мм, длина навершия 75 мм, ширина 60 мм. Ободок широкий, с имитирующими шнур тремя концентрическими линиями по внешнему периметру, меж которыми заключены два ряда «псевдозерни». Нервюр 2 пары, верхние направлены от оси под углом вверх, нижние – вниз. На основании острия – гофры, имитирующие шнурок (Рис. 8,*2*).

Липецкая область

1. Измалковский р-н, случайная находка, 2011 г. – навершие тип 1-б: сдвоенные прямые нервюры образуют двунаправленную «ёлочку»: в верхней половине 4 пары направлены от гофрированной оси в виде линии шаровидных вздутий наклонно вверх, а в нижней 4 пары – вниз. Длина 60 мм, ширина 33 мм. Ободок 3-рядный, снаружи ложновитой, обрамляет две гладкие линии. Слева внизу одиночная гладкая петля (Рис. 2,*23*).

Орловская область

1. Никольское, Дмитровский р-н, бассейн р. Нерусса, 2009 г. – тип 4 Фрагмент нижней части навершия, тип 4. Контур заполнен косой литой мелкоячеистой решеткой (поперечник ячейки 5 мм). Край ажурный, несет по периметру две зоны имитации шнурка псевдозернью, между которыми лежат два ряда мелких отверстий. Ось украшена волнистой композицией. Слева внизу двойная ложновитая петля (Рис. 5,*3*).

2. Новосильский р-н, р. Зуша – тип 3-г, во внутреннем поле с каждой стороны вертикальные волнистые нервюры, местами переходящие в косой крестик, касающиеся края и гофрированной оси. Длина 58 мм, ширина 27 мм. Ободок с двойной линией псевдозерни, ближе к основанию слева гладкая петля, справа – выступ (Рис. 4,*18*).

3. Железное, Шаблыкинский р-н, дюна не левом берегу Навли – тип 3а – прямые горизонтальные нервюры (8 пар, 4 и 5 ложнокрученые). Длина 75 мм, ширина 35 мм. Ободок 3-рядный, внешний и внутренний ряды ложновитые, между ними гладкий. У гофрированного (имитация обмотки) основания симметрично расположены две S-видные волюты. Слева внизу на внешнем краю двойная гладкая петля. Вдоль оси наложена поверх тройная волна (Рис. 4,*3*).

4. Мёртвое, Хотынецкий р-н, – тип 4 Длина 210 мм, ширина 116 мм. Контур заполнен косой литой мелкоячеистой решеткой (поперечник ячейки около 5 мм). Край тоже ажурный, он несет по периметру две зоны имитации шнурка псевдозернью, между которыми лежат два ряда мелких отверстий. Ось украшена рядом крестовидных композиций, выполненных псевдозернью. Слева внизу двойная петля (Рис. 5, *1*).

Рязанская область

1. Юго-запад обл. – дериват типа 8. Ободок с имитацией шнурка. Длина 62 мм, ширина 27 мм. Четыре нервюры, каждая с продольными рельефными линиями, две верхние направлены от оси под углом вверх, две нижние – вниз (Рис. 9,*2*).

Смоленская область

1. Смоленский р-н, городище Новые Батеки – каплевидное навершие (Третьяков, Шмидт, 1963, Рис.12:5а). Тип 7. Длина 70 мм, ширина 48 мм. Ободок широкий, с имитирующими шнурок двумя идущими по внешнему периметру концентрическими выпуклыми линиями, между ними ряд псевдозерни. Нервюр 2 пары: две верхние направлены от оси под углом вверх, две нижние – точно так же вниз (Рис. 8, *1*).

2. Тёмкинский р-н, р. Угра – односторонняя отливка по оттиску оригинала. Тип 1а. Длина 58 мм, ширина 30 мм. Ободок имитирует сплетенный косичкой шнурок. Нервюры (5

пар) симметричные относительно оси, направленные под углом вверх (1, 2, 4, 5 – строенные, 3 – имитирует шнурок, сплетенный косичкой). Слева в нижней половине двойная петля. Ось с поперечными гофрами (Рис. 2,*11*).

3. Тёмкинский р-н, на р. Угра - булавка с навершием, железная игла сохранилось. Длина булавки 138 мм, длина навершия 85 мм, ширина 40 мм. Тип 1-а – нервюры симметричные относительно оси, направленные под углом вверх (10 пар): справа (снизу вверх): 3 простых, витая, 2 сдвоенных и 4 витых; слева (снизу вверх) 4 простых, 2 сдвоенных, 4 витых. Ободок в 3-рядный, ложновитой. Слева в нижней половине двойная гладкая петля. Ось с поперечными гофрами (Рис. 2,*3*).

4. Темкинский р-н, на р. Угра – тип 1а - нервюры симметричные относительно оси, сдвоенные, направленные под углом вверх (7 пар). Длина 78 мм, ширина 46 мм. Ободок 4-рядный – три внутренних ряда гладкие, внешний ложновитой. Слева в нижней половине двойная гладкая петля. Ось с поперечными гофрами (Рис. 2,*8*).

5. Тёмкинский р-н. Фрагмент навершия тип 1-а – ободок с тремя ложновитыми линиями, прямые, симметричные нервюры направлены под углом вверх. Длина сохранившейся части 3 см. Ось с гофрами. Слева двойная ложновитая петля (Рис. 2, *7*).

6. Угранский р-н. Случайная находка, 2011 г. Сообщение Алексея Симонова. Фрагмент навершия. Длина сохранившейся части 3,5 см. Тип 1-а, симметричные сдвоенные нервюры направлены под углом вверх. Ободок тройной: снаружи ложновитой, две внутренних линии гладкие. Ось с поперечными гофрами, её основание украшено с лицевой стороны S-видной волютой (Рис. 2,*15*).

7. Сафоновский р-н – сообщение А. Симонова Тип 3-а – нервюры прямые, симметричные сдвоенные горизонтальные. Длина ок. 7 см, ширина ок. 3 см. Ободок двойной ложновитой. Ось гофрирована. В нижней половине ободка слева – двойная петля (Рис. 4,*2*).

8. Смоленский р-н, с. Лакесы – городище Лакесы на р. Каспле. Железная игла с обломком бронзового навершия тип 6, ободок украшен снаружи S-видными волютами (Ляуданскі, 1930 С.331-334; Массалитина, 1995, Рис.1-3). Петля расположена сзади у основания (Рис. 7,*1*).

Тверская область

1. Ржевский р-н Ермолово городище – тип неизвестен, раскопки Н.М. Бачинского (Бачинский, 1926).

Тульская область

1. Сатинка, Щекинский р-н – городище, раскопки С.А. Изюмовой (Изюмова, 1967). Фрагмент, тип 5 – гофрированные ось, ободок, нервюра в вертикальном направлении, по периметру ободка тянутся S-видные волюты, слева внизу гладкое ушко (Рис. 6,*3*).

2. Сатинка, Щекинский р-н, городище, раскопки С.А. Изюмовой (Изюмова, 1967). Тип тип 3-а – с прямыми горизонтальными нервюрами (9 пар). Длина 65 мм, ширина 36 мм. Ободок ложновитой, с левой стороны внизу двойная гладкая петля. Ось гофрированная (Рис. 4,*4*).

3. Сатинка, Щекинский р-н, городище, раскопки С.А. Изюмовой. Тип 8. Ободок с волнистым краем и линией по периметру. Длина – 62 мм, ширина – 38 мм. Слева внизу петля. Четыре нервюры, каждая с тремя продольными рельефными линиями, две верхние направлены от гофрированной оси под углом вверх, две нижние – вниз (Рис. 8,*4*).

4. Осовка, Ясногорский р-н, 2011 г. – тип 3-г, во внутреннем поле с каждой стороны по три вертикальных волнистых нервюры, седьмая волна проходит и по оси. Длина 68 мм, ширина 36 мм. Ободок двойной ложновитой, слева ближе к основанию ложновитая петля (Рис. 4,*16*).

5. Белёвский р-н – фрагмент, тип 3-а (?) – строенные горизонтальные нервюры. Длина сохранившейся части 37 мм, ширина 33 мм. Ободок 4-рядный, внешний ряд ложновитой, внутренние гладкие. Ось гофрированная (Рис. 4,*17*).

6. Суворовский р-н – тип 1-а, ободок тройной с внешним ложновитым рядом, ось гофрированная, по 9 направленных наклонно вверх нервюр с каждой стороны. Слева внизу одиночная петля. Длина 74 мм, ширина 40 мм (Рис. 2,*16*).

Беларусь

Витебская область

1. Витебск устье р. Лучеса – случайная находка 2010 г. Бронзовая булавка, тип 6. Нервюры в контуре образуют косой крест. Снаружи контур ободка, имитирующего витой шнурок, орнаментирован S-видными волютами. Длина сохранившейся части булавки в целом – 100 мм, длина навершия – 60 мм, ширина – 36 мм. Петля расположена на тыльной стороне, в основании навершия (Рис. 7,*2*).

2. Бураково, Городокский р-н – на городище Бураково найден фрагмент (2,5 см) бронзового навершия (Шадыро, 1985, Рис. 42: 4). Снаружи контур ободка, имитирующего витой шнурок, орнаментирован S-видными волютами. Вероятно, булавка была сходна с находкой из Витебска (Рис. 7,*3*).

Украина

Полтавская область

1. Лихачовка, р. Мерла, случайная находка (Зарецкий, 1888, С.235) – тип 2, с вписанным вторым контуром. Широкие нервюры образуют «ёлочку» с наклоном от гофрированной оси вверх. В ободке чередование 3 ложновитых и 2 гладких рядов. Во внутреннем контуре 2 гладких ряда. Слева внизу двойная гладкая петля. У основания симметрично две S-видные волюты.

2. Левый берег Днепра, случайная находка. ГИМ, зал 5, витрина 3. Тип 1а – прямые нервюры (5 пар) образуют «ёлочку» ветвями вверх от оси. Длина около 70 мм, ширина около 40 мм. Ободок 3-рядный, с имитацией витого шнурка. Слева в нижней половине двойная гладкая петля.

Латвия

1. Городище Лаукопенай-Машкенай – тип 7, длина 75 мм, ширина 60 мм. Ободок широкий, с 2 концентрическими линиями. Нервюр 2 пары, верхние направлены от оси под углом вверх, нижние – вниз. На основании острия гофры, имитирующие шнурок (Рис. 8,*3*). (Седов. 1967, С.145; Aruodai URL: www.aruodai.lt/paieska/vaizdas.php?VId=2760).

Литература

Алихова А.Е. Древние городища Курского Посеймья. // Лесостепные культуры скифского времени. МИА. № 113. М. 1962.

Апальков А.Н. Торгово-хозяйственные связи населения Среднего Сейма в VI–III вв. до н.э. // Торговля Курского края с древнейших времен до начала XX века. Курск, 1996.

Бачинский Н.М. Ермоловское городище // Ржевский край. Вып.1. Ржев, 1926.

Булычев Н.И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

Горюнова Е.И. Городище Торфель. Краткая информация о раскопках 1937 г. // КСИИМК. Вып.31. М., 1950.

Зарецкий И.А. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевки // Харьковский сборник. Вып.2. Литературно-научное приложение к Харьковскому календарю на 1888 год. Харьков, 1888.

Засурцев П.И., Лисицына Н.К. Липинское городище // Славяне и Русь М., 1968.

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., Щеглова О.А. Очерки истории Курского края (с древнейших времен до XVII в.). Курск, 2008.

Изюмова С.А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища // СА. №1. 1967.

Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского полесья. Киев, 2012.

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь. // Древнерусские города. М., 1980.

Ляуданскі А.Н. Археолёгічныя досьледы у вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні // Працы археолёгічнай камісіі. Т.2. Менск, 1930.

Массалитина Г.А. Находка навершия булавки на селище близ поселка Росва // Древний Воротынск и его окрестности. Калуга, 1995.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история 1 тысячелетия до н.э.). М., 1999.

Никольская Т.Н. Городище у деревни Свинухово // КСИИМК. Вып.49. М., 1953.

Никольская Т.Н. Культура племен Верхней Оки в I тысячелетии нашей эры. МИА. Т.72. М., 1959.

Никольская Т.Н. Городище у с. Николо-Ленивец. // СА. №1. 1962.

Никольская Т.Н. Археологические раскопки в 1961-1962 гг. в Калужской области // КСИА. Вып.102. М., 1964.

Розенфельдт Р.Л. Селище Певкин Бугор // СА. № 3. 1963.

Сапрыкина И.А. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки. Автореф. канд. дисс. М., 2006.

Седов В.В. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // Acta Baltico-Slavica. Т.5. Bialystok, 1967.

Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.

Топоров В.Н. Древо Мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 тт. М., 1980.

Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963.

Шадыро В.И. Ранний железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.

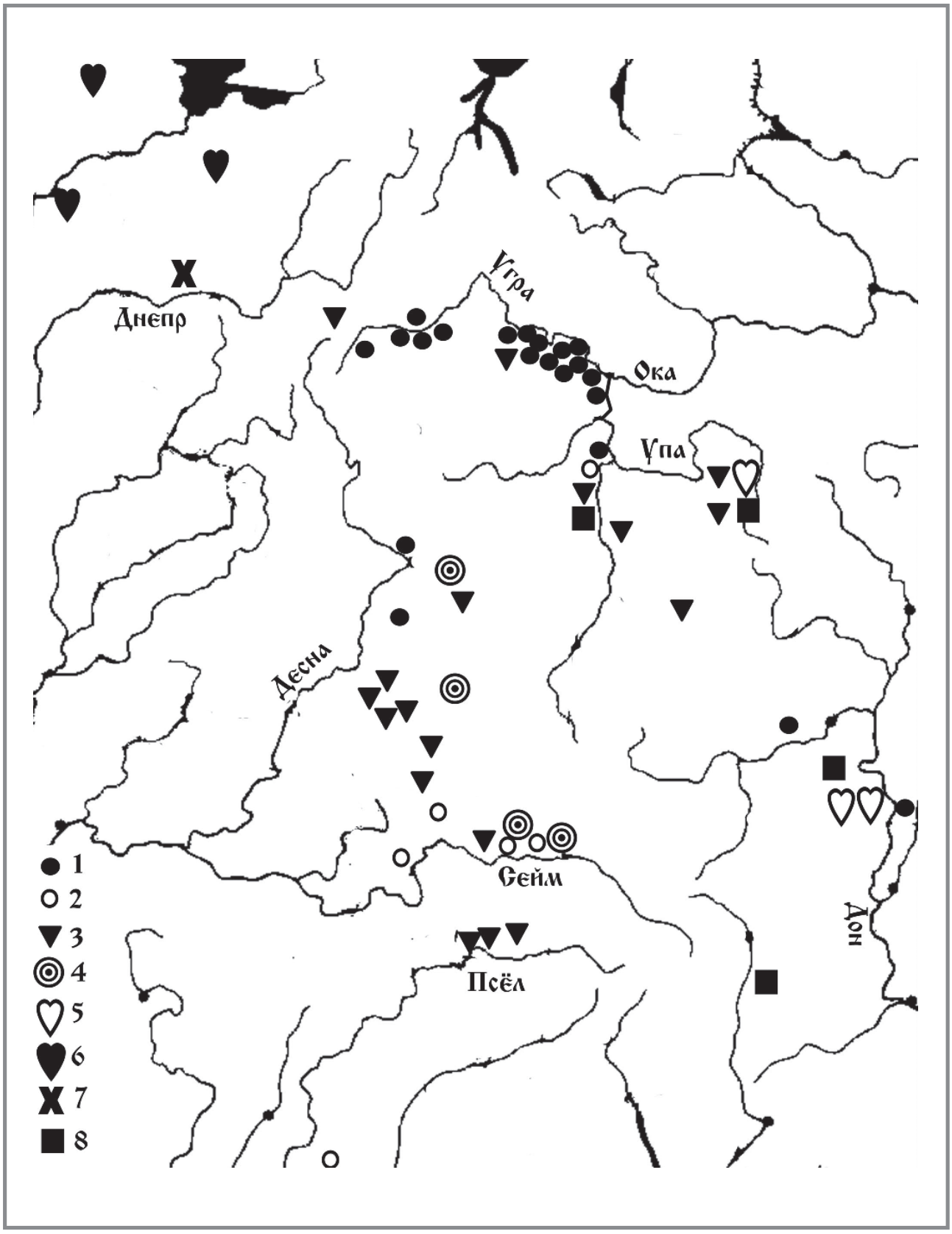

Рис.1. Пространственное распределение различных типов булавок с листовидным ажурным навершием в центре Восточной Европы в раннем железном веке. 1 – тип 1; 2 – тип 2; 3 – тип 3; 4 – тип 4; 5 – тип 5; 6 – тип 6; 7 – тип 7; 8 – тип 8. Описание типов в тексте.

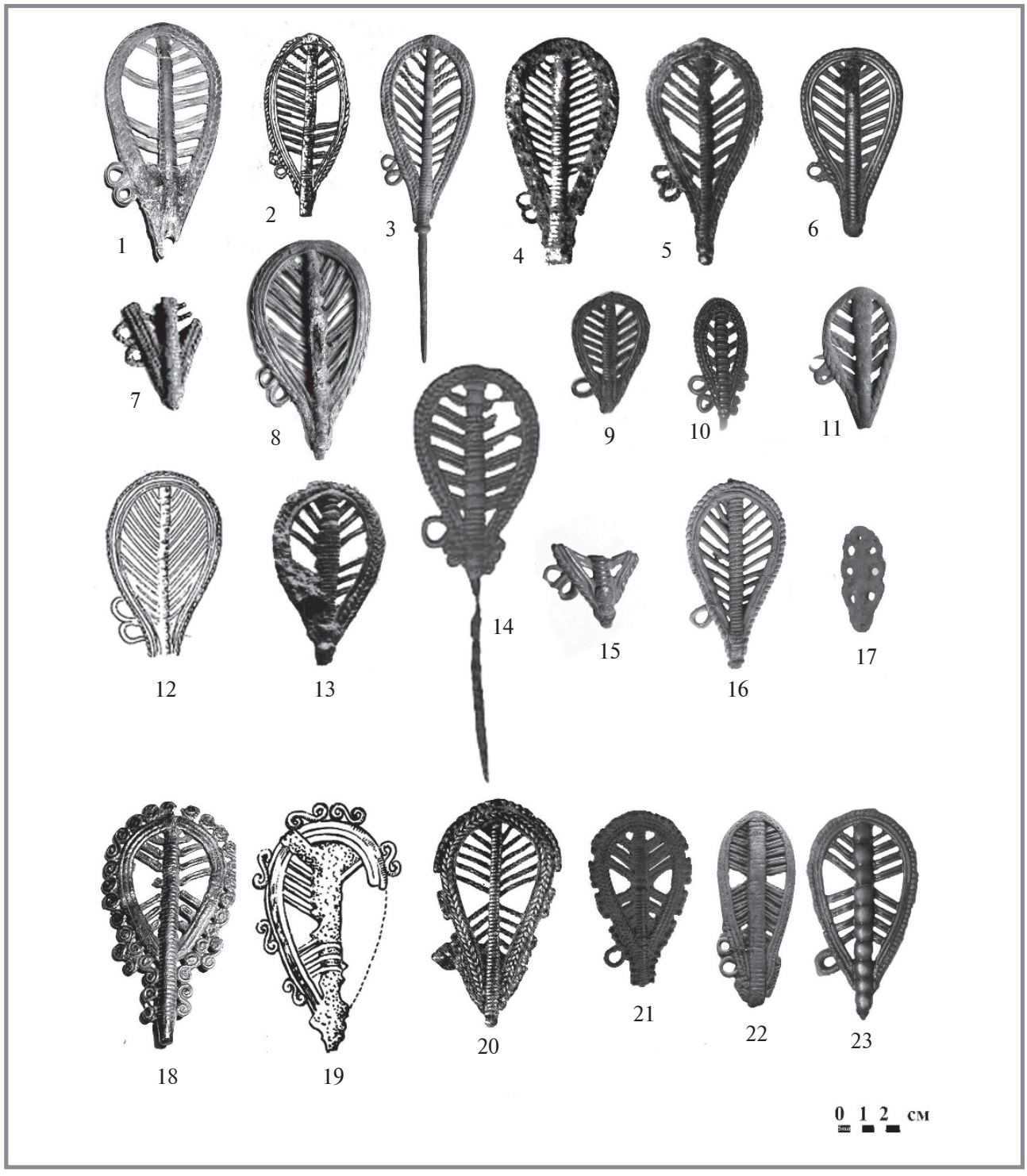

Рис. 2. Булавки с ажурным навершием. Тип 1 (Верхнеокский).
1 – Калужская обл.; 2 – Козлово Калужской обл.; 3 – Тёмкинский р-н Смоленской обл.; 4 – Свинухово Калужской обл.; 5 – Николо-Ленивец Калужской обл.; 6 – Кожухово Клужской обл.; 8 – Тёмкинский р-н Смоленской обл.; 9 – Свинухово Калужской обл.; 10 – Калужская обл.; 11 – Тёмкинский р-н Смоленской обл.; 12 – Торфель – Брянск; 13 – Николо-Ленивец Калужской обл.; 14 – Пекшево Воронежской обл.; 15 – Угранский р-н Смоленской обл.; 16 – Суворовский р-н Тульской обл.; 17 – Владимирская обл.; 18 – Калужская обл.; 19 – Гремячево Калужской обл.; 20 – Свинухово Калужской обл.; 21 – Калужская обл.; 22 – Брасовский район Брянской обл.; 23 – Измалковский р-н Липецкой обл.

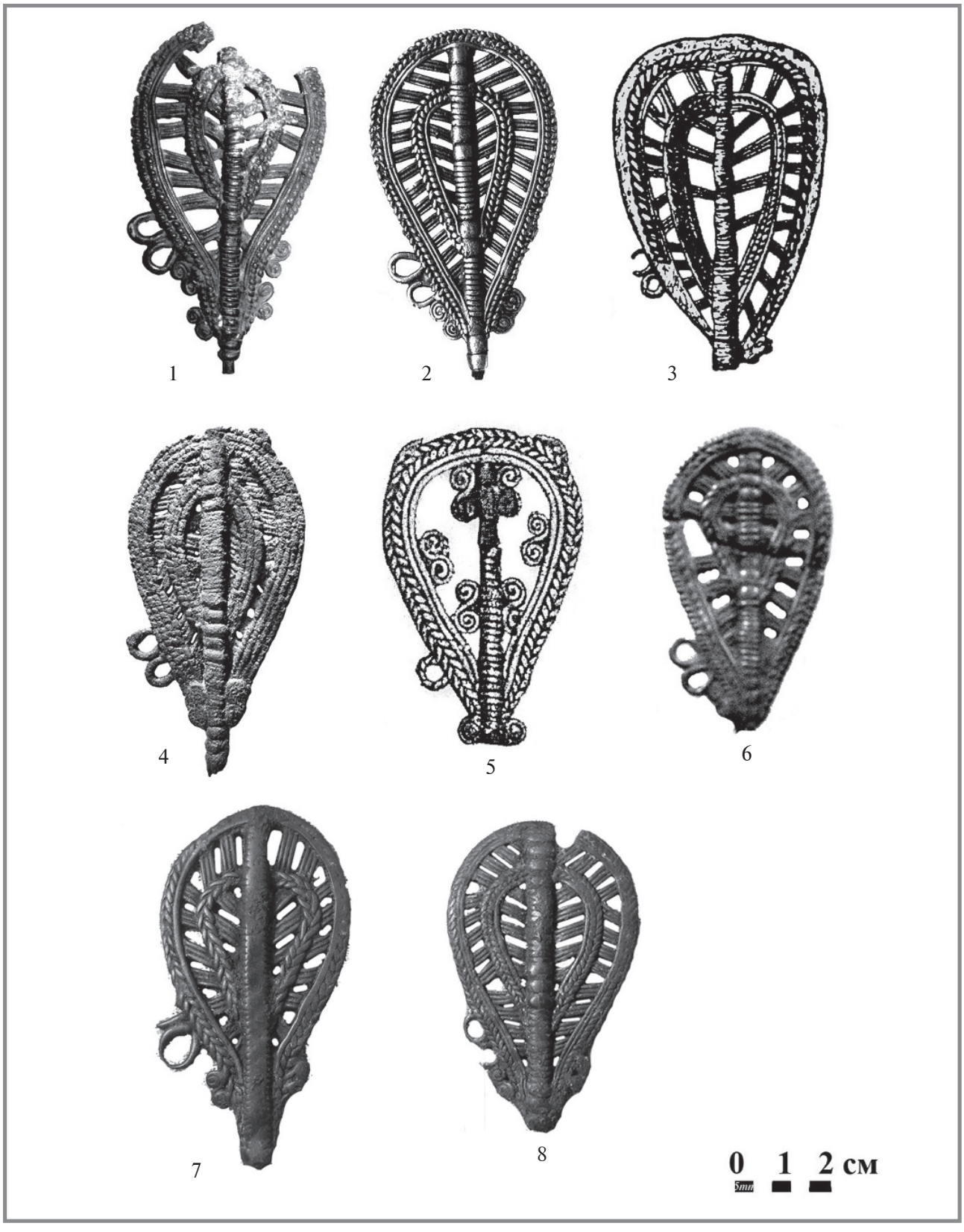

Рис. 3. Булавки с ажурным навершием. 1–3 – тип 2 (Посеймский).
1 – Октябрьский р-н Курская обл.; 2 – Александровский Курская обл.; 3 – Воронино Калужской обл.; 4 – Рыльский р-н Курской обл.; 5- Бупел Курская обл.; 6 – Жидеевка Курской обл.; 7 – Рыльский район Курской обл.; 8 – Рыльский район Курской обл.

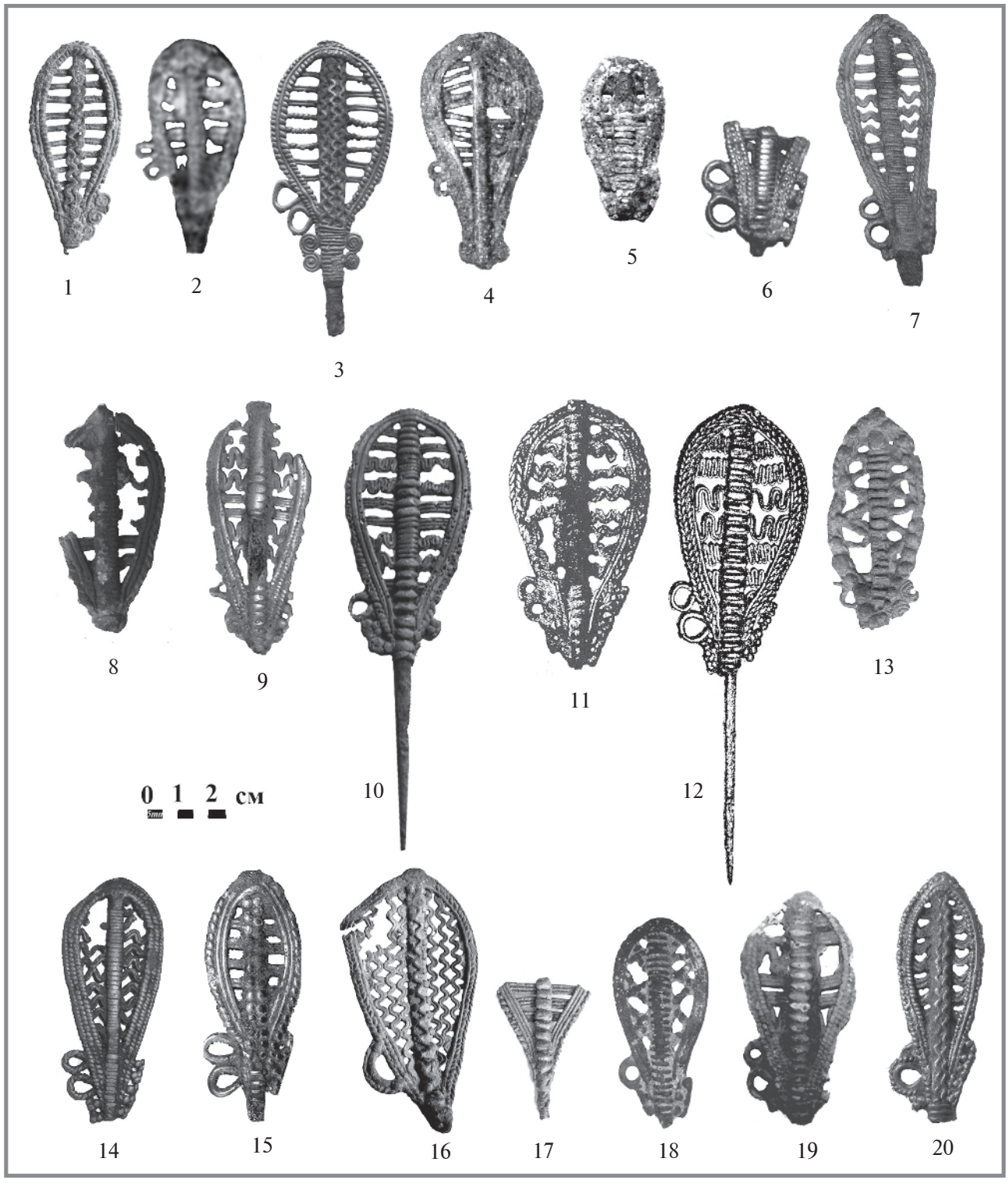

Рис. 4. Булавки с ажурным навершием. Тип 3 (Деснинский).
1 – Севский район Брянской обл.; 2 – Сафоновский р-н Смоленской обл.; 3 – Шаблыкинский р-н Орловской обл.; 4 – Сатинка Тульской обл.; 5- Севский район Брянской обл.; 6 – Курская область (?); 7 – Курская область; 8 - Дзержинский р-н Калужской обл.; 9 – Дмитриевский р-н Курской обл.; 10 – Горналь Курская обл.; 11 – Горналь Курская обл.; 12 – Долгий Колодезь Курская обл.; 13 – Калужская обл.; 14 – Курчатовский р-н Курской обл.; 15 – Ратманово Курская обл.; 17 – Белёвский р-н Тульской обл.; 18 – Новосильский р-н Орловской обл.; 19 – Курская область (?); 20 – Рыльский р-н Курской обл.

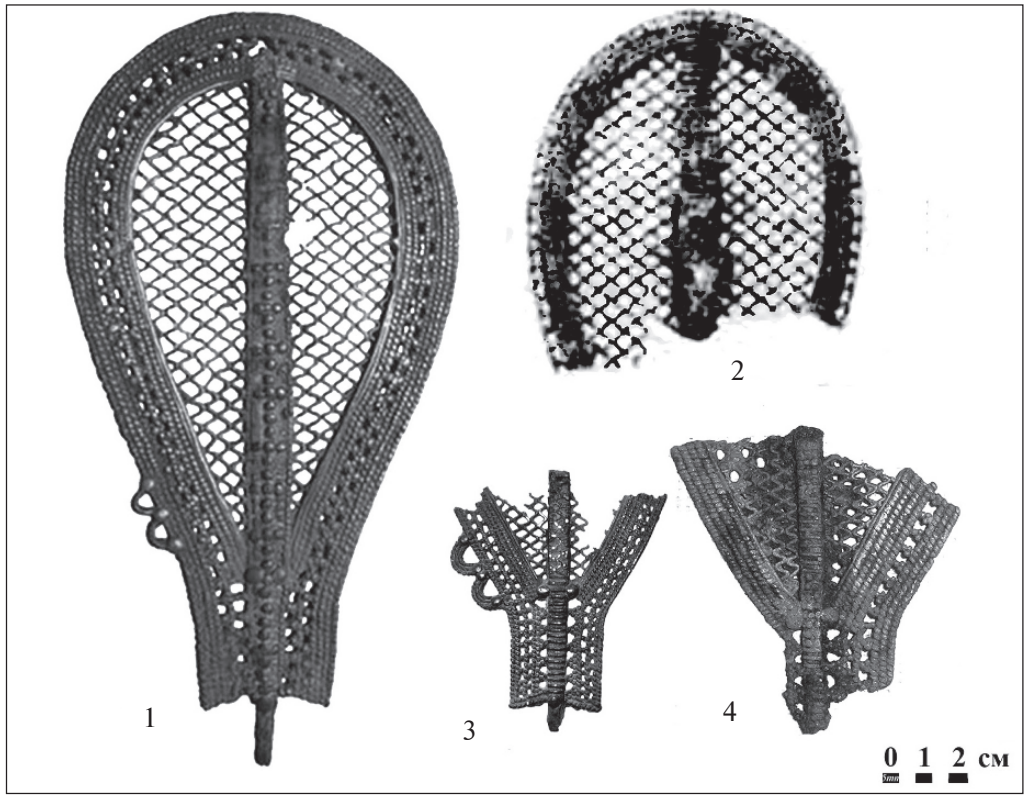

Рис. 5. Булавки с ажурным навершием, тип 4 (Сеймско-Деснинский).
1 – Хотынецкий р-н Орловской обл.; 2 – Липино Курской обл.; 3 – Шаблыкинский р-н Орловской обл.; 4 – Курчатовский р-н Курской обл.

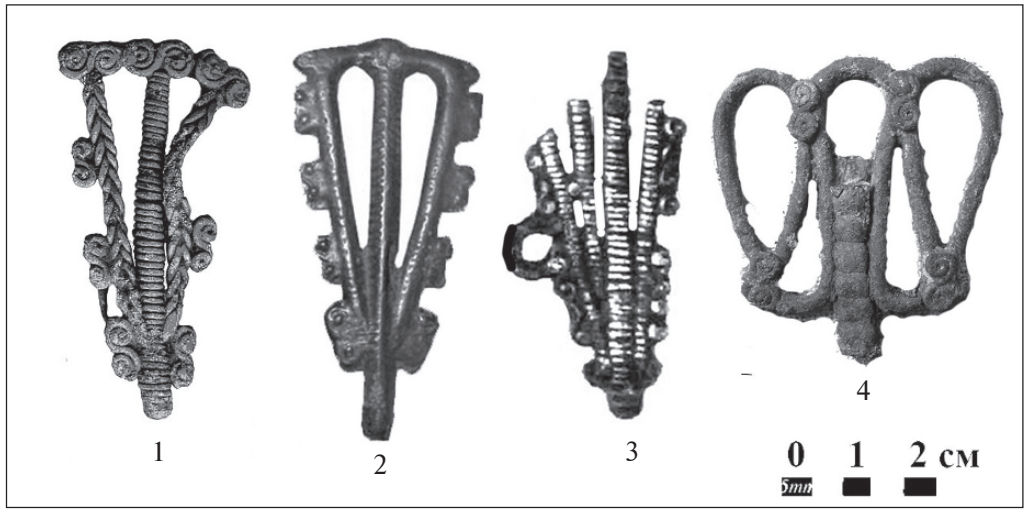

Рис. 6. Навершия типа 5 (Окско-Донской тип).
1 – Семилукский р-н Воронежской обл.; 2 –Воронежская обл.; 3 – Сатинка.Тульской обл.; 4 – Рыльский Курской обл.

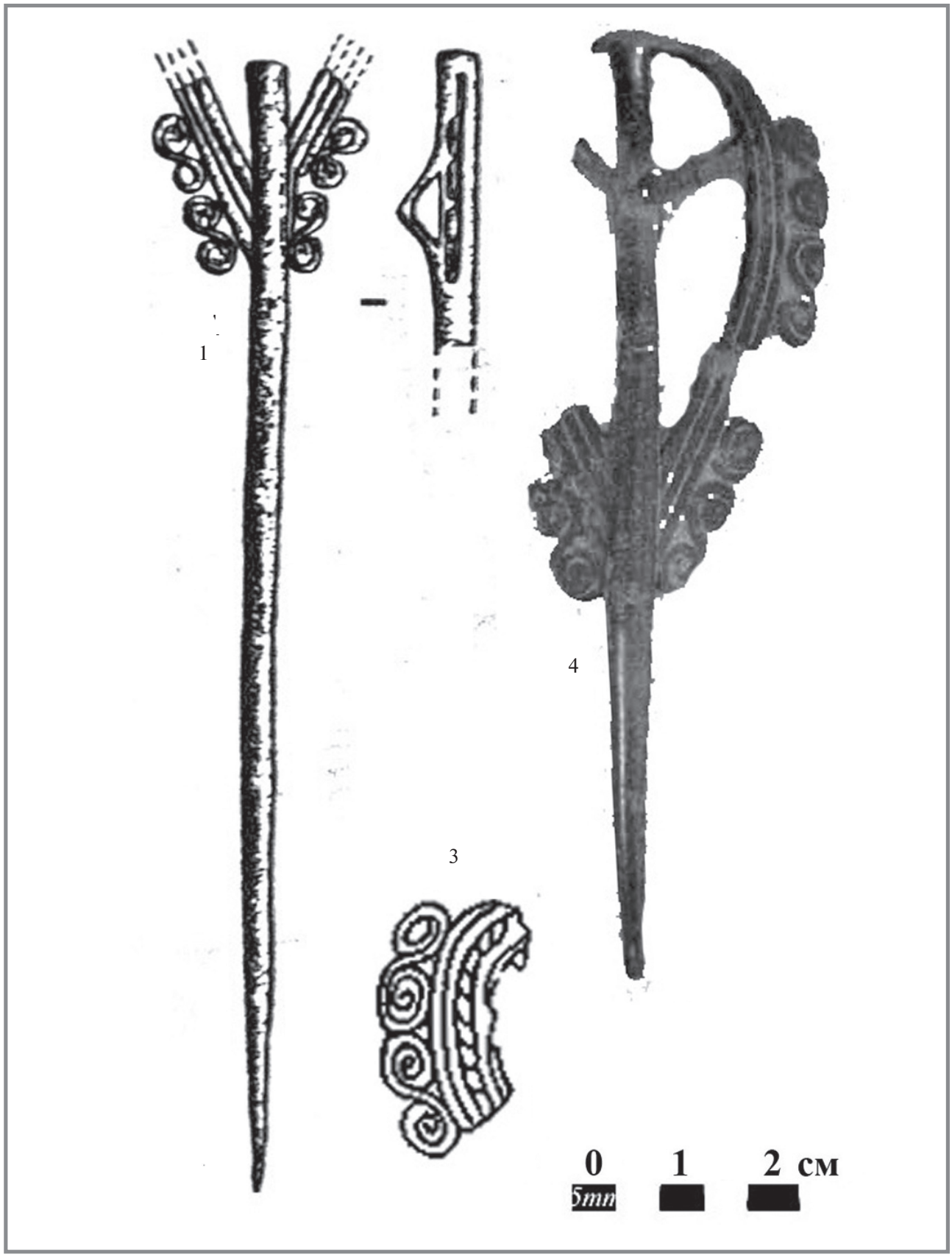

Рис. 7. Навершия типа 6 (Западнодвинский тип).
1 – Лакесы Смоленской обл.; 2 – Витебск; 3 – Бураково Витебской обл.

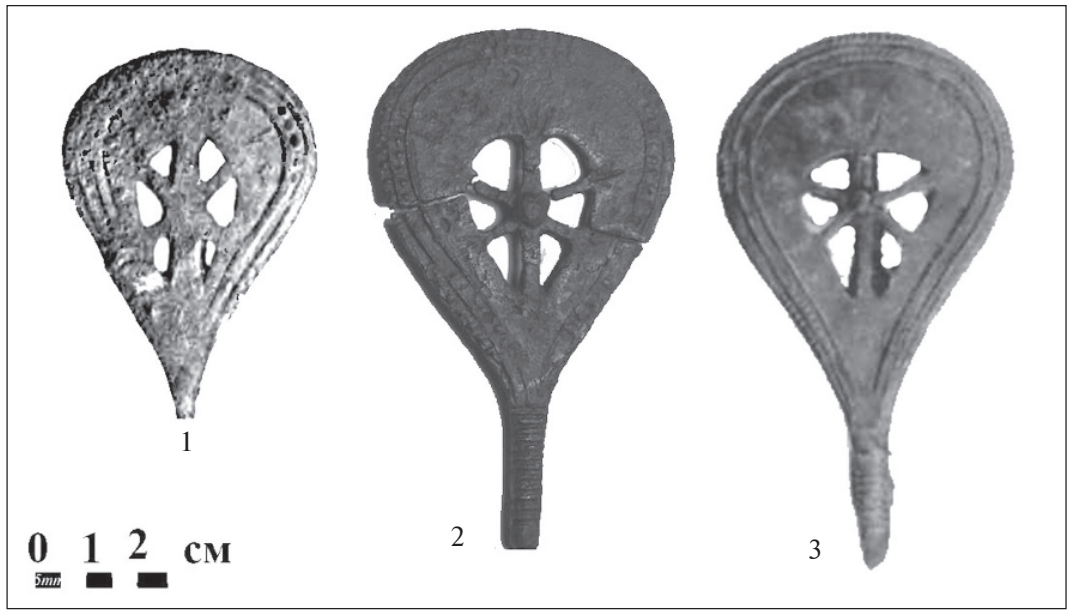

Рис. 8. Навершия типа 7 (Днепро-Балтийский тип).
1 – Новые Батеки Смоленской обл.; 2 – Ленинградская обл.; 3 – Мошкенай, Литва.

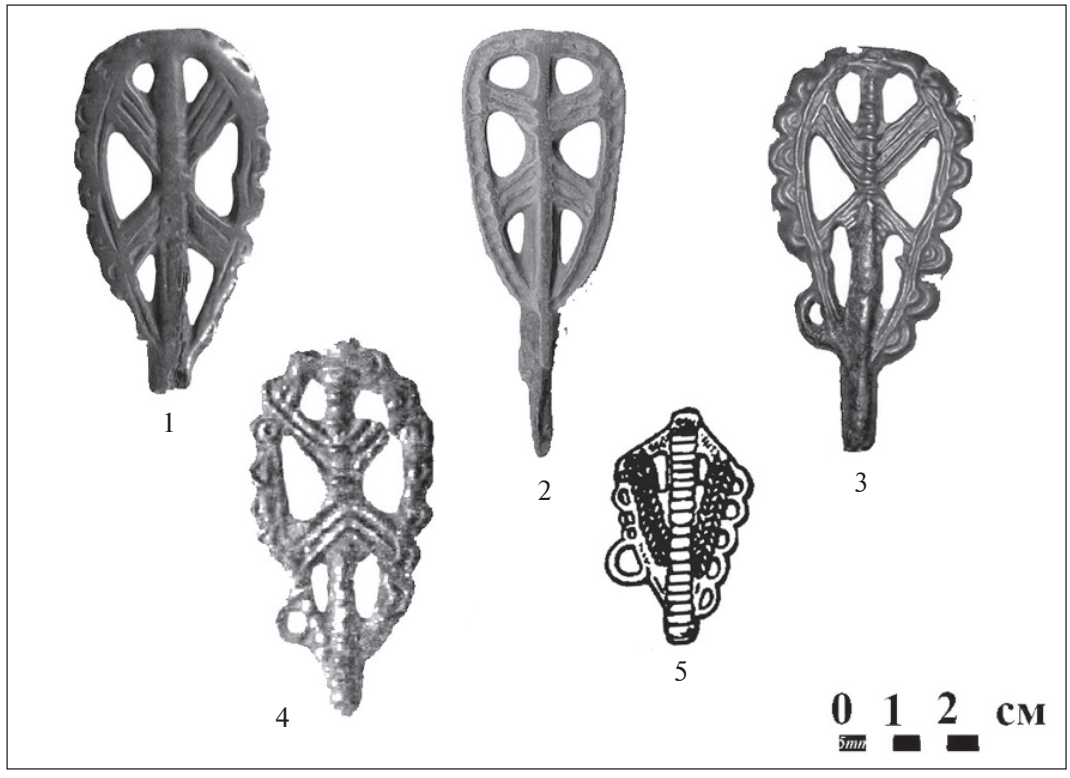

Рис. 9. Навершия типа 8 (Донской тип).
1 – Белгородская обл.; 2 – Рязанская обл.; 3 – Воронежская обл.; 4 – Сатинка Тульской обл.; 5 – Певкин бугор Калужской обл.

ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ВЕРХНЯЯ ПОКРОВКА II

© 2012 г. А.П. Медведев
Воронежский государственный университет, Воронеж

Городище находится у с. Верхняя Покровка Красногвардейского района Белгородской области. Памятник открыт в 1961 г. Лесостепной Скифской экспедицией под руководством П.Д. Либерова и А.И. Пузиковой (Либеров, 1961. С.5). В 1962 г. на его площади был заложен шурф, содержащий керамику скифского времени довольно раннего облика (Пузикова, 1969. С.65). Этим памятник привлек наше внимание, так как поселения среднедонской культуры раннескифского времени на Среднем Дону были практически неизвестны. В 1989 г. городище было обследовано автором. Было установлено, что оно подвергается интенсивной распашке, что и побудило нас провести здесь охранные раскопки в 1990 г. (Медведев, 1990. С.22-28).

Городище Верхняя Покровка II занимает высокий мыс правого берега р. Усердец, возвышающийся над поймой реки на 35 м (Рис.1,*а*)[1]. В настоящее время здесь устроено водохранилище для выращивания карпов. С юга и севера мыс ограничен глубокими оврагами, с востока крутым склоном берега реки. Городищенская площадка имеет форму неправильного четырехугольника, ее размеры 200 × 250 м. С запада со стороны плато заметно валообразное возвышение высотой не более 0,5 м, шириной 20−30 м. С целью его изучения был заложен раскоп 1 площадью 160 м². В процессе раскопок удалось установить следующую стратиграфию. От современной дневной поверхности на глубину 0,2−0,25 м залегал пахотный слой. Он содержал главным образом мелкие фрагменты керамики позднескифского времени, реже другие находки. Ниже на глубине 0, 25−0, 6 м (2 - 3 штыки) выявлен слой плотного чернозема, более темной окраски, нежели верхний пахотный слой. В нем встречалась лепная керамика, украшенная сквозными проколами под венчиком, зернотерки и другие изделия из камня и глины.

В западной части раскопа открыты остатки линии укреплений, от которой на современной поверхности фиксировалось валообразное возвышение (Рис. 1, *б*). Здесь по всей ширине раскопа выявлены остатки сгоревшей деревянной стены, защищавшей городище со стороны поля. От нее сохранились нижние части вертикально вкопанных обугленных столбов, упавшие сгоревшие бревна, лежавшие горизонтально, куски обугленного дерева, угли, зола. Судя по сохранившимся остаткам, толщина столбов достигала 20−30 см. Укажем, что ни один из столбов не был вкопан глубоко в материковую глину. Поэтому после изучения деревянных конструкций при зачистке материка обычных столбовых ямок не обнаружено. За линией укреплений также не выявлено пятен жилых или хозяйственных построек. Лишь в квадрате 38 обнаружен прокал глины от очага округлой в плане формы размерами 0,35 × 0,45 м. В тоже время довольно многочисленные находки за линией укреплений фрагментов лепной посуды, зернотерок, пестов, абразивов, костей животных указывают на то, что именно здесь располагались жилые постройки. Скорее всего, они были наземными, поэтому выявить их котлованы не удалось. Исследованное укрепление можно реконструировать как деревянную стену, основание которой снаружи было присыпано землей и образовывало невысокий вал. На это указывают западные участки всех продольных бровок, где под пахотным слоем залегал мешаный слой суглинка и супеси. Последний четко отделялся от культурного слоя как раз по линии деревянной стены. Отметим, что на этом городище никаких следов рва не замечено. Видимо, его и не было.

Керамический комплекс раскопа 1 (Рис. 2, *1, 3-11, 13*)

В раскопе 1 встречено 119 венчиков лепных сосудов, более 200 днищ, небольшой целый горшочек (Рис.2, *13*), миска (Рис.2, *11*) и чашка-плошка. Круговая керамика пред-

[1] Свое название памятник получил по селу, рядом с которым находится еще одно небольшое городище, названное П.Д. Либеровым Верхняя Покровка I (Либеров, 1965, С.24. Рис.2, *222*). Ко времени его обследования в 1990 г. культурый слой на малом городище не сохранился.

ставлена лишь тремя стенками красноглиняных амфор. Подавляющее большинство фрагментов лепной посуды принадлежало горшкам. Они изготовлены из теста всегда с примесью шамота, отчего имеют грубую, бугристую поверхность, реже заглаженную. Поскольку культурный слой городища стратифицирован ниже описание керамики приводится по штыкам.

В 1-ом штыке встречен 31 венчик лепных горшков и 8 венчиков мисок. Среди горшков большинство принадлежат сосудам с отогнутым наружу в разной степени венчиком, раздутым в средней, реже в верхней части туловом и довольно узким дном, обычно имеющим выраженную закраину. Почти треть горшков (9 экз. – 27%) не орнаментирована, 12 сосудов (39%) были украшены пальцевыми защипами по срезу венчика, 5 горшков (16%) помимо защипов имели под венчиком сквозные проколы, нанесенные главным образом изнутри, два экземпляра (6%) кроме защипов имели несквозные наколы палочкой снаружи, два горшка (6%) были украшены по срезу венчика косыми насечками. Миски имели плавно сужающееся ко дну тулово и горизонтально срезанный венчик, часто с выступающим внутрь «козырьком». Отметим находки трех стенок сосудов, украшенных вертикальными налепными валиками, известных ранее по находкам на среднедонских городищах (Пузикова, 1969. С. 62. Рис. 9, *11-12*). В 1 штыке встречен фрагментированный миниатюрный сосудик.

Во 2-ом штыке найдено 54 венчика лепных сосудов. Большинство из них также принадлежат горшкам с раздутым туловом, отогнутым наружу венчиком и узким дном с закраиной. Орнаментация посуды та же, что и в 1 штыке, но процентное соотношение видов орнаментации иное. В этом слое встречено 9 венчиков без орнамента (16,7%), столько же сосудов, орнаментированных только защипами (Рис. 2, *1*), 21 сосуд (39%), украшенный защипами в сочетании со сквозными проколами изнутри (Рис. 2, *3*), 6 сосудов (11 %) – косыми насечками (Рис. 2, *5*), столько же сосудов (11 %) – косыми насечками в сочетании со сквозными проколами (Рис. 2, *7-8*), два сосуда (4%) по венчику не орнаментированы, но имеют сквозные проколы. Во 2 штыке найден развал лепной миски с горизонтально срезанным краем венчика (Рис. 2, *11*), венчик такой же миски, венчик миски с резко загнутым внутрь краем (Рис. 2, *10*) и обломок чашки-плошки.

В 3-ем штыке найдено 20 венчиков горшков той же формы и орнаментации, что и во 2-ом штыке. Из них 2 (10%) неорнаментированных горшка, 4 сосуда с защипам по венчику (20%), 10 сосудов (20%) с защипами в сочетании со сквозными проколами (рис. 2, *4*), что составляет половину всего керамического комплекса, 3 сосуда (15%) с косыми насечками (Рис. 2, *6*), один (5 %) с косыми насечками в сочетании со сквозными проколами. Здесь же обнаружены два обломка мисок с горизонтально срезанными краями, а также небольшой приземистый горшочек с широким дном и узким горлом (Рис. 2, *13)*.

Керамика из раскопа 2 (Рис. 2, *2, 12*)

Раскоп 2 заложен в юго-восточной части городища в 70 м к юго-востоку от раскопа 1. Его площадь 48 м². Культурный слой в этой части городища более слабый мощностью 0,2–0,3 м. В слое изредка встречались фрагменты керамики, куски обожженной глиняной обмазки, кости животных. Здесь найдено всего 6 венчиков, 21 днище лепных горшков, а также одна целая лепная миска и два фрагмента других мисок. Горшки имели отогнутый наружу венчик раздутое тулово S-овидного профиля и узкое дно с закраиной (Рис. 2, *2*). Почти все они орнаментированы только пальцевыми защипами по венчику и лишь один дополнительными сквозными проколами изнутри. Отметим, что в квадрате 21 встречено днище горшка с четкими отпечатками кленового листа – технологическая деталь, весьма часто встречающаяся на кухонной керамике среднедонской культуры (Пузикова, 1969. Рис. 6, *1-6, 9*). Небольшая миска из этого раскопа принадлежит типу округлобоких с сильно загнутым внутрь приостренным краем (Рис. 2, *12*). В целом керамический комплекс раскопа 2 близок таковому из 1-ого штыка раскопа 1.

Индивидуальные находки (Рис. 3)

Помимо керамики в раскопах обнаружены и другие находки. Среди них преобладали изделия из камня. Во 2-ом штыке раскопа 1 встречены две зернотерки из серого крупнозернистого песчаника (Рис. 3, *1, 5*), а также обломки других зернотерок. Также найдены два целых песта-терочника из серого песчаника: один круглый со слегка уплощенным верхом (Рис. 3, *3*), другой почти конической формы, а также фрагменты еще от двух пестов. В этом же слое обнаружена тонкая растиральная плитка округлой формы толщиной 2–3 см из темно-серого мелкозернистого песчаника (Рис. 3, *2*). Ее центральная часть отполирована до блеска. Помимо нее еще встречены фрагменты трех абразивных плит. В 1-ом штыке найден оселок из светлого мелкозернистого песчаника со следами сверления отверстия (Рис. 3, *4*). Из квадрата 16 происходит обломок каменного молота (Рис. 3, *6*). В раскопе 2 найден лишь один точильный камень. В раскопе 1 встречено три пряслица: два обычных глиняных (Рис.4, *1-11*) и одно плоское из минерала серого цвета (Рис. 3, *12*).

Железные изделия представлены всего лишь тремя находками. Это два квадратных в сечении шила (Рис. 3, *7-8*) и обломок железного ножа (Рис. 3, *9*). В верхней части слоя встречена поделка овальной формы из толстого, сильно патенизированого стекла желтоватой окраски (Рис. 3, *13*).

Таковы основные материалы из раскопок городища Верхняя Покровка II в 1990 г. Его главным результатом мы считаем открытие слоя раннескифского времени (2–3 штыки), который отличается от большинства городищ среднедонской культуры более высоким процентом керамики со сквозными проколами и наколами. В целом по раскопу 1 она составляет 43%, а в основании слоя (3 штык) превышает 50 %. К сожалению, хорошо датированных находок в этом слое не встречено. Однако высокий процент керамики со сквозными проколами сам по себе может служить весьма надежным критерием для датировки нижнего слоя памятника VI–V вв. до н.э. Впервые на хронологическое значение удельного веса керамики с проколами для датировки слоя лесостепных городищ обратил внимание П.Д. Либеров (Либеров, 1962. С.70). К сожалению, предложенный им подход в то время не привлек внимания исследователей. Лишь стратиграфический анализ керамического комплекса Пекшевского городища полностью подтвердил правомерность метода статистического датирования керамики, предложенного П.Д. Либеровым (Медведев, 1999. С.72-73).

По этому важному культурно-хронологическому показателю городище Верхняя Покровка II явно занимает промежуточное положение между раннескифскими памятниками Северского Донца конца VII-VI вв. до н.э. и основной массой среднедонских поселений V–IV вв. до н.э. По-видимому, в настоящее время это самое ранее укрепленное поселение скифского времени в Правобережье Среднего Дона. Этому заключению не противоречит довольно примитивный характер его укреплений в виде деревянной стены. Такие укрепления характерны для небольших лесостепных городищ раннескифского времени.

Литература

Либеров П.Д. Отчет Воронежской Лесостепной экспедиции за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2258.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северского Донца // МИА. № 113. 1962.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ. Вып. Д1-31. М., 1965.

Медведев А.П. Отчет Скифо-Сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета о работах в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3943.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М., 1999.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // Население Среднего Дона в скифское время. МИА. № 151. 1969.

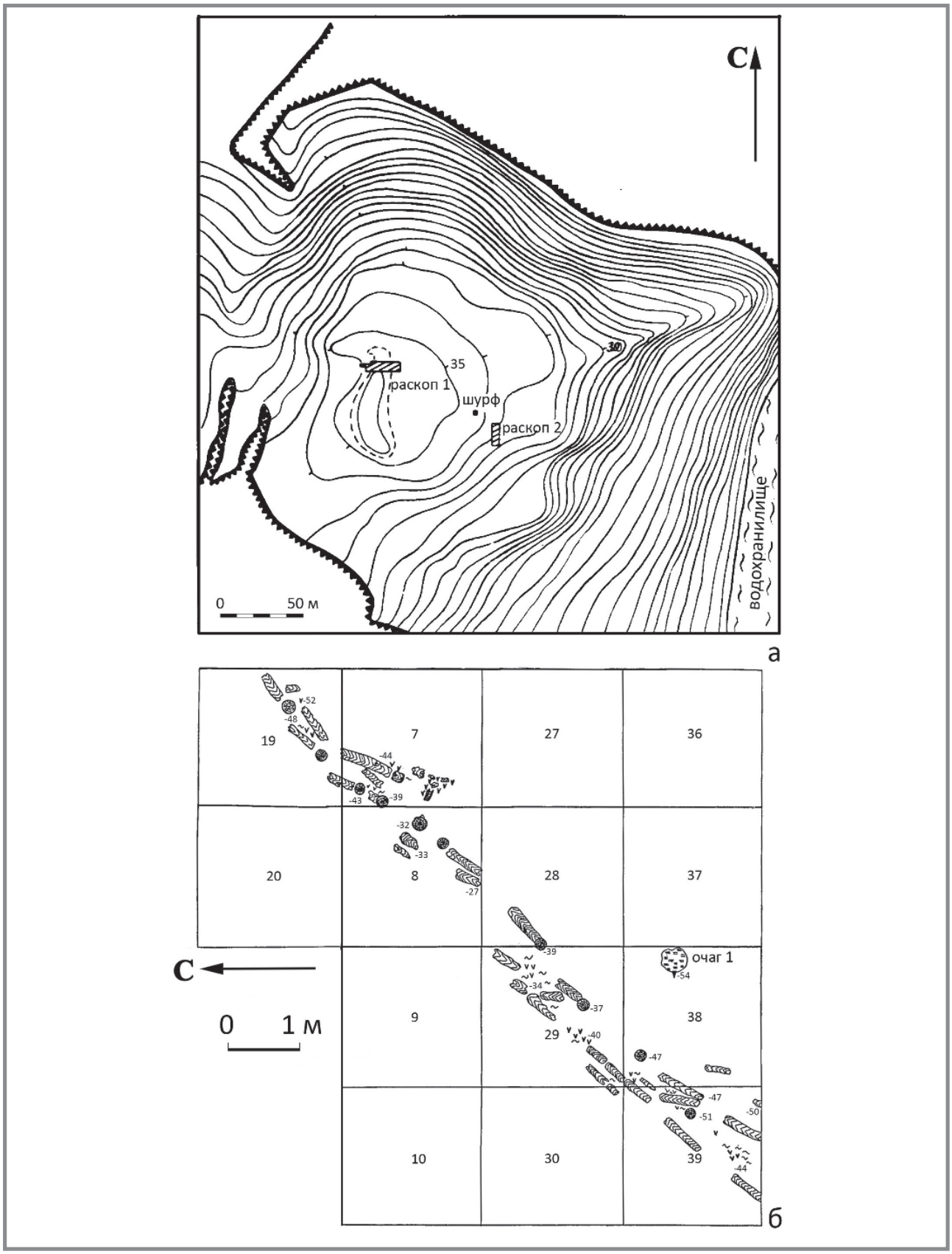

Рис. 1. Городище Верхняя Покровка II
а – план городища; б – план южной части раскопа 1 с остатками деревянной стены.

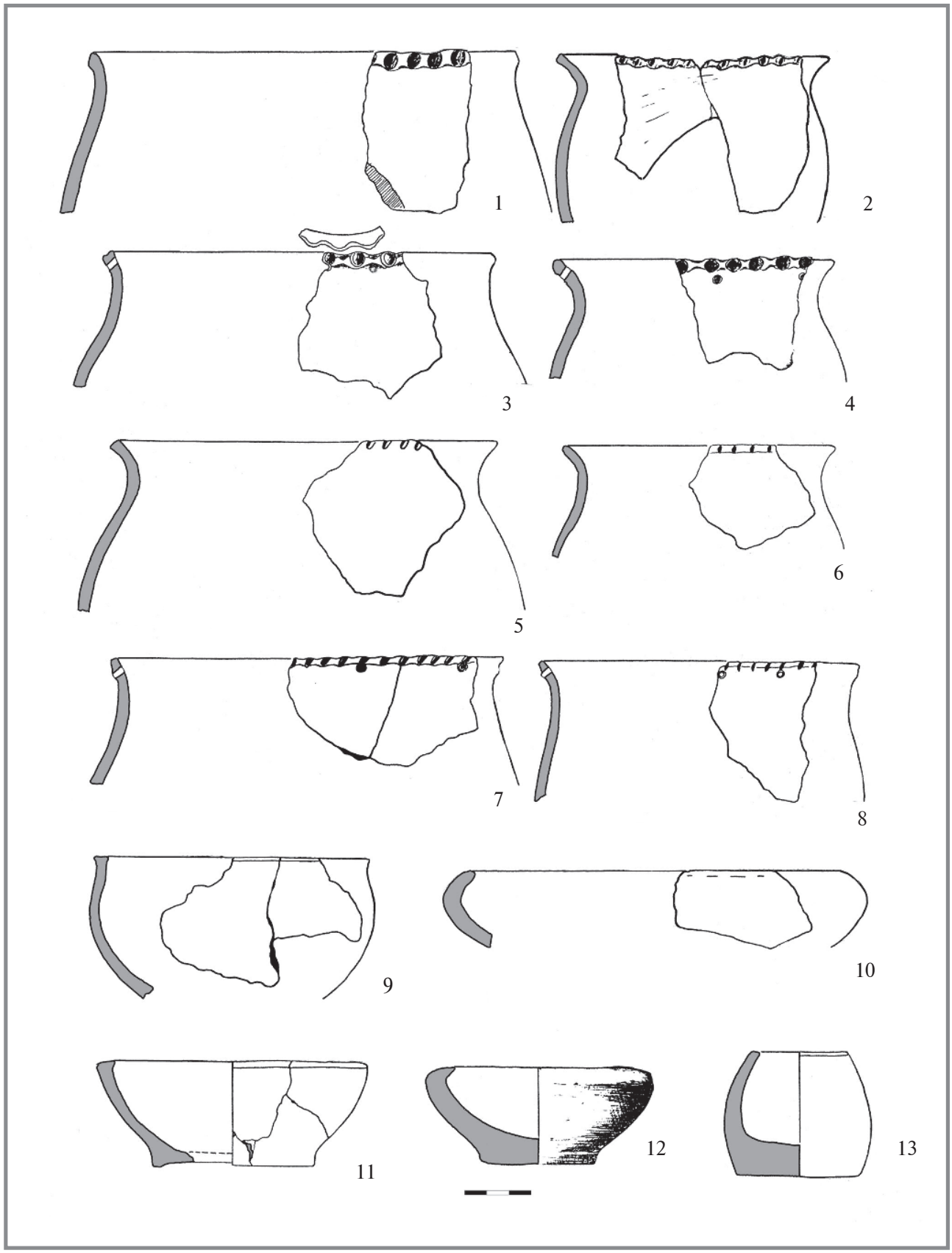

Рис. 2. Керамика городища Верхняя Покровка II.

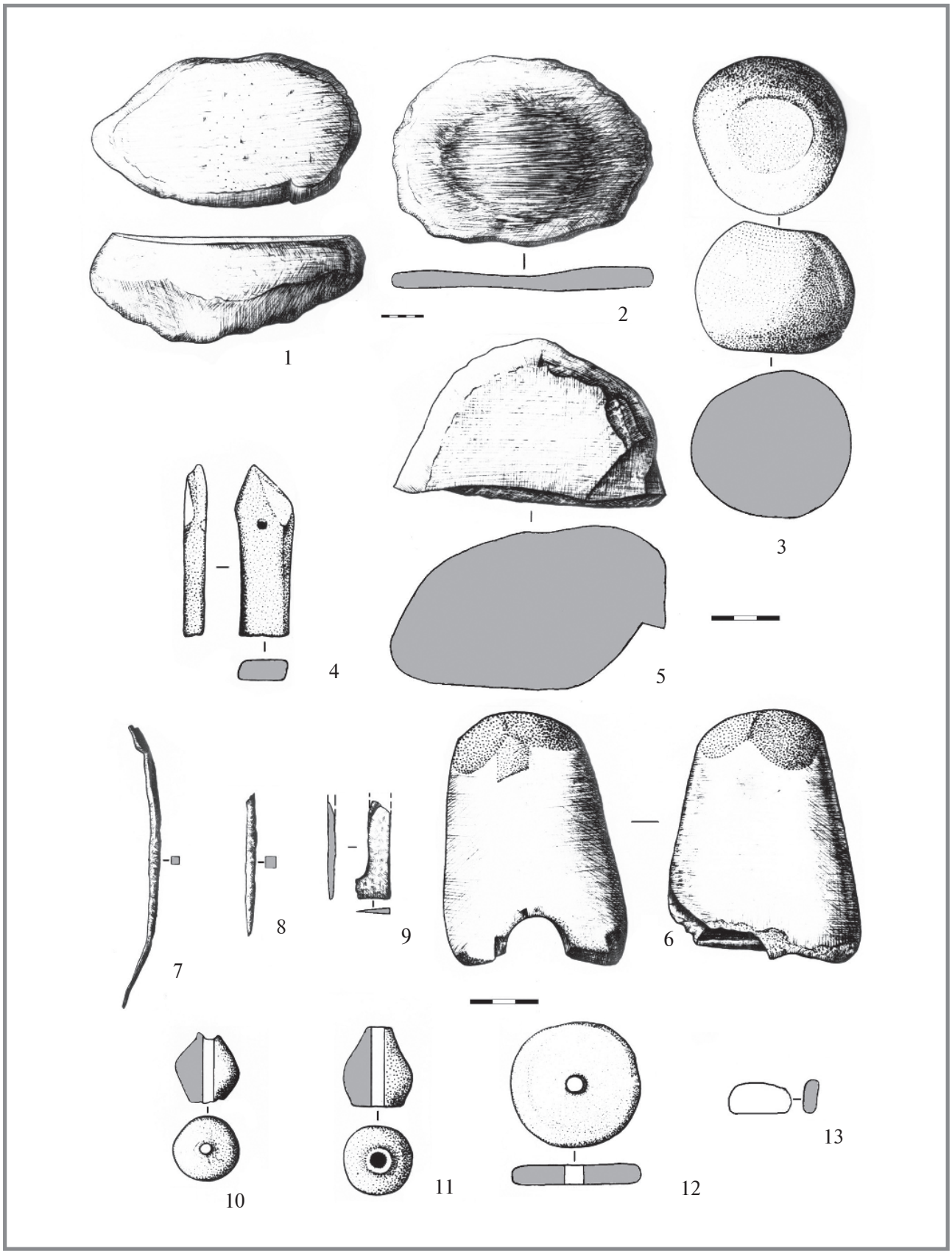

Рис. 3. Изделия из камня (*1 - 6, 12*), глины (*10 - 11*) и железа (*7 - 9*) и стекла (*13*) городища Верхняя Покровка II.

КЕРАМИКА ИЗ БЫТОВЫХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ СЕМИЛУКСКОГО ГОРОДИЩА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

© 2012 г. Ю.Д. Разуваев
Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Общеизвестен тот факт, что самую массовую категорию материальных остатков культуры населения, заселявшего в VI–III вв. до н.э. лесостепную часть бассейна Дона, составляет лепная керамика. Работа по классификации кухонной и столовой посуды, находимой на городищах и неукрепленных поселениях, впервые была выполнена А.И. Пузиковой (Пузикова, 1969. С.51-66). Предложенная Анной Ивановной типология среднедонской керамики надолго стала подспорьем для археологов, обращавшихся к исследованию древностей Лесостепной Скифии. Однако эта разработка была основана почти исключительно на фрагментированном материале: в ней учтено лишь 15 археологически целых сосудов и сосудиков.

К настоящему времени объем керамических материалов со скифоидных поселений Среднего и Верхнего Дона весьма существенно вырос. Самая крупная коллекция «целой» посуды получена при раскопках Семилукского городища IV–III вв.до н.э. (Пряхин,Разуваев,1995). Это 76 сосудов, реконструированных на полный профиль, и более десятка – на значительную часть. Примерно половина из них найдена в виде развалов в ямах хозяйственного назначения, лишь несколько – в слое. Другая половина происходит из погребальных комплексов, выявленных на площадке городища в количестве четырнадцати (Пряхин, Разуваев, 1993, 1993а). По существу, это те же ямы или котлованы построек, которые использовались для коллективных захоронений обитателей поселка. Собственно, некоторые из найденных там сосудов могли и не относиться к погребальному инвентарю, впрочем, относительно многих таких сомнений практически не возникает. Для интерпретации захоронений (подробнее об этой непростой проблеме: Пряхин, Разуваев, 2000) важно определить соотношение керамических материалов из погребальных и бытовых комплексов городища.

Естественно, что решение поставленной задачи предполагает классификацию сосудов, прежде всего, исходя из их формы, а не функционального (тарного, кухонного, столового или культового) назначения, зачастую неопределимого.

Наиболее многочисленной разновидностью посуды являются плоскодонные горшки (73 реконструированных на полный профиль экземпляра). Их сравнение осуществлялось по методу наложения форм (Бобринский, 1972; Беседин, 1991) с использованием компьютерной программы. Векторные контуры горшков, приведенные к единой высоте, сопоставлялись по коэффициентам сходства и визуально. Эта формализованная процедура позволила сгруппировать горшки по 11 типам.

Тип I (30 «целых» экз.) – горшки с плавно отогнутой шейкой, хорошо выраженными плечиками и существенно сужающимся ко дну туловом (Рис.1-5). Диаметр дна составляет примерно половину диаметра венчика, или даже меньше. Горшки этого типа довольно крупных размеров. По особенностям профилировки среди них можно выделить пять вариантов.

Наиболее многочисленный вариант 1 объединяет 17 хорошо профилированных сосудов, у которых стенки в нижней части тулова имеют плавный изгиб (Рис.1-3). Общая высота их немногим превышает величину максимального расширения тулова, приходящуюся на верхнюю половину высоты.

Вариант 2 включает пять сосудов, отличающихся отсутствием изгиба стенок в нижней части тулова, плавно переходящего в дно (Рис.4,*1-5*). Пропорции сосудов близки варианту 1.

Вариант 3 составляют два горшка, у которых плечико в профиле практически прямое, а не выпуклое, как в других случаях (Рис.4,*6,7*).

Вариант 4 представлен четырьмя горшками более вытянутых, чем у первого варианта, пропорций (Рис.5,*2-4,6*). Диаметр максимального расширения тулова у них составляет примерно 4/5 общей высоты.

[1] Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 12-01-00094а

Вариант 5 составляют два горшка, у которых диаметр максимального расширения тулова примерно равен общей высоте (Рис.5, *1,5*). У одного край шейки оттянут для слива.

Горшки типа I обычно украшены пальцевыми защипами по краю венчика, на некоторых орнамент отсутствует. По классификации А.И.Пузиковой (Пузикова, 1969. С.51. Рис.7), это также наиболее многочисленный тип I. Вариант 4 соответствует некоторым сосудам типа V указанной классификации (Пузикова, 1969. Рис.9,9). Близкие к типу I горшки с хорошо профилированными туловом и шейкой составляют ведущую форму посуды во всех районах лесостепной зоны Северного Причерноморья (Ильинская, 1968. С.167; Ковпаненко, 1967. С.114; Либеров, 1962. С.49; Пузикова, 1981. С.44-50; Шрамко, 1962. С.216).

Тип II (14 экз.) составляют горшки небольших размеров (Рис.6, *1-14*). Профилировка их близка сосудам типа I, но пропорции другие. Максимальный диаметр тулова равен или близок общей высоте, а диаметр дна составляет 3/4 диаметра венчика. Среди сосудов есть как неорнаментированные, так и украшенные пальцевыми защипами (в одном случае – насечками) по краю венчика.

Сосудам типа II можно найти точные аналогии в керамике Среднего Дона среди типа I классификации А.И.Пузиковой (Пузикова, 1969. Рис.7,7). Близкие по форме горшочки известны в курганах Посулья (Ильинская, 1968. Табл.LX,20-26) и в скифских погребениях IV–III вв. до н.э. (Гаврилюк, 1980. Рис.1,2,3,7,8; 2,4).

Тип III (13 экз.) выделен также среди небольших горшков (Рис.7, *1-13*). Это менее профилированные по сравнению с первыми двумя типами горшки: отношение диаметра дна к величине максимального расширения тулова у них меньше. Большинство сосудов без орнамента, четыре украшены пальцевыми защипами или вдавлениями по венчику.

Целые формы, составляющие аналогии типу III, известны в скифском керамическом комплексе (Гаврилюк, 1980. Рис.2,8-10). Соответствующие горшочки встречены и в курганах Посулья (Ильинская, 1968. Табл.LXI,12,14).

Тип IV (3 экз.) включает небольшие неорнаментированные горшочки с лощеной или тщательно заглаженной поверхностью (Рис.7, *14-16*). Тулово их довольно сильно расширено в средней части, диаметр дна превышает диаметр горла, что для горшков других типов нехарактерно. Высокая шейка одного сосуда отогнута в виде раструба. Видимо, к этому типу следует отнести еще два частично сохранившихся сосуда (Рис.7, *17,18*). Целый горшочек подобной формы происходит со среднедонского Кировского городища (Пузикова, 1969. Рис.3, *10*).

Тип V составляю два горшковидных сосуда с боченковидным туловом и относительно невысокой отогнутой шейкой (Рис.6, *15,18*). Хотя по форме эти сосуды очень близки, но сильно различаются размерами. Кроме того, один из них имеет довольно толстые стенки.

Тип VI – горшочек с тщательно заглаженной внешней поверхностью, тулово которого украшают шесть вертикальных налепных валиков (Рис.6, *16*). Однотипен сосуду, найденному на среднедонском городище у с.Круглое (Пузикова, 1969. С.62. Рис.3,8). Такого рода изделия обычно интерпретируются как курильницы (Марченко, 1973. С.66. Рис.24,5,6; Мелюкова, 1962. С.157-159. Рис.2,3;4,4).

Тип VII составляет один сосуд, отчасти реконструированный из обломков верхней части (Рис.6, *17*). Он имел, видимо, боченковидное тулово и цилиндрическое горло, по внешней поверхности украшен резным орнаментом. По-видимому, это курильница, аналогичная культовым сосудам последних вв. до н.э. из Ольвии (Марченко, 1988. С.103. Рис.33,4) и Неаполя Скифского (Дашевская, 1980).

Тип VIII составляет горшковидный сосуд с шаровидным туловом и прямой шейкой, выделяющийся значительной толщиной стенок (Рис.6, *19*). Он был найден в яме, связанной с высокотемпературным производством, и использовался, надо полагать, как тигель.

Тип IX – очень небрежно изготовленный горшковидный сосуд с вертикальной шейкой, скорее, близкий по форме банке (Рис.7, *19*).

Тип X – небольшой горшковидный сосуд (Рис.7,*20*), имевший крепившуюся к тулову сбоку петлевидную ручку (отбита еще в древности).

Тип XI – сосуд со слабо намеченными плечиками и шейкой, т.е. близкий к баночной форме, имеющий слив (Рис.7,*21*).

Кроме горшков, на Семилукском городище найдены и другие разновидности посуды. В частности, четыре кувшина, отличающимися размерами и профилировкой верхней части. Тулово кувшинов в центральной части близко к шаровидной форме, внешняя поверхность залощена или тщательно заглажена. Сохранилась верхняя часть одного крупного сосуда с двумя ручками, имевшего высокое цилиндрическое горло и резко отогнутый наружу венчик (Рис.8,*1*). У другого, менее крупного, одноручного кувшина горло также цилиндрической формы, верхний край его оттянут в виде карниза (Рис.8,*4*). Два небольших одноручных кувшина имеют воронкообразную горловину, у одного стенки тулова плавно переходят в дно (Рис.8,*2*), у другого – с прогибом (Рис.8,*3*). Эти находки аналогичны сосудам, нередко встречающимся, в основном, во фрагментах, на среднедонских поселениях (Пузикова, 1969. С.57, 62. Рис.14).

Четырьмя практически целыми экземплярами представлены миски, хотя и различающиеся размерами, но близкие по форме (Рис.8,*5-8*). У них плоско срезанный слегка утолщенный край немного загнут внутрь, переход стенок в дно подчеркнут изгибом и закраиной. Поверхность у большой миски – лощеная, у других – тщательно заглаженная. По типологии А.И.Пузиковой, эти сосуды соответствуют 1-му варианту мисок, широко распространенному на среднедонских поселениях (Пузикова, 1969. С.53).

Среди семилукской керамики есть так называемые «чаши на ножке» – две целые формы и три обломка венчиков (Рис.8,*9-12*). Это небольшие сосудики с конусовидным туловом на поддоне. У некоторых по срезу венчика имелись два сквозных отверстия, а у одной чаши зафиксировано налепное ушко с таким отверстием. Поверхность этих сосудов тщательно заглажена или залощена. По ней нанесен орнамент из резных линий, заполненных в древности пастой красного, желтого и белого цвета, или (в одном случае) из налепных валиков. Такого рода изделия хорошо известны по материалам среднедонских поселений (Пузикова, 1969. С.57. Рис.11).

Наконец, отметим находку чашки-плошки (Рис.8,*13*). Такие сосудики составляют тип VIII, по классификации А.И.Пузиковой (Пузикова, 1969. С.57).

К сожалению, такие разновидности посуды, как кувшины, миски и другие, найденные в немногих экземплярах, мало что дают в плане сопоставления погребальных и бытовых комплексов городища.

Другое дело – относительно многочисленные горшки первых трех типов. Многие из них демонстрируют большое сходство формы. Это наглядно видно на графах связи сосудов (Рис.9), построенных по коэффициентам сходства (учитывались только высокие значения, превышающие 90%). Так, «ядро» типов I–III составляют горшки (45, т.е. почти 2/3 от общего числа), происходящие как из погребений, так и из ям. Более того, есть пары сосудов, коэффициент сходства которых находится в диапазоне 93–95,9%, что позволяет говорить о практической идентичности их формы, учитывая отклонения, неизбежные при ручной формовке изделий в древности (заметим в скобках, и при графической фиксации в современности).

Таким образом, рассмотренные керамические материалы Семилукского городища, на наш взгляд, позволяют сделать вывод о синхронности ям бытового назначения (по крайней мера, значительной их части) и котлованов, использованных для захоронений. Что подтверждает и ранее высказанные предположения об относительной кратковременности и довольно внезапном прекращении функционирования основных строительных комплексов этого неординарного памятника.

Литература

Беседин В.И. Анализ археологических источников с применением ЭВМ. Воронеж, 1991.

Бобринский А.А. Метод количественной оценки сходства и различия форм керамики // Тезисы докл. на секциях, посвящ. итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.

Гаврилюк Н.О. Кераміка степових скіфських поховань IV–III ст. до н.е. // Археологія. № 34. 1980.

Дашевская О.Д. О скифских курильницах // СА. № 1. 1980.

Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // МИА. № 113. 1962.

Марченко К.К. Новые типы лепной керамики V–III вв. до н.э. из Елизаветовского городища на Дону // КСИА. Вып. 133. 1973.

Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. По материалам лепной керамики. Л., 1988.

Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П.Стемпковских) // МИА. № 115. 1962.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987–1990 гг.) // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993а.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. Семилукское городище позднескифского времени на р.Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 г.) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995.

Пряхин А.Д., Разуваев Ю.Д. К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени //Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Пузикова А.И. Поселения Среднего Дона // МИА. № 151. 1969.

Пузикова А.И. Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н.э. М., 1981.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

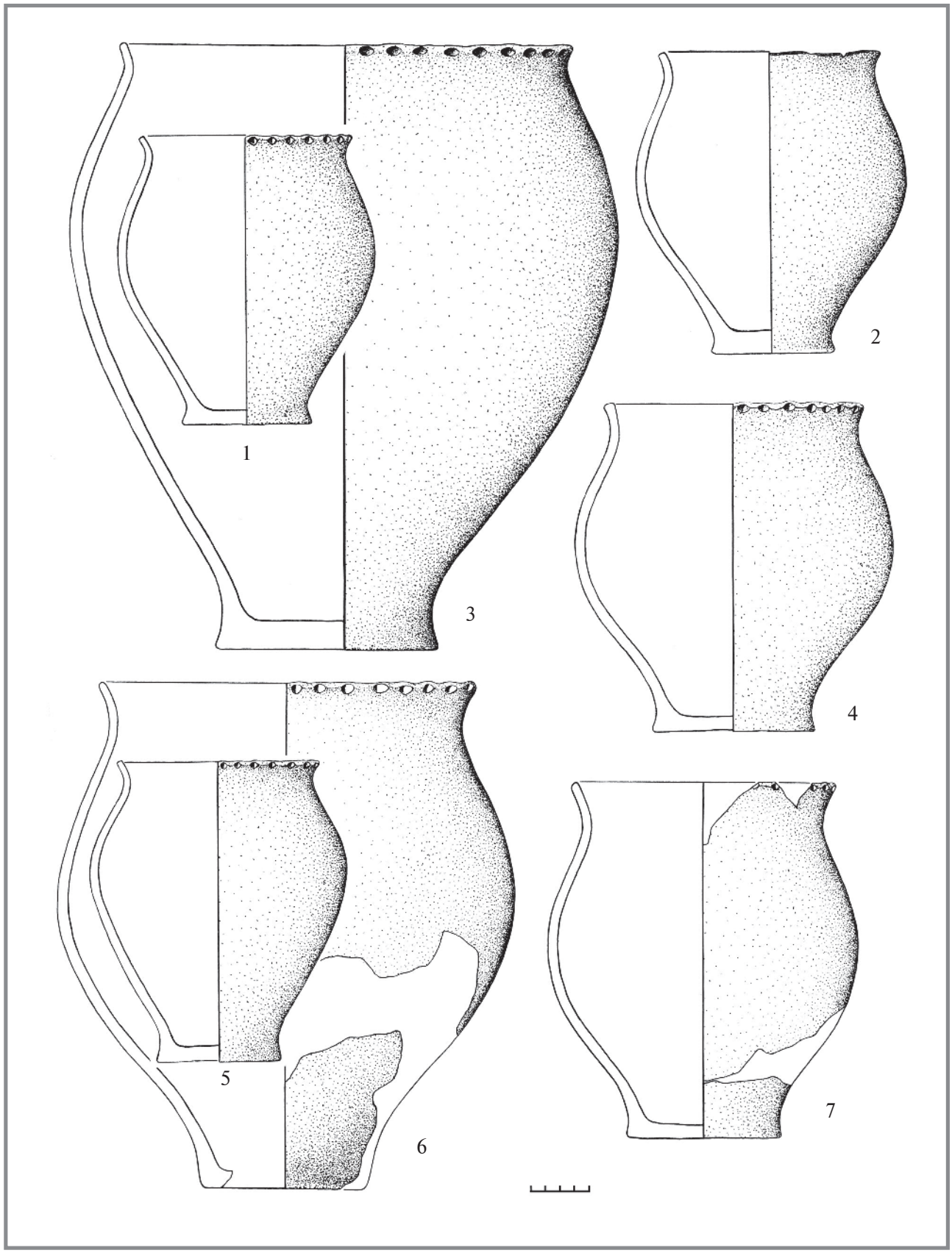

Рис.1. Горшки типа I.
1 – погр.12; 2 – погр.10; 3 – погр.4; 4 – погр.6; 5 – погр.2; 6 – яма 62; 7 – яма 93

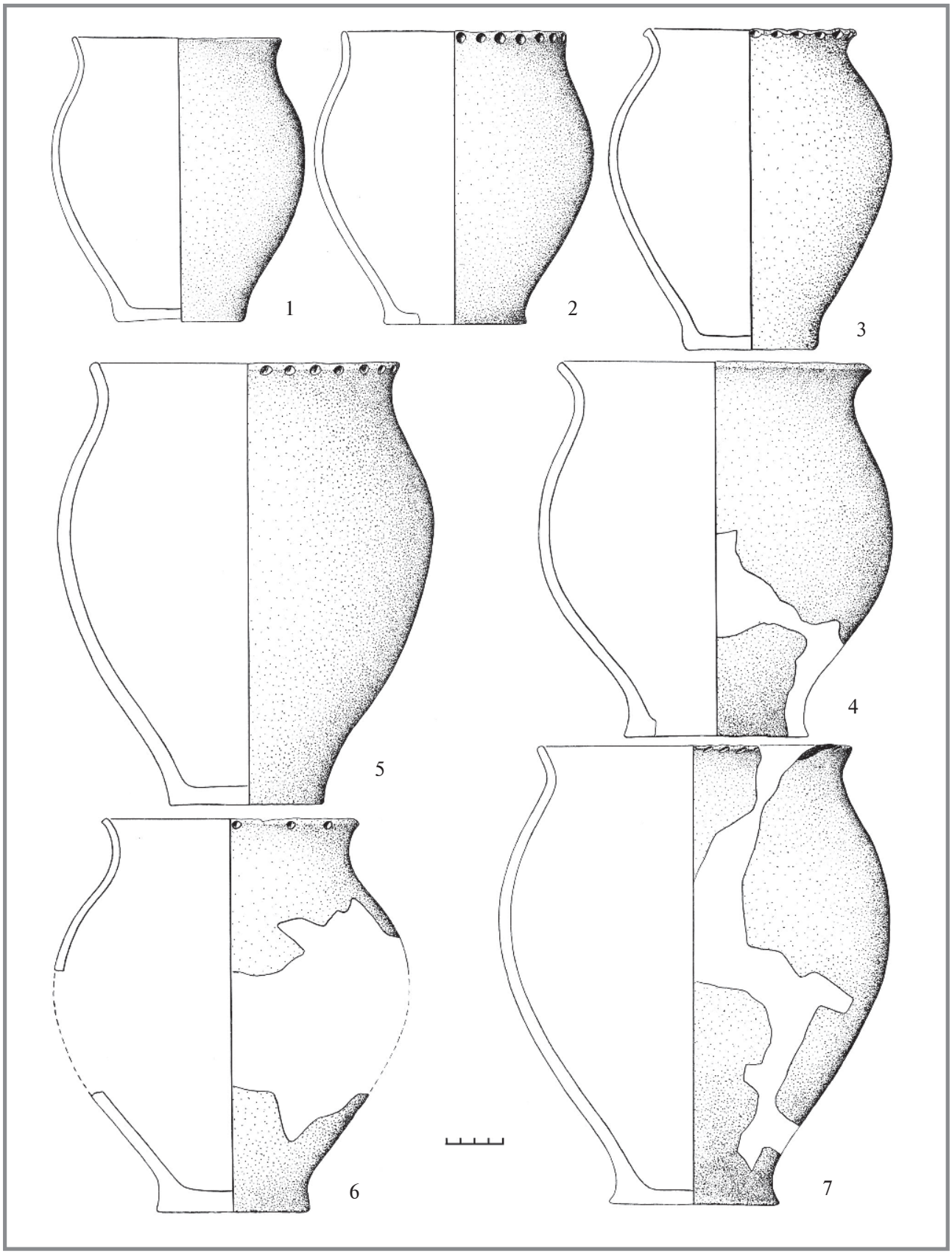

Рис.2. Горшки типа I.
1,2,6 – погр.14; 3 – погр.4; 4 – яма 62; 5 – яма 51; 7 – слой

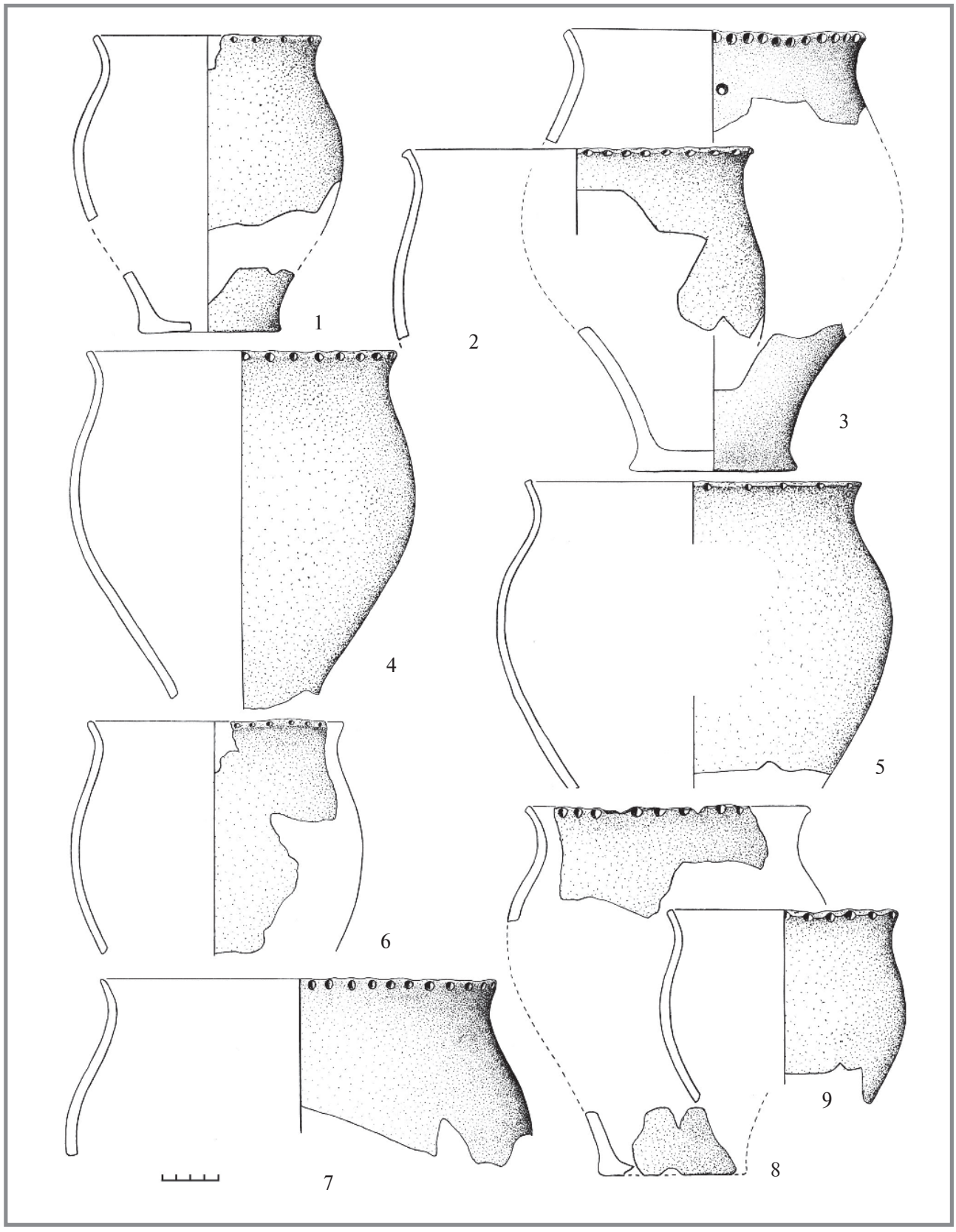

Рис.3. Горшки типа I.
1 – погр.11; 2,5 – погр.12; 3 – яма 72; 4 – яма 21; 6 – яма 42; 7 – слой над погр.1; 8 – яма 24; 9 – яма 17 6

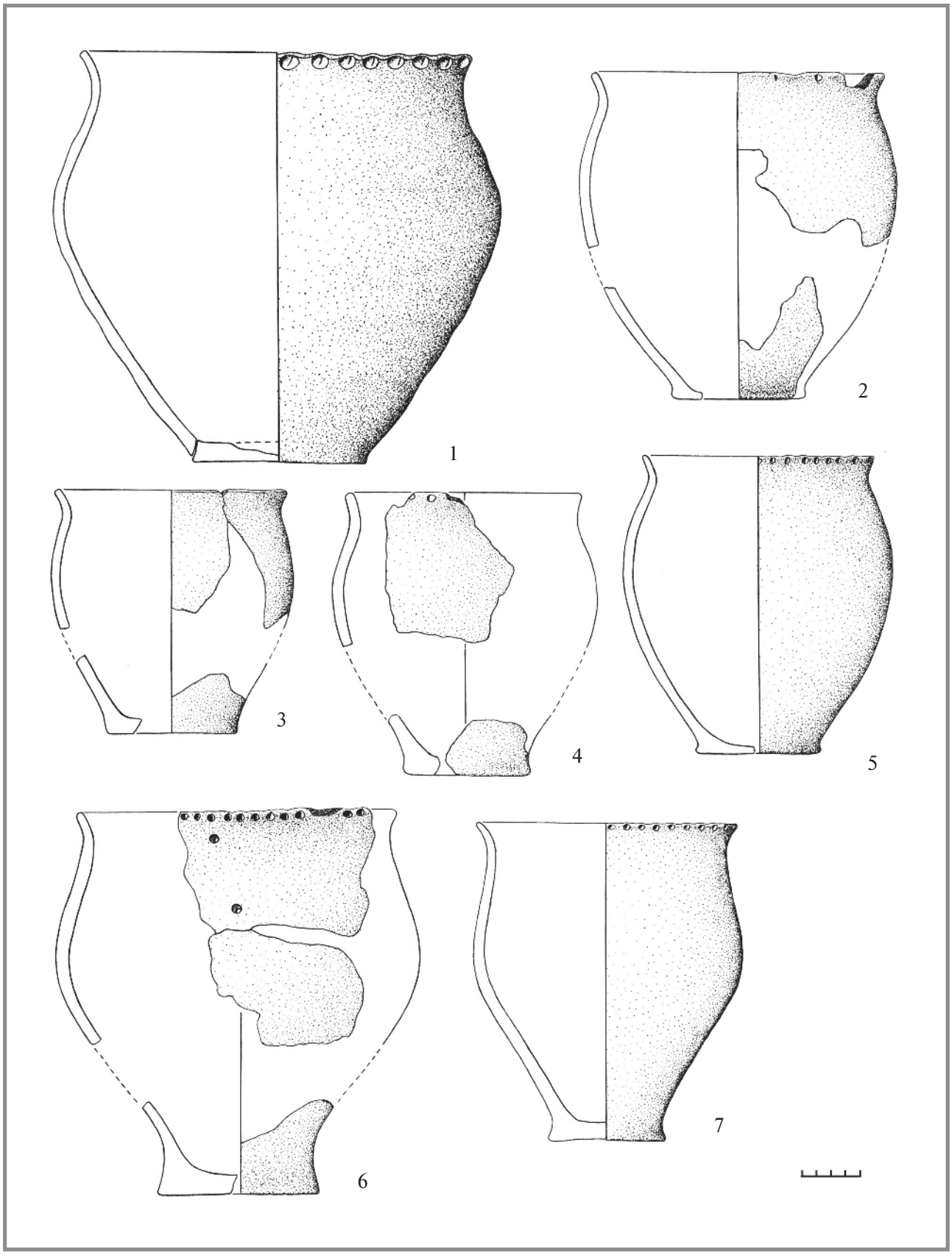

Рис.4. Горшки типа I.
1 – яма 134; 2 – яма 20; 3 – слой; 4,5 – яма 30; 6 – яма 10; 7 – яма 112

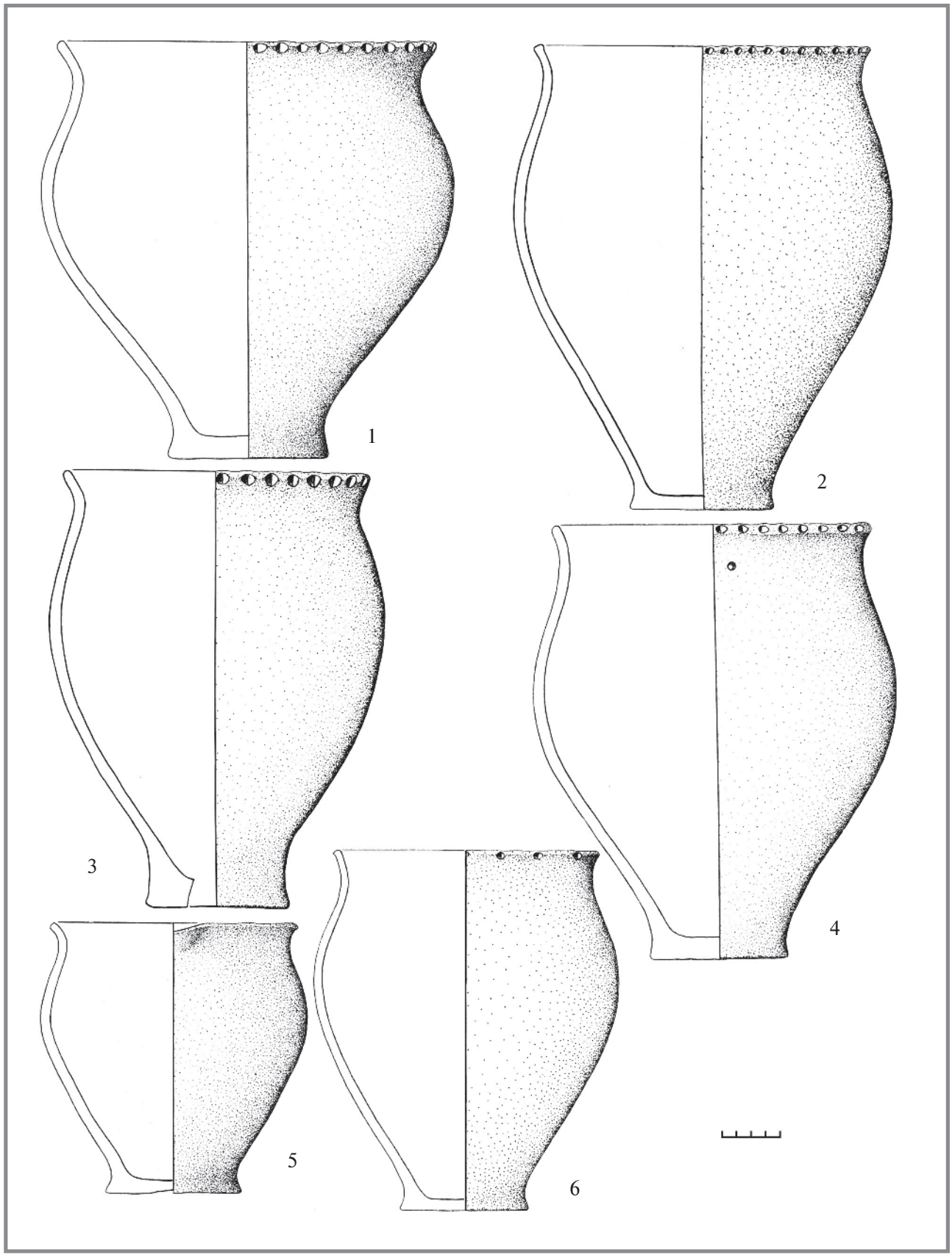

Рис.5. Горшки типа I.
1,4,5 – яма 60; 2 – погр.12; 3 – яма 9; 6 – погр.14

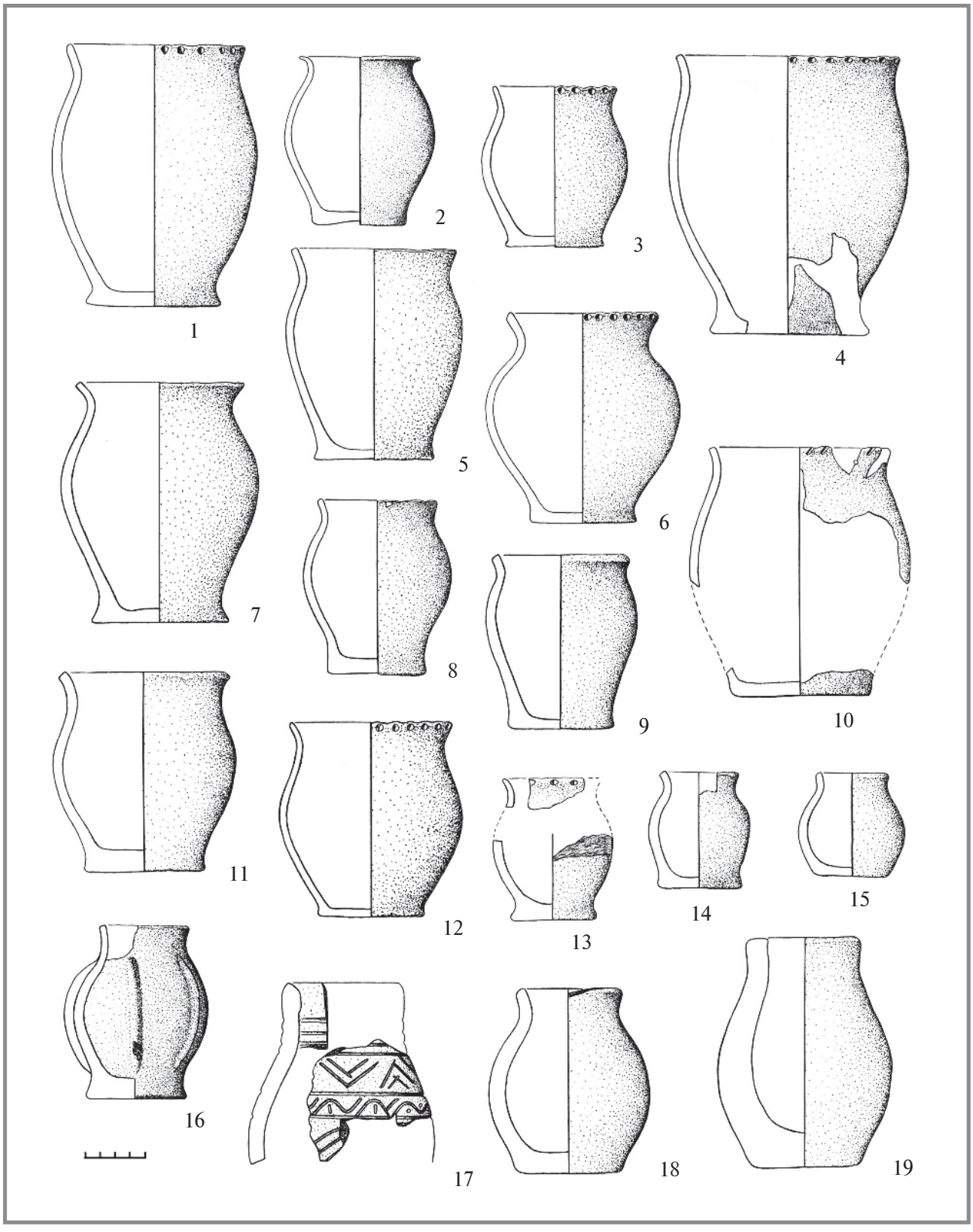

Рис.6. Горшки типов II (1-14), V (15,18), VI (17), VII (17), VIII (19).
1,11 – яма 30; 2 – погр.14; 3 – погр.3; 4 – яма 117; 5,8 – погр.2; 6 – яма 60; 7,12 – погр.12; 9,15 – погр.4; 10 – яма 95; 13 – погр.9; 14 – яма 82; 16 – слой; 17 – яма 36 и слой; 18 – яма 135; 19 – яма 99

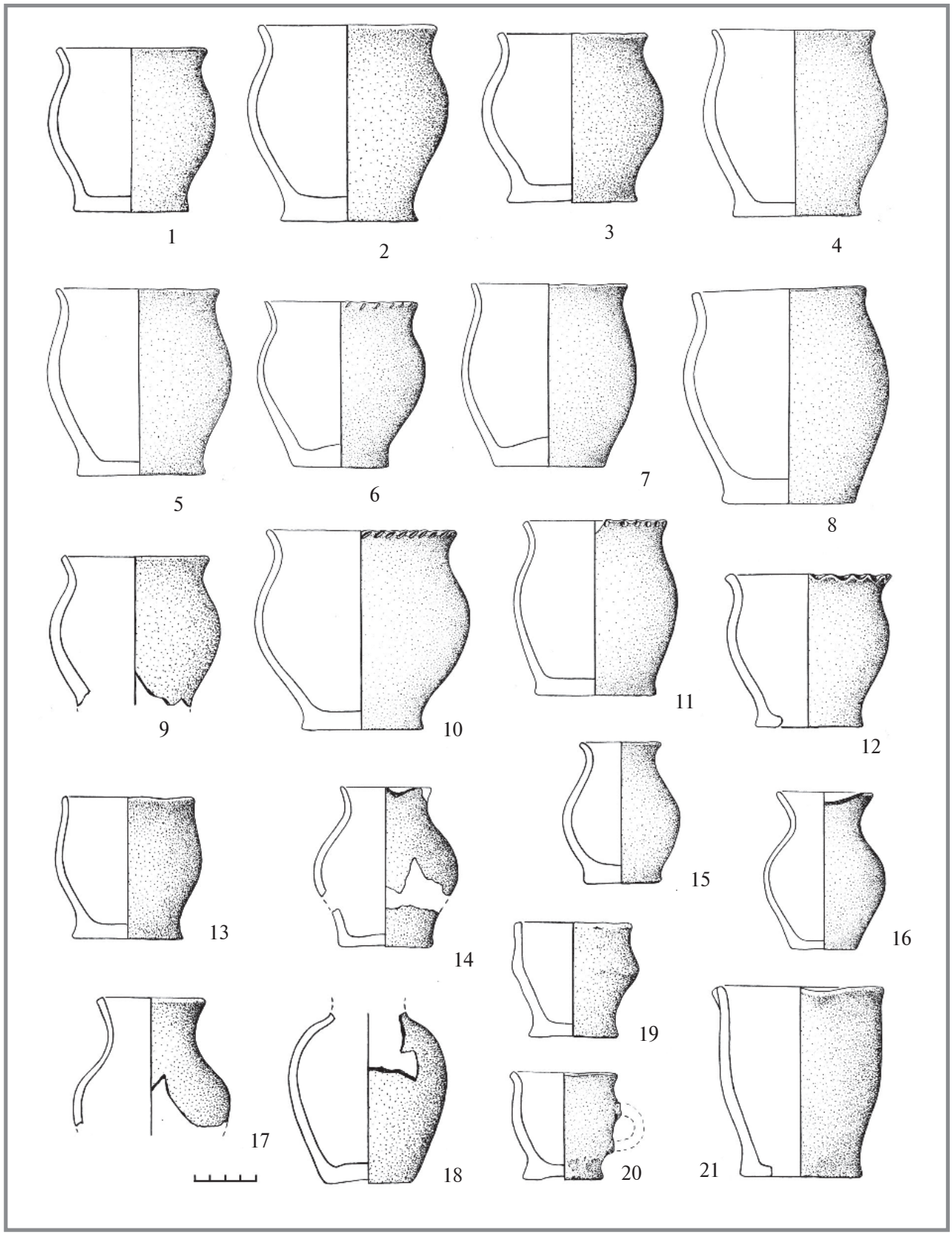

Рис.7. Горшки типов III (1-13), IV (14-18), IX (19), X (20), XI (21).
1 – погр.12; 2,3,9,19 – погр.6; 4,8 – яма 48; 5 – яма 61; 6,7,11,16 – погр.14; 10 – яма 112; 12 – постр.7; 13,14 – погр.3; 15,20 – слой; 17- погр.4; 18 – погр.8; 21 – яма 62

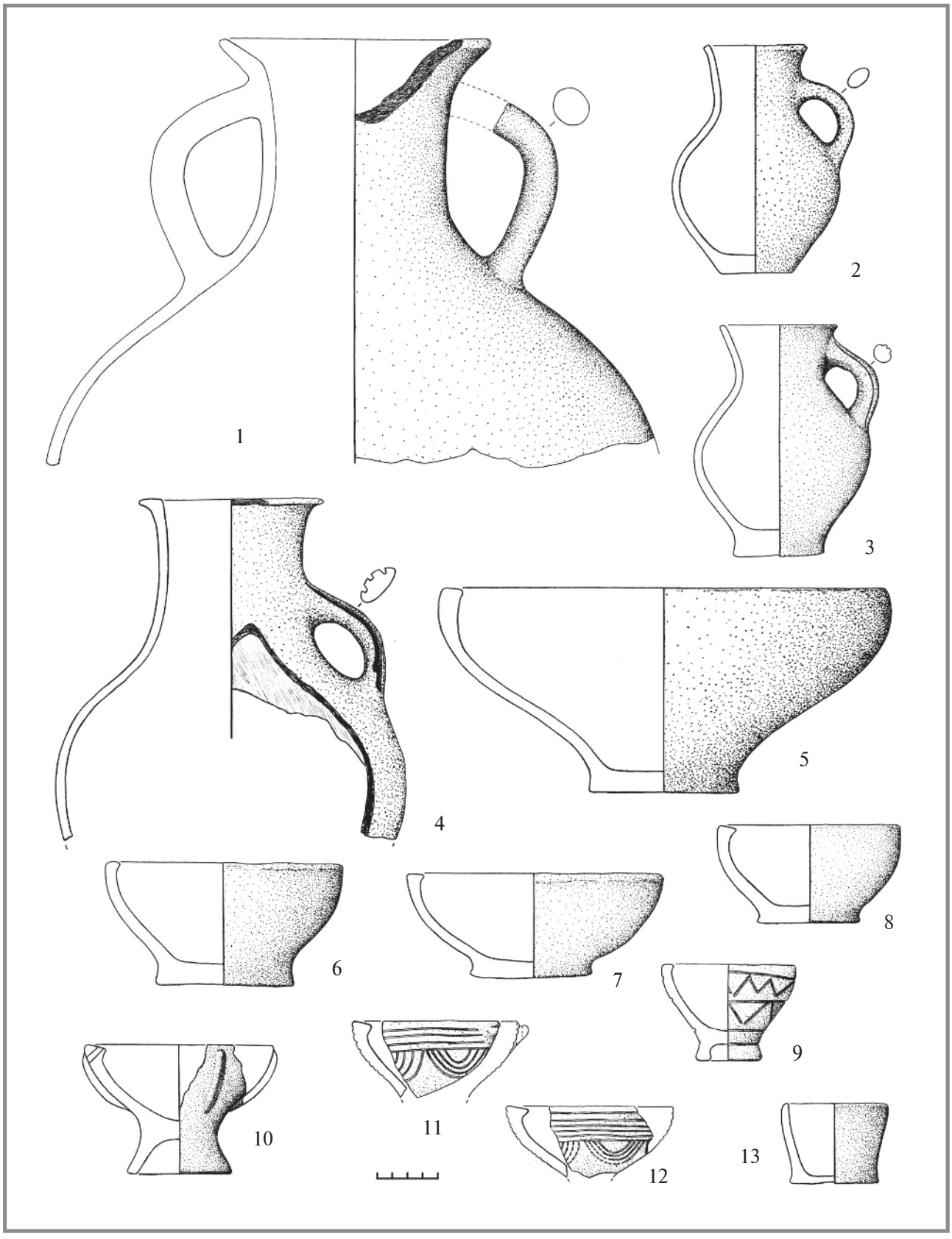

Рис.8. Кувшины (1-4), миски (5-8), чаши (9-12) и плошка (13).
1,3 – погр.14; 2 – погр.10; 4 – погр.6; 5,9 – погр.12; 6 – слой; 7 – яма 9; 8 – яма 24; 10 – яма 30; 11,12 – слой; 13 – яма 63

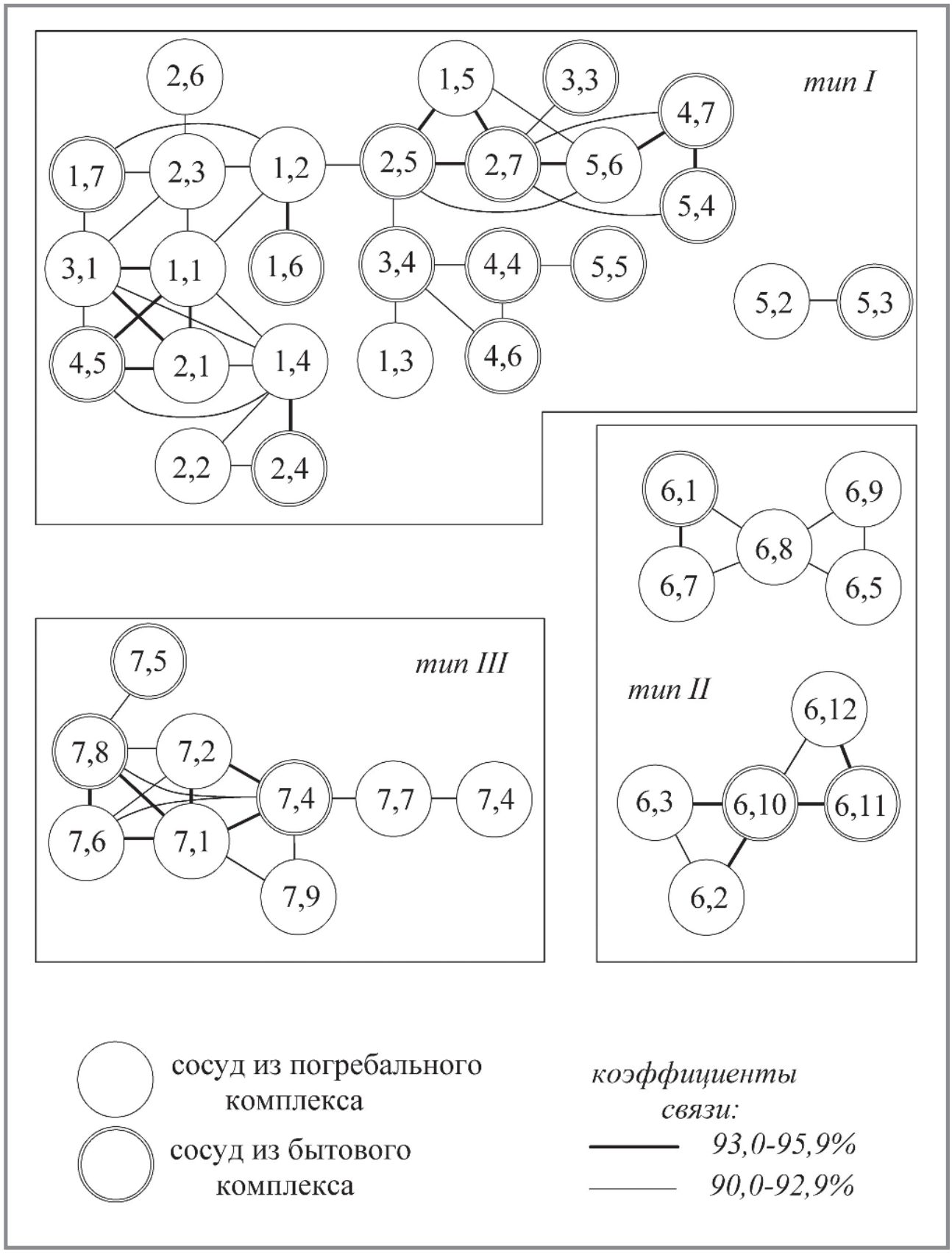

Рис.9. Графы связей горшков I–III типов с высоким коэффициентом сходства (цифрами указаны позиции сосудов на рисунках 1–7)

СКИФСКИЕ АМАЗОНКИ И МУЗЫКА

© 2012 г. Е.Е. Фиалко
Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев

Древние авторы, писавшие об амазонках, оставили интересные сведения о происхождении, образе жизни, характере, поведении и манере одеваться воинственных дев. Все это позволяет представить эмансипированных гордых женщин, совершенно отличных от представительниц патриархального эллинского мира. Внимание в нарративных источниках акцентировалось, главным образом, на моментах оригинальных, а порой и странных. Поэтому, наверное, о музыкальных пристрастиях амазонок представители народов с развитой музыкальной культурой практически ничего не сообщали.

Здесь можно упомянуть лишь ***Мартиана Капеллу*** – латинского юриста, писателя, энциклопедиста, философа и ритора первой половины V в. н.э., написавшего трактат «О браке Филологии и Меркурия». В этой своеобразной энциклопедии в девяти книгах развита система семи свободных искусств. Девятую книгу автор посвятил музыке (Grebe, 2000; Петрова, 2004; Лосев, 1992. С. 156). И лишь два комментария в ней касаются непосредственно амазонок. В одном месте М. Капелла отметил, что обычно воительницы совершенствовались в военном искусстве под звуки флейты. Другая ремарка касается эпизода посещения царицей амазонок Александра Македонского с целью зачать от него ребенка. На прощание Александр преподнес царице оригинальный памятный подарок – флейтиста, которому амазонка очень обрадовалась. Оба эти эпизода свидетельствуют о том, что воительницы любили звуки духовых инструментов и владели искусством игры на них.

О том, что представляли собой такого рода инструменты, писал ***Юлий Полидевк*** – грамматик и софист, живший во 2 в. н.э. В своем сочинении «ONOMAΣTIKON», опираясь, вероятно, на более ранние источники, он сообщал, что инструменты типа флейты делались из костей орлов и коршунов (IV, 60). Последнее уточнение довольно интересно, если вспомнить, что воинственные номады в орнаментике своих вещей (и бытовых, и ритуальных) предпочитали изображения именно этих агрессивных и сильных птиц.

В дополнение к столь скудным сведениям письменных источников можно привлечь археологические находки. В массиве погребальных памятников номадов скифского периода на территории Северного Причерноморья выделяется более 130 погребений женщин с оружием, так называемых амазонок. Известны захоронения воительниц и в других регионах Евразии (Фиалко, 1991; 2011; Fialko, 2009). К числу характерных атрибутов материального комплекса этих могил относятся предметы вооружения (лук и стрелы, копье и дротик, реже меч и боевой топор) и различного вида украшения (съемные – гривны, ожерелья, бусы, браслеты, перстни и серьги; и нашивные – фигурные металлические аппликации деталей одежды). Музыкальные инструменты относятся к разряду единичных находок.

Археологические находки музыкальных инструментов в памятниках Евразии скифского времени крайне редки, если не уникальны. Однако и эти малочисленные артефакты позволяют говорить, что номады эпохи раннего железа использовали три группы инструментов: ударные, струнные и духовые (Фіалко, 2012).

К числу наиболее информативных погребальных комплексов вооруженных женщин в данном контексте относится погребение № 5 в ***VIII Мечетсайском кургане*** (Урал). В кургане (высота ≈0,80 м, диаметр ≈20,0 м) обнаружено пять погребений, в двух из которых погребли амазонок. Центральное погребение № 5 (Рис. 1) служило усыпальницей двух воительниц. Погребальное сооружение – катакомба продольного типа, на уровне древнего горизонта перекрыто раздавленной деревянной конструкцией. Длинный прямоугольный дромос, ориентированный по линии север - юг (с небольшим отклонением) имел уклон к югу, где находилась камера подпрямоугольной в плане формы. Размеры дромоса 4,60 × 1,70–1,90 м, глубина 1,91–2,36 м (от уровня древнего горизонта). Вход в могилу перекрывали три камня. Размеры камеры 3,0× 2,20 м, пол на глубине 2,50 м. На уровне древнего горизонта, близ северо - восточного угла могилы стояла гончарная красноглиняная фляга, близ юго - западного угла лежала заупокойная пища (бок лошади).

Большую часть камеры занимал деревянный решетчатый настил, на котором вплотную друг к другу лежали две женщины – вытянуто на спине, головами на юг. Над погребальным ложем и костяками сохранились куски коры.

Слева (с западной стороны) на деревянном настиле лежала пожилая женщина. В набор ее личных украшений входили: бронзовая гривна с золотой плакировкой, серебряные проволочные серьги, два бронзовых кольцевидных браслета и крупная стеклянная глазчатая бусина у поясницы (возможно, служившая застежкой). Кроме того, с этой женщиной соотносятся: берестяной колчан с 10 стрелами с бронзовыми наконечниками; бронзовое зеркало с боковой ручкой в деревянном футляре, алебастровое пряслице, обломок железного шильца; обломки речной раковины и деревянного штырька; чашечка из панциря черепахи, раковина grifea и кусочек мела (Смирнов, 1975. С. 136-139).

Справа (с восточной стороны) на настиле лежала молодая женщина (25–30 лет). Ее набор личных украшений составляли: бронзовая гривна с золотой плакировкой; две пары браслетов на каждой руке – кольцевидный серебряный и бусинный (из четырех бусин каждый – двух стеклянных и двух каменных, соответственно, агатовая и сердоликовая, и две агатовые); и обломок стеклянной бусины у пояса. Рядом с этой женщиной лежали также: колчанный крючок, кожаный колчан с 95 стрелами с бронзовыми наконечниками; бронзовое зеркало в плетеном футляре из травы с остатками кожи и дерева; деревянный струнный инструмент, мелкие трубчатые косточки и кусочек мела; чашечка из панциря черепахи, песчаниковый «терочник», круглая коробочка из коры с белилами (?) и трехгранным брусочком, сделанным из импортного керамического сосуда; железное шильце и кусочек мела. Кроме того, в выкиде обнаружена кварцитовая галька яйцевидной формы (служившая в качестве пестика или терочника?) (Смирнов, 1975. С. 139-143).

Приведенное выше описание позволяет заключить, прежде всего, что церемония захоронения была единовременной. Обе женщины погребены с личным оружием – колчанами со стрелами. Характер вещевого сопровождения, и в первую очередь наличие гривны у каждой из амазонок, свидетельствует о высоком (и в то же время равном) статусе обеих женщин. Не исключено, что в этой могиле погребли командующих двух военных подразделений. Нас в этом погребальном комплексе интересуют несколько предметов, которые связываются с музыкальными инструментами.

Струнный щипковый инструмент большого размера с железными деталями лежал под восточной стенкой камеры, на уровне плеча молодой женщины. От него остался лишь деревянный тлен, сохранивший форму инструмента типа домры (Рис. 2, *II-1*). Общая длина его 46 см, диаметр круглой части – не менее 20 см (Смирнов, 1975. С. 142). В середине истлевшего инструмента обнаружено несколько железных деталей. К сожалению, сильная коррозия металла не позволяет восстановить их форму и судить о размерах и количестве этих деталей. Соответственно не представляется возможным восстановить конструкцию этого музыкального инструмента.

Струнные инструменты, но иного вида, известны еще только в двух курганах скифского времени. Во II Башадарском кургане VI в. до н.э. сохранился щипковый инструмент типа арфы (Руденко, 1952. С. 38). Окрашенный в красный цвет инструмент имел ряд дополнительных деталей из различных материалов и, вероятно, золотой декор, утраченный при ограблении (Баркова, Завитухина, 1976. С. 52; Басилов 1991. С. 142). Лучше других сохранился струнный смычковый инструмент из II Пазырыкского кургана V в. до н.э. (Руденко, 1953. Табл. LXXXVI, 1). Этот инструмент (общей длиной 83 см) состоял из трех частей – удлиненного кузова с округлыми краями, струнодержателя и грифа. Относительно количества струн, деталей конструкции и техники игры на этом инструменте мнения исследователей расходятся. В.Н. Басилов назвал этот инструмент праскрипкой. На основании сохранившихся в погребении деталей исследователь считает, что инструмент имел две струны, расположенные высоко над кузовом, одна над другой; при этом звуки извлекались при помо-

щи смычка (Басилов, 1991. С. 145). По мнению А.Г. Олейник, арфа из Пазырыка относится к группе пяти- или даже семиструнных щипковых инструментов. Струны, по ее мнению, имели разную длину и натягивались горизонтально над корпусом (Олейник, 1995. С. 82, 86).

Независимо от вида, струнный инструмент требовал очень точной настройки, но из-за отсутствия полностью сохранившихся образцов трудно сказать, каким способом это достигалось. Сплетенные из жил или кожи струны постепенно растягивались и требовали особого ухода. Играли на струнных инструментах либо пальцами (psallein), либо плектром (krouein), который обычно изготовляли из рога. Плектр часто прикрепляли к инструменту веревочкой, чтобы легко взять в случае необходимости (Афонасин, 2012. С. 12). Состояние инструмента в могиле Мечетсайского кургана, к сожалению, не позволяет говорить об использовании плектра при игре на нем.

Бронзовое зеркало, лежавшее на уровне кисти правой руки младшей женщины, под восточной стенкой камеры (Рис. 2, *II-2*), относится к группе музыкальных зеркал – типу инструментов с самозвучащим корпусом. Это зеркало (Рис. 3, *1*), диаметром 15,5 см, сделано из двух тонких дисков-половинок, соединенных тремя бронзовыми заклепками. Лицевая его сторона гладкая с боковым отростком-ручкой, тыльная сторона рельефная. Она оформлена коническим умбоном в центре и двумя кольцевыми валиками – высоким гранчатым по борту и меньшим округлым в средней части. Декор дополняет гравированный геометрический орнамент в виде концентрических кругов, широкая полоса между которыми заполнена сюжетным рисунком. На нем представлены две симметрично стоящие женские фигуры с веткой с листьями в поднятой руке. Лица их обращены к божеству в виде мужской? головы в профиль вправо, изображенному в верхней части композиции. Под ногами каждой женщины – профильное изображение рогатого животного (Смирнов, 1975. С. 141-142). В полость зеркала помещены несколько застывших капель олова, которые при встряхивании этой своеобразной погремушки издавали приглушенные ритмичные звуки.

Так называемые восточные (или индийские) зеркала составляют особую группу зеркал – одной из наиболее многочисленных категорий ритуальных предметов из курганов древних кочевников (Кубарев, 2002. С.63). Обычно их относят к числу ударных инструментов. На сегодняшний день, кроме музыкального зеркала из VIII Мечетсайского кургана, известно всего несколько таких находок: из II Пазырыкского и V Рогозихинского курганов на Алтае и могильника Локоть 4 в Верхнем Приобье. Такие зеркала, диаметром 14–15 см, сделаны из двух тонких серебряных или бронзовых с позолотой дисков-половинок с длинной боковой ручкой. Одна их сторона гладкая с отростком-ручкой, вторая украшена рельефным орнаментом и гравированным рисунком. При одинаковой конструкции и близкой стилистике, экземпляры разнятся гравированным орнаментом. Наиболее близкий мечетсайскому рисунок украшал зеркало из могильника Локоть 4 (Рис. 3, *2*). Не останавливаясь специально на анализе орнаментальных и иных особенностей подобных зеркал, замечу лишь, что местом их производства считается Китай (Тишкин, Хаврин, 2006. С. 77; Тишкин, Серегин, 2011. С. 95). Мастерская по производству подобных изделий, открытая на территории Китая, датируется 311–222 гг. до н. э. (Bunker, 1991).

Относительно условий находки музыкальных зеркал можно отметить следующее. Они происходят из парных захоронений: в трех похоронены женщины, в одном (II Пазырыкский курган) – женщина и мужчина. В могилах зеркала-погремушки положены обычно в головах молодой женщины (в двух случаях – Локоть и Рогозиха – лицевой стороной вниз). В трех комплексах (Пазырык, Мечетсай и, судя по наличию бронзовых скобок и древесного тлена, Локоть 4) находился и музыкальный струнный инструмент (Шульга, 1999. С. 183).

Интересно, что в Мечетсайском и Пазырыкском курганах струнные инструменты и шумящие зеркала найдены вместе, и совершенно очевидно принадлежали они женщинам. По поводу интерпретации женщин, погребенных с музыкальными инструментами, высказывались разные мнения. Их считают либо жрицами (Смирнов, 1968; Могильников, 1997.

С. 90; Уманский, 1999. С 210; Уманский, Шульга, 1999. С. 63; Шульга, 1999. С. 186; Кирюшин, Фролов, 2000. С. 44 и др.), либо музыкантшами, а возможно и танцовщицами (не исключено, что плененными) (Руденко, 1953. С. 143; Кузнецова, 1994. С. 86; 1995. С. 126). Зеркала-погремушки считаются также импостами или военной добычей (Марсадолов, 1996. С. 72).

Вполне вероятно, что евразийские номады, обитавшие в VI–IV вв. до н.э. на просторах Евразийского степного пояса, имели специально обученных исполнительниц музыки и танцев, которые попали к ним с востока. Однако, вряд ли такое определение справедливо в отношении женщины-воительницы из VIII Мечетсайского кургана. Здесь уместно вспомнить, что смычковый струнный инструмент принадлежал мужчине. Считается, что игра на нем имела ритуальное значение. Произведения изобразительного искусства Шумера и Передней Азии свидетельствуют, что на арфах, типа найденных в Башадарском и Пазырыкском курганах, играли профессиональные музыканты, виртуозы (Farmer, 1939. P. 2). Наличие щипковых инструментов у скифов подтверждает уникальная золотая пластина – украшение головного убора из кургана близ с. Сахновка Черкасской обл. (Рис. 4). Тот факт, что с инструментом изображен мужчина, свидетельствует, что музыка у скифов не была привилегией или обязанностью женщин, скорее наоборот. Кстати, широко известные и популярные в Элладе музыканты, которые уже на профессиональном уровне давали концерты, пели, сами аккомпанируя себе на кифаре (Скржинская, 2003. С. 222).

Исходя из сказанного выше, можно предположить, что присутствие струнного инструмента в могиле женщины-воительницы может свидетельствовать о том, что в игре на струнных инструментах проявилось стремление амазонок и в этом искусстве быть равными с мужчинами.

К числу популярных инструментов, бытовавших в среде номадов раннего железного века, относятся духовые. В скифской среде их представляют ***флейты*** (общее название для серии инструментов из группы деревянных духовых). Чаще это продольные флейты с пятью – шестью округлыми пальцевыми отверстиями (Бычков, 2000. С. 42). К типу продольной флейты принадлежат свирель и дудочка. Бытовали и двойные свирели состоявшие из двух однотипных стволов-дудок длиной 29–47 см (большая), 22–35 см (меньшая). В Евразии встречается много вариантов так называемой народной флейты, но в основном все они сводятся к наиболее распространенному типа с тремя или четырьмя голосовыми отверстиями (Арбатский, 1956. С. 36).

В описании утвари могилы двух вооруженных женщин VIII Мечетсайского кургана сказано следующее: «У восточной стенки могилы ... между мелом и колчаном найдены мелкие косточки, в том числе трубчатые, кажется, птичьи» (Смирнов, 1975. С. 143). На плане погребального сооружения эти обломки костей расположены посередине между музыкальным зеркалом и струнным инструментом (домрой) (Рис. 2, *II-3*). Косточки лежат почти параллельно и как будто состоят из трех обломков каждая (Смирнов, 1975. Рис. 53). К большому сожалению, исследователи не обратили особого внимания на эти предметы (нет их описания и размеров). Однако, рискну предположить, что они представляют собой остатки свирели или флейты, не исключено, двойной. Учитывая место в захоронении (между двумя другими инструментами), а также количество и характер этих костей, такое предположение кажется вполне логичным.

В связи с находками духовых инструментов следует вспомнить погребальный комплекс вооруженной женщины из кургана №4 у с. Червонное Нижнегорского района (степной Крым). Взрослую женщину погребли во впускной могиле. Поскольку могильное пятно удалось проследить только на высоте 0,20 м от уровня дна могилы, судить о типе погребального сооружения сложно. Судя по чертежу, сохранилась лишь камера могилы катакомбного (?) типа (рис. 5). Овальная в плане камера, ориентированная по линии запад – восток, размерами 2,5 ×1,6 м. Женщина лежала в центре могилы на спине, головой на восток. Необычна поза покойницы – руки отведены в стороны, ноги распались ромбом (не исключено, что

это результат гибели на поле брани). В набор сопровождающего инвентаря вошли: копье и дротик с железными наконечниками, напутственная мясная пища (часть туши лошади), железный нож, красноглиняная амфора типа Солоха - 1А, небольшая краснофигурная ойнохоя с отбитыми в древности венчиком и ручкой. Кроме того, слева за головой женщины лежали деревянное веретено со свинцовым пряслицем и фрагмент флейты. Флейта сделана из прямой птичьей кости с хорошо заполированной поверхностью (Рис. 6, 1). Один (?) ее конец обломан. Сохранившаяся длина флейты около 8,5 см, диаметр – 0,5–0,6 см. У одного ее конца сохранилось округлое пальцевое отверстие. Поверхность инструмента украшена гравированным орнаментом из четырех косых крестов (Вдовиченко, 2006. С. 42-44).

Этот скифский курган находится практически на пограничье с Боспорским царством, поэтому судить о том, собственно скифский ли этот инструмент, или позаимствованный у соседей, сложно.

В Скифии использовали и иную разновидность флейты – изогнутую. Такой духовой инструмент известен по находке обломка с одним сохранившимся отверстием из Неаполя Скифского (Рис. 6, 2). Предмет напоминает античные флейты-авлосы (Высотская, 1979. С. 127). Пользовались ли амазонки изогнутыми флейтами говорить сложно – пока такими данными мы не располагаем. Думается, обычно флейты и свирели вырезали из дерева – материала более легкого в обработке, но менее крепкого и долговечного. А сделанные из кости эти инструменты просто «затерялись» или «растворились» среди останков погребенных. Во всяком случае, в погребениях амазонок сохранились только костяные экземпляры, причем в сильно поврежденном виде. Костяные флейты сохранилась до настоящего времени на Балканском полуострове в Албании, Болгарии, Греции, Македонии и Сербии. К примеру, горцы албанского племени Шала используют костяные флейты при погребении, как символ воскресения из мертвых, и при танцах, сопровождающих культ фаллоса (Арбатский, 1956. С. 33). Подобного вида длинные флейты с шестью округлыми пальцевыми отверстиями и поныне бытуют на территории Турции (Рис. 6, *3*).

Рассмотренные погребальные комплексы амазонок хронологически близки. Дата VIII Мечетсайского кургана определяется в рамках IV в. до н.э. (Смирнов, 1975. С. 142). Круг аналогий находкам из погребения кургана 4 у с. Червонное позволяет датировать его началом IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 97–98. Табл. 68, 1,4; Вдовиченко, 2006. С. 43).

Приведенные выше материалы показывают, что амазонки – представительницы кочевых племен широкого степного пояса Евразии эпохи раннего железа были знакомы с музыкальным искусством. Они пользовались инструментами различной сложности, требовавшими соответствующих исполнительских навыков и мастерства. При этом ударные и духовые инструменты, благодаря небольшим размерам, могли быть всегда под рукой. Как заметил Мартиан Капелла, на флейте амазонки играли во время военных занятий. Для этого же могли использовать и шумящие зеркала, задавая ритм во время тренировок. В то же время, все три разновидности инструментов – ударные (музыкальные зеркала), духовые (флейты) и струнные (домра) могли использоваться и на досуге, и во время определенных ритуальных действий.

Музицировать на столь разных по конструкции инструментах, требующих специальных занятий и высокого исполнительского мастерства, могла, очевидно, не каждая амазонка. Подтверждением такого заключения может служить ситуация в Мечетсайском кургане, где весь набор инструментов лежал при младшей воительнице. Данные, которыми мы располагаем, не позволяют говорить о четких приоритетах в выборе инструментов амазонками. Не приходится судить и о каких-либо предпочтениях, ограничениях или запретах использования определенного типа инструментов в зависимости от половой принадлежности кочевников. Лишь в отношении ударных инструментов можно заключить, что амазонки задавали ритм шумящими зеркалами, в то время как мужчины делали это с помощью барабанов. В игре на остальных инструментах амазонки, очевидно, старались не уступать мужчинам. На-

бор обнаруженных в погребениях амазонок инструментов относительно не велик по разнообразию и численности. В то же время он свидетельствует о достаточно высоком уровне развития музыкального искусства женщин-воительниц, как и номадов раннего железного века в целом.

Литература

Арбатский Ю. Этюды по истории русской музыки. Нью-Йорк, 1956.

Афонасин Е.В. Античная музыка. Предисловие и библиография // ΣΧΟΛΗ. 2012. № 6/1.

Баркова Л.Л., Завитухина М.П. Скифо-сакский период // Древняя Сибирь. Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири. VII век до н.э. – XIII век н.э.». Эрмитаж. Ленинград, 1976.

Басилов В.Н. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент? // СЭ. № 4. 1991.

Бычков В. Н. Музыкальные инструменты. М., 2000.

Вдовиченко И.И. Амазонка из Степного Крыма // Историческое наследие Крыма. № 14. 2006.

Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Памятники скифского времени (VI–III вв. до н.э.) на территории Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (11). 2002.

Кузнецова Т.М. Восточные музыкальные зеркала // Петербургский археологический вестник. № 7. 1994.

Кузнецова Т.М. Три восточных зеркала // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Т. V. Ч. 2. Барнаул, 1995.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Т. I. М., 1992.

Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н. э. М., 1997.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва – Саратов, 2003.

Олейник О.Г. Возвращаясь к пазырыкской арфе // ЭО. № 6. 1995.

Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина. Макробий Феодосий и Марциан Капелла. Серия «Интеллектуальная история в текстах и исследованиях). СПб., 2004.

Руденко С.И. Башадарские курганы // КСИИМК. Вып. XLV. 1952.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

Скржинская М.В. Древнегреческие праздники в Северном Причерноморье // Сучасні проблеми археології. Кїев, 2003.

Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илике. М., 1975.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011.

Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгенофлюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. № 2. Барнаул, 2006.

Уманский А.П. К вопросу о семантике зеркала из Рогозихи // Итоги изучения скифс-

кой эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999.

Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999.

Фиалко Е.Е. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы Степной Скифии. Киев, 1991.

Фиалко Е.Е. Амазонки Причерноморских степей // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Вестник Острожского историко-художественного музея им. И.Н. Крамского. Вып. 1. Воронеж, 2011.

Фіалко О.Є. Музика та музичні інструменти ранніх номадів // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы научной конференции. Харьков, 2012.

Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск, 1999.

Bunker E.C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source. Notes the history of Art. **X/4**. New-York, 1991.

Farmer H.G. Studies in Oriental Musical Instruments. T. II. Glasgow, 1939.

Fialko E. Amazons' burials in the lands of Steppe Scythia // Mousaios, XIV. The Necropolises and the Environment (1st mill. BC). Buzru-Brrila, 2009.

Grebe S. Gedanken zur Datierung von «de Nuptiis Philologiae et Mercurii» des Martianus Capella // Hermes. 2000. Bd. 128. H. 3. S.

11. з. 7377

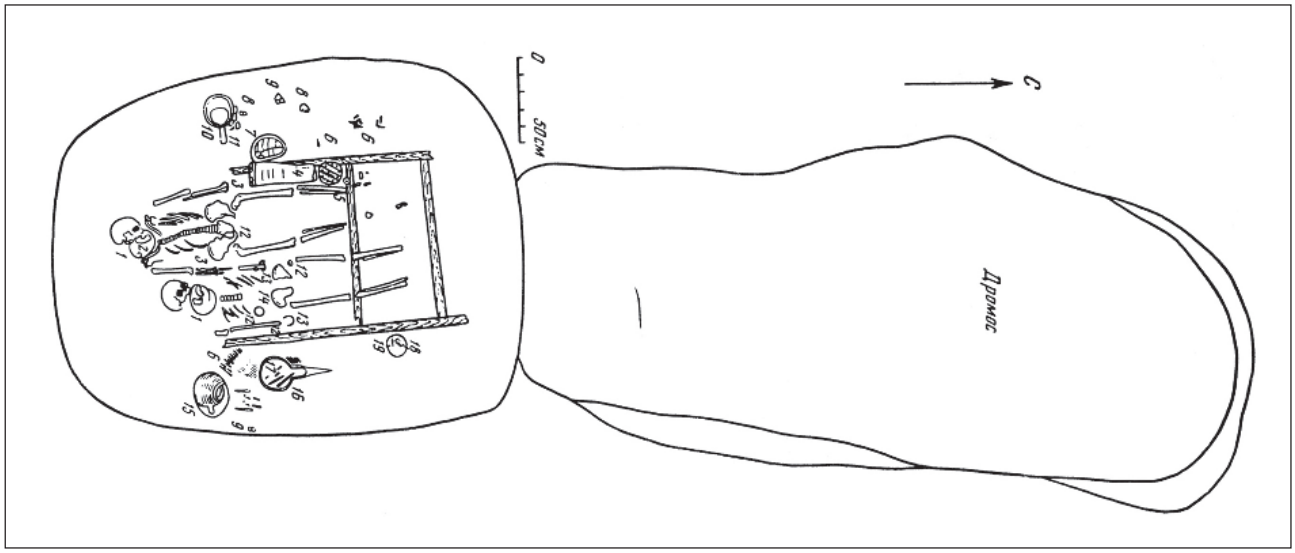

Рис. 1. VIII Мечетсайский курган. План погребения № 5.

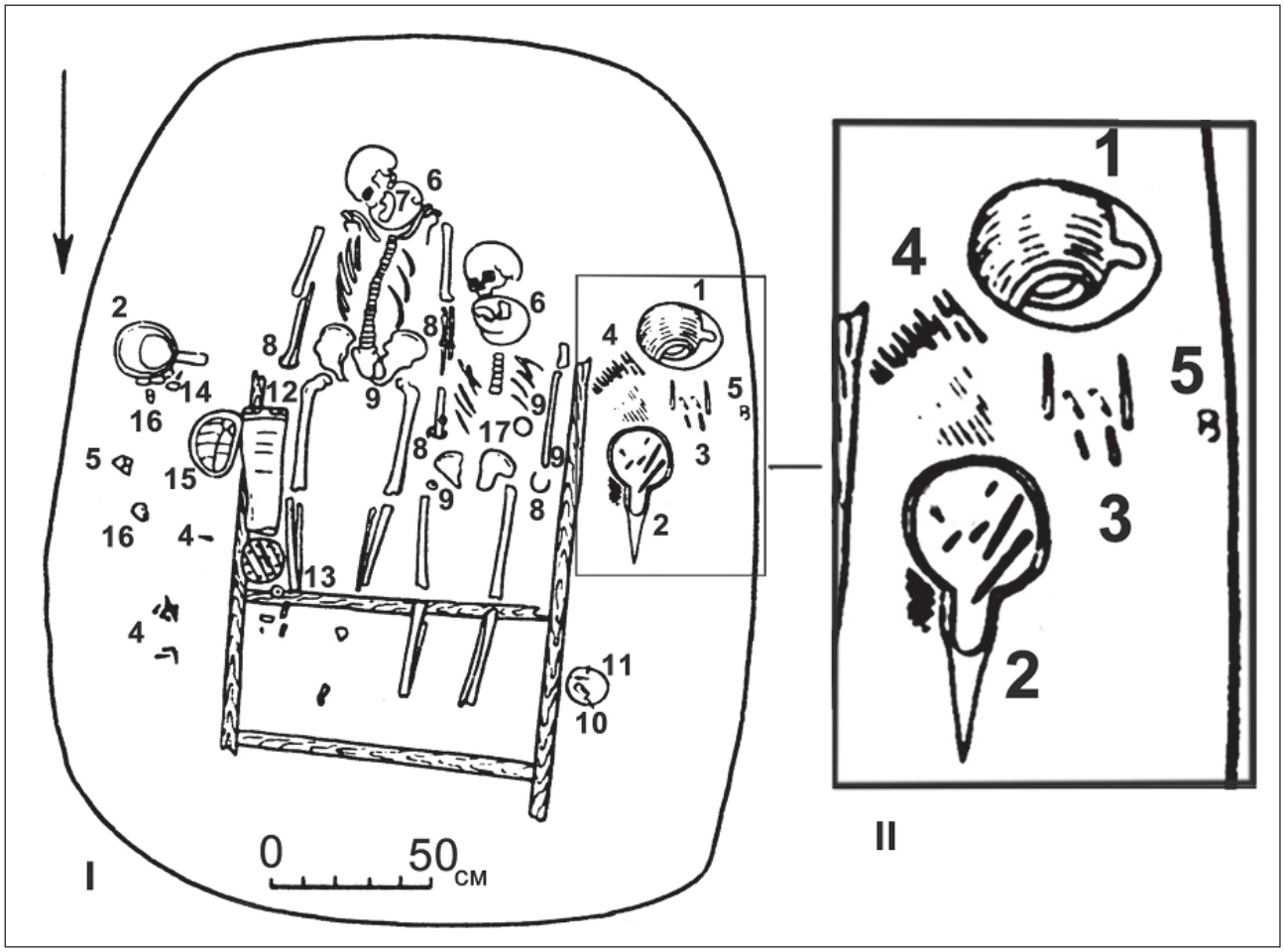

Рис. 2. Погребение № 5 VIII Мечетсайского кургана. План погребальной камеры (I) и выноска (II) с расположением музыкальных инструментов: 1 – домра; 2 – зеркало; 3 – фрагменты флейты; 4 – стрелы; 5 – кусочки мела; 6 – гривны; 7 – серьги; 8 – браслеты; 9 – бусины; 10 – поделка из стенки сосуда; 11 – шильце; 12 – колчан; 13 – пряслице; 14 – деревянный штырек; 15 – панцирь черепахи; 16 – раковины; 17 – пряжка.

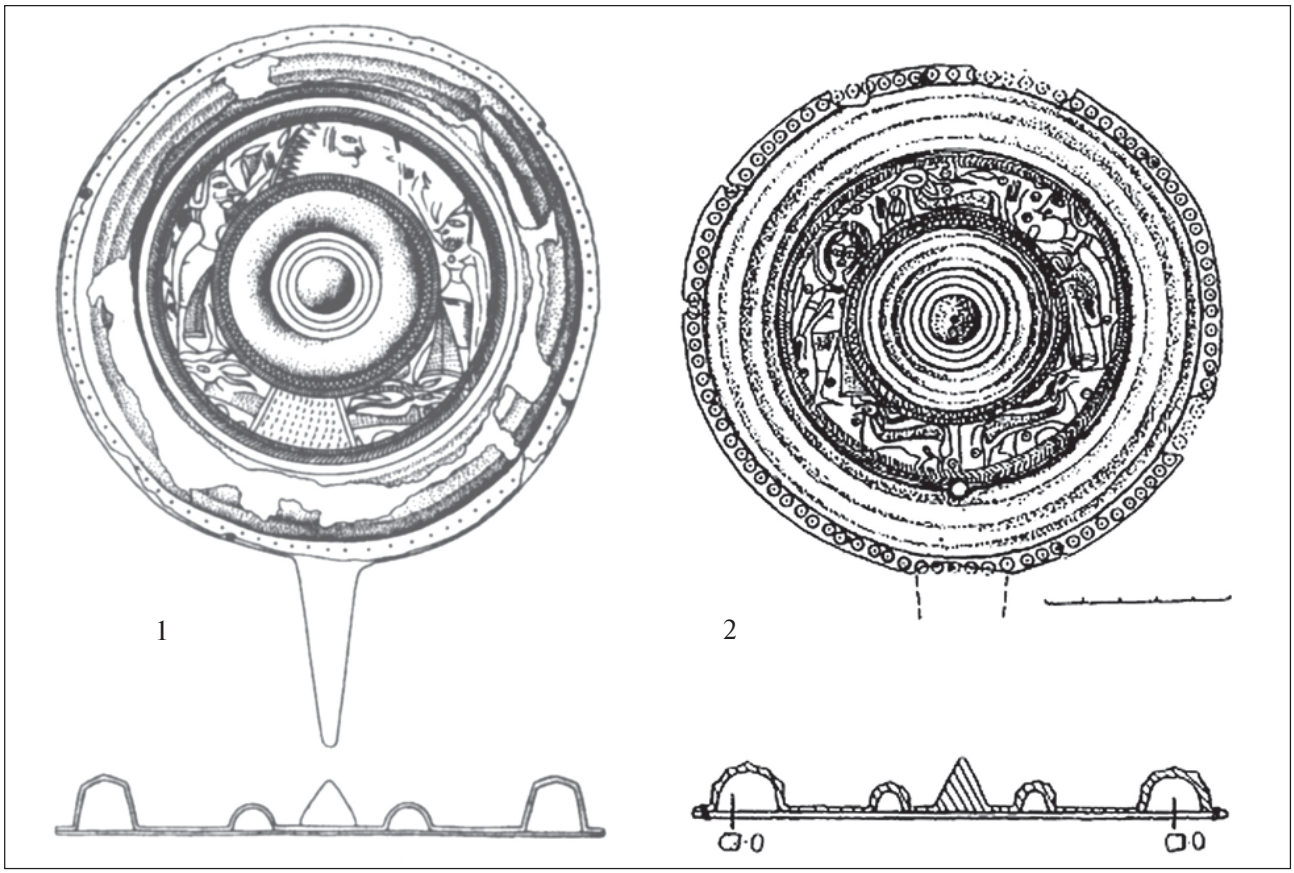

Рис. 3. Музыкальные зеркала: 1 – VIII Мечетсайский курган; 2 – могильник Локоть 4.

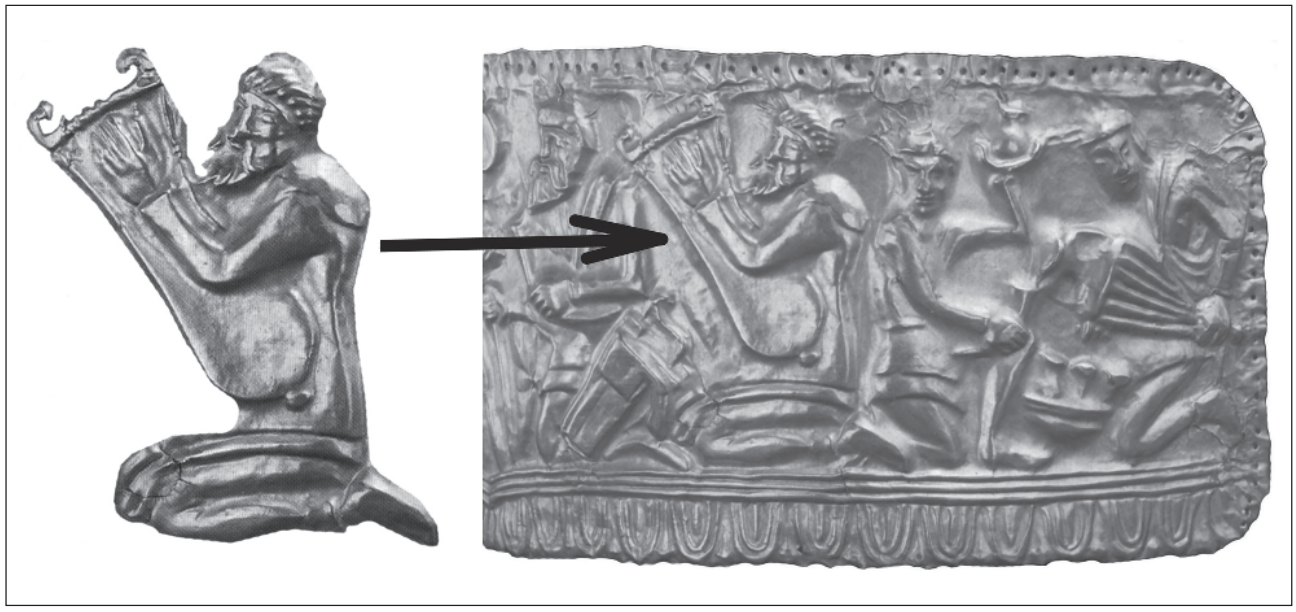

Рис. 4. Изображение музыканта на золотой пластине из кургана у с. Сахновка.

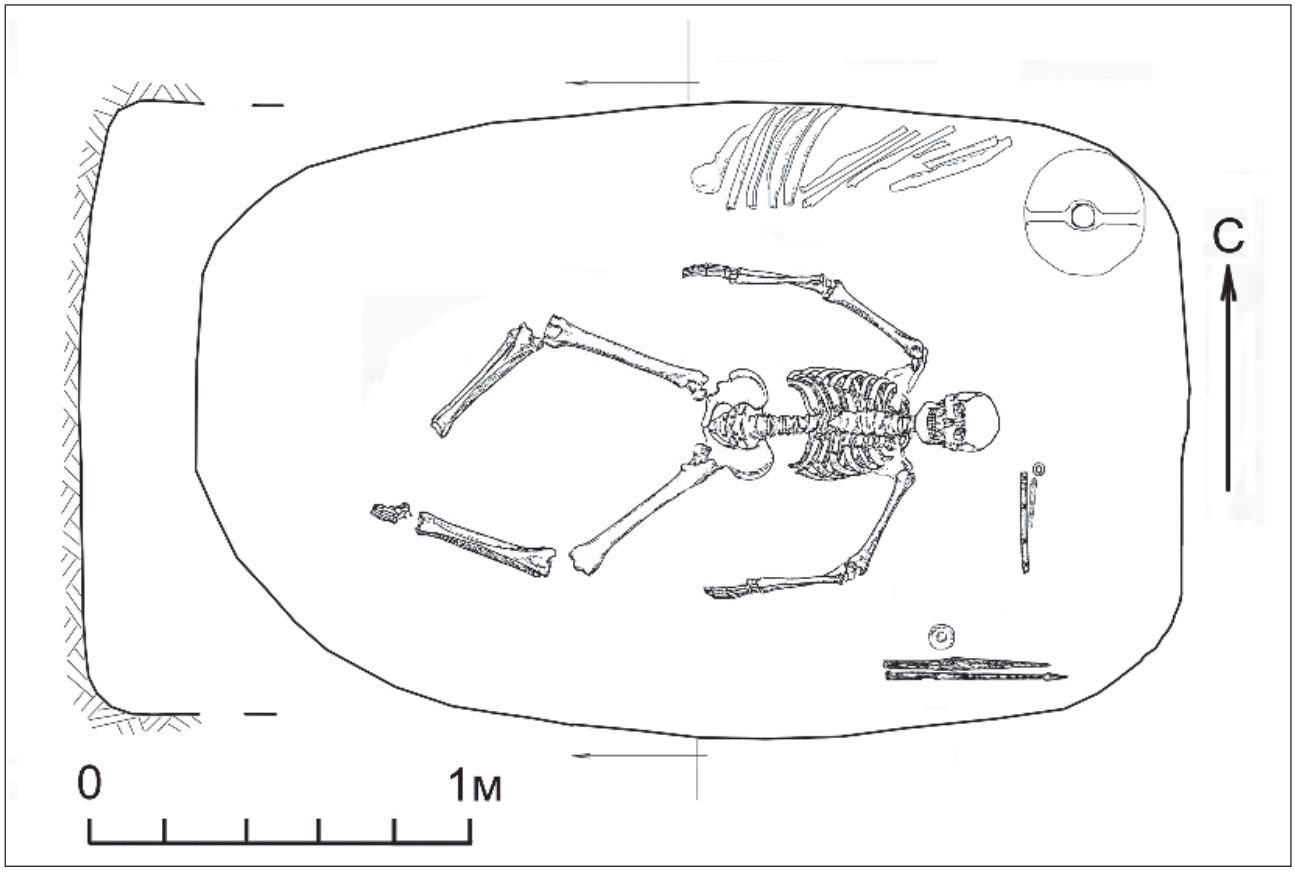

Рис. 5. Кургана 4 у с. Червонное. План погребальной камеры (по Вдовиченко, 2006).

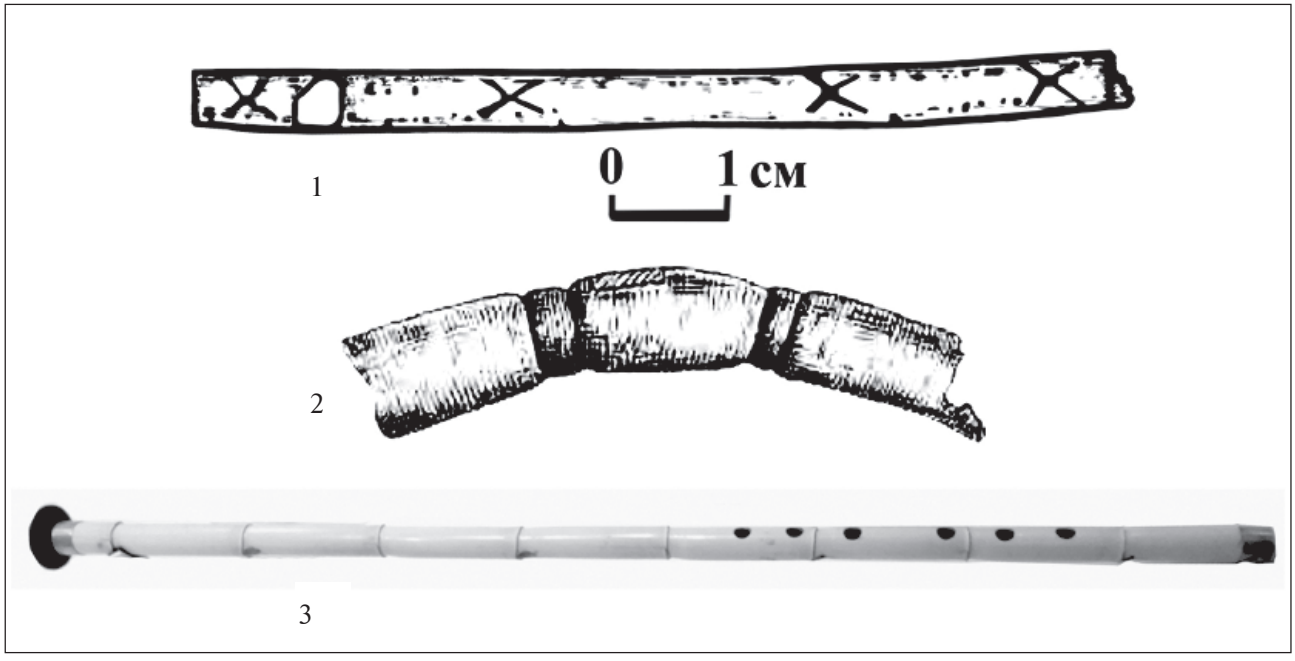

Рис. 6. Костяные флейты: 1 – кургана 4 у с. Червонное (по Вдовиченко, 2006); 2 – Неаполь Скифский (по Высотская, 1979); 3 – Турция, коллекция Музея археологии и истории г. Ле-Манн, Франция (фото автора).

ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2012 г. А.Г. Шпилев
Курский государственный областной музей археологии, Курск

Целью данной работы является введение в научный оборот найденных на территории Курской области[1] зооморфных украшений скифского времени. Все украшения являются случайными находками[2] и делятся на две группы – подвески и накладки.

Подвески

Подвески отлиты в двухсторонних формах и изображают коней со вздыбленными гривами. Петли расположены в районе холки.

Жадинское городище (Кореневский район). Небольшой вещевой клад, состоящий из бронзовых украшений и слитков. В состав клада входило 6 коней-подвесок (Рис.1, 2, *1-2*), конусовидная подвеска с выпуклыми двойными валиками вдоль нижнего и верхнего краёв и двойными спиралями по бокам (Рис. 2,*3*), а так же три слитка (Рис. 2,*4-6*). Кони изображены с прямыми спинами, передние ноги слитно, две задних расположены под углом друг к другу, обозначая движение.

Раскопки А.Е. Алиховой в 1962 г. и О.Н. Мельниковской в 1968 г. показали, что городище однослойное, все материалы относятся к юхновской культуре (Кашкин, 1998. С. 223–224).

Рыльский район. Фигура коня с волнообразно изогнутой спиной. Ноги наложены на туловище, передняя нога переходит в петлю (Рис. 3, *1*).

Курская область. Фигура коня с зубчатой кромкой гривы. В отличие от предыдущих подвесок его голова расширятся к нижнему краю, приобретая подтреугольную форму (Рис. 3,*2*).

Похожая подвеска (Рис. 2, *7*) в 2003 г. была найдена Г.В. Бородиным во время проведения археологической разведки на городище у д. Моисеево Дмитриевского района (Бородин, 2004. С.103. Рис. 11,*3*).

Единственная известная автору подвеска-конёк (Рис. 2,*8*) с надёжной хронологической привязкой к археологическому слою происходит из материалов раскопок Е.А. Шмидта городища Новые Батеки (Смоленская обл., Россия). Описывая найденные украшения, исследователь сообщает: «В слое Б, в юго-восточном углу раскопа, была найдена плоская бронзовая, зооморфная, литая подвеска-конек. С обеих сторон она имеет совершенно одинаковый вид В месте перехода туловища в шею, с верхней стороны, есть ушко для подвешивания. Аналогий нашему коньку в древностях Восточной Европы мы не знаем» (Шмидт, 1963. С.166. Рис.12,*15а-б*). Время существования слоя Б определено Е.А. Шмидтом рубежом II – I вв. до н.э. (Шмидт, 1963. С.175).

Накладки

Беловский район. Предположительно, окрестности с.Гочево.

Фигура лежащей пантеры с приподнятой задней частью и повёрнутой налево головой. На задней стороне полукруглая петля для крепления накладки (Рис. 3,*3*).

Городище Красный Курган (Хомутовский район).

Накладка в виде стоящего зверя (медведя?) с опущенной головой (Рис. 3,*4*).

Городище обследовалось А.Е. Алиховой в 1955 г. и П.Г. Гайдуковым в 1979 г. Было выявлено наличие двух культурно-хронологических слоев – юхновского и роменского (Кашкин. 2000. С. 164).

---

[1] За помощь при работе над статьей автор благодарит К.В. Короткова и Д.А. Акулова.

[2] Места находок указаны со слов находчиков.

Литература

Бородин Г.В. Работы Курского разведочного отряда // Археологические открытия 2003 года. М., 2004.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Часть 1. М., 1998.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Часть 2. М., 2000.

Шмидт Е.А. Городище у д. Новые Батеки // Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины. М.-Л., 1963.

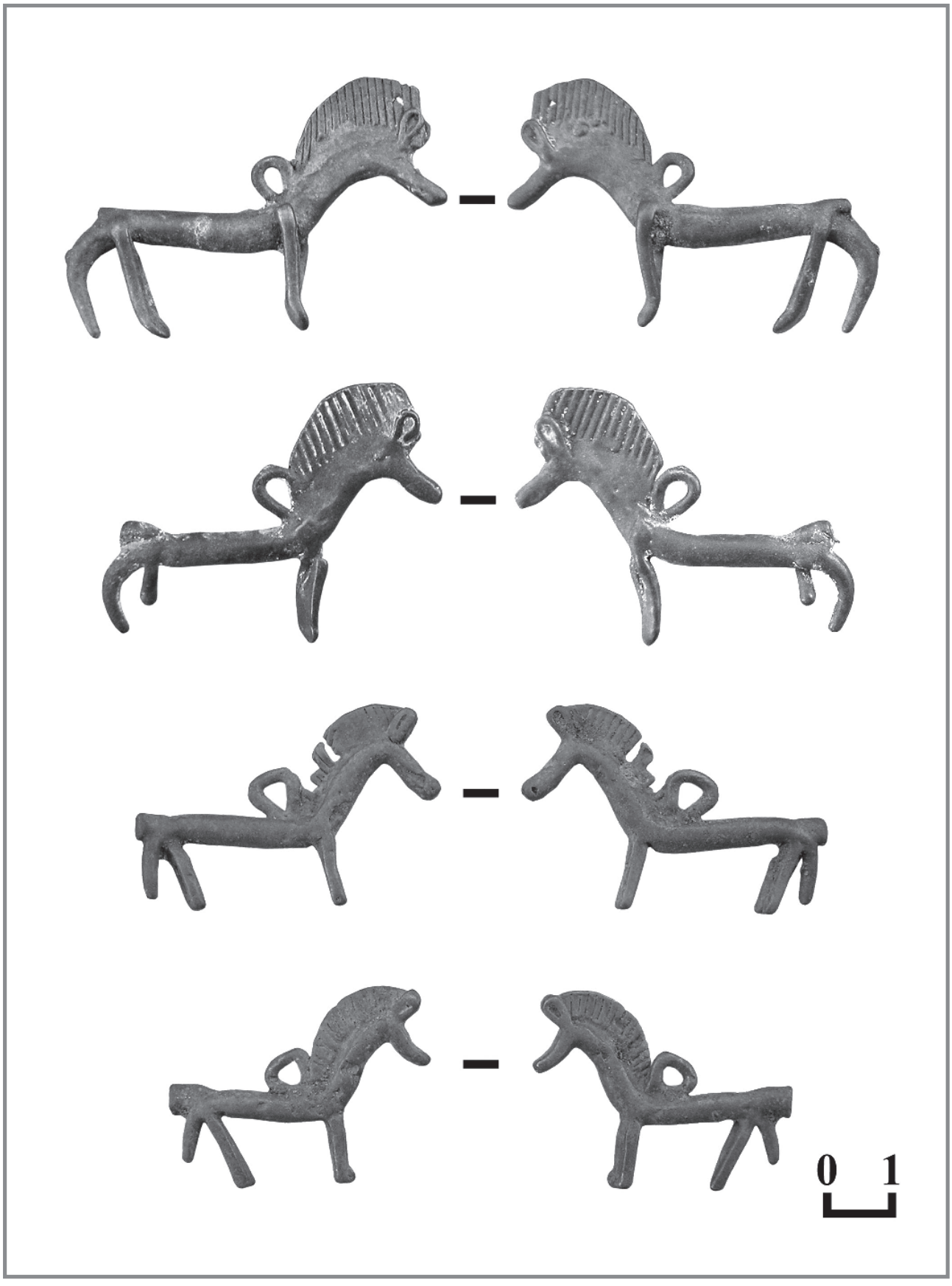

Рис.1 Кони-подвески. Жидеевское городище (Кореневский район).

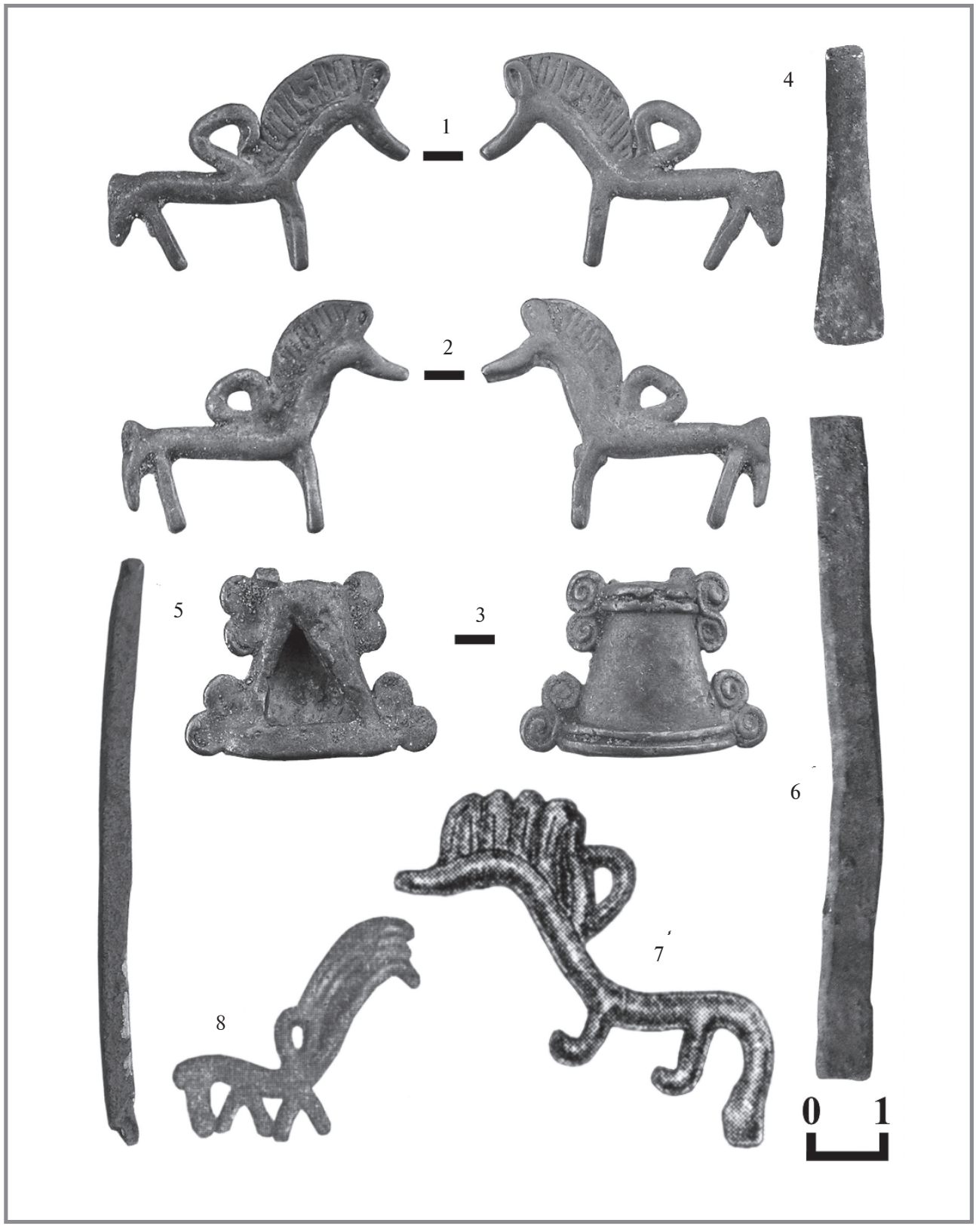

Рис. 2 1, 2 – Кони-подвески. Жидеевское городище (Кореневский район); 3 – Конусовидная подвеска. Жидеевское городище; 4, 5, 6 – Слитки. Жидеевское городище; 7 – Конёк-подвеска. Моисеевское городище (Дмитриевский район). Разведка Г.В. Бородина; 8 – Конёк-подвеска. Городище Новые Батеки (Смоленская обл., Россия). Раскопки Е.А. Шмидта.

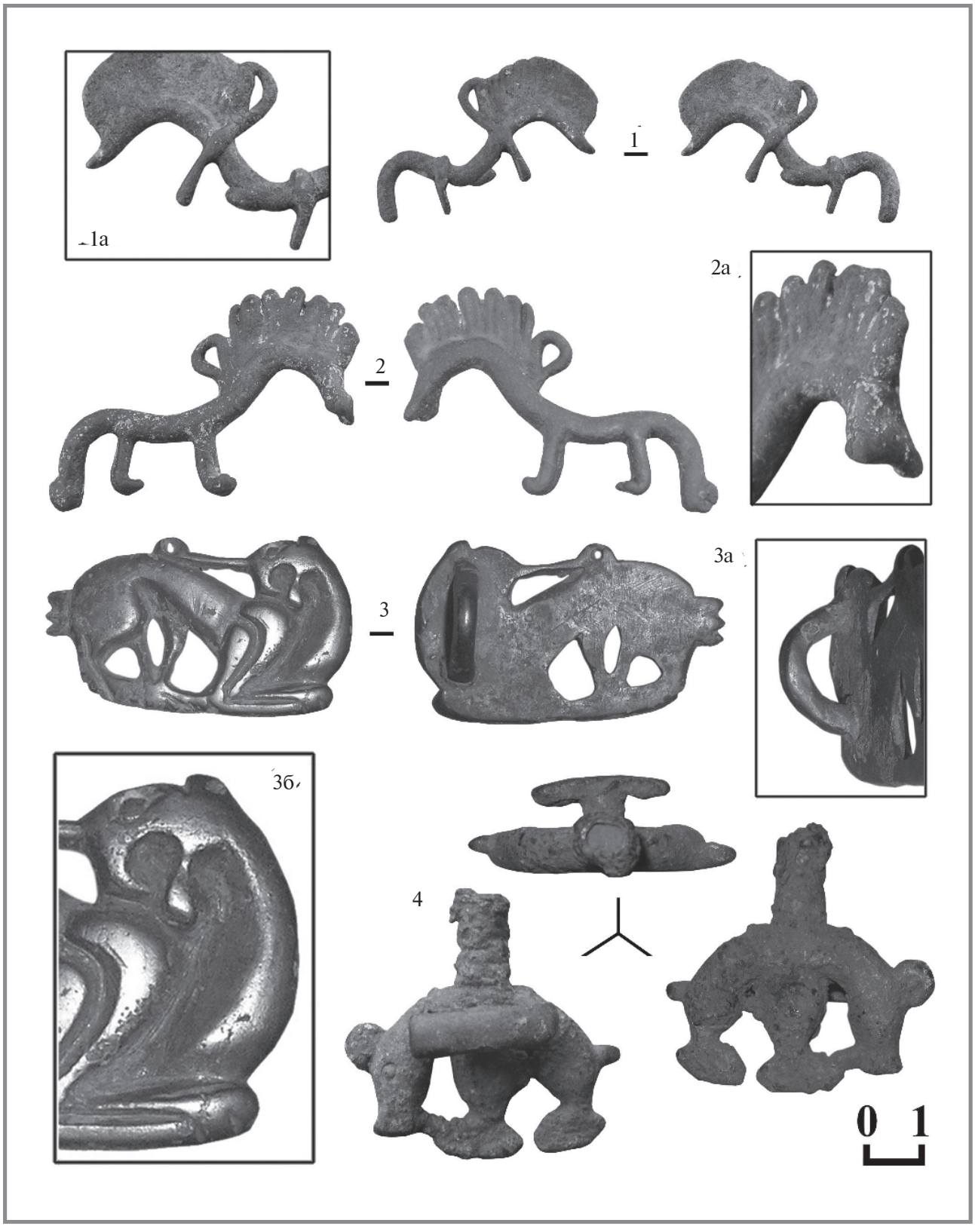

Рис. 3 1 – Конёк-подвеска. Рыльский район; 2 – Конёк-подвеска. Курская область; 3 – Пантера-накладка. Беловский район; 4 – Накладка в виде медведя (?). Городище Красный Курган (Хомутовский район).

СКИФСКИЙ ТАРГИТАЙ
И ЕГО ЛУВИЙСКО-ГРЕКО-ФРАКИЙСКИЙ И ЭТРУССКИЙ КОНТЕКСТЫ

© 2009 г. Н.П. Писаревский
Воронежский государственный университет, Воронеж

В самом начале своего рассказа о Скифии Геродот среди других сообщений об их происхождении приводит миф о Таргитае – первопредке и ту версию этногонического мифа скифов, которая сохраняла свою устойчивость среди понтийских эллинов.

Он пишет: «По рассказам скифов, народ их – моложе всех.[1] А произошёл он таким образом. Первым жителем этой ещё необитаемой земли был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая ... были Зевс и дочь реки Борисфена...Таков был Таргитай, а у него было трое сыновей...»(IV, 5). «Эллины же,– продолжает «отец истории», – ...передают иначе. **Геракл, гоня *быков* Гериона прибыл в эту тогда ещё необитаемую страну (**теперь её занимают скифы (IV, 8)....[2] Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, **а в это время его *упряжные кони*** (он отпустил их пастись) (sic!!!) чудесным образом исчезли.(IV, 8). Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и наконец прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашёл существо смешанной породы – полудеву, полузмею...(IV, 9).

Продолжение этой истории можно изложить конспективно. Геракл возвращает лошадей через любовную связь с женщиной-змеёй. Между ними происходит разговор, в котором, что особенно важно, последняя испрашивает волю героя относительно дальнейшей судьбы будущего от него потомства: отправлять ли трёх рождённых ею сыновей к нему (т.е. в ахейскую Грецию – Н.П.) или оставить проживать в земле, владычицей которой она является. И так же примечательно, что отвечает Геракл местной богине: «...Того, кто не выполнит моих указаний (натянуть лук и опоясаться поясом – Н.П.) ***отошли на чужбину...***» (***...***ἔκπεμπε ἐκ τῆς χώρης (IV, 9)[3].

А теперь посмотрим, кто должен был отбыть за пределы нескифской по терминологии Геродота страны? Ответ, приводимый им, вполне однозначен. Лук смог натянуть только Скиф, а поскольку это было так, то *его братья Агафирс и Гелон должны были стать мигрантами. Возникает вопрос: в какую сторону?*

К этим свидетельствам для полного представления относительно природы скифских мифов, зафиксированных в труде Геродота, необходимо прибавить его рассказ о скифских обычаях, который он начинает со знакомства своих слушателей с пантеоном скифских божеств. «Скифы, – указывает историк, – почитают только следующих богов. ***Прежде всего* – Гестию,** затем **Зевса и Гею** (Гея у них считается супругой Зевса): после них – **Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса**. ***Этих богов признают все скифы***, а так называемые *царские скифы (сколоты-паралаты* (IV, 59) -Н.П.) приносят жертвы ещё и **Посейдону**. На скифском языке Гестия называется **Табити (Ταβιτί),** Зевс (и, по – моему совершенно правильно, **Папай (Παπαῖος),** Гея – **Апи(Ἀπί)**, Аполлон-**Гойтосир (Οἰτόσυρος)**, Афродита Небесная-**Аргимпаса (Ἀργίμπασα)**, Посейдон – **Тагимасад (Θαγιμασάδας)**...(IV, 59).

Эта легенда привлекла внимание очень давно. Во всяком случае, к ней обращались крупные отечественные дореволюционные лингвисты и историки античности. Уже В.Ф. Миллер сопоставил название скифского бога Таргитая с именем царицы меотов (и.-а. maitai) Тиргатао, интерпретируя его как tira taos/tavos («острый мощью») (Абаев, 1982. С. 516). Такого же мнения придерживался и М.И. Ростовцев (Ростовцев, 1918). В советское время вопрос

---

[1] Несколько ниже Геродот пишет: «...Они (скифы - Н.П.) думают, что со времени первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет...» (IV,7).

[2] Данный грамматический оборот неоднократно повторяется «отцом истории». Например, IV, 8: «Геракл прибыл в так называемую теперь страну скифов» (ἐ[γῆν ταύτην ἐοῦσαν ἐρήμην, ἥντινα νῦν Σκύται νέμονται).

[3] В известном смысле, как нам представляется, данная сюжетная линия находит аналоги в большинстве индоевропейских мифологий, в частности, смыкаясь с рассказом Ригведы об отселении части арийских племён на Запад после поражения от Судаса в т.н. битве 10 царей (РВ VII,18; 33; 83,4-8). См : Schmidt H.P. Notes on Rgveda VII, 18, 5-10 // Indica. 1980. Vol. 17. P. 41-47.

о необходимости лингвистического анализа имени Таргитая поставил С.А. Жебелёв (Жебелёв, 1953. С. 32). В конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века имевшуюся трактовку имени Таргитай подкорректировал В.И Абаев. Со ссылкой на Фасмера он первоначально видел в скифском названии бога присутствие двух иран. прилагательных – «darga («длинный, долгий») и tava («сильный»), что в совокупности передавало понятие «долгомощный» (Абаев, 1949. С. 185). Найдя такую этимологию неудовлетворительной, позднее он попытался связать имя Таргитая с реалиями скифского языка V в. до н.э. Это привело его к заключению, согласно которому оно должно было отображать имя предшественника Таргитая осетинского бога Тары в форме Tarvitav/Tar-vi-tao (Абаев, 1992. С. 122). Но, пожалуй, в скифском контексте, в особенности в отечественной археологии, тема скифского Геракла впервые была поставлена Б.Н. Граковым. Коррелируя археологические факты с лингвистическими выводами В.И. Абаева (о среднеиранстве скифов), он увидел в Таргитае скифское подобие греческого Геракла, и как было принято в те годы, связал такую аберрацию с переосмыслением эллинами и Геродотом скифской генеалогической легенды в целом. Учёный полагал, что в фигуре скифского Геракла могли объединиться черты создателя мирового порядка, родоначальника и героя-победителя чудовищ (Граков , 1950. С. 17).

Несколько позже в связи с накоплением данных лингвистики в общеиндоевропейском контексте изучение проблемы было продолжено в трудах Ж. Дюмезиля. Он обратил внимание на троичный характер священных атрибутов скифов у Геродота и потому полагал возможным развивать представление, согласно которому их количество должно было соответствовать количеству сыновей Геракла-Таргитая. Иными словами, как считал учёный, несмотря на то, что названия скифских родов в передаче Геродота были искажены, три их родоначальника – сыновья Таргитая – достаточно чётко представлены в качестве эпонимов-основателей трёх, происходящих от единого предка, племён – авхатов, паралатов, катиаров и траспиев / агафирсов, гелонов и скифов. Отметим, что Ж. Дюмезиль одним из первых обратил внимание на общий источник их происхождения, хотя и не развил данное наблюдение дальше (Дюмезиль, 1989).

В отечественной скифологической литературе исследованием данной проблемы начиная с 60-х гг., занимался Э.А. Грантовский. Учёный многопланово изучал историю ранней Персии, включая вопросы этногенеза, направлений и векторов миграций иранских племён, а также отражённые в памятниках языка и иконографии идеологические представления населения Иранского нагорья (Грантовский Э.А., 1960. С. 10-11; Грантовский Э.А., 1970. С. 356; Грантовский, Раевский, 1984. С. 49). Это и обусловило комплексный характер его аргументации относительно трактовки образа скифского Геракла-Таргитая. На основе сопоставления этимологий названий скифских родов у Геродота, мифологической сущности образов родоначальников (Агафирса, Гелона и Скифа) и характера сопоставимых с ними атрибутов он убедительно обосновал этногенетические легенды о происхождении скифов, с одной стороны, в качестве отображения космологического обоснования сложения троичной сословно-кастовой структуры, а с другой – способа моделирования макрокосмической структуры в индоиранской традиции, предвосхищавшей структуру содержания аналогичного скифского мифа.

Несколько отличную с точки зрения социальной истории скифов оценку версиям их этногонических легенд дал в своём обобщающем труде А.М. Хазанов (Хазанов, 1975. С. 36-54). По его мнению, та из них, которая связана с Таргитаем «неонородна и разновременна». Наиболее древними её частями, как заключал исследователь, являются, с одной стороны, миф о первопредке, с другой – предание о священных дарах как символах общественного устройства, восходящее ко временам иранского единства (так у А.М. Хазанова-Н.П.) (Там же). Окончательное оформление легенды, по мнению А.М Хазанова, произошло после создания скифского царства под главенством царских скифов, в среде которых Таргитай и рассматривался в качестве такового (Там же. С. 54). Структура легенды, как полагал учёный,

в стадиальном отношении отражает две разные ступени развития эпоса: древнейшую, и времени создания Скифского царства (Там же). Самой ранней из трёх версий скифского этногенеза ему представлялась версия Диодора о характере образования первичного скифского объединения (Там же. С. 55, 118).

Наконец, проблеме интерпретации и исторической реконструкции образа скифского Геракла отводил существенное внимание Д.С. Раевский. Он предпринимал неоднократные попытки его толкования на основе скифской иконографии Таргитая и с привлечением индоиранских параллелей в трактовке имени героя скифской мифологии. Относительно скифской генеалогической легенды вслед за Э.А. Грантовским учёный был убеждён, что скифская генеалогическая легенда может расцениваться как типичный образец архаических космологических текстов, включающий мотивы священного брака небесного бога с богиней земли и вод, рождения центрального персонажа, выступающего в качестве родоначальника племенных эпонимов, иллюстрирующих своим появлением начало разделения общества на отдельные ветви (Раевский, 2006. С. 74). Им же сформулированы, не потерявшие актуальности и в настоящее время, задачи и основные направления в самом структурно-типологическом изучении образа скифского Таргитая-Геракла:

1. необходимость установления подлинного имени персонажа, которое он носил в скифском мифе;

2. изучение функций Таргитая в контексте данных о нём как основоположнике генеалогического древа и эпониме скифов;

3. обращение к древнеиндийской и древнеиранской мифологии как критерию достоверности реконструкции социо-и политогенеза скифов по данным различных версий их генеалогического мифа, отложившегося в античной традиции (Там же. С. 75, 79 и сл.).

В их реализации исследователь, представил классификацию основных версий, с привлечением данных не только Геродота, но и Диодора, Валерия Флакка, Страбона, а также той, которая присутствует в единственном на сегодняшний день (неясного происхождения, локализации и времени) эпиграфическом источнике из корпуса Диттенбергера (IG,XIV, № 12-93. Сткк. 94-97).[4]

В реконструкции генеалогического мифа скифов разных версий Д.С. Раевский гораздо чаще, чем его коллеги, оперирует фактами индоарийской и арио-иранской мифологических традиций и эпической поэзии. В связи с этим необходимо более внимательно рассмотреть результаты, достигнутые этим исследователем в их трактовке.

Начнём с того, что исходной его позицией выступает взгляд о значительной типологической близости Геракла и Таргитая (Там же. С. 75). Последнее он усматривает, в частности, в отмеченном ещё Б.Н. Граковым сходстве подвигов Геракла и его скифского аналога. В первую очередь, это победа над неким хищником из семейства кошек, аналогичная победе греческого героя над Немейским (Киферонским) львом. Затем, это представление двух родственных героев в качестве пастухов, перегонявших стада быков по приказу мифического царя (в греческом мифе-Герион). Тематически примыкает к нему эпизод о любовной связи Геракла со змееногой богиней, аналог которому Д.С. Раевский со ссылкой на автора IV в. Фирмика Матерна и опираясь на заключения В.Ф. Миллера, усматривал в наличии в иранской религии культа мужского божества, которое рассматривалось им как «угоняющее быков» и параллельного последнему женской богини со змеями. Его же он усматривает и в версии понтийской надписи с изложением рассказа о победе Геракла над богом реки Аракса и последовавшем браке героя с дочерью последнего Ехидной. Учёный принимает гипотезу о возможной принадлежности к скифскому этногенетическому мифу из рассказа Страбона (Strabo., XI, 2, 10) прообраза боспорской богини Афродиты Апатуры, прятавшей Геракла

[4] Там же. С. 42. Д.С. Раевский не приводит никакого источниковедческого анализа памятника в отношении его происхождения, языка письма, хронологии и места его изготовления.

в пещере, чтобы тот перебил напавших на неё гигантов поодиночке (Там же. С. 77). Из хода рассуждений учёного следует, что он вполне допускал тождество названия супруги скифского верховного божества Папая эпитету греческой богини (Api = Apatourou medeousa), поскольку приходит к заключению, согласно которому «скифская змееногая богиня, обитающая в пещере, носила, по всей видимости, имя Апи» (Там же. С. 78). Далее, в развитие поиска аналогий относительно победы скифского героя над хтоническим, тесно связанным с водной стихией, чудовищем имярек, и последовавшим после этого присвоением его быков, Д.С. Раевский счёл необходимым обратиться к рассмотрению древнеиндийской мифологии, в сказаниях которой он отобрал мифы о победах Индры над различными демонами и об освобождении в результате этих побед водных потоков и скота. Опору своей догадке учёный обнаружил во взглядах Вяч. Вс. Иванова и В.В. Топорова, продемонстрировавших широкое распространение данного сюжета со всеми его элементами в среде древнейших носителей языков индоевропейской общности (далее ИЕ) (Иванов, Топоров, 1974. С.178; Раевский Д.С., 2006. С. 79). Напомним, что данная аналогия привела учёного к выводу о том, что Таргитай – персонаж космогонического мифа. Рождённый от Папая и Апи, т.е. от брака неба и земли, он, по мнению скифолога, рассматривается в древнейших скифских представлениях в качестве первочеловека. После совершения самых разнообразных подвигов над хтоническими существами Таргитай, как полагал учёный, вступает в брак с собственной матерью (???!!!), т.е. с Землёй и от него рождаются сыновья, становящиеся предками различных ветвей скифского народа. Обратим внимание на очень важную с точки зрения нашего изложения реплику Д.С. Раевского: «Геродот не только упоминает Геракла/Таргитая как героя скифской легенды, – указывает он, – но и называет его среди семи богов скифского пантеона» (Раевский, 2006. С. 79) Из дальнейших рассуждений Д.С. Раевского, однако, следует, что под греческим Гераклом он понимает фигуру исключительно мифологического героя олимпийского пантеона, получившего бессмертие после завершения земной жизни. Более того, на этом основании он полагает возможным не ограничивать функцию данного персонажа ролями первочеловека и героя-культуртрегера. В связи с констатацией данного факта исследователь обращается к скифской иконографии с привлечением материала из общеарийского мифологического арсенала (на сосуде из Гаймановой могилы, ритоне из Карагодеуаш), в которой выделяет устойчивый религиозный символ скифской мифологии и религии – многократное повторение изображений водоплавающих птиц (Там же. С. 80). Связывая их с мифом о создании вселенной и полагаясь на результаты разработок Э. Шредера, Д.С. Раевский находит возможным сопоставить подобный изобразительный сюжет с образом водоплавающей птицы в индоиранских религиях, усматривая, с одной стороны, отображение представлений о верхнем и нижнем мире, а с другой – на его связь с телесным, смертным миром, противопоставляемом миру богов (Там же. С. 81). Из этого он выводит заключение, согласно которому ритуальное назначение скифских сосудов из царских курганов представляет собой мотив, олицетворяющий средний, земной, телесный мир и власть над ним, которую он связывает с образом Таргитая – антитезе божествам верхнего и нижнего миров скифской мифологии – Папаю и Апи и одновременно посреднике между миром богов и миром людей (Там же. С. 82). Конечный вывод исследователя весьма прямолинеен. Исходя из этимологии имени Ταργίταιος как происходящего от авестийского γαεθα («телесный, материальный мир»), он считает возможным рассматривать триаду Папай-Таргитай-Апи в качестве модели трёхчленной, организованной по вертикали вселенной, которая п своей семантике соответствует ведийской мифологии (Там же. С. 83). Далее Д.С. Раевский приводит аргументы в пользу соответствия данной картине в рассмотрении сущности образов сыновей Таргитая/Геракла, занимающих третий уровень мифологической генеалогии. Самым существенным здесь следует назвать отрицание учёным взглядов своих предшественников и современников о связи данного мифологического цикла с периодами и этапами политогенеза скифов и доказательство его сущно-

сти как космогонического мифа (или типичный образец космологических текстов), выражающих скифскую модель мира (Там же. С. 84, 105).

Столь подробного рассмотрения концепция Д.С. Раевского потребовала потому, что, как нам представляется, в ней не все элементы аргументации являются исторически адекватными, а отдельные из них (трактовка содержания версий этногонических легенд скифов, образа Таргитая, поиски ИЕ аналогов и др.) вступают в противоречие с данными археологии, лингвистики и источниковедения. В историографии вопроса на перечисленные моменты в трактовках этого авторитетного учёного-скифолога неоднократно обращали внимание его коллеги, работающие в смежных областях исторического знания.[5] В частности, предлагалась и такая интерпретация, которая связывала корневую основу имени Таргитая с иран. основой taru («юный») или с сущ. tarun/tarna («мальчик, юноша»).

Можно было бы отнести все имеющиеся расхождения на счёт различной меры понимания учёным и его оппонентами информации, отложившейся относительно этногенетического мифа скифов в письменных источниках. Действительно, одни из них обращали внимание на описаниях совокупности явлений, сделанных изнутри (т.е. на данные «скифской версии» и её дериватов), тогда как другие рассматривали по преимуществу внешние описания (свидетельства античных авторов) и, как справедливо заметил В.В. Топоров, не придавали значения тому факту, что внутренняя и внешняя информация по одному и тому же вопросу может быть совершенно различной (Топоров, 1973. С. 108-109).

С такой оценкой трудно не согласиться. Достаточно вспомнить свидетельство Дионисия Галикарнасского, опиравшегося на разные источники, в своём сообщении о трёх этнонимах этрусков – греческом, римском и их собственном (тирсены, туски, расена). Достаточно точно различие в оценках явлений культуры, которые даются автохтонами и иностранцами, определил Ю. Лотман: «для внешнего наблюдателя, не понимающего языка данного населения, – писал он, – всё значимо в равной мере. Не случайно иностранцы фиксируют в своих наблюдениях то, что с внутренней позиции данной культуры просто незаметно» (Лотман, 1973. С.293). Данное замечание нужно учитывать, но, как нам представляется, только отчасти. Потому, что относительно генеалогического мифа скифов в его скифской и эллинской редакциях переданных Геродотом, на наш взгляд, следует учитывать результаты воздействия как иррационального, так и рационального типов эллинского типа мышления на образы, сформировавшиеся в своё время на уровне мифо-поэтического сознания, но интерпретировавшихся позднее как обыденным, так и научным сознанием исключительно в контексте этимологии и словообразования систем родства (Трубачёв, 2004. С. 640). В связи с этим О.Н. Трубачёв акцентировал особое внимание на факте большей древности ИЕ лексики родственных отношений по сравнению с ИЕ языком как таковым (Там же).

Мнение маститого исследователя-лингвиста подсказывает, что анализ содержания этногонического мифа скифов, версии которого отражены в античной традиции в целом (а не только в труде Геродота), должен производиться не в направлении поиска отдельных сходств и аналогий им в мифологии других народов, но прежде всего он должен соответ-

[5] В сопоставлении данных нарративных источников исследователь не принимал во внимание их развитие во времени, а в теоретическом плане не учитывал того, что современное изучение мифа в современной наукуе ведётся в двух взаимосвязанных методологических подходах: с точки зрения кисторизма как факта общественного бытия и как факта исключительно общественного сознания. В силу указанных обстоятельств, как отметила И.В. Шталь, выводы науки в отношении отражения эпической традицией истории противостоят предположениям Д.С. Раевского. См.: Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. Гераномахия. М., 1989. С. 15-16, 21-22; Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 18; Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 52-53; Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979. С.210-215; Хазанов А.М., Шкурко А.И. [Рец. на кн:] Д.С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племён. М., 1977 // СА.1979. № 3. С.312-313; Dumezil G. Apollon sonore et autreis essays. Vingt-cinq esquisses de mythologie. Paris, 1982. P.86-93 и др.

ствовать методу междисциплинарного подхода, на основе которого объектом анализа становится скифское общество и его идеология, а скифская мифология как реликт общих религиозно-мифологических представлений периода греко-арийской общности эпохи бронзы. Именно в таком случае, как нам представляется, появляется шанс по декодированию информации, отложившейся в разнотипных источниках по вопросу об этногенетических представления скифов V в. до н.э.

Определённое направление поиска аналогий скифскому Таргитаю подсказывает, как уже указывалось выше, зафиксированное в осетинском фольклоре Д.С. Раевским присутствие бога Tara, который как персонаж мифологии очень схож с одноимённым этрусским божеством Tarha (Раевский, 1991. С. 384, 447). Этот персонаж этрусской мифологии представлял собой ребёнка с седыми волосами, который появился на белый свет благодаря сохе, с помощью которой он был освобождён из земли. Не по возрасту, он обладал мудростью пророка и был предсказателем. Умер Тарх после того, как обучил этрусков своей науке и предсказал будущее (Немировский, 2001. С. 61).

От данного факта, сославшись на фонетическое сходство двух имён, можно было бы и отмахнуться, если бы не одно важное обстоятельство: идентично не восприятие их на слух, а идентичность корневых основ. А это означает, что ***истоки возникновения и того, и другого следует искать во временах индоевропейского единства и греко-арийской (точнее, арио-греческой или арио-греко-фрако-фригийской) общности, тем более, что в языке этрусков, особенно в последние годы, выявлено множество фракизмов, а происхождение самой эллинской народности связывается с фракийским этносом тевкров.***[6] К этому следует добавить как фракийскую этнонимию Скифского логоса Геродота, отразившуюся в этнонимах племён тиссагетов, массагетов и агатирсов, так и присутствие в труде Гекатея Милетского определения самих скифов в качестве фракийского этноса (Sweeney, Jacobson, 1995).

Исследованиями специалистов выявлено и другое важное обстоятельство, свойственное ранним стадиям религиозных представлений – тождество обозначения божества ономастиконом, отражающим табуирование настоящего имени бога, скрывающимся за его эпитетами. В частности, у древних греков Уран – «Владыка», Кронос – «хитроумный» и «лукавый», Гефест – «многоумный», а Зевс – «премудрый» (Элиаде, 1999. С. 79; Fortson, 2011. P. 56-68). У древних индийцев такими же эпитетами наделялся тождественный греческому Урану Варуна (Элиаде, 1999. С. 79). Так же звучит и имя верховного бога персов Ахура-Мазды – «Премудрый Владыка». В Угарите бог-ремесленник носил эпитет «Умелый и Мудрый». У этрусков имя Тарх означало «Мудрец», а сами они рассматривали себя в качестве сыновьями верховного бога на земле под властью Тархона – лукумона (царя-жреца). Заметим, что имя Tarha – имя хетто-лувийское и было распространено на прародине этрусков в Малой Азии. Более того, полагают, что Тархон и Тагес (другое имеющееся имя – Tarhet) изначально были одним и тем же божественным лицом. Показательно, что он рассматривался этрусками в качестве сына или внука своего верховного божества Тина. Данное наблюдение весьма показательно. Оно указывает на то, что в этом смысле, по всей видимости, и имя скифского Таргитая должно было принадлежать к ономастике указанного порядка. Но ещё более важным являются лувийские истоки Тархона – ветви индоевропейских языков, од-

[6] Гиндин А.Л., Цымбурский В.Л. Троя и «Пра-Аххийява» // ВДИ. 1995. № 3. С. 14-35; Цымбурский В.Л. Фракизмы в ономастике Этрурии // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003. С. 69-85. Особенный интерес представляет убеждённость исследователя в локализации прародины этрусков в приморской Северо-Западной Анатолии и на прилегающих островах, где этруски заимствовали ранних фракийцев (или прафракийцев) имена, восходящие – в характерной фракийской аранжировке – к характернейшим терминам индоевропейского культурного словаря, включая обозначения для «сакрального царя», «жреца-совершателя возлияний», «коня» и «бога-громовержца»(Там же. С. 78); Гиндин А.Л., Цымбурский В.Л. Гомер и Восточное Средиземноморье. М., 1998; Beekes R. S. P. The Origin of the Etruscans. Amsterdam, 2003.

ной из первых ветвей отделившейся от общего ствола индоевропейских языков, а стало быть, уводящей способ образования у них имён богов по меньшей мере в III тыс. до н.э., когда они составляли ещё единую общность.

На такую возможность наводит и исследования в науке эпических преданий древних греков у Гомера. В частности, изучение «Гераномахии», показало помимо широкого распространения данного сказания его удивительную связь с Фракией и Северным Причерноморьем, догреческая топономастика которых включала множество индоарийских названий (Шталь, 1984. С. 73-74). Причём, отдельные из них, как показало изучение надписи, подтвердившей точность Плиния в передаче названия племени катизов (catizos (Plin., N.H., IV, 44; Steph. Byz.: s.v. kavttuza). Более того, Стефан Византийский сохранил название этого племени у карийцев Малой Азии. Он пишет: «Местность откуда движутся журавли, прозывается Раколе. Карийцы называют их туссилами (**toussuvloi**(там же). Но симптоматично не только это. По глубокому убеждению И.В. Шталь, Греко-фракийское предание позволяет выделить в нём черты древнеиндийской стадии мифа и фольклора вообще (Шталь, 1984. С. 73).

Возникает вопрос: где могло происходить общение эллинов, фракийцев, карийцев, как не на территориях близко расположенных друг к другу? Не могли ли это быть, как показывают памятники археологических культур степи и лесостепи Восточной Европы эпохи бронзы, области связанные с проживанием населения либо единой, либо родственных между собой культурных общностей, в особенности с носителями греко-арийской из них? Во всяком случае, имеющиеся трактовки археологических культур III тыс. до н.э., присутствующие в трудах В.А. Сафронова, С.А. Григорьева и Д. Энтони, открывают такую перспективу их интерпретации (Сафронов, Николаева, 1999; Григорьев, 1999; Antony, 2010). К этому следует добавить и наблюдения Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбурского относительно греческого предания о данайцах, которых эти исследователи прочно связывают с гидронимами и этнонимами на –don, -dana и полагают возможным локализовать занимаемую ими территорию от Дона до Дуная, усматривая распространение соответствующей топономастики и в Греции (Танаос, Апидан и др.) в связи с их миграцией на Балканы. Последнее наблюдение весьма важно в двух отношениях. С одной стороны, античная традиция сохранила данные, что до своего переселения в Малую Скифию там проживали эдоняне – фракийское племя, расселившееся по Нижнему Стримону (Thuc., IV, 107, 4), вождём которых был Питтак (Pittakov») с именем производным от греч. Pivtta» («карлик»), и следовательно, как полагает И.В. Шталь пигмеев можно рассматривать в качестве эдонян поскольку борьба пигмеев с журавлями входит в символику Дионисийских мистерий, а само это племя тесно связано с Дионисом – фракийской ипостасью общеиндоевропейского бога Div (Шталь, 1984. С. 83). С другой стороны, как полагает та же исследовательница, миф о пигмеях является собственно античным, но самое важное заключается в том, что за данным мифологическим сказанием весьма отчётливо просматривается цикл мифов о Геракле и пигмеях-свойственниках Антея (Там же. С. 84). Тот факт, что эдонян относят к данайцам, т.е. к племенам, расселявшимся до переселения в Грецию между Доном и Дунаем (Гиндин, Цымбурский, 1995. С. 24-35), помогает понять мысль, высказанную в своё время М.И. Артамоновым, полагавшим, что в условиях архаичности и слабой дифференцированности богов скифского пантеона их Геракла следует рассматривать в качестве двойника Папая (Артамонов, 1961. С.57-87).

В самое последнее время наблюдение маститого отечественного археолога прошлых лет, в особенности, относительно архаичности религиозных представлений (добавим и эпических сказаний) скифов, нашло подтверждение в констатации факта, согласно которому в духовной культуре скифов очень многое сохранилось от времени греко-арийского единства, что отображено в разнообразных археологических и языковых артефактах, свидетельствующих о присутствии в ней сильно проявляющегося индоарийского субстрата (Клейн,

2007. С. 147). Работа, проделанная в указанном направлении У. Нанью также имела своим результатом вывод о протоиндоевропейских мотивах перечня скифских божеств (Naniu, 2011. P. 84-88).

Таким образом, к настоящему времени всё больше и больше обрастают соответствующими фактическими данными объяснения этимологии имени и места Таргитая в пантеоне богов, которые можно дифференцировать по двум направлениям – индоиранском/индоарийском и лувийско/этрусском. Начнём с концепций представителей последнего. Не так давно со специальной статьёй о Таргитае выступил К. Деруа, по мнению которого имя Таргитай восходит к имени Tarchetius, которое носил царь Альбы Лонги, и которое в свою очередь примыкает к именам этрусских царей Тарквиниев (Tarquius), передаваемых греческими авторами в последовательности слов с близкими корневыми основами – Tarchetius-Tarchon, Tarchunies, восходящими к малоазийским (лувийским) Tarchu, Tarchumuva, Tarhuwaras, Tarchuyamas и родственных скифскому Targitaios и даже славянскому Тарху Тарховичу (Derroux,2008. P.44, note 166). Более того, автор полагает, что гентиляций Tarchna происходит от имени предка Tarchon (греч. Tarchetius), от которого и вел свой отсчёт род Tarchunies/Tarquinies (Ibid. P. 66).

Значение приводимых фактов заключается в том, что они открывают возможность соединения религиозных представлений этрусков, скифов, древних греков, индийцев и персов в единый комплекс, отдельные элементы которого, развиваясь впоследствии в разных традициях сепаратно, обнаруживают между собой удивительную близость. В частности, носитель имени Tarchon/Tarcunie»/Tarcunu» засвидетельствованный в надписях этрусков (ETVc VII, 33; Cl., I. 1060) в мифологической традиции греков рассматривался в качестве сына или брата Телефа/Тиррена (Lycophr., 1246 f(Hoffman, 1974. S. 419). Но его же, как полагает Н. Томсон де Грюмон, можно сопоставить с именем лувийского демона Tarhu/Tarhun. Кроме того, Страбон считал Тархуна/Таркона основателем 12 городов в Тирении (Strab.,V, 2, 2). Наряду с этим имеются свидетельства о противоборстве молодого Тархона с троянцем Энеем в пору прибытия последнего в Италию, располагающий соответствующими параллелями в индоевропейской мифологии (Sweeney,2009. P. 94, 256). Наконец, о связи Тархона с Тагесом свидетельствуют данные о перенятии им прорицательского дара гаруспика (т.е. принадлежности к роду жрецов- Н.П.) составлении священной книги этрусков – Disciplina Etrusca (Thomson de Grumond, 2006. P. 34). Самое же важное заключается в том, что этрусский бог Тин (Tinia, Tina, Tin), выступавший владыкой неба, объяснялся в этрусском языке как «Отец» (Apa) и считался родственным верховному владыке, супругами которого выступали Thetis и Thesan (греч. Эос, инд. Ушас), рассматривавшиеся в качестве великих богинь (Ibid. P. 53). Данное сообщение нельзя не заметить, поскольку оно находит аналогию не только в имени скифского Папая (фрак.-фриг.-лик. Papas(Абаев, 1960. С. 445-450), но и в названиях индоарийских божеств Trita Aptya и Apam Napat, входящих в круг индоевропейского бога *Trit- (авест. Qrita, Qraetaona, др.-греч. Trivtwn, слав. Третьяк(Иванов, Топоров, 1988. Т. 1. С.530-531). К этому следует добавить и возможность соответствия эрусского ара исходному образу как этрусского Тина, так и индоарийского Дьяуса, когда, в частности, последний пользовался автономией божества, статус которого отложился в Ригведе в виде пара dyavaprithivi (Элиаде, 1999. С. 79).

Противоположного порядка аналоги можно встретить и в корреляциях корневой основы Tag-, находящей близость в др.-греч ta(h)mia/tamia (владыка, правитель), в армян. Tohm (с тем же значением) и в Авест. taohman (повелитель(Ginoux, 1972. P.65, 97), а следовательно, усиливающей необходимость объяснения этимологии имени Таргитай из лексикона, восходящего ко временам греко-арийской общности на территории Северного Причерноморья (Kholiohlev Khr., Pillenger R., Harreither R., 1997. P. 82). В пользу данного наблюдения можно сослаться на факты, указывающие на то, что основа tag присутствует в парфянском титуле tge-dr (*tagma-dara), отмечена в греч. tagos (такой титул носили верховные правители

будущих переселенцев из Греции в Италию) и takto». Ещё более показательным выступает это слово в свидетельстве о греческом посольстве к туркам в 568 г., в котором его глава определялся титулом tagma; tarcao (Baily, 2009. P. 98).

Таким образом, даже нескольких приведённых примеров, как нам представляется, достаточно, чтобы составить представление о значительно большей чем до сих пор принято было считать, древности Таргитая, восходящей к историческому периоду, когда лувийцы, прагреки, праиндоиранцы являлись членами единой индоевропейской общности. В пользу такого предположения свидетельствуют не только множество греко-индоарийских религиозных, эпических и культовых параллелей, но и само сходство их рудиментов и основных сюжетных линий в разных традициях (например, лик. Papaos; греч. Уран и инд.-ар. Варуна, мотивы борьбы между детьми и отцами с одной стороны, и между детьми верховных богов с другой (Oosten, 1985. P. 5-24); иерофания верховных божеств; Dios Pater = Dyaus pitar и т.д. (Элиаде, 1999. С.87-104; Cohraine,2007. P. 51-63). Причина такого рода совпадений исходит и из стадиальной близости религиозных представлений, разошедшихся после разделения сначала индоевропейской, а затем и греко-арийской общности ветвей её носителей. С учётом данного обстоятельства перечень богов скифского пантеона по Геродоту вполне соответствовал их пантеону у этрусков. Как считает Э. Симон, «в этой категории мы сталкиваемся не с субординацией богов, но с важнейшими явлениями культовой практики... В политеистической религии культы могут блуждать...» (An Pantheon, 2006. P.45).

Подтверждений тому немало в греческой, этрусской, латинской и индоарийской традициях. Так, например, индоарийский Дьяус подвергается «натурспециализации» ведийским Варуной, а Варуна в свою очередь был смещён Парджаньей, победу над которым одержал Индра. Точно также своё место уступает Кроносу Уран, а тот уступает место Зевсу. Сходны также отдельные сюжетные линии: Кронос усекает Урана, а Варуна проявляет своё бессилие в ритуале введения в должность вождей. Дьяус, Зевс и Юпитер выступали архетипами глав патриархальных семейств. И Зевс, и Юпитер олицетворяются жизнью в горах и владением священными деревьями. В частности, Додонский дуб-оракул был посвящён Зевсу, но на ветвях его жили голубки-символы иерофанической сущности божества, мужская и женская ипостаси которого ещё слиты воедино (Небо-Земля), почему он и считался у древних греков самым древнейшим. С другой стороны, сходны и функции «молодых» богов: они не творят жизнь, но содействуют её течению. Особенно контрастным на фоне перечисленных сходств выступает, объясняющее всё, по нашим представлениям, уникальное явление, на которое как-то не обращалось внимания ранее: *группы божеств и демонов присутствуют только у ведических ариев и этрусков!* Немаловажным, как установлено к настоящему времени, следует назвать и то, что пантеон этрусков, отличаясь от греческого как группой божеств, так и совокупностью обоюдополых привидений, находит тесную близость с божествами лувийцев и индоариев(Haynes, 2005. P. 272-275).Она, как можно предположить, проявляется особенно рельефно в тех совпадениях, которые можно выявить в письменных источниках. В первую очередь, Таргитай и Тархон рассматриваются в них в качестве первопредков, первоцарей и устроителей. Во-вторых, мотив плуга у этрусков и скифов занимает важнейшее место, хотя и в разных трактовках. Наконец, в-третьих, корневая основа tag (von Frisk H., 1972. S. 182-183,852), отложившаяся в имени седого божества этрусков присутствует в имени другого, отождествляемого очевидно неправильно с греческим Посейдоном, скифского бога Тагимасада (Littelton, 1973. P. 10,102-105, 159).

Выявление параллелей между скифским Таргитаем, этрусским Тархоном, лувийским Тархунасом, греческим Тархетием, римским Тарквинием, индоарийским Траэтаоной и греческим Тритоном ставит закономерный вопрос: может ли что-либо в указанном отношении сказать лингвистика и её глоттохронология.? К сожалению, ситуация в этой науке такова, что между лингвистами существует столько же расхождений, как и между археологами и историками. Обнадёживают взгляды Дж. П. Мэллори и В. Штейнбауэра, согласно

которым этрусский, лемносский и рэтийский языки принадлежат к анатолийской ветви индоевропейцев, включавшей в свою очередь языковые реликты Северного Кавказа и индоиранцев, дающая возможность их соотнесения с «курганной культурой» эпохи ранней бронзы степи и лесостепи Евразии[7]. Несовпадения, с которыми сталкиваются исследователи в своих попытках приведения к общему знаменателю свидетельств различных мифологических традиций и эпоса, в том числе и в отношении идентификации «личности» скифского Таргитая, закономерны, но это не значит, что разрешение их бесперспективно. Как писал Ф.Ф. Зелинский, «в классическом эпосе рассказ никогда не возвращается к точке своего начала» (Зелинский, 1896. С. 56). Поэтому точной идентификации статуса Таргитая в скифском пантеоне быть не может. Он, по всей видимости, как и его арио-греко-этрусские параллели, по своему происхождению был богом полифункциональным. Но это означает, что дальнейшее развёртывание аргументации (рамки настоящей статьи не позволяют сделать это исчерпывающим образом) относительно генетической природы его статуса и сущности должно учитывать реалии времён греко-арийской общности, в том числе и присутствие в Ригведе этнонимов alinas и turvasa в Ригведе, ахейцев и тирсенов (Ἀχαιῶι, Τυρσενῶι, равно как и Ἰαδε[πόλιες (Herod., I, 142), как обитателей Греции, в античной традиции (Писаревский Н.П., 2012.)[8].

Литература

Абаев В.И. Осетинские этюды. М., 1882. Ч.2.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Ч. 1. М., 1949.

Абаев В.И. Избранные труды. Т. 1. Владикавказ, 1992.

Артамонов М.И. Антропоморфные божества скифов // АСГЭ. Вып. 2. 1961.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Бухарин М.Д. Индийские походы Диониса и Геракла в античной литературной традиции // Индия и античный мир. М., 2002.

Гиндин А.Л., Цымбурский В.Л. «Пра-Аххиява» // ВДИ. № 1. 1995.

Гиндин А.Л., Цымбурский В.Л. Гомер и Восточное Средиземноморье. М., 1998.

Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 1970.

Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху //Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М.,1984.

Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. М..-Л., 1953.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от asva – «конь» (жертвоприношение коня и дерево asvattha в Древней Индии) // Проблемы истории языков и культура народов Индии. М., 1974.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1988.

Клейн Л.С. Миграции и происхождение индоевропейцев. СПб,. 2007.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

[7] Beekes R.S.P., de Vaan M. Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. Amsterdam-Philadelphia, 2011. P. 118; Альтернативную точку зрения см.: Bonfante G., Bonfante L. The Etruscan Language: An Introduction. Manchester, 2002. P. 50 (примечательно однако то, что в языке этрусков великолепно сохранилась топономастика Эпира – области, которую протогреки колонизовали одной из самых первых. См. С. 150, 192 etc.).

[8] Имеется в виду фактическая фиксация Геродотом тождества понятий Iada и Иония (Ἰάδα,Ἰωνία), распространяемое Страбоном и на название Аттики в древности.

Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.

Немировский А.И. Мифы древности. Италия. М., 2001.

Раевский Д.С. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1991.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.,2006.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.

Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту, 1973.

Трубачёв О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2004.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей). М., 1975.

Хазанов А.М., Шкурко А.И. [Рец. на кн:] Д.С. Раевский. Очерки идеологии скифо-саксках племён. М., 1977 // СА. № 3. 1979.

Цымбурский В.Л. Фракизмы в ономастике Этрурии // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003.

Шталь И.В. Эпические предания Древней Греции. Гераномахия. М., 1989.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиеведения. М., 1999.

Bailey H.W. Indo-Scythian Studies: Being Khotanese Texts. Vol. 7.

Beekes R. S. P. The Origin of the Etruscans. Amsterdam, 2003.

Beekes R.S.P., de Vaan M. Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction. Amsterdam-Philadelphia, 2011.

Bonfante G., Bonfante L. The Etruscan Language: An Introduction. Manchester, 2002.

Deroux C. Targitaios – Tarchetius // Studies in Latin literature and Roman History. 2008. Vol. 14. P.44, note 166.

Dumezil G. Apollon sonore et autreis essays. Vingt-cinq esquisses de mythologie. Paris, 1982.

Fortson B.W. Indo-European Language and Culture. Singapore, 2011.

Gignoux Ph. Glossaire des inscri ptions pehlevies.Paris,1972.

Kholiohlev Khr.,Pillenger R., Harreither R. Von der Scythia zur Dobrudza. Bucurest, 1997.

Jacobson E. The Art of Scythians: the interpretation of cultures at the Edge of the Hellenic World. Leiden, 1995.

Naniu U. Mital Eponim al Scitilor intre sursele scrise si reprezentarile iconografice // Analele Universitatii Spiru Haret. Seria Istoric. № 14. 2011.

Sweeney E.J. Gods, heroes and tyrants: Greek Chronology in Chaos. Routledge, 2009.

Tarchon, Tarcunie» (http://referenceworks.brillionline.com/entries/brill-s-new-pauli/tarchon-e1200670).

Thomson de Grumond N. Etruscan Myth, sacred history and legend. Cambridge, 2006.

ПРЕДМЕТЫ ПОЗДНЕСКИФСКО-САРМАТСКОГО ОБЛИКА ИЗ ГОРОДИЩА НОВОТРОИЦКОГО

© 2012 г. В.В. Приймак
Историко-культурный заповедник «Бельск» (Полтавская обл., Украина)

На городище Новотроицком, широко известном как роменский эталонный памятник, встречено несколько предметов финала раннего железного века. И.И. Ляпушкин датировал их временем около рубежа н.э. Это обломок бусины с изображением льва из фиолетовой (лиловой) египетской пасты, стеклянная вставка от перстня с изображением льва и бронзовое фрагментированное зеркало. Последние предметы перечислены без указания квадратов, в которых они найдены, а фрагменты зеркала встречены в кв. 11-В, 10-12-Г, 10-11-Д. В зеркале недостает 1/8 круга, оно имеет диаметр 19,5 см, невысокий плоский бортик по краю шириной 1,86 см, на этой же стороне в центре – две точки – следы припая. Концентрично расположены три циркульных пояса, каждый из которых состоял из двух линий, разделенных расстоянием 2–4 мм. Расстояния между поясами 1,2 см и 2,5 см, кроме бортика. Вторая сторона зеркала совершенно чистая (Ляпушкин, 1958. С. 30-31, 51, 184. Рис. 17, 1). Аналогии зеркалу с центральной петлей (именно так рассматривал это изделие И.И. Ляпушкин) или ручкой (отсутствие части круга зеркала не исключает возможности наличия последней, т.к. известны случаи прикрепления ручек к готовым изделиям) происходят из скифских и позднескифских памятников. В частности, в комплексах курганов Посулья, отдаленных от городища Новотроицкого на расстояние около 50 км, встречены подобные зеркала (Ильинская, 1968. С.151-154. Табл. VIII, 9; X,3; XVII, 3, 18; XXV, 10; XXX, 3; XL, 13; XLV, 1; XLVI, 1; L, 14). Однако от зеркала из Новотроицкого их отличают существенные детали: 1) бортик зеркал был относительно высоким и заостренным; 2) отсутствуют концентрические круги на стороне зеркала, имеющей ручку-петлю; 3) зеркала имеют меньше диаметр, чем у происходящего из Новотроицкого.

Зеркало, по размерам почти полностью соответствующее изделию из Новотроицкого, с концентрическими кругами, подобными имеющимся на последнем, но с отличиями – накладной ручкой, высоким бортиком, также украшенным концентрическими линиями, встречено в могиле № 21 Восточного некрополя Неаполя Скифского. Некоторые исследователи полагают, что оно греческого производства. Датировка могил некрополя – II–I в. до н.э. – I в. н.э. Мода на крупные зеркала, по данным памятников Крымской Скифии, в первую очередь Усть-Альминского некрополя, появляется в середине – третьей четверти I в.н.э. (Пуздровский, 2007. С. 30, 75, 153, 304. Рис. 31,4).

«Помещение в могилу зеркал, а также их преднамеренная поломка преимущественно отражают влияние сарматского погребального обряда» (Пуздровский, 2007. С. 58). Это наблюдение, а также расположение находок фрагментов зеркала на городище Новотроицком в 6 квадратах у рва свидетельствует не об использовании обломков в качестве сырья, а скорее о разрушении какого-то объекта, возможно погребения, в процессе сооружения рва и стены или жилища № 7. Не исключено, что мелкие предметы, распространенные в разных частях городища, могли повторно использоваться. Возможно, они были найдены при разрушении погребения.

Аналогии изображению льва на обломке плакетки-пронизи из Новотроицкого отыскались в склепе № 104 (ярусы 1–2) Битакского могильника. Склепы этого некрополя с несколькими ярусами погребений датируются I в. до н.э. – I в. н.э. В склепе № 104 находилось 24 погребения, в одном из них – № 104/4 – найден гончарный флакон конца I в. до н.э. – начала II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С. 31, 34, 308, 438. Рис. 35, I, 6; 164, 5).

Такая же фаянсовая плакетка, но с отличающимися деталями в позе льва, происходит из могилы № 606 Усть-Альмы. На основании комплекса находок, в частности, бронзовых зеркал (их на данном памятнике несколько), могила датируется I–II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С. 417. Рис. 143, 26). Наиболее близкие изделия из египетского фаянса происходят из Побужья – поселений Носовцы и Рахны (раскоп 6). Античные аналогии датируются I–II вв. н.э. (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С.29, 179, 198. Рис.14, 12; 33, 8).

Таким образом, хронология двух из трех предметов, перечисленных И.И.Ляпушкиным, частично совпадает, она приходится на I в.н.э.

Стеклянная вставка от перстня с изображением льва из Новотроицкого напоминает аналогичные изделия на литиках-скарабеоидах скифского времени (Островерхов, 2005. С. 15. Рис. 1, 5, 6). Они присутствуют и в древностях Крымской Скифии, однако аналогичные сюжеты там отсутствуют. Преобладают изображения орла, тамги, а также мужские и женские (возможно, мифологические) и др. (Пуздровский, 2007. С. 149, 383. Рис. 109, 17-23).

Помимо этих бесспорно неславянских вещей, с городища происходят предметы, которые имеют некоторое сходство с вещами первых веков н.э. Одним из таких изделий является штамп, найденный в квадрате Щ-11. Исследователь городища затруднялся отнести его к какому-либо периоду. Это бронзовое изделие диаметром около 2,5 см, по его краю проходит рантик, разделенный насечками, центральная часть имеет форму полушария диаметром около 0,5 см, окруженного полушариками более мелких размеров. Аналогия происходит из собрания Б.И. и В.Н.Ханенко. Вещи из последнего, как известно, сложно датируются в силу своего происхождения (Ляпушкин, 1958. С. 30-31. Рис. 17, 3). Однако в древностях Крымской Скифии бляшек, изготовленных с помощью подобных штампов, достаточно много. Среди комплексов с подобными находками – из Усть-Альминского могильника. В склепе № 775/1, который датируется серединой – третьей четвертью I ст.н.э., встречены золотые штампованные бляшки, немного отличающиеся диаметром и рисунком от штампа с Новотроицкого (Пуздровский, 2007. С. 389, 441. Рис. 115, 7). Другие бляшки также достаточно подобны к последнему, однако, как правило, они имеют лишь полушарие в центре. Средневековые бляшки, в частности из комплексов Новотроицкого, в отличие от скифо-сарматского времени, в основном были литыми, зачастую снабженные штифтами для крепления. В склепе 520/10 Усть-Альмы найдена матрица (Пуздровский, 2007. С. 180, 423. Рис.149, 3), имеющая сходные со штампом из Новотроицкого элементы (рантики или мелкие полушарики по внешнему краю и вокруг возвышенной центральной части). В склепе имелось множество погребений, отдельные из них датируются I-II вв. (520/42, 520/40, 520/15), другие - II – III вв. (520/18, 520/17), а некоторые имеют узкую дату – последняя четверть I – начало II в. н.э. (520/37, 520/35, 520/27-28) (Пуздровский, 2007. С. 296-297, 301, 389. Рис. 115, 7). Но, как и в других отмеченных выше случаях, хронология комплексов хотя бы частично укладывается в рамки I в.н.э., заходя при этом во II в.

На прилегающем с запада к квадрату Щ-11 участке, откуда происходит штамп, описанный выше, расположено жилище № 25 (кв.Ц-Ч-12-13). Из заполнения этого жилища происходит подковообразная фибула. В тексте монографии И.И.Ляпушкина не указано, какими были ее концы. Судя по фотографии, можно предполагать наличие на них спиралей (трубочек) (Ляпушкин, 1958. С. 98, 100. Рис. 65, 3). Возможна и интерпретация фибулы как имеющей слегка расширенные концы, как на подковообразной фибуле из Петровского могильника в Ярославском Поволжье. Фибула с расширенными (как бы обрубленными, подчеркивала автор исследования) концами, датированная первой половиной X в. на основании кургана № 118 Петровского могильника (Фехнер, 1963. С. 79, 81, 83. Рис. 46, 20), со временем получила более позднюю датировку – второй половиной X ст., опираясь на материалы кургана № 295 Тимеревского могильника. Изменилась и трактовка происхождения этих фибул. Поначалу они считались финнскими, затем – скандинавскими (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 78-79).

До сих пор находка подковообразной фибулы из Новотроицкого считается самой ранней для роменской культуры. Датировка жилища № 25 Новотроицкого затруднена, но вряд ли она приходится на время до первой половины X в. Хронология подковообразных фибул по материалам роменских древностей Подесенья укладывается в пределы X в. (Григорьев, 2000. С. 39, 41. Рис. 13, 11-12). На период около середины X в. приходится существование жилища № 29 Монастырька, из заполнения которого происходит железная подковооб-

разная фибула со спиральными концами (Максимов, Петрашенко, 1988. С.29-30. Рис. 23, 4). Примерное время гибели памятника, по мнению В.А.Петрашенко, приходится на середину X в. (Максимов, Петрашенко, 1988. С.92-93, 103). Об этом свидетельствует близость керамического комплекса жилищ со следами пожара – № 1 селища, №№ 1, 6 Западного городища, №№ 2, 26, 29 Восточного городища Монастырька. Однако в материалах памятников Крымской Скифии тоже имеются подковообразные фибулы, в том числе со спиральными концами. Их именуют сюльгамами, а первыми называют изделия совершенно другого облика. В частности, сюльгамы происходят из Беляусского некрополя и кургана у городища Керменкыр. Суммарная дата погребений последнего – II–I вв. до н.э. Из склепа 90 Беляусского могильника происходит фибула-брошь с изображением всадника, датирующаяся концом II – первой половиной I вв. до н.э. (Пуздровский, 2007. С. 16, 21,71, 82, 90, 287, 291, 324. Рис.14, I, 9; 14, II, 6; 18, I, 51, 7). Подобные сюльгамы были широко распространены в среде населения зарубинецкой культуры, сарматских древностях, например, погребении № 8 могильника у с.Холмское (вторая половина II – первая половина III вв. н.э. (Гудкова, Фокеев, 1984. С.10-13, 32. Рис.4, 17). Для уточнения датировки подковообразной фибулы из жилища № 25 необходимо ее повторное изучение специалистами.

Подводя итоги рассмотрения материалов из Новотроицкого позднескифско-сарматского облика, следует вспомнить о наличии рядом двух поселений, а также курганных могильников (Ляпушкин, 1958. С. 9-14. Рис.1,б; Ляпушкин, 1961. С. 93. Рис.35). Можно допустить, что мыс, на котором в то время никто не проживал, мог использоваться для каких-то культовых действий или для захоронения.

Рассмотрение артефактов позднескифско-сарматского времени с территории Днепровского лесостепного Левобережья позволит лучше представить место находок из Новотроицкого. Предметы из египетского фаянса встречаются на территории Днепровского Левобережья в составе памятников разных культур. Плакетка в виде льва из египетского фаянса происходит из бассейна Ворсклы, с позднезарубинецкого могильника у с. Мокрая Орловка Борисовского района Белгородской области России (Обломский, 1991. С.203). В материалах раскопок Д.Я.Самоквасова 1891 г., хранящихся в ГИМ, имеются вещи из впускного погребения в кургане у д. Воробьевка (верхнее течение Псла) с горшком юхновской культуры, на которое обратил в свое время внимание Б.А.Шрамко (Кашкин, Приймак, 2012. С.66). Помимо горшка юхновской культуры, в погребении были найдены белая пастовая бусина и зеленый фаянсовый египетский скарабей (Шрамко, 1958. Л. 8). Последние в большом количестве известны в могильниках Крымской Скифии. Два таких изделия происходит из могилы № 513 Усть-Альмы, в которой встречена пружинная фибула-брошь со «смычковым» игольным аппаратом, с оттиснутым изображением на щитке, последней четверти I – начала II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С.161, 513. Рис. 143, 16-25; 196, 1). В могилах Усть-Альмы встречается, в качестве датирующего материала в период от конца I в.до н.э. по III в.н.э., краснолаковая посуда (Пуздровский, 2007. С. 436-464. Рис. 162-190). Два пряслица из такой посуды встречены на городище у д. Шуклинка, они датированы I в. н.э. (Ляпушкин, 1961. С.48).

Памятники, с которых происходят юхновские материалы, на Левобережье немногочисленны. Помимо воробьевского погребения в верховьях Псла, это поселение Великие Будки в верхнем течении Сулы (Горюнова, Родинкова, 1999. С.207-209, 213-216. Рис. 43-45). Оторванное от основного массива памятников типа Грини селища Рябовка и Вовки, с которого происходит бляшка, связываемая с древностями первых веков нашей эры (Приймак, 2010. С. 79-82) также следует рассматривать в свете проникновения населения лесной полосы, в первую очередь юхновской культуры, на территорию Днепровского Левобережья, а также сарматского присутствия на Левобережье Днепра. Памятники типа Грини распространены на сопредельных с юхновскими памятниками территориях в конце I–II или начале III вв. (узкая дата этих памятников – вторая половина II в.) (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 42).

Следы сарматского проникновения на Левобережье фиксируются со II – I вв. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 1999. С.140). Согласно точке зрения ряда исследователей (М.Б.Щукин, А.М.Обломский), в середине или последней трети I в. н.э. сарматы проникли на Правобережье Днепра, что привело к кризису зарубинецкой культуры. Наиболее ярким является комплекс из Павловки (бассейн нижней Ворсклы), датирующийся концом I – первой половиной II в.н.э. Эту дату подтвердил на материалах склепа № 844 Усть-Альминского могильника А.Е.Пуздровский, при этом подчеркнув: «Наиболее близки (если не идентичны) альминскому экземпляры из Павловки» (2007. С.178. Рис.154, 1). Следует отметить, что крымские аналогии для сарматского времени лесостепи Днепровского Левобережья уже отмечались (Пуздровский, 1988. С.32; Кулатова, 1990. С. 144-145. Рис. 17,2). В Роменском краеведческом музее (теперь – историко-культурный заповедник «Посулье») хранится горшок (А № 992), наиболее сходный орнаментальными мотивами с сосудом из склепа 1979 г., датирующегося I в. до н.э., Битакского могильника (Пуздровский, 2007, с. 31, 305, рис. 32, 3). Его форма достаточно стандартна, на территории Левобережья имеется еще 2 таких сосуда – из Кагамлыка (Днепровская террасовая лесостепь) и Лубен (басссейн Сулы). Часть погребений Климовского могильника (бассейн Ворсклы) тоже являются сарматскими, как и бляшка из Вовков (бассейн Псла, округа Бельского городища) (Приймак, 2004. С. 287. Рис.3, Б); Приймак, 2010. С.80). Лубенское погребение – наиболее яркое из отражающих межэтнические контакты в бассейне Сулы. В Посулье встречены и другие материалы, указывающие на более сложный характер взаимоотношений разных групп населения, чем в бассейнах Псла и Ворсклы. Так, например, материалы из бронзолитейной мастерской Глинска и фибула типа «Авцисса» связываются с зарубинецкими древностями (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005. С.25-30. Рис. 19,1; 21). Фибулы типа «Авцисса» являются предметами римского импорта в Центральную и Восточную Европу из европейской части Римской империи. Их дата – последние два десятилетия I в. до н.э. – начало II в. н.э. (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 26). В Крыму они, хотя и встречаются в начале I в. н.э., но в позднескифских могильниках имеют узкую дату от середины до третьей четверти этого столетия (Усть-Альма, склепы №№ 620/1, 450/5, 88) (Пуздровский, 2007. С. 86-87, 174, 468. Рис. 194, 5, 6). Как и плакетка из египетского фаянса, фибула данного типа встречена в Рахнах (в распаханном слое могильника) (Позднезарубинецкие памятники, 2010. С. 183. Рис.18, 1). Бляшка из Глинской мастерской напоминает по форме круглые бляшки с выпуклой центральной частью, распространенные в Крымской Скифии. Но и размеры, и форма больше напоминают окончания псалиев умбоновидной формы, бытующие в Крыму во второй четверти – середине II в. н.э. (Пуздровский, 2007. С.381. Рис. 107, III, IV). Эта дата не согласуется с предложенной авторами монографии датой прекращения жизни на Глинском городище – рубежом I в. до н.э. – I в. н.э. (Кулатова, Супруненко, Терпиловський, 2005. С. 27).

На Битицком городище, которое начал исследовать И.И.Ляпушкин, в 1984 г. продолжил раскопки автор, в 1985-1993 гг. значительные работы провели О.В.Сухобоков и С.П.Юренко, также открыты материалы позднескифского и сарматского облика, еще ожидающие публикации. Перечисленные выше отдельные находки и комплексы являются отражением контактов сармат с населением лесостепной и лесной полос территории Левобережья, с одной стороны, и обитателей лесостепи Днепровского Левобережья и Крымской Скифии – с другой. После середины I в. н.э. в Усть-Альме фиксируется появление нового населения – кочевой орды из Центральной и Средней Азии, а в первой половине II в. н.э. в. – смена кочевой аристократии (Пуздровский, 2007. С.199). Судя по обилию крымских аналогий, какое-то отношение к данным событиям имело и позднескифское и сарматское население, обитавшее на Левобережье Днепра. Однако это следует решать на широкой источниковой базе, с привлечением сарматских, позднескифских и позднезарубинецких древностей Днепровского Левобережья.

Литература

Горюнова В.М., Родинкова В.Е. Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) // Stratum plus. № 4. 1999.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале IX века по археологическим данным. Тула, 2000.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н.э. Киев: , 1984.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.

Кашкин А.В., Приймак В.В. Археологические исследования Б.А.Шрамко в бассейне верхнего Псла // Феномен Більського городища: збереження, дослідження та популяризація найбільшої в Європі пам'ятки доби раннього залізного віку. Київ, 20012.

Кулатова И.М., Супруненко А.Б. Памятники времени проникновения сармат в Днепровское лесостепное Левобережье // Полтавський археологічний збірник – 1999 (до 1100-ліття м.Полтави за результатами архологічних досліджень). Полтава, 1999.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства // МИА. № 74. 1958.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами // МИА. № 104. 1961.

Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. Москва – Сумы, 1991.

Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I–III в. н.э.). – М., 2010.

Приймак В.В. Идеи Е.А.Горюнова в свете изучения систем расселения Днепровского Левобережья I тыс.н.э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб, 2004.

Приймак В.В. Проблеми вивчення старожитностей I тис. н.е. Більського мікро регіону (до 70-річчя Є.О.Горюнова) // Пам'ятки археології північно-західного і західного секторів округи Більського городища (I тис. до н.е. – I тис. н.е.). Полтава, 2010.

Пуздровский А.Е. Лепная курильница позднескифского времени из Полтавского краеведческого музея // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Областной научно-практический семинар. ТДС. Полтава, 1988.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.

Фехнер М.В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963.

Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических разведках экспедиции ХГУ на территории Белгородской и Курской обл. в 1958 г. // Архив ИА РАН, фонд Р-1. № 1843.

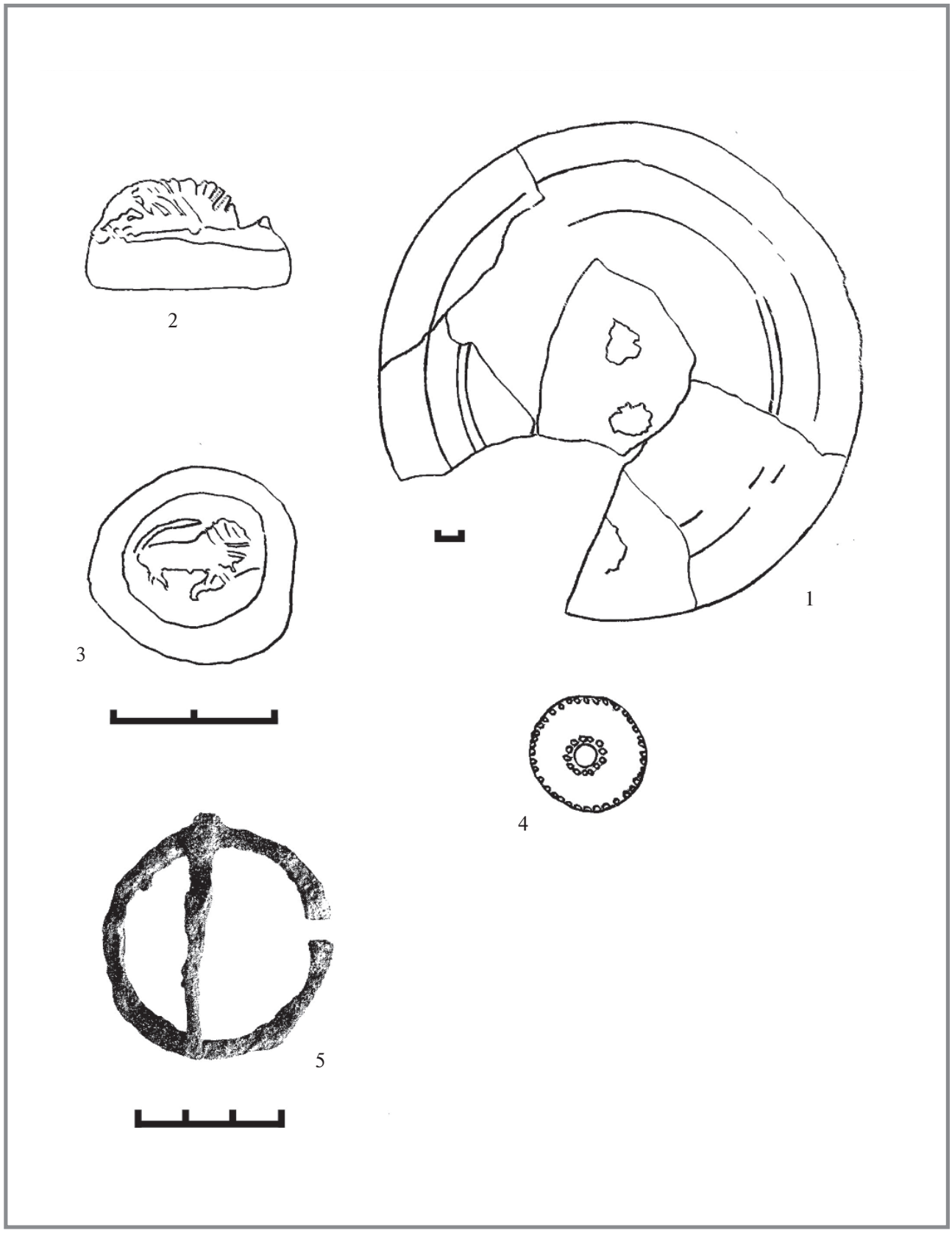

Рис. 1 Находки с городища Новотроицкого: 1 – бронзовое зеркало из кв. 11-В, 10-12-Г, 10-11-Д, 2 – обломок бусины с изображением льва из египетской пасты, 3 – стеклянная вставка от перстня, 4 – штамп из квадрата Щ-11, 5 – подковообразная фибула из жилища № 25.

К ВОПРОСУ О ВАРВАРСКИХ ЭМАЛЯХ НА ПАМЯТНИКАХ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2012 г. И.В. Зиньковская
Воронежский государственный университет, Воронеж

Одним из самых ярких элементов культур римского времени лесной и лесостепной зон Восточной Европы являются находки бронзовых изделий с выемчатыми эмалями. Они получили свое название по характерной геометрической орнаментации, в которой широко использовались эмали разной окраски. Их набор весьма устойчив и включает: украшения (браслеты, разнообразные подвески, нагрудные цепи), детали одежды (фибулы, пряжки и другие детали поясов), а также шпоры.

Первая сводка находок предметов с выемчатыми эмалями в Восточной Европе была составлена А.А. Спицыным (Спицын, 1903. С.149-192). Он сделал попытку классификации этих находок, выделил отдельные регионы их распространения и определил время бытования этих предметов в пределах VI–VIII вв. По заключению Х.А. Моора, группа украшений с выемчатыми эмалями появилась в Мазурии, на территории древних галиндских и судавоятвяжских племен, на рубеже I–II вв., откуда они распространились в Поднепровье и другие районы Восточной Европы (Moora, 1934. S.89; 1938. S. 110-113; Моора, 1958. С. 27-28, Рис. 6). В.Н. Даниленко первым из исследователей включил эмали в состав вещей памятников киевского типа II–IV вв., и на основе позднелатенских и римских аналогий отнес их возникновение к концу II в. (Даниленко, 1955). Серьезная попытка изучения изделий с выемчатыми эмалями была предпринята Г.Ф. Корзухиной, составившей в 1978 г. их Свод (Корзухина, 1978). Местом возникновения стиля восточноевропейских эмалей она считала Юго-Восточную Прибалтику и Мазурию, а украшения с эмалью датировались ею IV–V вв. В разработку хронологии изделий круга эмалей наиболее существенный вклад внес Е.Л. Гороховский (Гороховский, 1982а), который обоснованно отнес их к середине II – началу IV в. Он не только существенно удревнил их хронологию, но и доказал связь с позднезарубинецкими и киевскими древностями. Истоки «эмалевого» стиля находятся, по мнению этих исследователей, в традициях раннеримского и позднелатенского прикладного искусства, существенное влияние на его формирование в Среднем Поднепровье оказали древности Западной Литвы (Корзухина, 1978. С.51-53; Гороховский, 1982. С.133-144).

Весьма раннее появление эмалей на территории вельбаркской культуры (во второй половине – конце II в.) подтвердили исследования А. Битнер-Врублевской (Bitner-Wroblewska, 1992). По мнению М.Б. Щукина, находки на позднезарубинецких памятниках вещей с эмалями, подковообразных фибул серии Гришинцы-Малышки-Межонис обусловлены пронизывавшими лесную зону во II в. «балтийскими культурными импульсами», а также тесными днепро-балтийскими контактами. В результате «брожения» в лесной зоне вещи с эмалью были постепенно разнесены от Прибалтики до пограничья со степью (Щукин, 1994. С.282-283).

Из последних работ по изделиям с выемчатыми эмалями следует выделить сводку А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (Обломский, Терпиловский, 2007), которые проанализировали 55 находок из лесостепной полосы Восточной Европы и обосновали их датировку второй половиной II – серединой III в. Близкую точку зрения на хронологию вещей с выемчатыми эмалями высказал А.Г. Фурасьев (Фурасьев, 2002). Выпадение в землю многочисленных кладов с украшениями круга выемчатых эмалей он связывает с событиями 250–260-х гг., «с дестабилизацией политической ситуации в Европе, вызванной бурными миграционными процессами, возникновением черняховской культуры в Северном Причерноморье (период С1b, 230-260 гг.) и экспансией готов на земли, занятые прежде сарматами и населением киевской культуры». Этот процесс вызвал «цепные» миграции окрестных племен на территории от Нижнего Поднепровья до Верхнего Поволжья (Фурасьев, 2002. С.86). Проблеме реконструкции «эмалевого» убора и изучению его структуры посвящена работа В.Е. Родинковой (Родинкова, 2007. С. 366-371). Таким образом, по современным представлениям основной период бытования вещей с варварскими эмаля-

ми на территории Восточноевропейской лесостепи приходится на позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт и начальный этап киевской культуры (вторая половина II – начало III в.).

В последнее время стали известны новые районы концентрации изделий круга выемчатых эмалей. Несколько их десятков найдено на Харьковщине (Дидык, 2007). Они присутствуют в древностях так называемого «инясевского типа» в Среднем Прихоперье II – середины III в. (Хреков, 1997, 2004), которые по основным показателям близки позднезарубинецким памятникам (Щукин, 1994). Новый ареал украшений круга выемчатых эмалей выделен в Среднем Подонье (Зиньковская, 2010).

Однако отдельные находки изделий круга «варварских эмалей» известны далеко от основного ареала их распространения – на Юге Восточной Европы, в сарматских, позднескифских и античных могильниках. При этом если подавляющее большинство лесостепных эмалей найдены вне комплексов или в лучшем случае в культурном слое, практически все южные находки происходят, как правило, из хорошо датированных погребений. Остановимся на них подробнее.

Погр. 11, могильник Клин-яр (г. Кисловодск) (Виноградов, Рунич, 1969. С.118-119). В грунтовой могиле найден скелет женщины, положенной вытянуто, на спине, головой на юго-запад. При ней найдена железная пряжка с округлой рамкой и подвижным язычком (Рис. 1,*3*), бронзовая фибула (Рис. 1,*1*) и бронзовая подвеска-лунница треугольной формы, окончания которой украшены тремя кружочками с эмалью (Рис. 1,*2*). По обрядовым признакам (кисти рук на тазовых костях, ноги перекрещены в голенях) захоронение относится к сарматской культуре. Бронзовая сильнопрофилированная фибула причерноморского типа (тип 1, вариант 2) позволяет датировать его второй половиной II в.

Погр. 1962 г., городище Кепы (пос. Сенной, Краснодарский край), (Сокольский, 1964. С.207–209. Рис.1, 2). Оно впущено в культурный слой, поэтому тип могилы не установлен. Скелет женщины лежал вытянуто, на спине, головой на юго-запад, а кисти ее рук находились на нижней части живота. При ней найден фрагмент треугольной бронзовой фибулы (эмаль не сохранилась) (Рис.1,*5*), лежавшей выше левого плеча, а также бронзовое зеркало (Рис.1,*6*), находившееся на правой части груди. Погребение было датировано Н.И. Сокольским V в. Однако с этой датой не согласуется зеркало, украшенное на обороте рельефным орнаментом из концентрических кругов и полукружий. По описанию Н.И. Сокольского оно имеет «короткую боковую ручку без дырочки», хотя в публикации на фотографии она заметна. Если это так, то оно является сарматским зеркалом-подвеской с боковой петлей, типа Хазанов IX. В таком случае, погребение следует датировать более ранним временем – второй половиной II – серединой III в. С этим заключением хорошо согласуется и датировка фибулы с треугольной ножкой (III тип по Корзухиной), которую по всем признакам следует отнести ко второй стадии эволюции выемчатых эмалей (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123).

Кург. 2, могильник Дивизия (Буджак) (Субботин, Дзиговский, 1990. С. 2–4, Рис. 3). В погребении найдена пряжка-сюльгама с эмалью, концы которой украшены ромбическими гнездами, а центральный щиток имеет подквадратную форму с изображением мальтийского креста (Рис.2,*1*). Помимо сюльгамы в этом захоронении обнаружены другие бронзовые вещи: позднесарматское зеркало-подвеска типа Хазанов IX с тамгообразным знаком боспорского царя Ининсмея (Рис.2,*2*), лучковая подвязная двучленная фибула (Рис.2,*4*), фасетированный наконечник ремня (Рис.2,*3*), а также застежка-зажим («бигуди») (Рис.2,*5*). Погребение позднесарматское, скорее всего, было совершено в первой половине III в.

Кург. 33, могильник Валовый (Нижний Дон) (Беспалый, Беспалая, Раев, 2007. С.80–81). Погребение совершено в подбое, скелет женщины лежал головой на север, ее череп слегка деформирован. Слева от правой ноги были найдены три бронзовых изделия с выемчатыми эмалями. Два из них однотипные – крестовидной формы, на пересечении лучей имеется

крестовидное углубление, заполненное красной эмалью (Рис. 3,*б,в*). От трех лучей отходят полумесяцы, концы которых завершаются расширениями в виде дисков. Диски украшены крестообразными углубления, заполненными желтой эмалью. На четвертом луче имеется литой вертикальный сегмент, выше его стержень обломан. Размер 6 Х 5 см. Третье изделие в виде стилизованного солярного знака украшено красной эмалью (Рис. 3,*а*). Его основу составляет круг с мальтийским крестом внутри, от круга отходят лучи, завершающиеся крестовидными фигурами, их три конца оформлены в виде конических утолщений. Размер 6 Х 6,5 см. В погребении также были найдены: лучковая подвязная одночленная фибула 5 варианта и сильнопрофилированная фибула причерноморского типа (1 тип, 2 вариант), литой бронзовый котел, бронзовое китайское зеркало, набор украшений и посуды. Погребение – позднесарматское, скорее всего, датируется рубежом II – III вв.

Погр. 48, Могильник Красный Маяк (Нижний Днепр) (Гей, Бажан, 1993. С. 52-58, Рис. 3). В грунтовой овальной яме, ориентированной по линии СЗ - ЮВ были найдены останки двух младенцев, возрастом от 6 месяцев до полутора лет, которые лежали вытянуто на спине, головой на северо-запад. Отдельные кости имели следы обожженности. В районе черепа первого ребенка находился бронзовый проволочный налобный венчик, диаметром 11, 5 см, с замком в виде двух крючков, один из которых заканчивается конической шишкой. Передняя часть венчика расплющена в ромбическую пластину, орнаментированную пуансоном. Здесь же обнаружены бронзовые колечки из тонкой проволочки диаметром 1,6–1,8 см и три бронзовые трубочки-пронизки длиной 0,8–2,5 см. Эти украшения вместе с налобным венчиком представляли элементы единого головного убора. Аналогии налобному венчику известны в культурах Прибалтики и лесной зоны Восточной Европы II в. В погребении была найдена бронзовая круглопроволочная одночленная лучковая фибула, длиной 6 см, с трапециевидной ножкой и длинной обмоткой корпуса. Такие фибулы датируются второй половиной II в. – первой половиной III в.

Кроме этого были обнаружены: бронзовая фибула, длиной 3,3 см, с пластинчатой спинкой, украшенной пуансонным орнаментом, и завитком на конце приемника, а также два бронзовых пирамидальных колокольчика, высотой 1,8–2 см, три спиральных кольца, изготовленных из бронзовых пластин, диаметром 0,8–1 см. На кисте левой руки был обнаружен бронзовый спиральный браслет, диаметром 4 см, с расплющенными и орнаментированными концами. Справа от скелета находился еще один бронзовый спиральный браслет, диаметром 3,5 см, из массивного овального в сечении стержня, концы которого были расплющены и оформлены в виде «змеиных головок». В районе груди были найдены разнообразные бусы.

Около черепа второго младенца были найдены обломки бронзового колечка, бронзовой ворворки и железные обоймочки, скреплявшие ремешок вокруг головы, бусины. На месте левой руки находился бронзовый браслет, диаметром 3,4 см, изготовленный из прямоугольного в сечении стержня, один конец его был расплющен и орнаментирован.

По мнению О.А. Гей и И.А. Бажан, погребение 48 Красного Маяка датируется второй половиной II – первой половиной III в. Такие элементы погребального обряда, как тип погребального сооружения (простая грунтовая яма с каменной стелой), наличие фрагмента челюсти лошади, расчлененность костяков имеют истоки в культурах римского времени в Прибалтике (Гей, Бажан, 1993. С. 55). Комплекс свидетельствует о наличии в составе населения Нижнего Поднепровья накануне эпохи «готских» войн и появления здесь черняховской культуры чужеродного компонента, связанного происхождением с балтским миром. Им могли быть галинды, принявшие участие в Великом переселении народов (Гей, Бажан, 1993. С. 57-58).

Таким образом, все рассмотренные выше «южные» погребения с эмалями были совершены в пределах второй половины II – первой половины III в. Все они – женские (или девичьи), что хорошо согласуется с атрибуцией подвесок и сюльгам с эмалями как украшений и деталей именно женского костюма.

Кроме захоронений следует назвать находку бронзовой подвески-лунницы (Рис. 1,*4*) из культурного слоя поселения Рогожкино XII в дельте Дона (Безуглов, Гудименко, 1993. С.169-174, Рис.1). По основным признакам она близка лунницам «расцветшего стиля», хотя ее декор более строг и лаконичен. На основании находок фрагментов позднеантичных амфор в горизонте, где найдена эта подвеска, авторы публикации склоняются к ее датировке поздним III–IV в. Однако найденные в слое десять бронзовых боспорских монет дают более узкий хронологический горизонт – от Савромата II (174–210 гг.) до Ининфимея II (234–239 гг.). Таким образом, и дата этой подвески, скорее всего, не выходит за пределы конца II – середины III в. По заключению С.И. Безуглова и И.В. Гудименко, концентрация разнородных западных вещей в Нижнем Подонье является археологическим отражением присутствия здесь пришельцев с далекого северо-запада, вобравших в своем движении на юго-восток элементы различных культур лесной и лесостепной зоны. Ими могли быть племена готского союза или приазовские герулы (Безуглов, Гудименко, 1993. С.173). В это время район Меотиды являлся одним из крайних пунктов готской экспансии и отправной точкой их морских походов 255–269 гг. (Гудименко,1999. С.96). Исследователи верно оценивают немногочисленную серию подобных находок на Юге Восточной Европы как частный эпизод сложнейшей историко-археологической ситуации, сложившейся на Юге Восточной Европы. Однако описанные выше изделия круга «варварских эмалей» вряд ли относится к горизонту позднеримского времени – эпохе морских походов готов второй половины III в. Представляется, что все вышеперечисленные «южные» находки «варварских эмалей» больше соответствуют финалу горизонта B2 и B2/C1 среднеевропейской системы хронологии. В таком случае их логичнее связывать не с эпохой «готских» войн, а с еще более ранним периодом расселения «венедов» (горизонт позднезарубинецких древностей и их переходной ступени к киевской культуре). В этих находках можно видеть свидетельства эпизодических контактов населения лесной, лесостепной и степной зон Восточной Европы во II – первой половине III вв.

Литература

Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. №1.1993.

Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1» // МИА Юга России. №2. Ростов-н/Дону, 2007.

Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный, 1969.

Гей О.А., Бажан И.А. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. №3. 1993.

Гороховский Е.Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и раннесредневековой художественной культуры. Киев, 1982.

Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднеповья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982а.

Даниленко В.Н. Славянские памятники I тыс.н.э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР. Вып.4. 1955.

Дидык В.В. К вопросу о верхней хронологической границе выемчато-эмалевого стиля Поднепровья и Днепровского Левобережья // ХАС. Вып.2. Харьков, 2007.

Зиньковская И.В. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. №2. 2011.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V- первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. Е1- 43. 1978.

Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен // СА. №2. 1958.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К.

Фролова и Е.Л. Гороховского // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.н.э.) (Раннеславянский мир. Вып. 10). М., 2007.

Родинкова В.Е. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Выпуск. 9). М., 2007.

Сокольский Н.И. Погребение V в. в Кепах // СА. №4. 1964.

Спицын А.А. Предметы с выемчатой эмалью // ЗОРСА. Т.V. Вып.1. 1903.

Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья (курганные могильники Дивизийский и Белолесский). Ч.II. К., 1990.

Фурасьев А.Г. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмалями // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.

Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997.

Хреков А.А. Древности Прихоперья. Балашов, 2004.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Bitner-Wroblewska A. Elementy baltyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. Lublin, 1989.

Moora H. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // SMA. T. 40. 1934.

Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chs. Teil II. Analyse. Tartu, 1938.

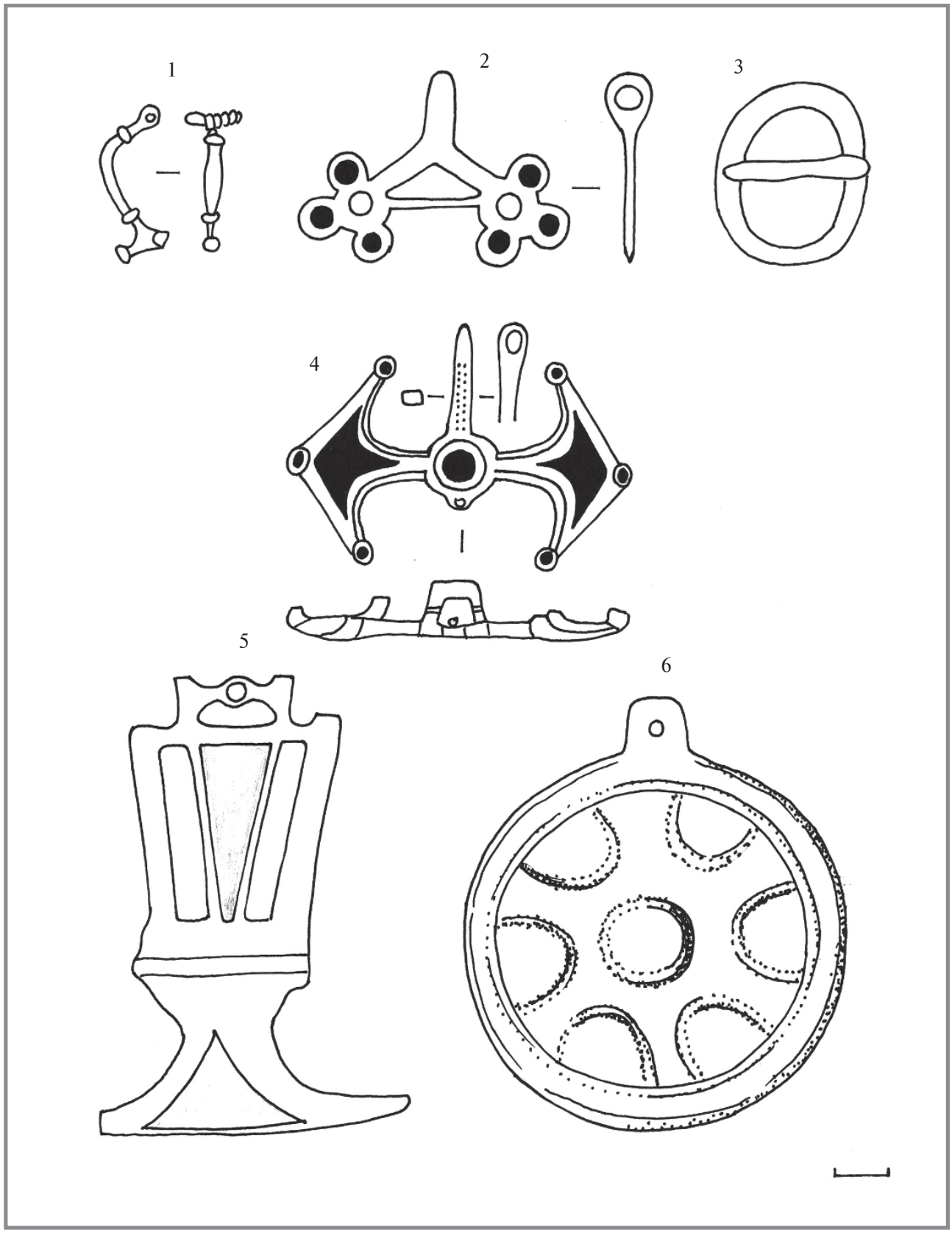

Рис. 1. 1–3 – инвентарь погр. 11 могильника Клин-яр (по: Виноградов, Рунич, 1969. С.118-119);
4 – подвеска с поселения Рогожкино XII (по: Безуглов, Гудименко, 1993. С.169-174, Рис.1);
5–6 – инвентарь погр. 1962 г. на городище Кепы (Сокольский, 1964. С.207 – 209, Рис.1, 2).

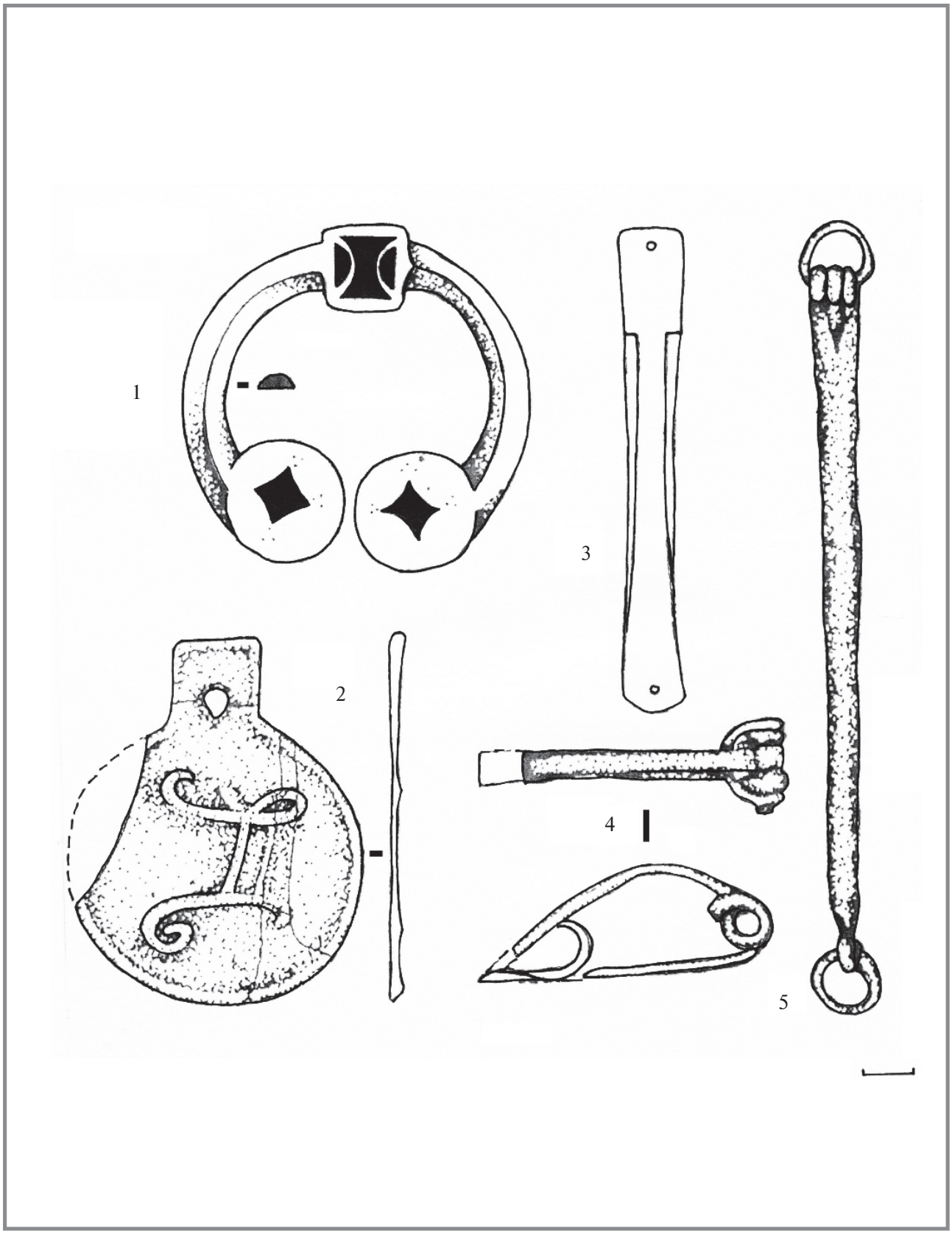

Рис. 2. Инвентарь погребения из кург. 2 могильника Дивизия (по: Субботин, Дзиговский, 1990. С. 2–4, Рис. 3).

13. з. 7377

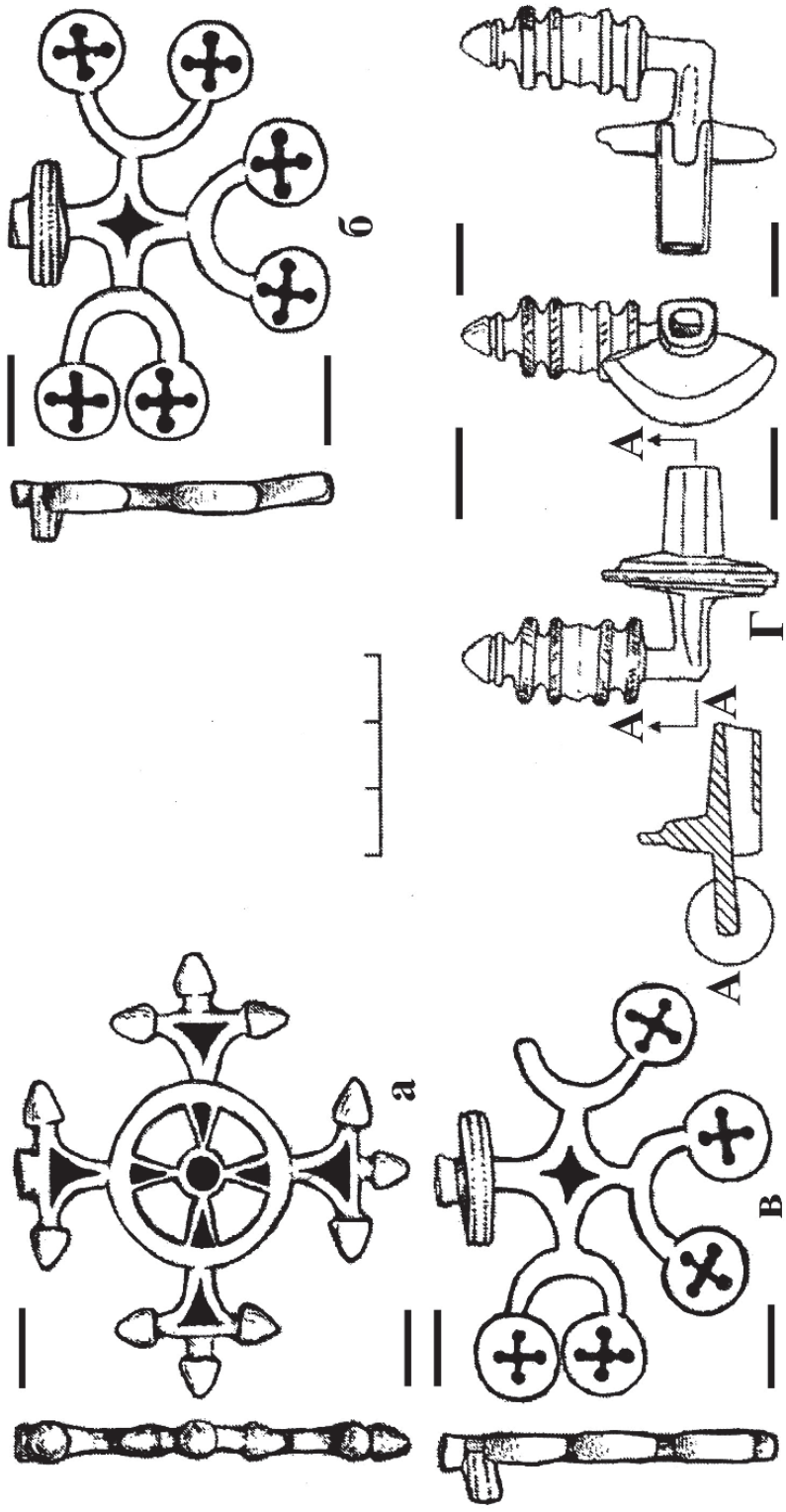

Рис. 3. Изделия с выемчатыми эмалями из кург. 33 могильника Валовый (по: Беспалый, Беспалая, Раев, 2007. С. 118, Табл. 29).

ПОСЕЛЕНИЕ КИЕВСКОГО ВРЕМЕНИ У с.ЛЕБЯЖЬЕ ПОД КУРСКОМ

© 2012 г. Н.А. Тихомиров
Инспекция по охране объектов культурного наследия Курской области, Курск

Участок правого берега р. Сейм в 8 км восточнее Курска у с. Лебяжье давно привлекал внимание археологов. Здесь проводили разведки Л.Н. Соловьев в 1925 г., В.П. Левенок в 1958 г., Э.А. Сымонович в 1961 г., Ю.А. Липкинг в 1968 г., П.Г. Гайдуков в 1978 г., А.В. Кашкин в 1979 г. (Соловьев, 1927. С.16; Левенок, 1958. Л. 4; Сымонович, 1961. Л. 12; Липкинг, 1969. С. 61-62; Гайдуков, 1978 г. Л. 12; Кашкин 1979. Л. 37). Ю.А. Липкинг раскопал в этих местах известные могильники – раннесредневековый Лебяжинский (Липкинг, 1974. С. 141-152) и волынцевский Лебяжье 3 (Липкинг, 1971. С.66-70), поселение киевской культуры Лебяжье 4 (Липкинг, 1968. Л. 9-10). Не раз отмечалось, что на данной территории находится скопление памятников 2–4 четвертей 1 тыс. н.э.

В 1989 г. экспедицией Курского государственного областного музея и Курского государственного педагогического института было исследовано поселение второй четверти 1 тыс.н.э.

В издании Археологическая карта России Курская область А.В. Кашкин обозначил этот памятник как «Лебяжье. Поселение 4» (Кашкин, 1998. С.108). Оно располагалось на участке первой надпойменной террасы правого берега р. Сейм к северу от крутого левого его поворота, к северо-западу от старицы. Высота поймы над уровнем воды в реке до 3 м, террасы – 8–10 м. Почти вся площадь памятника была занята сосновыми посадками. Три раскопа, общей площадью 333,5 кв.м. заложенные у края террасы, располагались на небольших полянах и просеках (Рис. 1А). В ходе исследований обнаружены материалы второй четверти 1 тыс. н.э., роменская керамика, древнерусские погребения и волынцевские трупосожжения могильника Лебяжье 3.

Стратиграфические колонки раскопов 1 и 3 в целом сходны. Пашня вместе с дерном мощностью до 38 см. перекрывала не потревоженный культурный слой мощностью до 45 см. Ниже располагался материк – светло-желтый песок. Мощность культурного слоя уменьшалась от центральной части раскопа 1 в южном и западном направлениях, что позволило ориентировочно установить границу памятника примерно в 10–15 м к западу от раскопа 3.

В раскопе 2 под пашней был зафиксирован горизонт балласта – светлого песка, мощностью до 45 см. Под ним залегал культурный слой мощностью 5–10 см, а затем материковый песок.

Подквадратное в плане пятно жилища размерами 3,5 × 3,65 м. ориентированное сторонами по линиям восток-северо-восток – запад-юго-запад было зафиксировано в раскопе 2 на уровне зачистки культурного слоя (Рис. 2, *1*). Котлован был заполнен однородным гумусированным песком. К его стенам на всю высоту примыкала прослойка золистого песка мощностью 15–20 см, Такие же прослойки, связанные с ней, зафиксированы и в заполнении постройки. Подквадратный котлован со слабо наклонными стенками и плоским дном имел глубину от уровня зачистки материка от 30 до 52 см. В его углах и на середине юго-западной и северо-восточной стен были расчищены столбовые ямы глубиной около 60 и диаметром около 20 см. заполненные золистым песком. Почти в центре жилища находился очаг, выступающий над полом на 1–1,5 см. Эта обожженная глиняная площадка не совсем правильной овальной формы имела размеры 88 × 66 см. К северо-востоку от очага располагалось компактное скопление фрагментов лепной миски (Рис. 2, *9*). Другое скопление керамики 2 вплотную примыкало к северо-восточной стенке у ее центральной столбовой ямы и состояло из 11 фрагментов лепных сосудов (Рис.2, *12-14,16*). В заполнении котлована найдено 32 фрагмента лепной киевской керамики и 7 фрагментов гончарных черняховских сосудов, что составило 21,8 % от общего количества материала из постройки. Кроме того, в заполнении жилища найдены два фрагмента глиняных грузов от ткацкого станка – пирамидального и конического (Рис. 2, *17,18*), а над очагом фрагмент железного ножа с прямой спинкой и треугольным в сечении лезвием (Рис. 2, *19*).

В раскопах 1 и 3 зафиксированы сооружения хозяйственной зоны поселения – 23 ямы и постройка со столбовой конструкцией стен.

Все исследованные хозяйственные ямы – округлые овальные и единственная подпрямоугольная в плане по форме и размерам характерны для памятников киевской культуры. В их заполнении найдена керамика второй четверти 1 тыс. н.э. (Рис. 3).

Хозяйственная постройка из восточной части раскопа 1 была зафиксирована на уровне зачистки материка. Это было округлое в плане пятно сильно гумусированного песка размерами 442 × 475 см. с большим содержанием фрагментов глиняной обмазки стен (Рис. 2,*II*). При его расчистке была выявлена система столбовых ям, располагавшихся по окружности, вдоль границ неглубокого котлована. Стенки его покатые, иногда переход от поверхности материка к плоскому дну был очень плавным. В данном случае, скорее всего, не приходится говорить о котловане как конструктивном элементе. Наиболее вероятно, что неравномерное и слабое заглубление песчаного пола произошло в процессе функционирования объекта. В пределах постройки зафиксированы три глубокие столбовые ямы, которые, вероятно, остались от центральных опорных столбов сооружения. В заполнении постройки и в прилегающих квадратах найдены крупные куски обожженной глиняной обмазки стен с отпечатками прутьев. По зафиксированным материалам данное сооружение реконструируется как округлая в плане постройка со слабо заглубленным котлованом стены которой имели столбовую плетеную конструкцию и были обмазаны глиной. В заполнении котлована постройки было найдено 89 фрагментов лепной киевской посуды и 15 обломков гончарной черняховской. Черняховский материал составил 14,4% от общего количества керамики из сооружения (Рис. 2,*20-31*).

В раскопе 1 зафиксированы столбовые ямы прямо не связанные с сооружениями. Исходя из их размеров и расположения реконструируются несколько вариантов линий оград. В целом, очевидно, что они проходили по границе поселения с юга – вдоль края террасы и с юго-запада по направлению к южному краю раскопа 3 (Рис. 1).

Перекрывания в комплексах ям 7 и 9, расположение ямы 16 в пределах наземной постройки, а также большое количество столбовых ям говорят о том, что в пределах довольно узкого периода существования поселения на нем производились незначительные перепланировки.

При раскопках было обнаружено значительное количество керамики второй четверти 1 тыс. н.э. (Рис. 4,*1-10,12-18*). Это, во-первых, фрагменты изготовленные в ленточной технике с применением поворотного столика, с примесями в глине шамота, песка и органики. В большинстве своем они были слабо профилированы и довольно редко орнаментированы (косые насечки или пальцевые вдавления по верхнему краю венчика). Вторую группу составили фрагменты черняховской гончарной посуды. Среди них встречались как грубые, не лощеные образцы, так и фрагменты с черным или серым лощением. Интересна полностью восстановленная черняховская чернолощеная миска из ямы 9 А (Рис. 3,*24*). В культурном слое и в объектах керамика распределялась следующим образом:

Атрибуция керамики	Раскоп 1	Раскоп 2	Раскоп 3	Всего	Наземная постройка	Жилище
Киевская	739	35	397	1171	89	32
Черняховская	96	9	51	156	15	7
% Черн./общ	11,5	20,5	11,4	13,3	14,4	21,8

Из приведенных данных ясно, что процентное соотношение черняховской керамики к ее общему количеству на поселении в целом (13,3), раскопах 1 и 2 и в постройке 1 очень близки, в то же время этот показатель увеличивается в культурном слое раскопа 2 (до 20,5%) и в заполнении котлована жилища (до 21,8%).

По набору керамических форм, процентному соотношению лепной киевской и гончарной черняховской керамики поселение можно определить как позднекиевское (Облом-

ский, 1991. С.95). Несмотря на то, что материал сильно фрагментирован, легко заметить явное преобладание профилированных венчиков и обломков тюльпановидных горшков. Обращает на себя внимание довольно высокое количество фрагментов баночных сосудов. Кольцевой поддон и отогнутый венчик миски из жилища (Рис. 2,*9*) не характерны для киевских материалов, но соотносятся с черняховскими изделиями (Русанова, Сымонович, 1993. С. 277. Табл. LVII,18). Глиняные конические грузы от ткацких станков характерны как для киевских, так и для черняховских памятников (Терпиловский, 1984. С. 32; Славяне,1990. С.166).

В культурном слое поселения найдены два фрагмента глиняных пряслиц биконического и эллипсовидного (Рис. 4,*11,28*). Среди металлических предметов с поселения выделяются железные ножи (Рис. 2,*19*; 4,*22,23,27*). Такие предметы были широко распространены на памятниках второй четверти 1 тыс. н.э. Восточной Европы (Терпиловский, 1984. С. 26).

Статистические данные и профилировка керамики позволяют отнести памятник к концу 3 – началу 4 вв. н.э. Анализ материала показывает, что увеличение количества гончарной черняховской керамики на позднекиевских поселениях свидетельствует не столько об увеличении импорта престижной посуды, сколько об усилении влияния черняховских традиций вообще. На примере данного памятника в пользу этого могут свидетельствовать его топография (южный склон 1 надпойменной террасы), конструкция хозяйственной постройки (обилие обмазки), профилировка миски из жилища.

Литература

Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда ИА АН СССР в 1978 г. // Архив ИА РАН № 7190.

Кашкин А.В. Отчет об археологических разведках проведенных в 1979 г. Центрально-Черноземным отрядом Института археологии АН СССР // Архив ИА РАН №7968.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Часть 1. М., 1998.

Левенок В.П. Отчет об археологических разведках на Верхнем Сейме и Среднем Дону в 1958 г. // Архив ИА РАН № 1709

Липкинг Ю.А. Отчет о разведках на дюнной гряде на правом берегу р. Сейм против с. Лебяжье Курского района Курской области в 1968 г. // Архив ИА РАН № 3784.

Липкинг Ю.А. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском // АО 1968 г. М, 1969.

Липкинг Ю.А. Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971.

Липкинг Ю.А. Могильники третьей четверти I тыс. н.э. в Курском Посеймье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв.н.э. Москва-Сумы, 1991.

Русанова И.П., Сымонович Э.А. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Соловьев Л.Н. Городища и стоянки окрестностей г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. № 4. Курск, 1927.

Сымонович Э.А. Отчет о разведках Средне-Днепровской археологической экспедиции ИА АН СССР в Курской области в 1961 г. // Архив ИА РАН № 2248

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев, 1984.

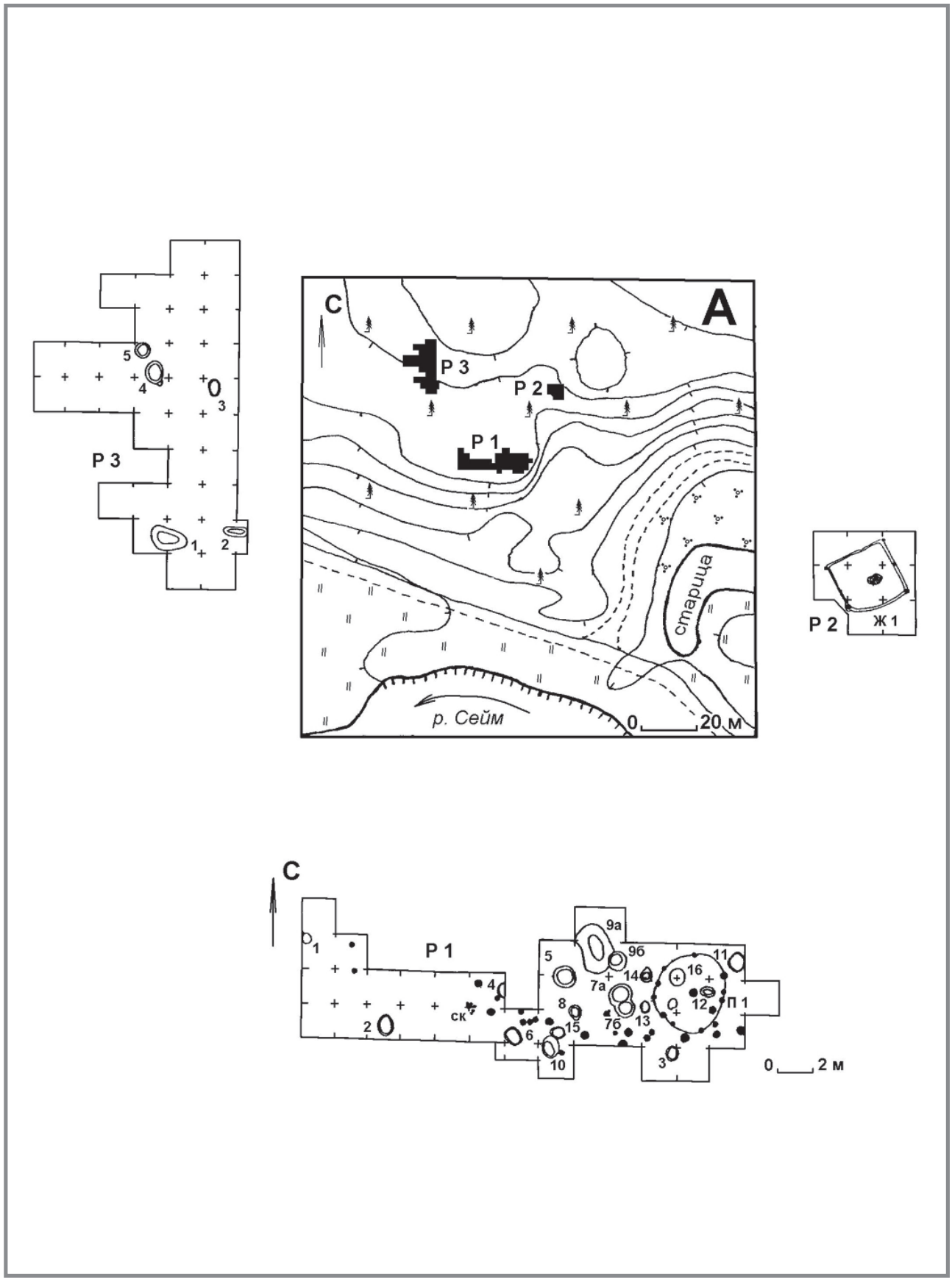

Рис 1. План расположения раскопов на поселении. Врезка А – План поселения.

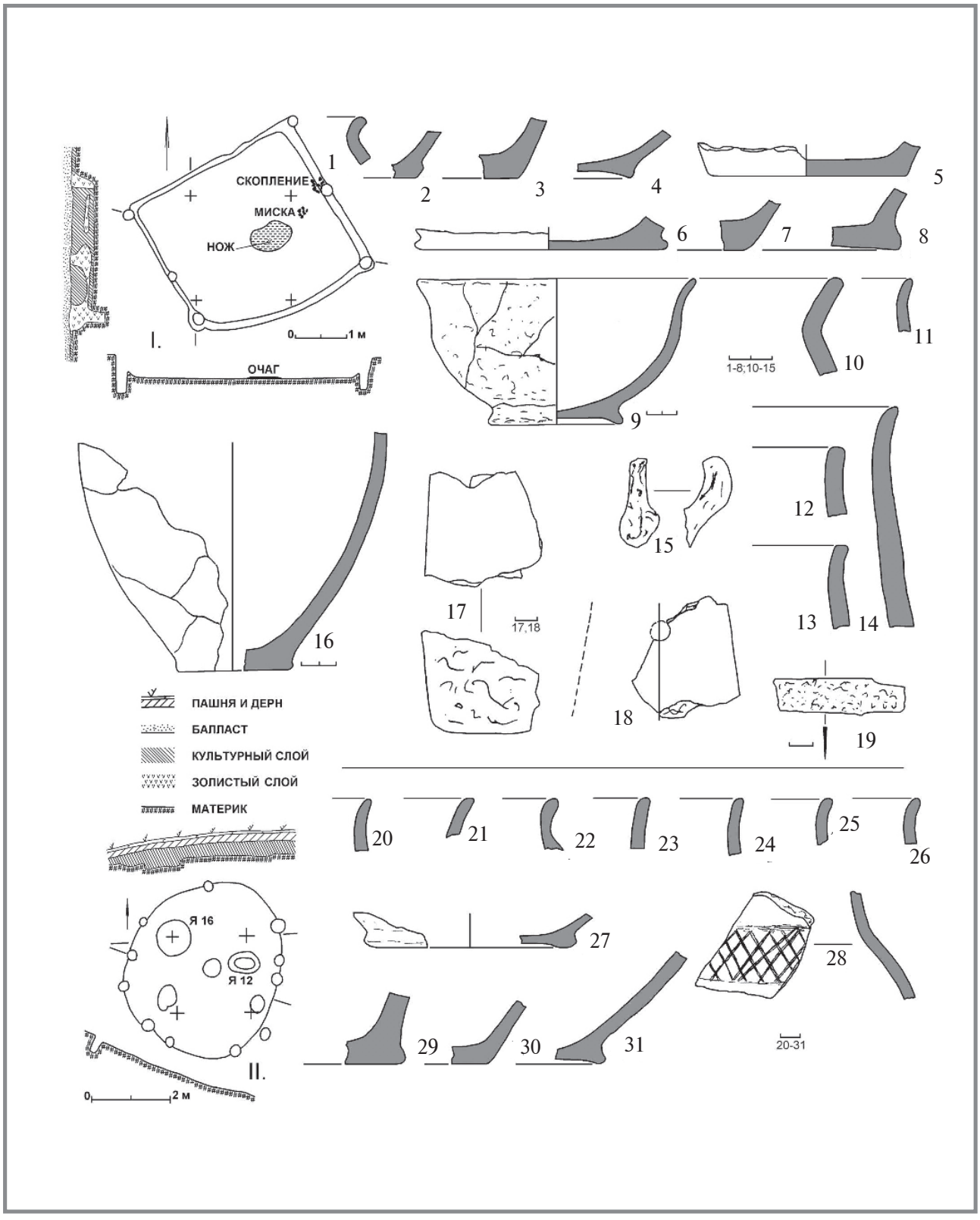

Рис 2. I – План, профиль и разрез жилища из раскопа 2.
1 – 19 материал из заполнения котлована жилища. 9 – реконструкция миски; 12–14,16 керамика из скопления; 17, 18 фрагменты грузов; 19 – фрагмент железного ножа.
II – План, профиль и разрез хозяйственной постройки из раскопа 1.
20—31 керамика из заполнения «котлована» хозяйственной постройки.

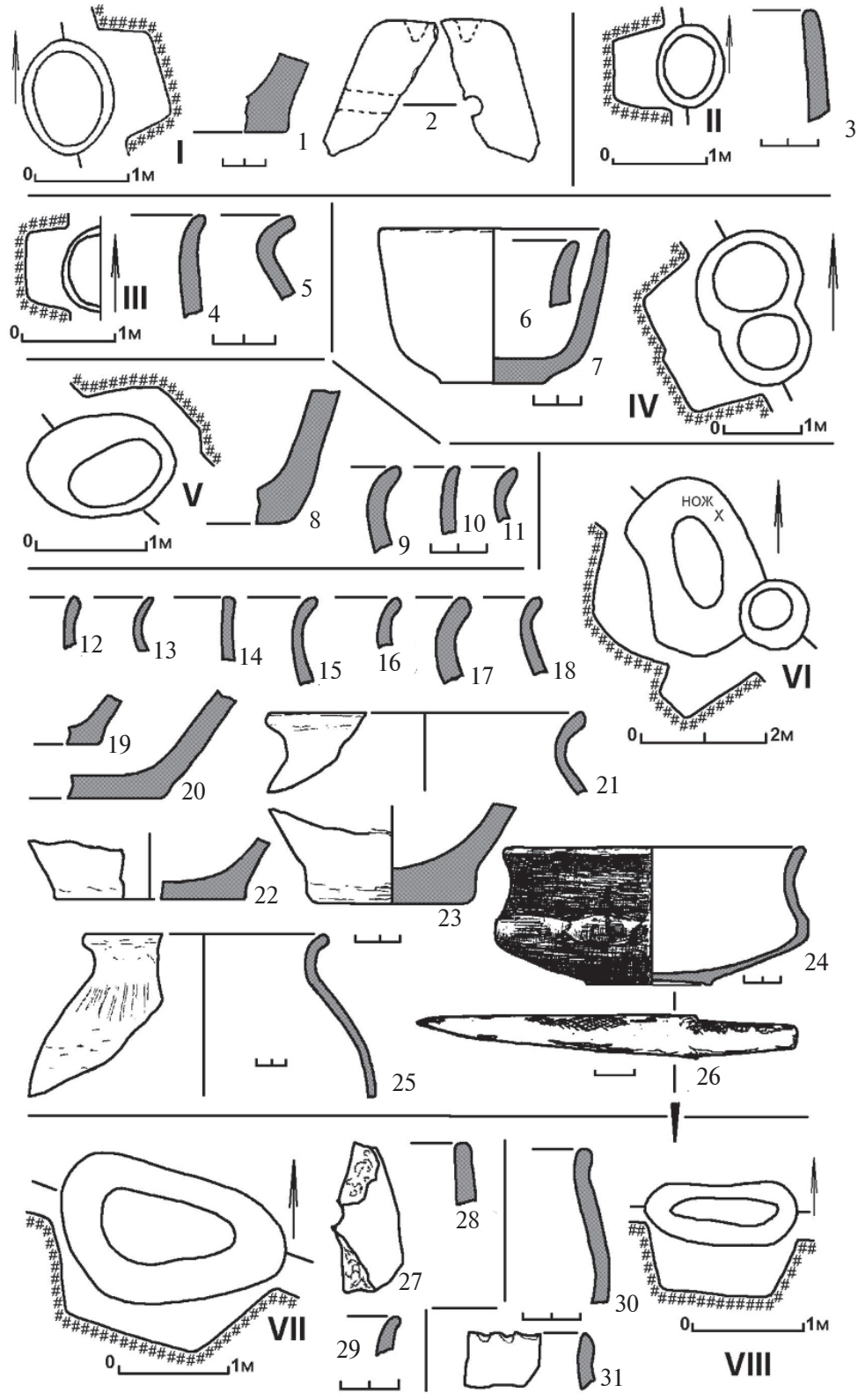

Рис. 3. I – VIII Планы и разрезы хозяйственных ям. 1–31 материал из заполнения хозяйственных ям.

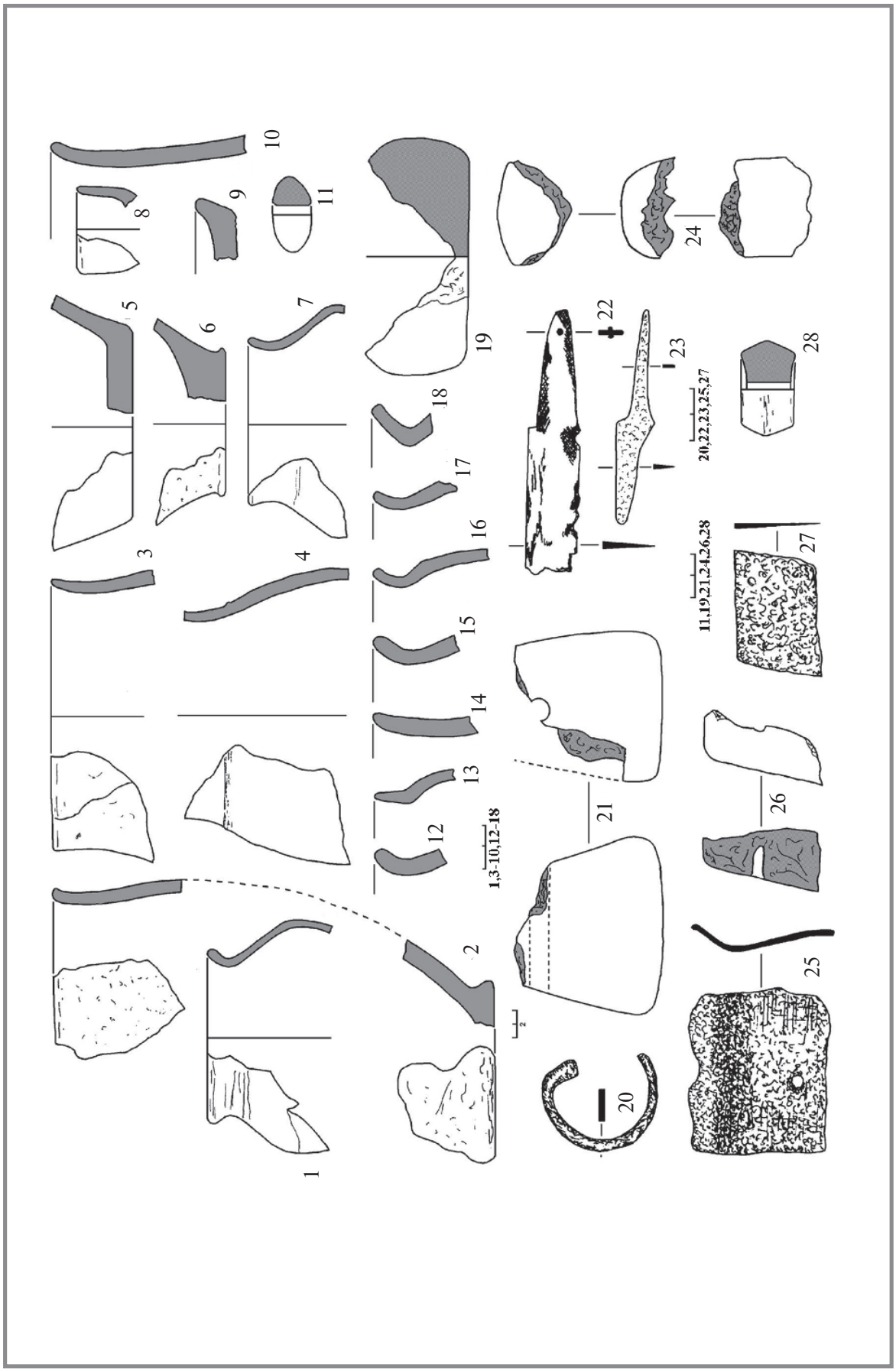

Рис. 4. Материал из культурного слоя поселения.
2, 3, 5, 8—10, 12—18 керамика лепная; 1, 4, 6, 7 керамика гончарная Черняховская; 19, 21, 24, 26 фрагменты глиняных грузов; 11, 28 глиняные пряслица; 20, 25 фрагменты железных изделий; 22, 23, 27 фрагменты железных ножей.

ЛАМЕЛЛЯРНЫЙ ШЛЕМ ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2012 г. О.А.Радюш
Институт археологии Российской академии наук, Москва

В 2010 году на рынке «Вернисаж» в Москве появился в продаже железный пластинчатый шлем, как было изложено в легенде к нему, из Рыльского района Курской области. Благодаря деятельности сотрудников правоохранительных органов и помощи граждан, шлем удалось изъять из незаконного оборота и подготовить для передачи в Государственный Исторический музей. Данная публикация является предварительной.

Происхождение шлема сразу же вызвало сомнения, учитывая абсолютную уникальность для курской археологии подобных находок. Возникали предположения о том, что артефакт был привезён из Причерноморья или Северного Кавказа, однако весьма хороший уровень сохранности железа указывал на обратное. Судя по косвенной информации, «находчик» шлема, проживающий в Рыльске или Рыльском районе, был арестован ФСБ за хранение оружия и боеприпасов. Во время общения с сотрудниками управления Федеральной службы безопасности по Курской области удалось уточнить информацию о реальности данного задержания, и подтвердить то, что шлем был продан именно жителем Курской области. Однако, как выяснилось при дальнейшем расследовании обстоятельств его происхождения, шлем был найден не данным гражданином, а был куплен у одного из жителей Курска, также занимавшимся поиском артефактов военного времени. В конце концов после того как удалось выйти на самого находчика, уроженца Хомутовского района, он согласился показать точное место находки. Евгений П. занимался поисковой деятельностью в Хомутовском районе, пытаясь обнаружить артефакты времён второй мировой войны на местах боев, найденный случайно железный шлем он посчитал относящимся к позднему средневековью или даже новому времени и не замедлил продать знакомому перекупщику. Сотрудники Средне-Сейминской экспедиции ИА РАН выехали на место обнаружения шлема в июле 2011 года. Как выяснилось, шлем был найден в Хомутовском районе Курской области в 1 км к северо-востоку от с. Петровское. Находчик точно указал участок местности и ямку, где был найден шлем (Рис.1). По его словам он лежал компактно, практически под дёрном на верху склона небольшого оврага впадающего в долину реки Сухая Амонька. Конструкция сохранилась in situ в полном комплекте компактно. Шлем располагался навершием к верху по склону, бармица лежала на земле, налобная пластина сверху. Проверка указанного места с помощью металлоискателя выявила одну целую нащечную пластину от ламинарного науша — недостающую в комплекте, и множество мелких фрагментов от пластин. Таким образом, место находки было подтверждено совершенно точно. По всей вероятности, это редкий случай именно случайной находки предмета защитного вооружения. Ламеллярный по конструкции шлем, упав на землю и возможно скатившись по склону, так и остался лежать на нем, до тех пор пока не сгнили ремешки скреплявшие его пластины, и он, рассыпавшись, удачно сохранился практически без утрат до наших дней. Первичный осмотр окружающей местности не выявил никаких следов антропогенной активности в ближайшей округе. Судя по расположению находки, следует исключить и отношение его к какому-то разрушенному погребению.

Шлем состоит из нескольких деталей: купола набранного из узких пластин (Рис.2*c*), налобной пластины с наносником (Рис.2*b*) и цельнометаллическим навершием (Рис.2*a*), пластинчатых ламинарных наушей (Рис.2*d*), кольчужной бармицы (Рис.1).

Высота купола вместе с навершием 23 см, диаметр около 20 см. Купол состоит из вертикальных узких пластин (13 коротких длина каждой из низ 14 см, ширина в нижней части 1,9 см, в верхней 0,6 см, 41 длинных длинна 18,5 см ширина в нижней части 1,8 см в верхней 0,6 см. Толщина пластин около 1,5 мм. Изогнутая налобная пластина по форме близка к трапеции, верхняя сторона имеет длину 15 см, нижняя 16,2 см, высота 5 см по краям и 4,5 в центральной части, толщина пластины 1,5−2 мм. По нижней сделаны фигурные вырезы для крепления при помощи трех заклепок надбровной пластины с наносни-

ком, которая имела ширину 0,8 см, высота фигурного выступа наносника около 2,5 см. Навершие цельнометаллическое полусферической формы диаметром около 9,3 см, высотой 8,5 см, с приклёпанным изнутри массивным шпилем. Шпиль квадратного сечения 0,9×0,9 см, высотой 2,8 см (Рис.2*e*).

Каждый из пары наушей (Рис.2*d*) состоит из восьми рядов горизонтальных железных пластин с фигурными вырезами по краям. В собранном виде каждый имеет трапециевидную форму шириной в верхней части 11 см, в нижней 4 см, длина 15 см.

Бармица – кольчужная, состоит из 9 рядов колец. Плетение типичное – четыре сварных кольца пропущены в одно клёпанное. Диаметр клёпанных колец 1,5 см, сварных около 1,3 см, сечение колец уплощённое примерно 2,5×1 мм. В расправленном состоянии бармица трапециевидная – нижняя сторона 45 см, верхняя 33 см, высота 14 см. В одном из колец в нижней части ближе к центру сохранились остатки некоего острия с остатками органики (возможно дерева), длиной 1,2 см возможно от стрелы, во всяком случае находчик сообщил, что кусок железного прутка был достаточно длинный и позволял разглядеть гранение, возможно утраты произошли уже в ходе перемещения находки из рук в руки.

Конструкция находки – ламеллярная[1], набранная из железных пластин, скреплённых ремешками из органических материалов (вероятнее всего кожи). Купол собирался по четырем рядам отверстий, верхний соединял пластинчатый купол с навершием с помощью 51 отверстия в нем, второй ряд сверху скреплял каждую пластину примерно в 6 см ниже через четыре парных отверстия. Третий ряд, расположенный ниже на 6,5 см, соединял длинные пластины также четырьмя парными отверстиями, а короткие через три отверстия, расположенных в ряд по нижней части пластины. Нижний ряд крепил длинные пластины купола в нижней их части с помощью трех отверстий в каждом. Налобная пластина крепится по верхнему и боковым краям 27 и 6 отверстиями соответственно. Диаметр всех отверстий около 2 мм.

Традиционно происхождение таких шлемов в Европе связывалось с кочевническими влияниями. На территории Европы известны находки четырех целых шлемов, и нескольких деталей от них (Steyer. S.198). Наиболее ранние находки относятся к Дальнему Востоку – Сяньбийский могильник Лаохэшень на территории Китая (Рец, Юй Су-Хуа, 1999), корейские гробницы (Barnes, 2001), датирующиеся III–V вв. н.э. В Европе, по всей видимости, ламеллярные конструкции появляются с одной из волн кочевников из Азии, традиционно многие исследователи связывают это с раннеаварским периодом начавшимся в середине VI века. Один шлем был найден Ю.Кулаковским в 1881 году в одном из погребений Керченского некрополя на ул. Госпитальная (Arendt, 1935). В настоящее время он находится на основной экспозиции ГИМ в Москве, однако, кроме публикации В. Арендта, более подробных сведений и точных рисунков его нет (Рис.3*a*). Авторы публикации доспеха из этой катакомбы соглашаются с мнением других специалистов (П. Паульсена, Б. Тордемана, М. Горелика) и предполагают, что детали доспеха найденные вместе с шлемами датируются достаточно широко VI–VII вв. (Ахмедов, Журавлев, Кубарев, 2003), хотя и отмечается, что в отчете Ю.Кулаковского упоминается монета императора Льва (457–473), что позволяет предполагать более раннюю нижнюю дату, вплоть до второй половины V века. Фрагменты еще одного подобного шлема (Рис.3*b*) были обнаружены в слое разрушения Ильичевского городища (Николаева, 1986. С.185. Табл.1, *1*). Автор публикации датирует шлем по монетам императора Льва (457–473) и монетам императора Юстиниана (527–565), найденным в слое городища, практически так же, как и шлем из Керчи — от второй половины V века до второй половины VI века (Николаева, 1986. С. 186). Близкий по типу шлем был обнаружен в

[1] Употребляю термин «ламеллярный» в значении традиционном для отечественного оружиеведения, подразумевающий конструкцию из узких пластин, собранных на гибкой основе, а не просто пластинчатый, которые могли собираться также и на металлических заклепках.

погребении начала V века из Калкни в Дагестане (Салихов, 1985), однако он не ламеллярный, и значительно отличается по конструкции от основной серии находок в Европе. Шлем найденный вместе с ламеллярным доспехом в Германии в групповом лангобардском погребении 12 из Нидерштоцингера имеет более развитые и модернизированные детали, чем аналогии из Восточной Европы, датируется он рубежом VI/VII или первым десятилетием VII в. н.э. (Paulsen, 1967; Werner, 1988). В конструкции этого шлема (Рис.3*d*) использованы цельнометаллические науши, наносник у него длинный, в отличии от более коротких у восточных находок, центральная пластина в куполе имеет ширину, увеличенную в два раза по сравнению с остальными, кроме того, вертикальные пластины купола имеют фигурные вырезы. В начале 2000-х годов в Болгарии в погребении вместе с доспехом был найден еще один почти целый шлем (Рис.3*c*). Началом VII века датируют и налобную орнаментированную пластину из позолоченной меди от ламеллярного шлема «короля Агилульфа» из Вальдиньеволе, в Тоскане (Рис.3*e*).

Таким образом, шлем, найденный в Хомутовском районе Курской области, относится к небольшой группе раннесредневековых боевых оголовий, появившихся в Европе не ранее второй половины V века нашей эры, и распространенных достаточно широко. Судя по его деталям, он наиболее схож с тремя известными причерноморскими находками из Керчи, Ильичевки и Болгарии (Рис.3*a-c*), которые, судя по более архаичным деталям, возможно, являются более ранними по отношению к шлему из Нидерштоцингена. Однако более надёжных данных для ранних датировок восточноевропейских шлемов пока нет. В то же время, в настоящий момент нет достаточно убедительных фактов, позволяющих связывать их появление именно с аварами.

Появление такой уникальной находки в Курске только на первый взгляд удивительно. Несмотря на обилие кладов «антского» времени, изученность материальной культуры этого периода далека от желаемого. Поселения, исследованные в 1950−1980-х гг. давали крайне немногочисленные находки бытовых предметов, оружия, снаряжения. Погребальный обряд колочинской культуры, памятники которой занимают западную часть территории Курской области (Терпиловский, 2004. Рис.93), имеет свою специфику и, как и большинство раннеславянских культур, он малоинвентарный. Исследование колочинской культуры полевыми методами в последние десятилетия практически остановилось, сосредоточившись в основном на отдельных кладах. Итогом этого стало сложившееся представление о слабости вооружения славян, что являлось фактическим следованием известному сообщению Прокопия Кессарийского, относящегося к началу VI века о славянах воевавших в одних портах с большими деревянными щитами и дротиками (Прокопий Кессарийский. Войны VII (Ш), 14). Некоторые отечественные авторы, основываясь на слабой источниковой базе археологических находок, поддерживают это мнение византийского автора (Шувалов, 2004. С.262). Однако в последнее время становятся все чаще известными «случайные», а в большинстве случаев грабительские по сути своей находки в зоне распространения памятников колочинской культуры[2], которые явно меняют представление о «медвежьих» углах Восточной Европы. Так, в Брянской, Курской и Сумской областях стали известны, но пока достоверно не подтверждены находки позолоченных деталей шлемов типа «шпангенхельм», деталей роскошных уздечных наборов, датирующихся концом V − началом VI века, что позволяет их относить по территориально-хронологическому принципу также к колочинской культуре. Горизонт интернациональной воинской культуры в верховьях Днепра периода V−VII вв. находится в состоянии выявления, но уже заметно, что престижная дружинная мода была распространена достаточно широко, находки фиксируются на территориях Верхнего

[2] Автор целиком и полностью является противником грабительского сообщества, но борьба с ним является прерогативой в первую очередь правоохранительных органов, однако фиксация сведений о них и их уточнение является серьезной задачей для научного сообщества в настоящее время.

Поднепровья и Поочья (Ахмедов, Казанский, 2004). М.М. Казанский предполагает серьёзные изменения в структуре славянского войска, происходящие в первой половине VI века, связанные с началом походов на Балканы, после чего к концу столетия в его составе вполне могли появится тяжеловооруженные воины (Казанский, 2011. С.49), с чем в целом можно согласиться. Однако для более основательных выводов требуется большее количество надёжных свидетельств. Во всяком случае, на основании немногочисленных археологических источников, известных к настоящему времени и разбросанных на гигантской территории Поднепровья, вряд ли стоит так однозначно низко характеризовать уровень развития военного дела у населения раннеславянских культур раннего средневековья. Вероятнее всего, новые открытия и полевые исследования раннесредневековых памятников позволят получить и более детальное понимание ситуации в будущем. Находка из Хомутовского района пока не может быть связана с достаточной уверенностью с местным населением, но и такую вероятность не следует исключать.

Литература

Ахмедов И.Р., Казанский М.М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции посвящённой 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова, С.-Петербург 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004.

Ахмедов И.Р., Кубарев Г.В., Журавлев Д.В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи?(предварительная информация) // Боспорские исследования. Вып. III., Симферополь, 2003.

Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.

Казанский М.М. О славянском панцырном войске (VI–VII вв.) // Stratum plus, 6. Кишинев, 2011.

Николаева Э.Я. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры. Москва, 1986.

Рец К.И., Юй Су-Хуа. К вопросу о защитном вооружении хуннов и сяньби // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций (2). Горизонты Евразии. Новосибирск, 1999.

Салихов Б.М. Калкнийский могильник // Древние культуры Северо-восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. //Monumenta studia gothica III . Lublin, 2004.

Шувалов П.В. Оружие ранних славян // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. Доклады научной конференции посвящённой 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова, С.-Петербург 14–17 ноября 2000 г. СПб., 2004.

Arendt W. Der Nomadenhelm des frьhen Mittelalters in Osteuropa // Zeitschrift fьr historische Waffen und Kostьmkunde 5 (3). Berlin, 1935.

Barnes G.L. Archaeological armour in Korea and Japan: Styles, technology and social Setting // Journal of East Asian Archaeology 2 (3-4). Boston, 2000.

Paulsen S. Alamannische Adelsgrдber von Niederstotzingen. (Kreis Heidenheim). Stuttgart, 1967.

Steuer H. Helm und Ringschwert: Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger. Eine Ьbersicht // Studien zur Sachsenforschung 6. Freiburg. 1987.

Werner J. Adelsgrдber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Sьdkorea // Philosophisch-historische Klasse: Abhandlungen; H. 100. Mьnchen, 1988.

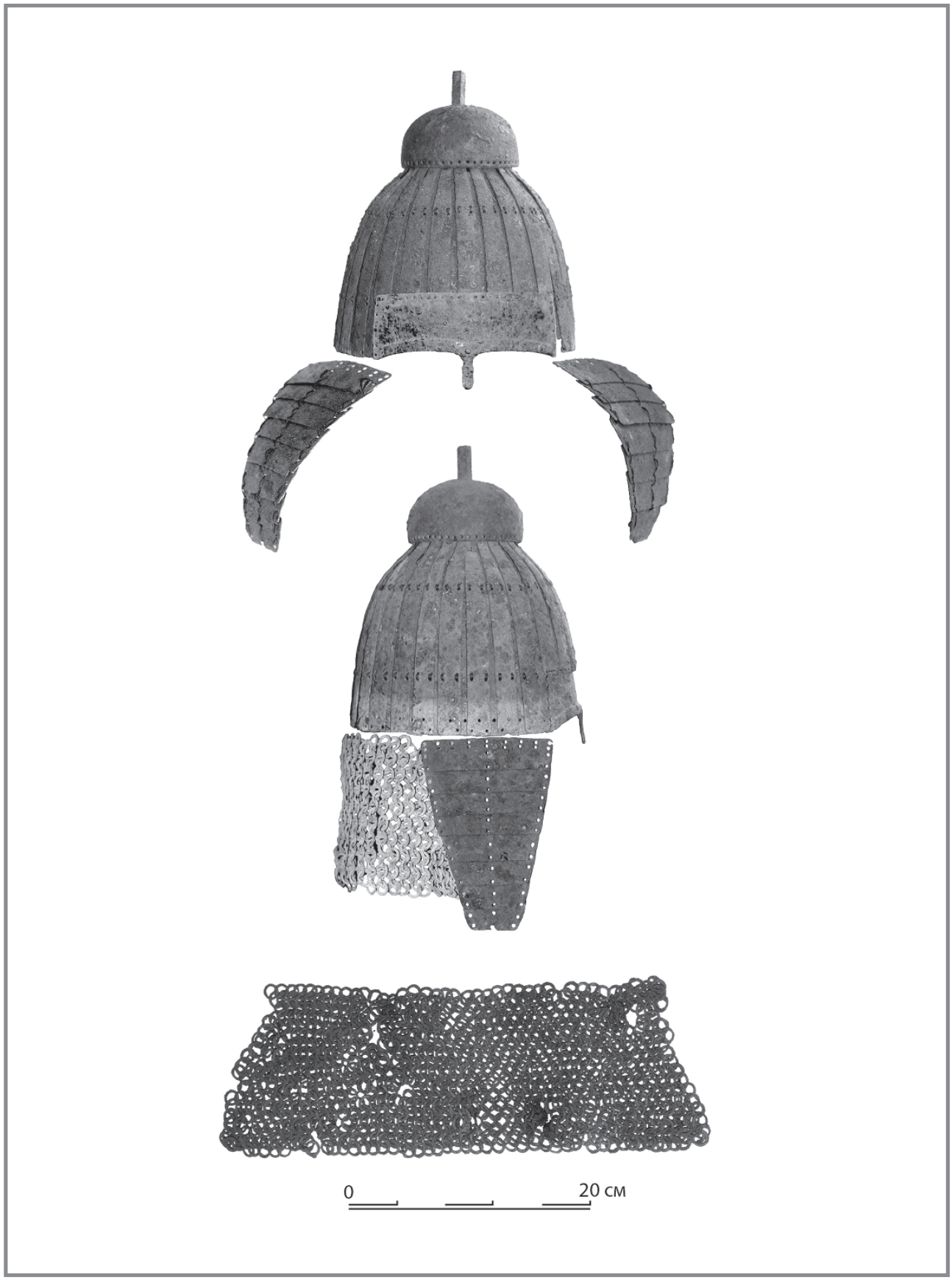

Рис. 1. Фотография шлема из Хомутовского района до реставрации.

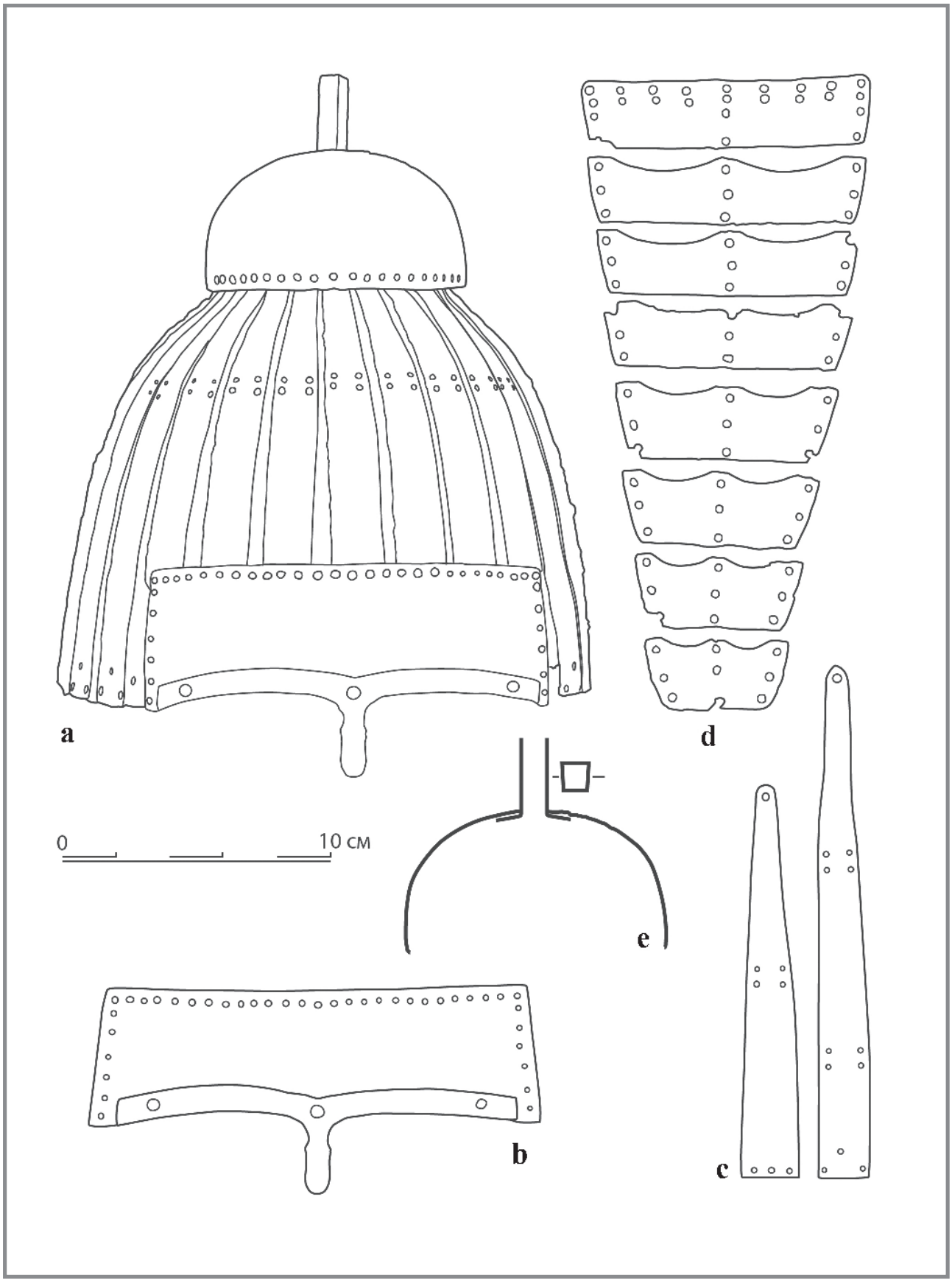

Рис. 2 Прорисовка конструктивных элементов шлема

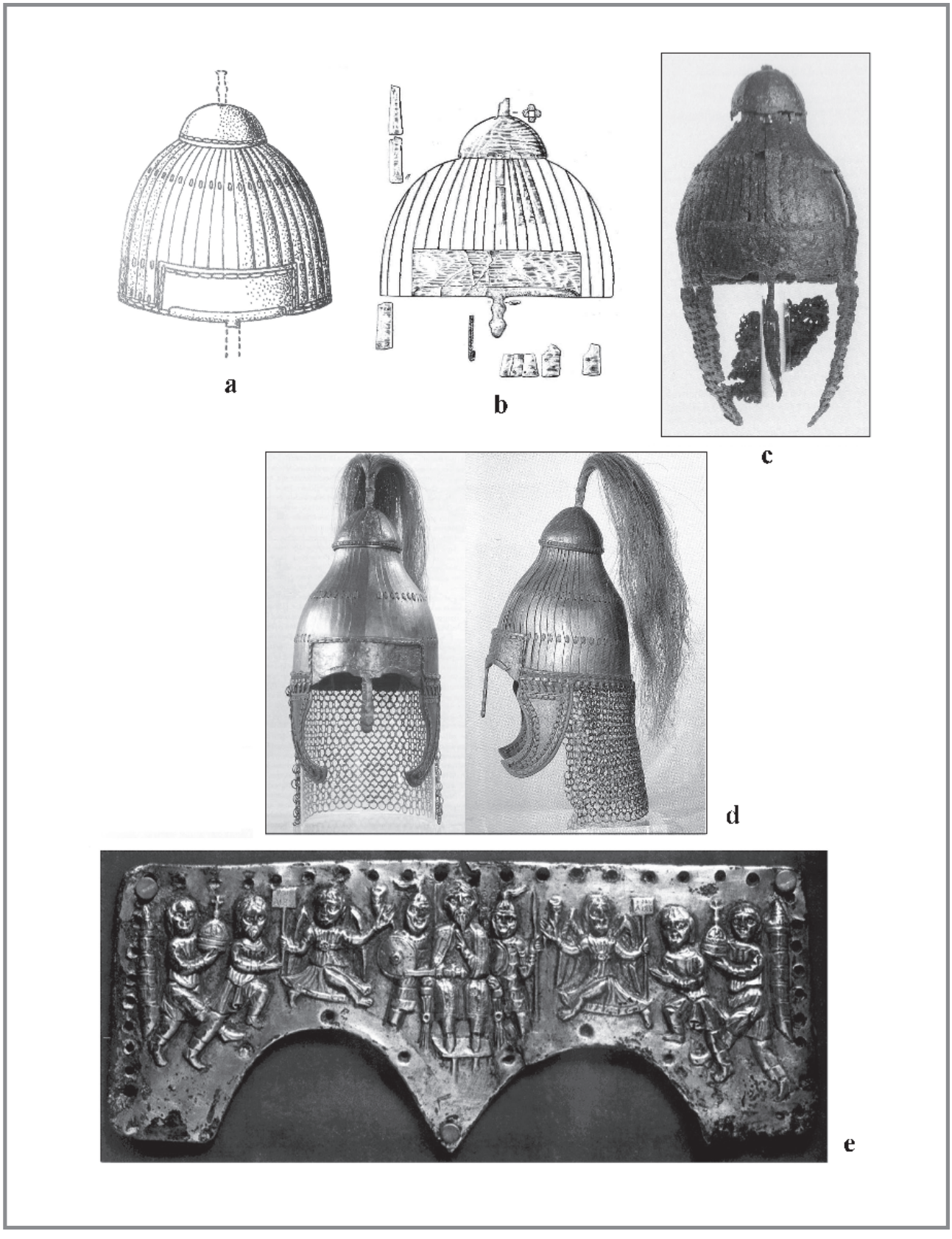

Рис. 3 Европейские аналогии шлема. A. Катакомба 1881 года на ул.Госпитальная в Керчи (Украина), B. Ильичевское городище (Россия), C. Болгария, D. Нидерштоцинген (Германия, Баден-Вюртенберг, современная реконструкция), E. Вальдиньеволе, Тоскана (Италия).

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЕМЬЯ В X в. (НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА У Д. ШУКЛИНКА)

© 2012 г. М.В. Веретюшкина, С.А. Горбаненко
Курский государственный университет, Курск
Институт археологии НАН Украины, Киев

Поселение Шуклинское находится около д. Шуклинка у городской черты современного Курска на правобережной террасе р. Тускарь. Оно расположено рядом с одноименным городищем и курганным могильником, представляя вместе с ними единый археологический комплекс. Памятник известен с 1920-х гг. На протяжении всего XX в. на нем неоднократно проводились как разведочные работы (И.И. Ляпушкин в 1948 г., О.Н. Мельниковская в 1948 г. и 1969 г., П.Г. Гайдуков в 1978 г.), так и стационарные исследования (Л.Н. Соловьев в 1925 г., Т.Н. Никольская в 1952–1953 гг.) (Соловьев, 1926; Никольская, 1958). После длительного перерыва работы на памятнике возобновились только в 2010 г. под руководством О.Н. Енуковой. Одной из причин этого является факт случайного обнаружения клада восточных дирхемов, обрезанных в кружок (Енукова, 2011. Л. 2). В 2010–2011 гг. на поселении вскрыта площадь 300 м^2. В напластованиях выявлены материалы роменской археологической культуры. В целом Шуклинское селище имеет синхронную с городищем датировку.

Посемье расположено в восточной части ареала роменской культуры, носители которой отождествляются с летописными северянами. Шуклинский археологический комплекс находится на северо-востоке Посемья, в микрорегионе с самой высокой концентрацией памятников в Северской земле (Рис. 1, *I*) (Енуков, 2005. С. 11-27. Карта).

В результате полевых исследований сведения об особенностях земледелия населения Шуклинки существенно расширились. Еще в 1952 г. Т.Н. Никольской на городище был выявлен широколопастной наральник, а также обломок косы-горбуши (Никольская, 1958. С. 76. Рис. 22, *1, 2*). В напластованиях памятника встречены обломки жерновов (Енукова, 2011. Л. 44. Илл. 212). В 2010–2011 гг. в результате работ на территории Шуклинского селища обнаружен большой комплекс хозяйственных ям (Енукова, 2011. Л. 12-51). Дополняют понимание особенностей земледелия населения Шуклинского селища результаты палеоэтноботанического анализа (по отпечаткам зерновок и семян культурных и сорных растений на изделиях из глины). Комплексный анализ имеющихся данных позволил осветить особенности земледелия на конкретном памятнике.

Развитию в регионе земледелия в целом и увеличению объемов производимого зерна в частности способствовали благоприятные почвенно-климатические условия. Территория Потускарья расположена в лесостепной зоне Восточноевропейской равнины. В I тыс. н. э. климат здесь существенно не отличался от современного (Борисов, 1975. С. 77, 78, 170). Температурный режим благоприятствовал занятию сельским хозяйством, поскольку VIII–X вв. являлись периодом, так называемого температурного оптимума (Слепцов, Клименко, 2004).

Согласно данным картографирования, в ресурсную зону Шуклинского археологического комплекса входят два вида почв – темно-серые лесные и аллювиальные пойменные луговые (Веретюшкина, 2011. С. 1-4). Первый тип грунта был сформирован под травянистыми лесами и обладает сравнительно высокой степенью плодородия. При правильном использовании темно-серые лесные почвы достаточно плодородны и пригодны для выращивания большого набора сельскохозяйственных культур. Аллювиальные почвы характеризуются довольно высоким содержанием гумуса и степенью увлажненности. Грунт обладает высоким плодородием, но для его успешного освоения требуется постоянная мелиорация. Пойменные участки подходят для выпаса животных, заготовки кормов, а также выращивания огородных и садовых культур (Афанасьева, Василенко, Терешина и др., 1979. С. 148-149).

Шуклинский археологический комплекс расположен в густонаселенной в древности зоне Посемья. Вместе с тем, на правобережье р. Тускарь потенциальные ресурсные зоны древних населенных пунктов практически не пересекаются. Селище Глебово (на север – северо-запад от Шуклинки) находится приблизительно в 7 км; городище и селище в Курске (на юг) – в 8 км. В обоих случаях можно говорить о том, что границы ресурсных зон

14. з. 7377

указанных древних поселений близки к теоретически возможным, радиусом в 5 км (Рис. 1,*II*). Вероятные границы, с учетом ресурсных зон соседних поселений приблизительно совпадают с имеющимися оврагами (Рис. 1), которые также могли быть естественными рубежами между ними. На западе от Шуклинки (в 4,3–4,5 км) протекает р. Обметь, практически совпадая с границей ресурсной зоны. На востоке водоразделом является собственно р. Сейм. Учитывая то, что невдалеке на левом берегу находились другие поселения (Вырки, Щетинка), вероятно, хозяйственная деятельность древних жителей Шуклинки на противоположный берег не распространялась[1] (рис. 1,*II*).

Таким образом, в ресурсной зоне поселения могло находиться более 3 тыс. га. Из этой площади следует исключить порядка 25–30 % площадей под балками и оврагами, сопровождающими русла рек и их систем. То есть, полезные сельскохозяйственные площади могли составлять более 2,1–2,25 тыс. га. Из этих площадей привлекают внимание следующие. На север – северо-запад от Шуклинки (прилегая к комплексу) между оврагом (с запада) и поймой реки (с востока) находится достаточно обширная территория протяженностью более 4 км при ширине от 0,5 до 2 км, по рельефу пригодная для земледелия. За оврагом в 1,2 км на запад (по прямой) также находятся обширные территории без резких перепадов высот, ограниченные руслом р. Обметь (с запада) и собственно оврагом (с востока).

С севера и юга от поселения, практически прилегая к нему, находятся небольшие пойменные участки с аналогичными характеристиками. С востока их естественной границей является р. Сейм; благодаря изгибам реки, южный сектор «огражден» также и с юга. Учитывая определенную изоляцию участков, именно такие пойменные зоны удобнее всего использовать для выпаса животных, что подтверждается их аналогичным использованием в этнографическое время и вплоть до наших дней.

Таким образом, в ресурсной зоне исследуемого комплекса можно выделить участки, удобные для занятия земледелием, а также зоны, которые в силу вышеуказанных причин, целесообразнее было использовать для выпаса животных (Рис. 1,*III*).

Орудия обработки почвы представлены находкой наральника (Рис. 2,*1*). Он имеет следующие размеры (в см): общая длина – 16, лезвия – 10; ширина втулки – 5, лезвия (в наиболее широкой части) – 9. По классификации Ю.А. Краснова наконечник принадлежит к типу I В 2, характерному для славянского населения лесостепи второй половины I тыс. н. э. (Краснов, 1987. С. 42, 68). Наральники данного типа часто встречаются на памятниках Посемья, а также на роменских поселениях соседних регионов. Аналогичные находки обнаружены на городищах Новотроицкое, Ратское, Глухов, Битица, Лебедка, недалеко от Сугровского археологического комплекса, поселении Жерновец-3 (Ляпушкин, 1953; Никольская, 1959. С. 58. Рис. 24, *1*; Пузикова, 1984; Сухобоков, Вознесенская, Приймак, 1989. С. 98–99; Приймак, 1990. С. 70; Енуков, 1993. Л. 79. Рис. 200а, *1*; Сухобоков, Горбаненко, 2001; Веретюшкина, 2011. С. 84–88. Рис. 3,*2*). Подобная тенденция свидетельствует об определенном доминировании типа I В 2 среди инвентаря земледельцев Посемья IX–X вв. по отношению к другим формам наконечников (Веретюшкина, 2010. С. 3, 8. Таблица). Вероятнее всего, это объясняется почвенными условиями, а также уровнем развития кузнечного ремесла.

Учитывая несомкнутость втулки и широколезвийность детали, наральник возможно было использовать только на ралах с горизонтальным ральником. К подобным принадлежат два типа орудий (по нашей типологии: (Горбаненко, 2006. Рис. 1): тип *4* – кривогрядильное рало с ральником, поставленным горизонтально к линии пахоты и укрепленным железным широколезвийным наконечником (Рис. 2,*2*); тип *5* – орудие плужного типа – кривогрядильное рало с ральником, поставленным горизонтально к линии пахоты, укреплен-

[1] С большой долей осторожности можно предположить, что близкие поселения на левом берегу являлись своего рода выселками Шуклинского комплекса и составляли с ним единое «гнездо» поселений [Енуков, 2005, с. 92-100]. Таким образом, сельскохозяйственная зона поселения увеличивалась за счет плодородных пойменных участков.

ным железным широколезвийным наконечником, чересломом, размещенным перед наральником, и отвальной доской. Возвращаясь к материалу из Шуклинки, следует предположить, что для обработки полей вокруг поселенческого комплекса орудие плужного типа не требовалось: достаточно было рала типа *4*.

При определении *палеоэтноботанического спектра (ПБС)* (Кравченко, Пашкевич, 1985) просмотрена коллекция изделий из глины с памятника с целью снятия отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений. Материал хранится в фондах НИИ археологии Юго-Востока Руси КГУ. Основу коллекции составляют материалы раскопок 2010–2011 гг. под руководством О.Н. Енуковой. Интерпретация проведена по методике образования ПБС по количеству зерновок с дальнейшим пересчетом полученных результатов по объему (Горбаненко, 2011). Выявлено 130 отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений, которые удалось определить. Из них 113 зерновок принадлежит злаковым культурным растениям, 11 – семенам бобовых и технических, 6 зерновок – сорным растениям (в той же последовательности по уменьшению количества): 73 проса (*Panicum miliaceum*) (из них 27 на днищах), 16 пшеницы голозерной (*Triticum aestivum* s. l.), 9 пшеницы пленчатой двузернянки (*Triticum diccoccon*), 7 ржи (*Secale cereale*), 6 ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*), 2 зерновки, возможно, овса (не определенного до вида) (*Avena* sp.) (Рис. 3,*а*); 6 семян чечевицы (*Lens culinaris*), 2 гороха (*Pisum sativum*); 3 конопли (*Cannabis sativa*); 5 зерновок костра (не определимого до вида) (*Bromus* sp.), 1 щетинника (не определимого до вида) (*Setaria* sp.) (Горбаненко, 2012).

Проведен пересчет ПБС зерновок культурных растений с учетом следующих положений. Не учтены как таковые отпечатки зерен проса на днищах горшков (27), поскольку это привносит статистическую ошибку в связи с тем, что именно их могли целенаправленно подсыпать под днища (Пашкевич, Гейко, 1998). Кроме того, учтена разница в размерах зерновок. Таким образом, ПБС по объему (например, по употреблению в пищу) имеет следующий вид: треть выращиваемого зерна составляла пшеница голозерная; далее идет просо (около четверти); пшеница двузернянка, рожь и ячмень дополняют спектр (10–15 %). Овес представлен стабильно малой долей (меньше 1/20) (Рис. 3) и судить о его значении достаточно проблематично.

Полученные данные дают возможность прийти к следующим заключениям. О высоком уровне техники земледелия свидетельствует частая встречаемость отпечатков голозерных пшениц, поскольку для их выращивания (как и для ржи) требовалась качественная глубокая вспашка полей.

Достаточно высокий процент проса, присутствующий в ПБС памятника, может быть прокомментирован следующим образом. Просо (а также ячмень пленчатый и пшеница двузернянка) – наиболее традиционная для выращивания культура. Тем не менее, на фоне общего прогрессировавшего (по сравнению с предыдущим периодом) уровня развития земледелия в конце I тыс. н. э., сложно предположить, что традиционность выращивания культуры могла преобладать над здравым смыслом. Другие объяснения – выращивание проса по подсекам и / или в пойменных участках у реки – кажутся более вероятными. Тем более что, как залесенные, так и пойменные участки известны невдалеке от Шуклинского археологического комплекса. Если говорить о подсеке (в качестве временной меры для расчистки участков под дальнейшие вспахиваемые поля), следует предположить, что на момент существования Шуклинского городища и селища в их округе пахотный фонд еще только формировался, в том числе за счет участков, очищаемых от лесной растительности.

Несколько удивляет на фоне большой доли пшениц голозерных относительно небольшой процент ржи, которая также является более продуктивной (и требующей высокого уровня обработки почвы), чем традиционные просо, пшеница двузернянка, ячмень пленчатый. Возможно, объяснение кроется в том, что экологические условия в районе Потускарья не были благоприятными для выращивания данного злака. Традиционно сложно оценить малую долю овса: он стабильно встречается на памятниках конца I тыс. н. э. в малых количествах.

Более важным для реконструкции систем земледелия является присутствие зерновок сорняков. Само их наличие свидетельствует об использовании старопахотных полей. Выявление костра может быть интерпретировано как показатель наличия яровых и озимых посевов (поскольку это в основном сорняк озимой ржи), а также являться косвенным подтверждением существования двух- и трехполья (так как разносезонные посевы зерновых можно признать мерами по восстановлению плодородия почв наипростейшим способом – оставлять поле для отдыха без посевов в вегетативный период – «под паром»). Это косвенно подтверждается письменным свидетельством Ибрагима Ибн-Якуба, который указывал, что славяне «сеют в два времени года, летом и весною и пожинают два урожая» (Известия, 1878. С. 54).

Находка отпечатков семян культурных растений расширяют представление о рационе растительной пищи древних поселенцев, получаемой в результате земледельческого труда (чечевица, горох посевной), а также свидетельствуют о частичной направленности земледелия для обеспечения ткачества сырьевой базой (конопля).

Археологически неподтвержденным является процесс *сбора урожая*. На комплексе до сих пор не найдены серпы, использование которых для сбора урожая ни у кого не вызывает сомнений. Тем не менее, предположить, что жители древней Шуклинки их не применяли, невозможно. Находки серпов известны на других памятниках Посемья IX–X вв. – городища Горнальское, Гора Ивана Рыльского, поселение Жерновец 3 (Вознесенская, 1979. С. 70–76; Фролов, 1993; Пузикова, 1984). С небольшими вариациями (которые можно приписать местным традициям, случайностям в процессе изготовления и т. п.) формы серпов практически окончательно сформировались к концу I – началу II тыс. н. э. и в таком виде существуют до наших дней включительно (Левашова, 1956. С. 67).

К орудиям сбора урожая условно причисляют косы-горбуши (их могли использовать для уборки урожая злаков с тугим колосом). Однако применение кос более распространено для заготовки сена животным на время стойлового периода их содержания. На Шуклинском городище обнаружен выразительный фрагмент косы: сохранившаяся часть имеет общую длину 20, лезвия 12 см; длина крепления составляет около 10 см; оно находится под углом приблизительно 140˚ к полотну косы. На конце крепления расположен крючок для более плотного сочленения с деревянной рукоятью (Рис. 4, *1*). По классификации В.К. Михеева, орудие принадлежит к типу I (Рис. 4, *2*) – полукосам, либо косам-горбушам с пяткой (Михеев, 1985, с. 29–31). Лезвие могли крепить к рукояти при помощи эластичного материала, либо железного кольца (Рис.4,*3*).

Хранение урожая. В последней четверти I тыс. н. э. для хранения урожая славянским населением региона в основном применялись специальные ямы-зернохранилища (житные или хлебные ямы). Их использование было довольно удобным и практичным. Оптимальный микроклимат внутри ямы, простота в создании, а также хорошая защита от пожаров способствовали длительному существованию подобных конструкций в крестьянской хозяйственной традиции по всей Европейской части России, а в черноземных губерниях – вплоть до XIX – начала XX в. (Шангина, 2003. С. 144). Наиболее подходящим для выкапывания зернохранилища являлся глинистый грунт. По данным этнографии, ямы имеют круглую или грушевидную форму, т. е. узкий вход, который, по мере того как он углубляется в землю, постепенно становится шире. Часто для высушивания внутреннего пространства ямы перед использованием ее прокаливали, а затем обкладывали берестой (Зеленин, 1991. С. 83). Зерно в подобных хранилищах могло содержаться годами, не теряя пищевых свойств (Милов, 2001. С. 145).

Глинистый материк на территории Шуклинского селища оптимально подходит для выкапывания зернохранилищ. В 2010 г. выявлено 13 подобных сооружений, различного объема (таблица), образующих хозяйственную зону для хранения продуктов (Енукова, 2011. Л. 52. Илл. 82). Подавляющее большинство объектов имело подбои. По форме ямы можно разделить на три типа.

Первый тип (Рис. 5,*1,4–6*) наиболее представителен (7 ям) – это ямы колоколовидной формы. Они характеризуются широким цилиндрическим в плане входом, постепенно расширяющимся при заглублении в землю, и плоским дном. Их размеры и пропорции разнообразны: диаметр устья 0,72–1,68 м, дна – 0,92–2,2 м, глубина 1–1,97 м.

Ко второму типу (Рис. 5,*2*) относятся три ямы цилиндрической формы (я. 9, 34 А, 35 В). Несмотря на различия в общих параметрах (таблица), все они имели практически отвесные стенки и равный диаметр по всей глубине.

Две ямы относятся к типу 3 (я. 10, 26) и имеют конусовидную форму: их стенки постепенно расширяются ко дну (Рис. 5,*3*). Оба объекта значительно различаются по основным размерам и минимальному объему заполнения (таблица).

Обращает на себя внимание яма 50 (Рис. 5,*4*), имевшая колбовидную форму. Сверху в нее вело цилиндрическое сквозное длинное отверстие. На том же поселении Шуклинка выявлена яма схожей конструкции (я. 21) (Рис. 5,*5*). Узкая горловина удачно подходила для использования крышки. Среди выявленных объектов присутствует яма с порогом (яма 2), который, вероятно, облегчал выборку зерна из хранилища (Рис. 5,*6*). В придонной части объекта прослежена прослойка древесного тлена толщиной 2–4 см, «вписанная» в золисто-угольное пятно (Енукова, 2011. Л. 24), скорее всего, являвшаяся остатками крышки.

Над зернохранилищами, как правило, возводилась шалашная конструкция (Ляпушкин, 1958. С. 207. Рис. 115, *1–4*; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 86, *2*). В нашем случае, вероятно, применялась похожая система: нет ни одного объекта, столбовые ямы вокруг которых предполагали бы каркасную конструкцию (Енукова, 2011. Илл. 82).

Примечательно, что на славянских памятниках последней четверти I тыс. житные ямы были обособленными, и не образовывали хозяйственной зоны, как на Шуклинском селище. Аналогии подобного рода комплексам относятся ко второй четверти I тыс. н. э. (Щербакова, Чеботаренко, 1974; Вакуленко, 2004. Рис. 3; Пашкевич, Милян, 2010. Рис. 4). Именно в этот период в регионе шел процесс активного денежного обращения.

Ямы располагались компактно, образуя хозяйственную зону (Енукова, 2011. Илл. 82). Вероятнее всего, они существовали одновременно, поскольку объекты не перекрывали друг друга. Вместе с тем, полученный набор артефактов однозначных данных о хронологии существования хозяйственной зоны не дает. Находка монетного клада арабских дирхемов (Енукова, 2011. Л. 51. Илл. 4) с определенной долей уверенности позволяет выявить только верхнюю границу бытования объектов – младшая монета в нем по предварительным данным относится к 980/981 гг.[2] Таким образом, вероятной датой гибели памятника является вторая половина – конец X в.

Исходя из имеющихся данных о минимальном полезном объеме выявленных объектов, попробуем определить то количество людей, которые могли одновременно использовать эти хранилища для поддержания приемлемого уровня жизни. Поскольку письменные и археологические источники не дают полной информации о количестве зерна, необходимого для питания семьи в X в., мы используем данные XVIII в. Применение этнографических сведений в данном случае вполне допустимо, поскольку, несмотря на общее усовершенствование агрикультуры, суточные энергозатраты человека вряд ли претерпели существенные изменения с конца I тыс. н. э.

При проведении расчетов мы исходим из данных, что среднестатистическая семья последней четверти I – начала II тыс. н. э. состояла из шести человек: двое взрослых, четверо стариков и детей (Козюба, 2001. С. 38–39). На основе этнографических данных и критики источников Л.В. Милов сделал вывод, что для минимального удовлетворения энергетических потребностей взрослому человеку необходимо было 24 пуда зерна в год, старикам и

[2] Благодарим за предоставленные сведения В.П. Лебедева и В.В. Енукова.

детям – половина указанной нормы. Таким образом, одной семье требовалось 96 пудов (1572,5 кг) зерна в год. В этот же объем входят расходы на подкормку животных (1 лошадь и 2 коровы) – 24 пуда (393 кг) (Милов, 2001. С. 386–388).

Данные палеоэтноботаники свидетельствуют, что жители Шуклинского селища в основном выращивали просо, пшеницу, рожь, овес и ячмень (см. Рис. 3,*б*). Суммарный полезный объем выявленных зернохранилищ соответствует 24535 кг. На основе данных о соотношении основных зерновых культур в ПБС памятника можно предположить, что в обнаруженные хранилища поместилось бы 8178,3 кг (1/3 от всего объема) голозерной пшеницы, проса – 6133,7 кг (1/4). Количество пшеницы двузернянки, ржи и ячменя пленочного варьируется в пределах 2453,5–3680,2 кг (10–15 % объема). На последнем месте среди зерновых находится овес – 1226,7 кг (1/20). Исходя из минимальной нормы годовых семейных потребностей получается, что зерна из всех выявленных ям хватило бы для жизнеобеспечения 15 семей или 94 человек. Естественно, подобные расчеты приблизительны, т. к. не учитывают семенной фонд, выяснение объема которого в силу неполноты данных невозможно.

Обнаружение недалеко от ямы 31 А монетного клада (Енукова, 2011. Л. 35. Илл. 11) позволяет предположить, что выращенный урожай шел не только на личные нужды, но и являлся предметом купли-продажи.

Для *переработки урожая* в VIII–X вв. славянское население Посемья использовало в основном ручные жернова. В 2010 г. на Шуклинском селище найдено несколько обломков подобных орудий, но, к сожалению, только один из них имел явно выраженную рабочую поверхность (Рис. 6, *1*). Вместе с тем, выявленный фрагмент малоинформативен для полной реконструкции, поскольку представляет собой периферийную часть жернова без каких-либо углублений. Отсутствие крупных частей или целых жерновов на территории хозяйственной зоны со значительной долей осторожности можно объяснить тем, что зерно в основном перемалывали около жилища по мере необходимости. При условии того, что хлеб, как правило, пекся в больших объемах на долгое время, трудозатраты на перемол зерна были вполне оправданы.

Находки как целых кругов, так и их частей встречаются на большинстве памятников региона. Устройство орудий было довольно простым и универсальным. Оно состояло из двух кругов диаметром около 40 см. В центре верхнего круга (бегуна) имелось отверстие для засыпания зерна, а около края вставлялась деревянная ручка. Если принять во внимание тезис о переработке зерновых вне помещений, следует предположить, что жерновая конструкция была портативной. В таком случае обнаруженный фрагмент мог принадлежать группе III варианту Б по классификации Р.С. Минасяна – постав с обычной рукоятью, расположенной в углублении на периферии верхнего камня (Минасян, 1978).

Подведем итоги. Благоприятный климат региона и его почвенные условия, а также уровень развития общества, способствовали постоянному совершенствованию приемов и средств почвообработки, на что указывают находки широколопастных наральников не только в Шуклинке, но и на других памятниках Посемья. Форма наконечника свидетельствует о распространении в регионе прогрессивного пашенного орудия плужного типа (кривогрядильного рала с горизонтальным полозом). Состав и общая характеристика палеоэтноботанического комплекса позволяет предположить развитие севооборота. Значительные объемы хозяйственных ям и находка клада дирхемов дают возможность с осторожностью говорить о появлении излишков зерна, пригодных для продажи. Перечисленные факты являются свидетельством того, что в X в. земледелие населения Шуклинского археологического комплекса достигло высокого уровня, что соответствовало общим прогрессивным тенденциям социально-экономического развития северянского племенного союза. Густонаселенная округа и близость к торговым путям позволяли жителям Шуклинки эффективно осваивать экономическое пространство региона.

Таблица. Объемы хозяйственных ям для хранения зернового запаса.

№ комплекса по полевой документации	Размеры			Минимальный полезный объем, л	Средний вес запаса, кг*
	Диаметр устья, м	Диаметр дна, м	Высота, м		
Тип 1. Колоколовидные					
1	1	1,4	1,35	1792	1380
2	1,6 ×1,4	1,88 × 2,2	1,97	5289	4073
21	0,96	1,6	1,78	1711	1318
32	0,9	1,32	1,3	1067	822
39	0,72	0,92	1,42	754	580
46	1	1,6	1,7	1479	1138
50	1	1,64	1,92	3250	2502
Тип 2. Цилиндрические					
9	2 × 1,84	1,8	1,6	4254	3276
34 А	1,36	1,44	1	1600	1232
35 В	1,44	---	1,44	2344	1804
Тип 3. Конусовидные					
10	1,68	2,14	1,94	5585	4300
26 + 26 А	1,12 × 0,96	1,4	1,14	1465	1128
Всего				31865	24535

Примечание. Больше 4000 кг – 2 ямы; больше 3000 кг – 1; больше 2000 кг – 1; больше 1000 кг – 6; менее 1000 кг – 3. * пересчет объема в вес произведен по среднему значению 1 гектолитр = 77 кг (Энциклопедический словарь, 1890–1907).

Литература

Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Терешина Т.В., Шеремет Б.В. Почвы СССР. М., 1979.

Борисов А.А. Климат СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л., 1975.

Вакуленко Л.В. Землеробство як економічна основа господарства прикарпатського населення в III–IV ст. н. е. // Археологія давніх слов'ян. Дослідження і матеріали. Київ, 2004.

Веретюшкина М.В. К вопросу о контактах Северской земли и Хазарии (на примере находок наконечников пахотных орудий). Ученые записки. Электронный научный журнал КГУ, 2010. № 4 (16). http://scientific-notes.ru/pdf/017-04.pdf

Веретюшкина М.В. Клад сельскохозяйственных орудий из д. Сугрово // Вестник ВГУ. История. Политология. Социология. №2. 2011.

Вознесенская Г.А. Техника кузнечного производства у восточных славян в VIII–X вв. // СА. № 2. 1979.

Горбаненко С.А. Землеробство слов'ян останньої чверті I тис. н. е. // Археологія. №3. 2006

Горбаненко С.А. Методы интерпретации сельскохозяйственных материалов // Stratum plus. № 5. 2011.

Горбаненко С.А. Палеоэтноботанические данные с Шуклинского селища (по отпечаткам на изделиях из глины) // Древности. Харьков, 2012.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М., 1995.

Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского района Курской области в 1992 г. // Архив КГОМА. 1993. Е I-16.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей: Курский край: Науч.-поп. серия в 20 т. Т. III. Курск, 2005.

Енукова О.Н.. Отчет о раскопках селища около д. Шуклинка Курского района Курской области в 2010 г. // Архив ИА РАН. 2011. Б/н.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Известия Аль-Бекари и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878.

Козюба В.К. 2001. Історико-демографічна характеристика давньоруської сім'ї (за матеріалами історичних та археологічних джерел) // Археологія. № 1. 2001.

Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А. Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций. Киев, 1985.

Краснов Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.

Левашова В.П. 1956. Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 32. М., 1956.

Ляпушкин И.И. Доклад на секции Славяно-русской археологии в апреле 1953 г. // Сессия ИИМК АН СССР. Л., 1953.

Ляпушкин И.И. Новотроицкое городище // МИА. № 74. 1958.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

Минасян Р.С. 1978. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. № 3. 1978.

Михеев В.К. Подонье в составе хазарского каганата. Харьков, 1985.

Никольская Т.Н. Шуклинское городище // КСИИМК. Вып. 72. 1958.

Никольская Т.Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. // МИА. № 72. 1959.

Пашкевич Г.О., Гейко А.В. Палеоботанічні дослідження та деякі питання виготовлення кераміки скіфського часу з Дніпровського Лісостепового Лівобережжя // АЛЛУ. № 1–2. 1998.

Пашкевич Г.О., Милян Т.Р. Палеоботанічні знахідки з поселення Йосипівка-III у Побужжі. Львів, 2010.

Приймак В.В. Орудия обработки почвы населения Днепровского Левобережья VIII–X вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Пузикова А.И. Отчет о работе Курского отряда Скифской экспедиции в 1983 г. // Архив КГОМА. 1984. 18.1-16.

Слепцов А.М., Клименко В.В. Обобщение палеоклиматических данных и реконструкция климата Восточной Европы за последние 2000 лет // Сайт социо-естественной истории. 2004. http://www.kulpin.ru/

Соловьев Л.Н. Стоянки и городища окрестностей г. Курска. Известия Курского губернского общества краеведения. № 4. 1926.

Сухобоков О.В., Вознесенская Г.А., Приймак В.В. Клад орудий труда и украшений из Битицкого городища // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.

Сухобоков О.В., Горбаненко С.А. Комплекс землеробських знарядь з городища Битиця-1 // АЛЛУ. № 2. 2001.

Фролов М.В. Отчет об археологических исследованиях городища «Гора Ивана Рыльского» в г. Рыльске Курской области и о геофизических исследованиях городища Октябрьское-I у с. Октябрьское Рыльского района в 1992 // Архив ИА РАН. 1993. Р-1. № 17171.

Шангина И.И. *Русский традиционный быт. Энциклопедический словарь. СПб., 2003.*

Щербакова Т.А., Чеботаренко Г.Ф. Усадьба на поселении первых веков н. э. у с. Будешты // АИМ за 1973 г. Кишинев, 1974.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XIA.: Брокгауз-Ефрон СПб., 1890–1907.

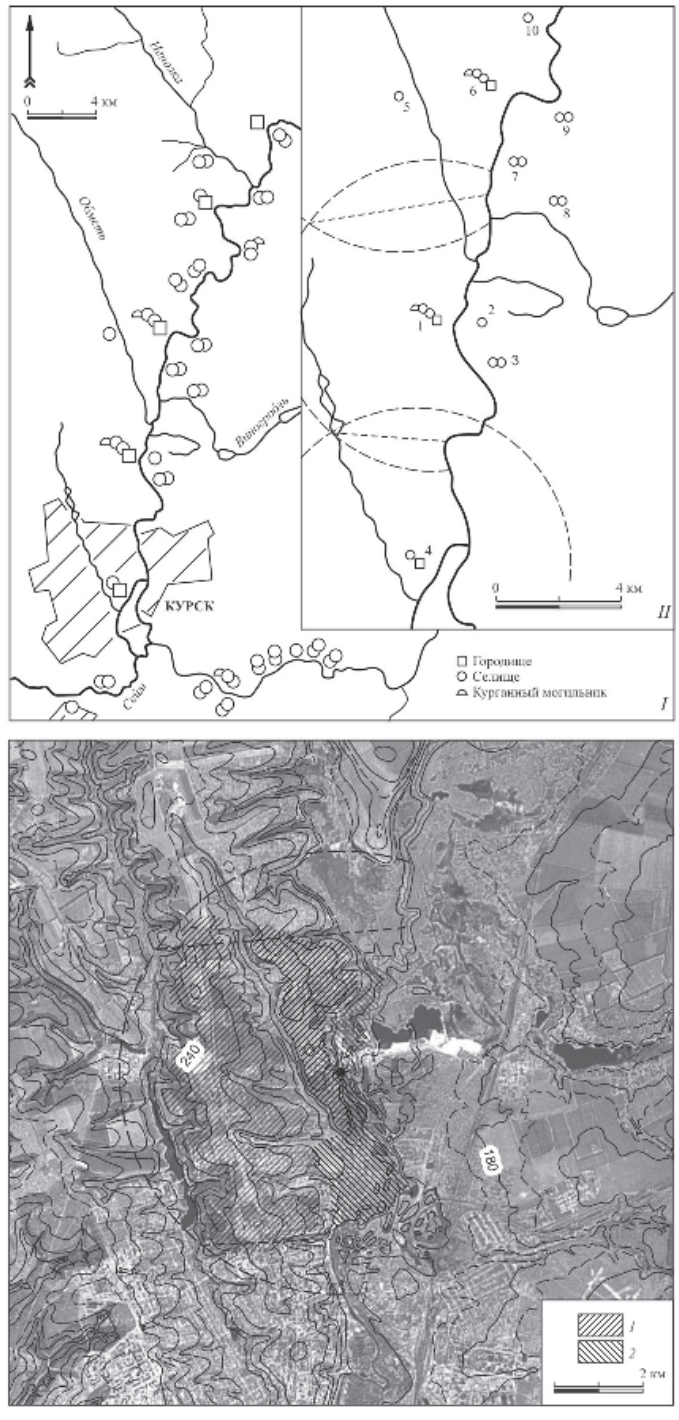

Рис. 1. Месторасположение Шуклинского археологического комплекса: *I* — памятники роменской культуры Посемья и пограничных территорий; *II* — расположение Шуклинского археологического комплекса и памятников в ближайшей округе: *1* — Шуклинский археологический комплекс, *2* — Вырки, *3* — Щетинка, *4* — Курск, *5* — Глебово, *6* — Мешково, *7* — Букреево, *8*— Каменево, *9* — Куркино (по: Енуков, 2005); — современный вид, фото из космоса (http://www.wikimapia.org/) с топографическими данными (изолинии через 20 м) (Карта России 1992: m-37-00): *1* — местность с достаточно ровной поверхностью (удобная под поля), *2* — участки, удобные для выпаса животных

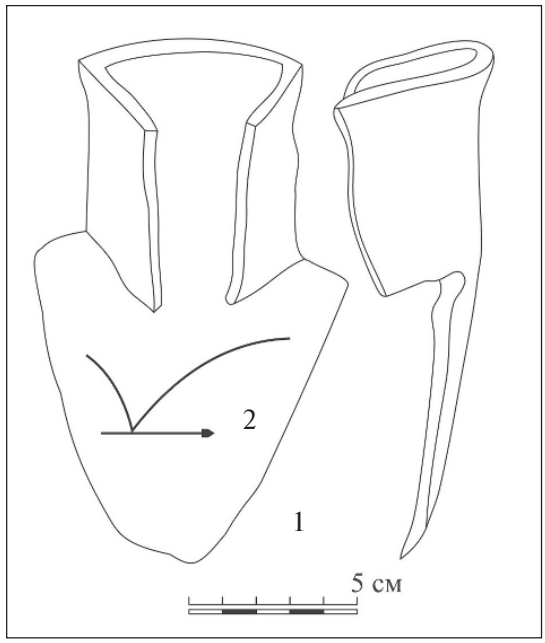

Рис. 2. Наральник, обнаруженный на Шуклинском городище:
1 — изображение (Никольская, 1958. С. 69), *2* — графическая реконструкция рала, на котором мог быть использован наральник (тип *4*)

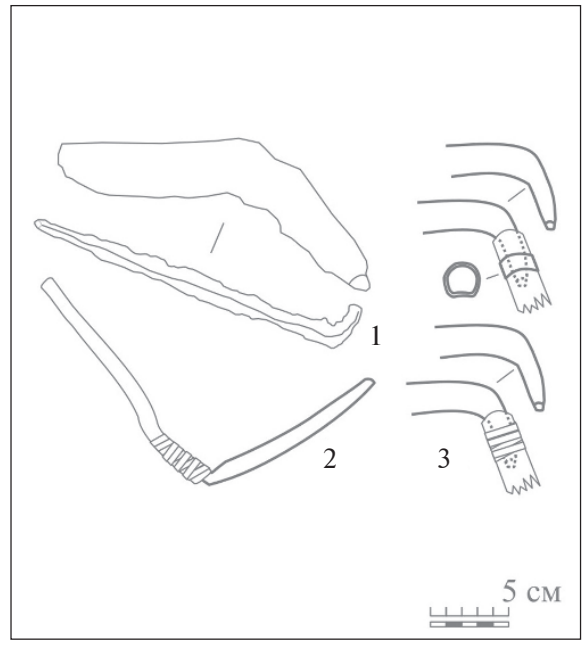

Рис. 4. Фрагмент косы-горбуши, обнаруженный на Шуклинском городище: *1* – изображение (Никольская, 1958. С. 76); Графическая реконструкция: *2* – общего вида косы-горбуши, *3* – крепления к рукояти.

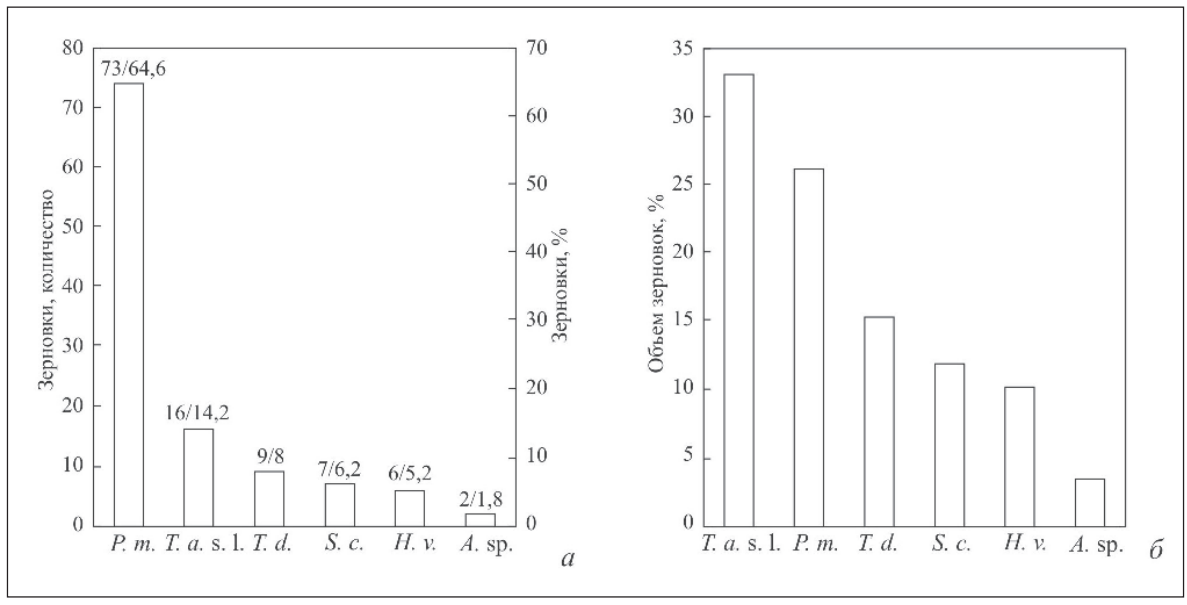

Рис. 3. Палеоэтноботанический спектр зерновок культурных растений из поселения Шуклинское: *а* — по количеству (над столбцами дано количество зерновок / процент); *б* — по объему: *P. m.*— *Panicum miliaceum*, *T. a.* s. l. — *Triticum aestivum* s. l., *T. d.* — *Triticum dicoccon*, *S. c.* — *Secale cereale*, *H. v.* — *Hordeum vulgare*, *A.* sp. — *Avena* sp.

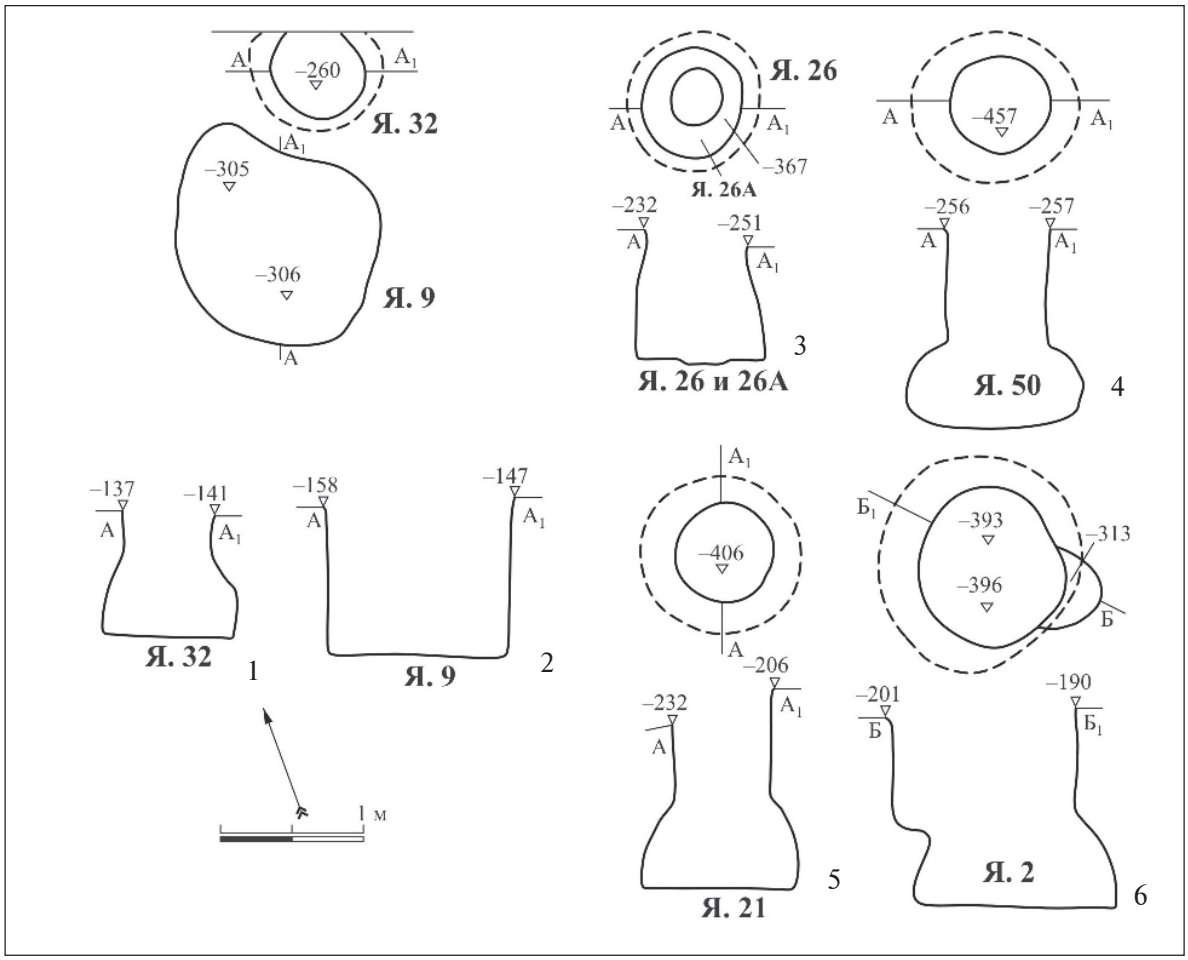

Рис. 5. Типы хозяйственных ям, выявленных на селище у д. Шуклинка (см. таблицу): *1, 4—6* — колоколовидные; *2* — цилиндрическая; *3* — конусовидная

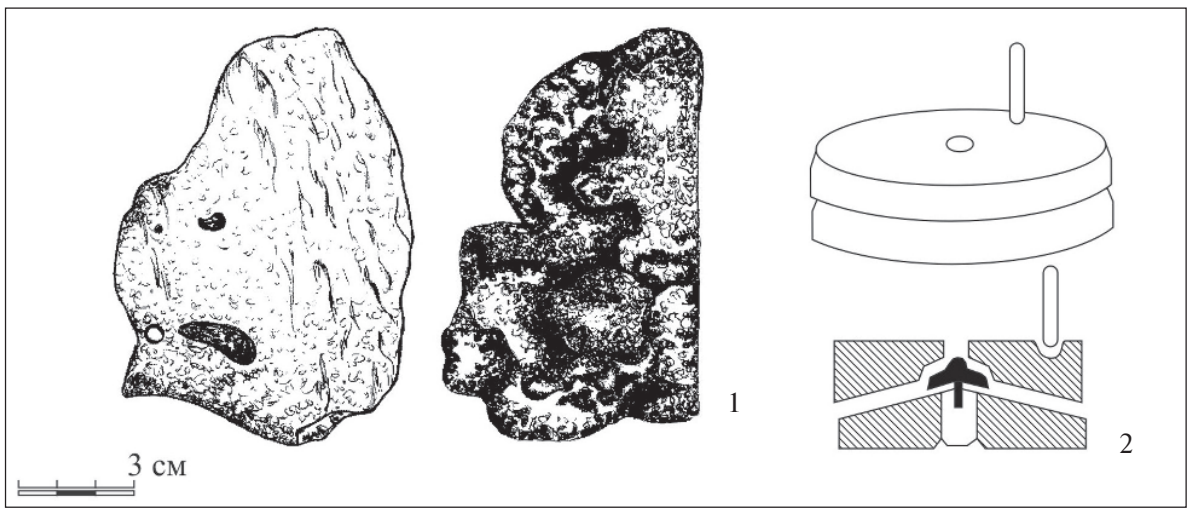

Рис. 6. Часть жернова из напластований селища у д. Шуклинка (*1*); **графическая реконструкция**: группа III, вариант Б (*2*) (по: Минасян, 1978)

АРАБСКИЕ МОНЕТЫ И ПОДРАЖАНИЯ ДИРХЕМАМ С ПОСЕЛЕНИЯ ЖИДЕЕВКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2012 г. Г.Ю. Стародубцев
Курский государственный областной музей археологии, Курск

Данная работа посвящена серебряным монетам[1], обнаруженным на Жидеевском археологическом комплексе (Железногорский район, Курская область) в 2000-е годы.

Комплекс состоит из городища и четырех селищ (Кашкин, 1998. С. 183-184) (Рис. 1). Городище расположено в 1 км к ЮЮВ от с. Жидеевка Железногорского района Курской области на останце в пойме правого берега р. Усожа (левый приток р. Свапа), примыкая с севера к урочищу «Городище». Западная часть площадки подмывается рекой. С напольной восточной стороны она укреплена подковообразным валом и рвом. Размеры сохранившейся части площадки в разные годы оценивались по разному: А.И. Пузиковой – 45×25 м, П.Г. Гайдуковым – 50×20 м. При составлении топографического плана в 2010 г. (Рис. 2) установлено, что в настоящее время ее размеры составляют 40×20 м., высота от уровня реки – 4,5–5,0 м. Высота вала – 0,5–2,0 м, глубина рва – 0,3–0,4 м. В насыпи северного участка вала наблюдаются две ямы от грабительских раскопок: первая – в форме неправильной окружности размером 2,5×2,3 м при глубине 0,65–0,7 м, вторая – подквадратной формы размером 2,7×3,0 м при глубине 1,3–1,36 м. Поселения примыкают к городищу с северной, северо-восточной, юго-юго-восточной и южной сторон и имеют площадь от 75×60–75 м до 100×340 м.

Памятники обследовались в ходе разведочных работ Ю.А. Липкинга в 1960-е гг., А.И. Пузиковой в 1972 г., П.Г. Гайдуковым в 1981 г. (Липкинг, 1969. С. 190; Пузикова, 1972. Л. 2, 3; Гайдуков, 1981. Л. 19). Стационарных раскопок на территории комплекса не проводилось вплоть до 2010 г., когда Древнерусской экспедицией Курского государственного областного музея археологии были начаты раскопки городища. В ходе работ обнаружены заглубленные в материк ямы, являющиеся остатками хозяйственных построек и столбовых конструкций.

Массовые находки на городище представлены фрагментами лепной и круговой керамики конца X – 1 половины XI вв., обмазки, кварцита, мелкими углями, костями животных. Отмечены находки отдельных мелких фрагментов лепных и раннекруговых сосудов раннего железного века. Из индивидуальных находок в насыщенном золой слое обнаружены: перстень с орнаментированным щитком и завязанными концами, кольцо височное перстнеобразное и поясная лировидная пряжка из бронзы; железные стамеска, пряжка, кольцо, нож, серп; обломки бритвы и крючка, а также двух неопределимых изделий. В ямах зафиксированы следующие индивидуальные находки: в яме 2 – бронзовый перстень с орнаментированным щитком и завязанными концами, астрагал со сверлением, шиферное биконическое пряслице, сверло и фрагмент неопределимого изделия из железа; в яме 3 – железный клин; в яме 5 – фрагмент височного перстнеобразного кольца из билона и точильный камень; в яме 7 – шиферное биконическое пряслице, игла и фрагмент неопределимого изделия из железа.

При осмотре поселения зафиксированы многочисленные грабительские ямы разного времени размером от 0,2 х 0,3 до 0,3 х 0,5 м, являющиеся результатами многолетних кладоискательских сборов, начиная с 2003 г., когда на памятнике был найден денежно-вещевой клад, состоящий из фрагментов серебряного пластинчатого очелья, двух серебряных браслетов с расширяющимися концами, серебряного навершия кресала в виде дракона, 5 серебряных семилучевых височных колец, 320 куфических дирхемов (из которых 23 имели бронзовые петли для привешивания, а 297 были обрезаны в кружок) (Шпилев, 2008. С. 46).

В отвалах этих ям был собран подъемный материал, среди которого зафиксированы изделия из железа и бронзы. Среди находок из железа – ножи и их обломки (№№ 6, 8, 9, 11-16)[2], гарпун (№ 5), напильники (№№ 17, 18), фрагменты изделий (№№ 20, 21), обломок подковки от обуви (№ 19) и обломок лезвия топора (№ 7). Кроме того найдена бронзовая пластинчатая петля привески с заклепкой (№ 10).

---

[1] Автор выражает признательность В.П. Лебедеву за неоценимую помощь в определении монет.

[2] Номера находок даны по коллекционной описи «Отчета о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2010 г.».

АРАБСКИЕ МОНЕТЫ И ПОДРАЖАНИЯ ДИРХЕМАМ С ПОСЕЛЕНИЯ ЖИДЕЕВКА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Помимо сборов с поселения была проведена убедительная беседа с одним из местных кладоискателей, результатом которой стала передача его находок сотрудникам экспедиции для научной обработки и последующей сдачи в фонды музея[3]. Среди них – изделия из бронзы: пуговица (№ 1), орнаментированное кольцо (№ 3) и шахматная фигурка (№ 4); находки из серебра – обломок браслета с утолщающимися концами (№ 2), 8 обрезанных в кружок арабских дирхемов (№№ 22, 23, 25-28, 30, 31) и 3 фрагмента (в том числе двух разрезанных) дирхемов (№№ 24, 29, 32).

Из одиннадцати найденных монет восемь относятся к династии Саманидов (№№ 25-32). Принадлежность пяти из них удалось определить (№№ 25-27, 30, 31), трех – не удалось по различным причинам: из-за значительной потертости экземпляра (№ 28), а также в связи с тем, что они являются вырезками из целых монет и легенда оказалась за пределами данных фрагментов (№№ 29, 32). Три монеты являются подражаниями саманидским дирхемам (№№ 22-24).

В связи с тем, что дирхемы обрезывались, опираясь на внутренний шаблон, линейный круг, отделяющий центральную легенду от круговой с выпускными данными, на большинстве монет не сохранился. Вследствие этого прочесть монетный двор и дату чеканки большинства находок не представляется возможным. Поэтому датировка четырех (№№ 25-27, 30) из одиннадцати монет в таблице 1 осуществлена, в основном, в виде интервала, определяемого временами правления эмира государства Саманидов (перс. سامانیان امارت) и Багдадского халифа. На одном из дирхемов (№ 31) имя халифа забито, а от имени эмира удалось прочесть только часть – «Нух». Для остальных шести монет (№№ 22-24, 28, 29, 32) нет уверенных критериев даже для их интервальной датировки.

Среди подлинных определимых дирхемов:

1. халиф ал-Му'тадид, эмир Исмаил б.Ахмад (№ 25 по коллекционной описи). Вес – 0,34 г (Рис. 3, *1*).

2. халиф ал-Мустакфи, эмир Нух б.Наср (№ 26 по коллекционной описи). Вес – 0,75 г (Рис. 3, *2*).

3. халиф ал-Мустакфи, эмир Нух б.Наср (№ 27 по коллекционной описи). Вес – 1,48 г (рис. 3, *3*). Имеется небольшой слом края монеты.

4. халиф ал-Мустакфи, эмир Нух б.Наср (№ 30 по коллекционной описи). Вес – 0,84 г (Рис. 3, *4*). На лицевой стороне имеются следы бронзовых окислов и два прилипших серебряных фрагмента от другой монеты. На краю монеты незначительная выщерблина.

5. имя халифа забито, эмир Нух ... (№ 31 по коллекционной описи). Вес – 0,82 г (Рис. 3, *5*). Монета погнута, имеются две трещины на ее краях.

Среди подлинных неопределимых монет:

6. лицевая сторона значительно потерта, оборотная с именами стерта практически полностью (№ 28 по коллекционной описи). Вес – 0,79 г (Рис. 3, *9*).

7. представляет собой 1/4 часть обрезанного в круг дирхема (№ 29 по коллекционной описи). Вес – 0,23 г (Рис. 3, *10*). К сожалению атрибутировать монету по имеющейся части не представляется возможным.

8. представляет собой краевой сегмент целого дирхема (№ 32 по коллекционной описи). Вес – 0,76 г (Рис. 3, *11*). На сегменте отсутствуют имёна. На внешнем крае монеты имеется небольшая трещина.

Среди подражаний дирхемам:

9. подражание с двумя лицевыми сторонами (№ 22 по коллекционной описи). Вес – 0,87 г (Рис. 3, *6*).

10. подражание с двумя лицевыми сторонами (№ 23 по коллекционной описи). Вес – 0,62 г (Рис. 3, *7*). Очень похожее на № 22, но не тождественное.

---

[3] Коллекция раскопок, а также подъемный материал находятся в фондах Краеведческого музея г. Железногорска Курской области.

11. внешний размер кружка как у №№ 22-23, но центральный круг меньше и на обеих сторонах видно по одной круговой легенде (№ 24 по коллекционной описи). Вес – 0,29 г (Рис. 3, *8*). В поле лицевой стороне первая часть символа веры, на оборотной стороне вторая часть символа, обе без искажений. Никаких имён нет, обе круговые надписи не читаемы. Более половины круговой надписи обломана. Видимо монета также является подражанием.

Временной интервал сокрытия кладов дирхемов на территории племенного союза северян с наибольшей концентрацией в Курском Посеймье составляет 930-970-е гг. Из находок более позднего времени в настоящее время известен небольшой клад обрезанных в круг дирхемов с городища Кудеярова Гора (Погореловка 2) (Льговский район Курской области). По предварительным данным он был сокрыт в 980-е гг. Более поздние находки пока неизвестны. Выпадение кладов исследователи связывают с событиями конца X в., когда земли курских северян были насильственно присоединены к Киевской Руси (Енуков, 2005. С. 272-273; Лебедев, Зорин, 2009. С. 581). В связи с этим вполне естественна находка на поселении клада 2003 г., предварительно датированного 980-ми гг.

Однако данные находки монет на территории Жидеевского поселения (учитывая предварительную датировку времени гибели городища Жидеевка (1-я половина XI в.), а также несомненное продолжение жизни на поселении в XI в.), позволяет предположить, что, несмотря на имеющиеся факты сокрытия серебряных монет, на руках у населения в конце X – начале XI вв. оставалось еще значительное количество обрезанных дирхемов, которые возможно продолжали использоваться для торговых операций.

Таблица 1

Династийный состав и метрология обрезанных дирхемов клада

№№ п/п	№№ по коллекционной описи	Эмир	Халиф	Вес, г	$Д_{мин}$ x $Д_{макс}$ мм[4]	Дата, гг.х.	Дата, гг.н.э.	Примечание
Династия Саманидов								
1	25	*Исмаил б Ахмад*	*ал-Му'тадид*	0,34	15,0x15,5	279-289	892-902	
2	26	*Нух б Наср*	*ал-Мутакфи*	0,75	15,5x17,5	289-295	902-908	
3	27	*Нух б Наср*	*ал-Мутакфи*	1,48	15,5x17,5	289-295	902-908	*край обломан*
4	30	*Нух б Наср*	*ал-Мутакфи*	0,84	18,0x18,5	289-295	902-908	
5	31	*Нух ...*	?	0,82	17,5x19,5	?	?	
Неопределимые								
6	28	?	?	0,79	16,0x17,0	?	?	
7	29	?	?	0,23	11,5x13,0	?	?	***¼ обрезанного в круг дирхема***
8	32	?	?	0,76	11,0x27,5	?	?	***краевой сегмент целого дирхема***
Подражания								
9	22	?	?	0,87	14,5x15,0	?	?	***чекан 2-х лицевых сторон***
10	23	?	?	0,62	14,0x14,5	?	?	***чекан 2-х лицевых сторон***
11	24	нечит. легенда	нечит. легенда	0,29	13,0x13,5	?	?	***края обломаны***

[4] Края монет №№ 3, 8 обломаны, №№ 10, 11 представляют собой вырезки из монет, поэтому у этих экземпляров даны не диаметры, а фактические минимальный и максимальный размеры.

Литература

Гайдуков П.Г. Отчет о работе Курского отряда в 1981 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 9692.

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей // Курский край. Научно-популярная серия в 20 томах. Т. III. Курск, 2005.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Лебедев В.П., Зорин А.В. Денежное обращение на территории курских северян в IX – X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк, 2009.

Пузикова А.И. Отчет о работах Курского отряда в 1972 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 480.

Стародубцев Г.Ю. Отчет о раскопках городища Жидеевка (с. Жидеевка Железногорского района Курской области) в 2010 г. // НА КГОМА. I – 159.

Шпилев А.Г. Об эволюции южносеверянского головного убора с очельем и венчиком (конец X – XI в.) // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского). Вып. 4. Брянск, 2008.

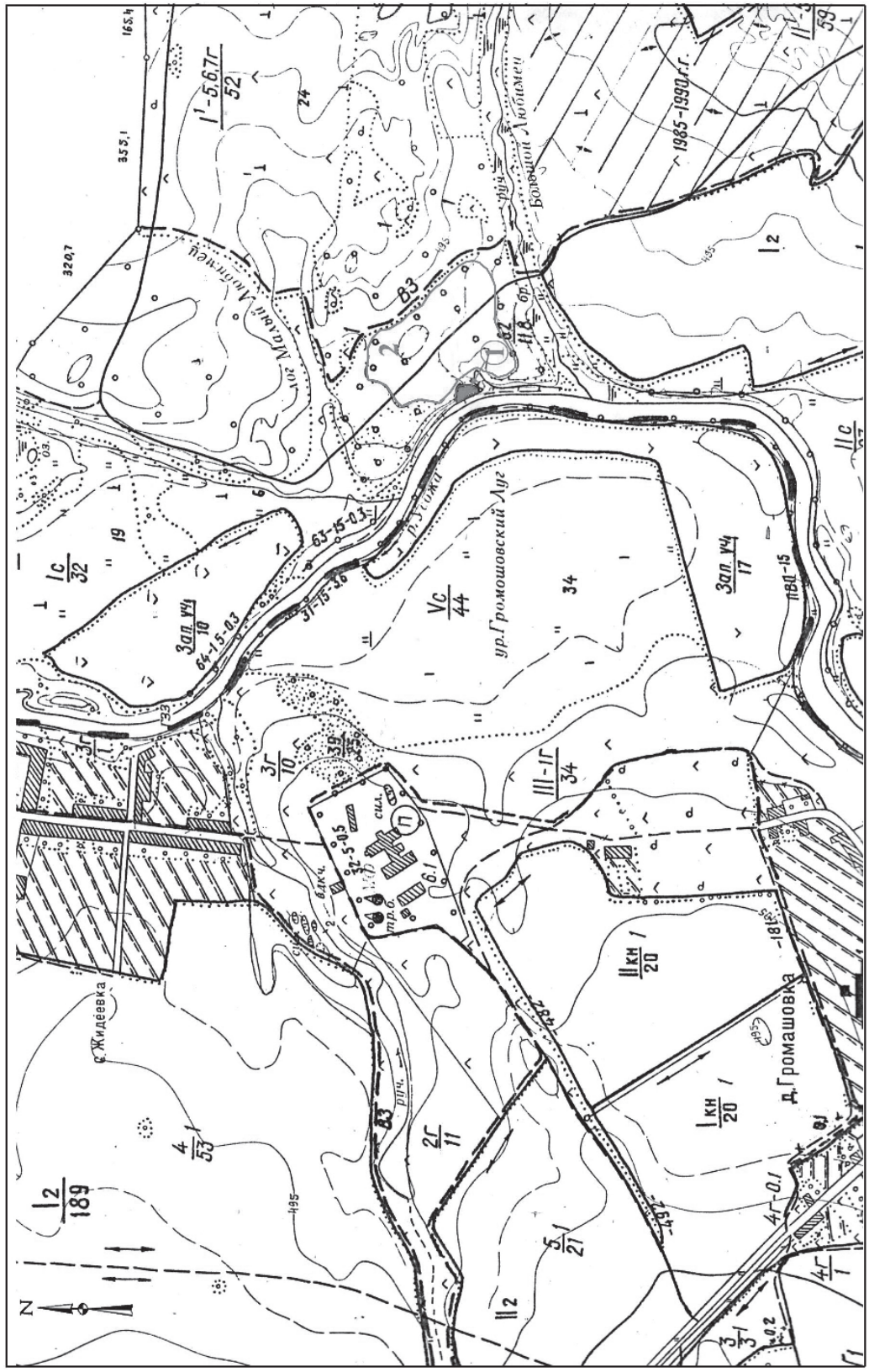

Рис. 1. Археологический комплекс около с. Жидеевка: *1.* городище; *2.* поселения 1 – 4.

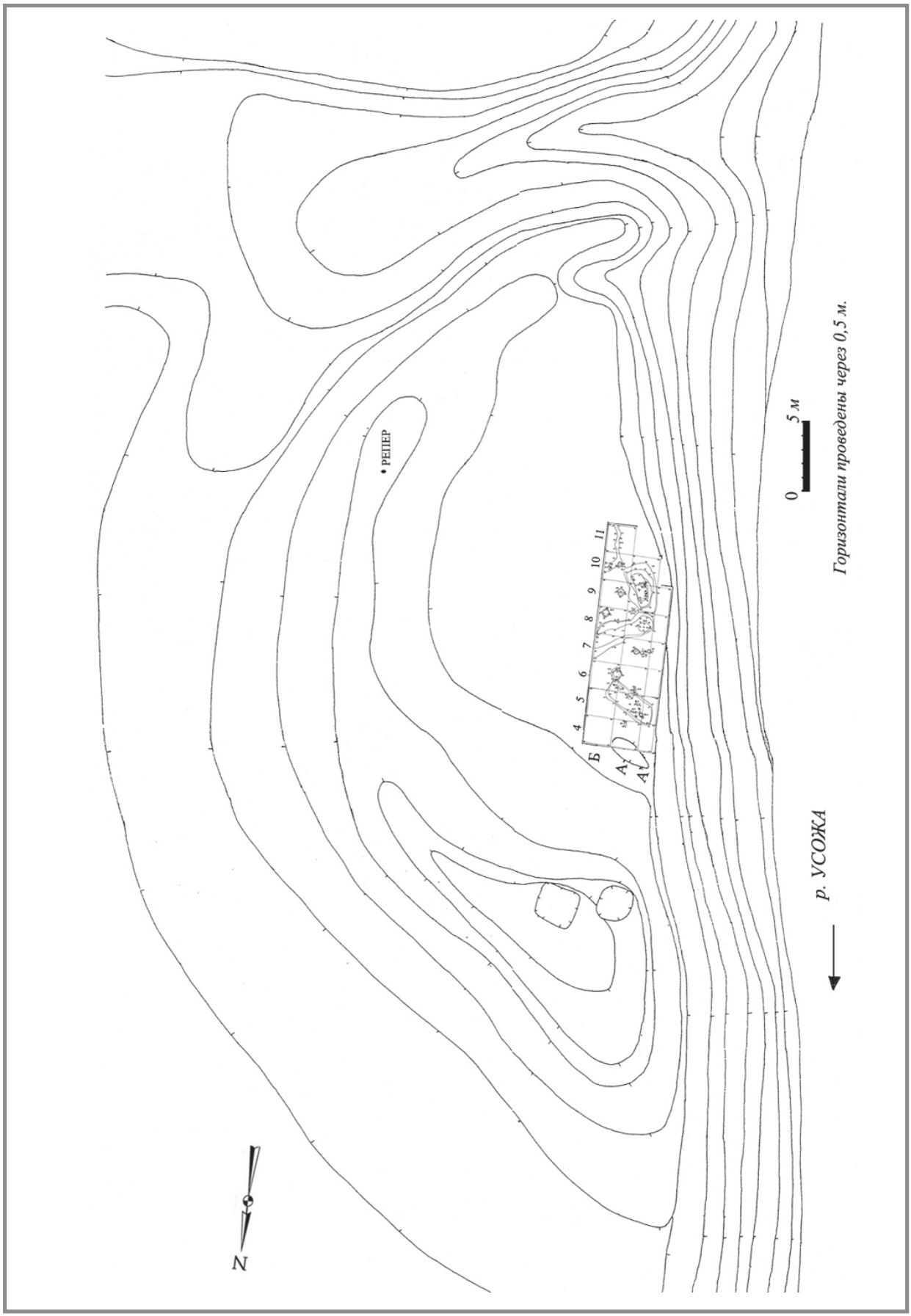

Рис. 2. Топографический план городища 2010 г. и раскоп I.

15. з. 7377

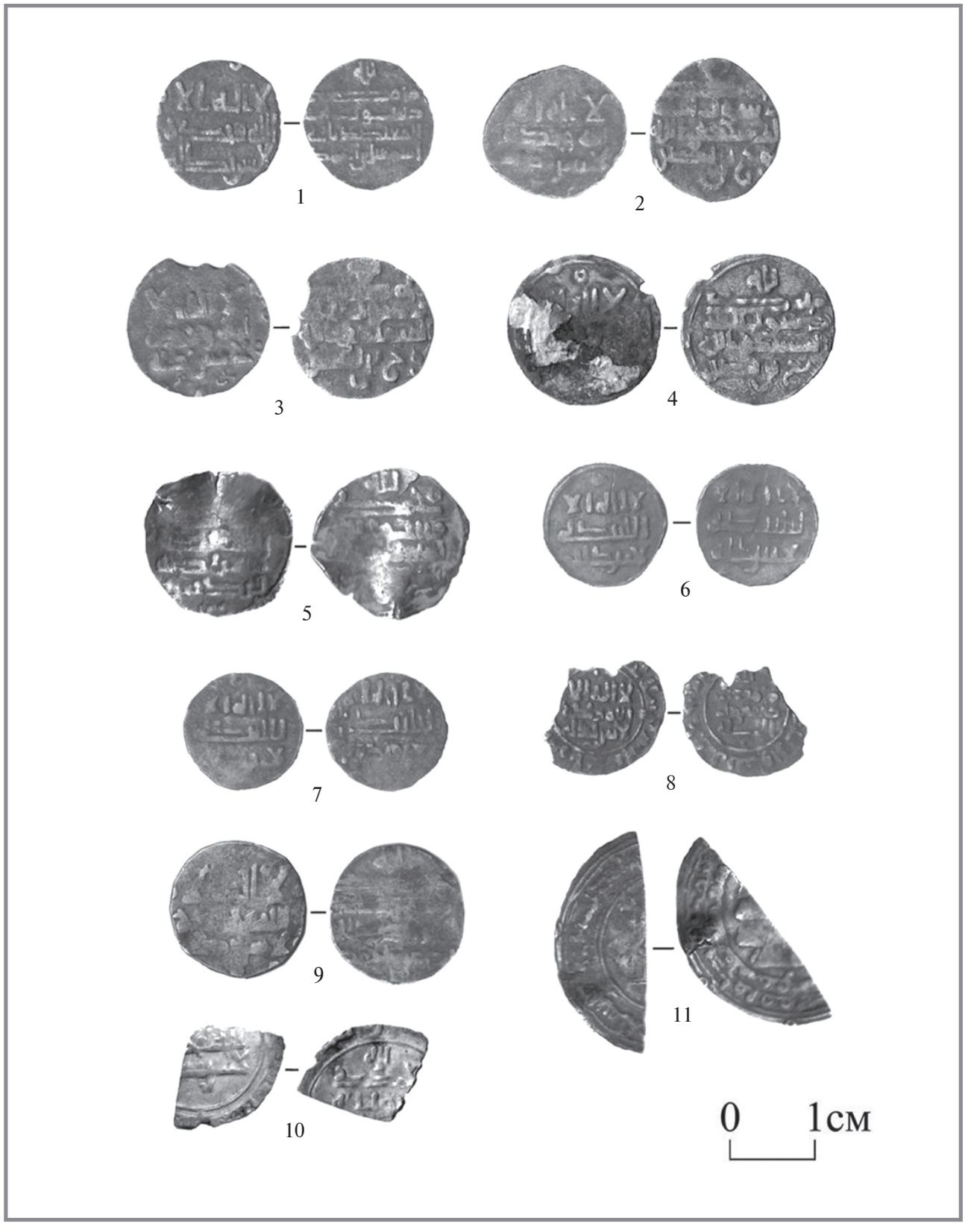

Рис. 3. Серебряные арабские монеты и подражания:
1. дирхем (№ 25); *2.* дирхем (№ 26); *3.* дирхем (№ 27); *4.* дирхем (№ 30); *5.* дирхем (№ 31); *6.* подражание дирхему (№ 22); *7.* подражание дирхему (№ 23); *8.* подражание дирхему (№ 24); *9.* дирхем (№ 28); *10.* дирхем (№ 29); *11.* дирхем (№ 32).

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ КРУГА «СКАНДИНАВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ» ИЗ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2012 г. А.Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии, Курск

Три года назад автором была опубликована статья, посвящённая найденным на территории Курской области украшениям круга «скандинавских древностей»[1]. За прошедшее время были получены сведения о новых находках предметов, происхождение которых напрямую связано со скандинавской ювелирной традицией эпохи викингов[2]. Вводу в научный оборот этих вещей и посвящена данная публикация.

Составляющие ожерелья (3 экз.)

Рыльский район[3]. Район Банищанского леса вдоль берега Сейма.

Украшение из белого металла, состоящее из 7 переплетённых между собой крестов и окончаний в виде растительных побегов. Длина изделия – 81 мм, ширина – 15 мм, толщина – 1 мм, полоса имеет небольшой изгиб к краям. По центральной оси задней стороны идёт продольный гребень высотой 4 мм с семью сквозными и одним несквозным отверстиями (Рис.1, *1*).

Единственной известной автору аналогией являются хранящиеся в фондах Государственного исторического музея (Стокгольм, Швеция) парные разделители из женского погребения №854 Бирки (Рис.1, *2*), входившие в состав нагрудных украшений и использовавшиеся для крепления бус и подвесок (Arbman, 1940. Taf.91, *7-8*; Arbman, 1943. P. 326-330. Abb. 275, 276; http://mis.historiska.se/mis/sok/bild.asp?uid=28710). Конструктивно близкие, но без украшенных орнаментом полос разделители были обнаружены на о.Готланд в двух женских погребениях эпохи викингов (http://mis.historiska.se/mis/sok/bild.asp?uid=28860 и 29361) (Рис.1, *3*).

Курский район. Окрестности Линева озера.

Украшение бронзовое прямоугольной формы с 4 зубцами на каждой из длинных сторон. Ширина – 38 мм, высота – 48 мм, толщина в середине – 1,5 мм. Лицевая сторона украшена полосами из небольших гравированных черточек, а так же двумя продольными остроконечными гребнями в средней части украшения. Задняя сторона гладкая. Зубцы имеют вытянуто-ромбовидную форму с отверстиями (∅ 2 мм) в месте наибольшего расширения (Рис.1, *4*).

Единственная известная автору аналогия хранится в фондах Государственного исторического музея (Стокгольм, Швеция). Украшение было найдено Х. Густафом в 1915 г. при исследовании жертвенного места саамов Унна Саива (Лаппланд, Швеция) и числится в электронном каталоге музея как предмет костюма и личного снаряжения эпохи викингов (http://mis.historiska.se/mis/sok/fid.asp?fid=107957) (Рис.1, *5*).

Возможно, украшения подобного типа входили в состав женских ожерелий того времени.

Курский район. Окрестности Линева озера.

Накладка поясная фигурная из белого металла с приклёпанной петлёй. Петля в виде прямоугольной пластины с двумя выпуклыми валиками по краям. Высота накладки – 20 мм, высота с ушком – 27 мм, ширина – 22 мм. На задней стороне накладки остатки двух расположенных по высоте шпеньков. По краю лицевой стороны накладки идёт выпуклый бордюр из чередующихся овальных и круглых звеньев, в центре помещено стилизованное изображение трилистника и четырёх гроздей из трёх шариков каждая (Рис.1, *6*).

Вся совокупность известных автору аналогий позволяет отнести данную накладку к поясным венгерским украшениям конца VIII– IX вв. (Шпилев, 2010. С.254-255. Рис.8, *16,19,20*).

---

[1] Шпилев А.Г., 2009. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области. С. 232 – 250 // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск. Изд-во АПИИТ «ГИРОМ».

[2] За помощь при работе над статьей автор благодарит К.В. Короткова и С.В. Емельяненкова.

[3] Места находок указаны со слов находчиков.

Однако накладка не использовалась по своему прямому назначению, т.к. к ней была приклепана петля, превратившая её в подвеску. Полная аналогия данному украшению входит в состав женского ожерелья из погребения №518 Бирки (Arbman, 1940. Taf.96,*7*) (Рис.1,*7*). Согласно В.В. Мурашевой, на территории Руси к 2001 г. было зафиксировано 9 случаев (Гнездово, Седнев, Киев, Тимерево, Михайловское, Владимирская обл.) находок бляшек-подвесок, причем «этническая принадлежность погребенных в курганах, из которых происходят находки бляшек-подвесок, не вызывает сомнений. Все эти украшения принадлежат выходцам из Скандинавии, исключение составляет подвеска, происходящая из депаспортизованного комплекса Владимирской губернии, этническая атрибутация владельца которой невозможна. Анализ материала позволяет датировать одну из подвесок первой половиной X века (Михайловское), все остальные происходят из комплексов второй половины X века В Скандинавии также зафиксированы случаи вторичного использования поясных украшений. Большинство находок конца VIII–X вв. происходят из памятников (7 пунктов из 8) с территории Швеции. На каждом из памятников найдено не более двух экземпляров подобных подвесок. Исключение составляет некрополь Бирки, где в 21 женском погребении найдено 55 экземпляров. Датируются все комплексы концом IX – первой четвертью X вв» (Мурашева, 2001. С.155).

Т.А. Пушкина отмечает, что скандинавы «в качестве подвески могли использовать бляшки с отлитой вместе с ними петелькой. В некоторых случаях в нагрудное украшение оказались превращены типичные поясные бляшки с длиной узкой прорезью вдоль нижнего края, к рамке которых дополнительно прикреплены пластинчатые петли-ушки Отдельно прикреплённые петельки, превратившие поясные накладки в нагрудные женские украшения, очень характерны. Они согнуты из узких серебряных полосок с двумя-тремя рельефными продольными валиками и закреплены с помощью специальной миниатюрной заклёпочки или одного из шпеньков бляшки, расположенного на обратной её стороне. Подвески с ушками из серебряной узкой рубчатой пластины довольно характерны для Скандинавии и известны по материалам многих погребений и кладов» (Пушкина, 2007. С.327).

Таким образом, данное изделие является венгерской поясной накладкой, превращённой в достаточно характерное скандинавское женское украшение эпохи викингов.

Фибулы (6 экз.)

Курский район. Окрестности Линева озера.

Фибула кольцевидная бронзовая с длинной железной иглой. Кольцо (внешний ∅ – 28 мм, ∅ прута – 4 мм) сплошное неорнаментированное с углублением-ограничителем для крепления основания иглы. Длина иглы – 72 мм, ∅ – 4 мм, основание расковано в плоскую глухую петлю, окончание слегка загнуто вниз (Рис.2,*1*). В.С. Дедюхина относит украшения данного типа к мужским фибулам скандинавского происхождения (Дедюхина, 1967. С.191. Рис.27).

Курский район. Окрестности Линева озера.

Фибула подковообразная бронзовая (∅ – 60 мм) с многогранными головками и железной иглой длиной 72 мм. Для ограничения движения иглы на дуге фибулы размещены два граненых кубика. Поперечное сечение дуги фибулы полукруглое с плоским основанием. Верхняя часть дуги орнаментирована продольными поясками из треугольников, грани головок и ограничителей – кружками. Кружки на верхней грани заключены в ромб из небольших поперечных штрихов (Рис.2,*2*).

По мнению С.А. Авдусиной и Н.В. Ениосовой, находки «фибул с гранеными головками и напускными пирамидками на дуге в погребениях и на поселениях, вероятно, можно рассматривать как индикаторы присутствия выходцев из Северной Европы» (Авдусина, Ениосова, 2001. С.101).

Курский район. Окрестности Линева озера.

Обломок бронзовой фибулы аналогичной предыдущему украшению (Рис.2,*3*).

Курский район. Окрестности Линева озера.

Фибула кольцеобразная железная (внешний ∅ – 64 мм, ∅ прута – 9 мм). На дуге фибулы помещены три многогранные бронзовые насадки. Внешние плоскости насадок украшены кружками, внутренние и нижняя плоскости – гладкие (Рис.2,*4*).

Курский район. Окрестности Линева озера.

Фибула бронзовая кольцеобразная. Общая длина – 83 мм, внешний ∅ кольца – 40 мм. Верхняя часть кольца оформлена в виде переплетённых лент, образующих розетку с четырьмя вершинами. На дуге помещено четыре повернутых к середине кольца головы животных с торчащими ушами. В нижней части кольца расположена ещё одна розетка из переплетённых линий, двух гладких кругов с плоскими вершинами и опущенной вниз головы животного. Внешняя сторона украшения позолочена. На задней стороне кольца находятся дугообразные выступы для крепления иглы и её застёгивания. Игла отсутствует (Рис.3,*1*).

Орнаментальные мотивы фибулы характерны для стиля Борре (около 840 – 970 гг.), а вероятными местами изготовления разновидностей подобных кольцевидных фибул, по мнению П-Л. Лехтосало-Хиландер, являлись Готланд (Швеция) и Россия. Стилистически курское украшение относится к т.н. готландской модификации этого типа фибул, находки которых на помещённой в статье исследовательницы карте отмечены в Швеции (о. Готланд и Бирка), Литве и Финляндии (Лехтосало-Хиландер, 1979. С.88. Рис.5).

Согласно Т.А. Пушкиной, «подобные фибулы обычны для X в., но наиболее характерны для скандинавских погребений второй половины столетия» (Пушкина, 1988. С.100)

Курский район. Окрестности Линева озера.

Навершие иглы кольцевидной фибулы бронзовое в виде помещённого под ажурной аркой из переплетённых линий объемного изображения звериной морды с выпученными круглыми глазами и торчащими округлыми ушами. Высота – 38 мм. Навершие состоит из двух фрагментов. Под мордой находятся остатки иглы, на задней стороне, предположительно, нечёткие следы приспособления непонятного типа для крепления иглы на кольцо фибулы (Рис.2,*5*). Характер оформления типичен для стиля Борре.

Накладки (2 экз.)

Курский район. Окрестности Линева озера.

Накладка подпрямоугольная бронзовая, выгнутая посередине, на обратной стороне по краям два крючка для крепления. Длина – 81 мм, ширина в средней части – 13 мм. На лицевой стороне украшения изображены две мужские головы с заплетёнными бородами, в середине разделённые поперечной полосой в виде рубчатого пояса с круглой пряжкой. Середина пряжки украшена круглой сквозной железной вставкой, возможно, так же игравшей роль заклёпки для дополнительного крепления накладки (Рис.3,*2*).

Аналогов накладке автору неизвестно. Стилистически оно относится к украшениям в стиле Борре, а изображение мужской причёски в виде двух расходящихся в разные стороны частей сходно с изображениями на бронзовой пряжке в виде змеи схватившей человеческую голову (Рис.3,*3*) обнаруженной В.И. Сизовым в 1896–1897 гг. при исследовании кургана №67 Центральной группы Гнёздовского могильника (Смоленская обл., Россия) (Сизов, 1902. С.42-43. Табл.V,*17*) и ряде фибул (Рис.3,*4-5*) из Скандинавии (Arbman, 1940. Taf.59,*1a*; Taf.77,*5*; Petersen, 1955. P.35. Fig.32; Jansson, 1985. Fig.15).

с. Макеево Рыльский район. Окрестности села.

Накладка бронзовая фигурная украшенная «узлом» в виде переплетённых линий и кругов. Ширина – 67 мм, высота – 46 мм. Лицевая сторона позолочена, задняя – гладкая с пятью шпеньками (высота 5 мм) для крепления накладки (Рис.4, *1*). Аналогий автору неизвестно. Орнаментальный мотив характерен для стиля Борре.

Конская сбруя (1 экз.)

Курский район. Окрестности Линева озера.

Уздечный зажим бронзовый подтреугольной формы. В верхней части зажима остатки петли для крепления к удилам, на задней части – шпеньки и прямоугольная железная

пластина для фиксации ремня оголовья. Общая высота – 57 мм, ширина пластины вверху – 12 мм, внизу – 27 мм. На лицевой стороне помещено типичное для стиля Борре объёмное изображение голов зверей с округлыми ушами и переплетённых лент (Рис.4,*2*). Полной аналогией курскому украшению является уздечный зажим (Рис.4,*3*), обнаруженный А.В. Григорьевым в культурном слое Супрутского городища (Тульская обл., Россия) (Мурашева, 2008. цв. вклейка Рис.III), вероятно, погибшего в конце IX в. (Зорин, Шпилев, 2009. С.403-404).

Пинцет (1 экз.)

Курский район. Окрестности Линева озера.

Навершие бронзовое фигурное с остатками железной иглы. Общая высота – 17 мм, высота навершия – 14 мм, ширина в средней части – 11 м (Рис.4,*4*).

Близкое по форме навершие происходит из культурного слоя Рюрикова городища под Новгородом (Россия). В отличие от курского, оно имеет плоское ромбовидное ушко и определено Т.А. Пушкиной как навершие туалетного пинцета (Рис.4,*5*). Согласно Т.А. Пушкиной, «туалетные пинцеты, украшенные бронзовыми скульптурными навершиями, обычны для Скандинавии периода раннего средневековья, где они найдены преимущественно в мужских погребениях. Отдельные находки подобных пинцетов известны в курганах Гнёздова и Новоселок, в скандинавских комплексах (Пушкина, 1988. С.97,99. Рис.1,*4*).

Ряд обнаруженных в окрестностях Линева озера (Курский район) украшений не входит в круг «скандинавских древностей», однако их появление на территории современной Курской области, вероятно, напрямую связано с носителями этой культурной традиции, в следствие чего автор считает оправданным их публикацию в данной статье.

Поясная накладка. Поясная накладка бронзовая. Высота – 20 мм, ширина – 22 мм, толщина – 1 мм. На задней стороне два шпенька для крепления. Края накладки немного загибаются назад. На лицевой стороне изображена львиная морда (Рис.4,*6*).

Поясной набор из 60 накладок с изображением аналогичных голов (Рис.4,*7*) был обнаружен Д.А. Авдусиным в кургане №95 Лесной группы Гнёздовского могильника (Смоленская обл., Россия) (Авдусин, 1970. С.274. Рис.7,16). Судя по погребальному обряду и инвентарю, в кургане был погребен знатный мужчина-скандинав. Количество бляшек разных типов у Д.А. Авдусина и В.В. Мурашевой расходятся. Согласно Д.А. Авдусину «медных бляшек в виде кошачьих морд» было 60, из них с петлей – 15 экз., с петлей и вдетым кольцом – 6 экз., остальные без петли (Авдусин, 1970. С.274). По В.В. Мурашевой, накладок на пояс было 59 «из которых одна сердцевидная, а остальные 58 в виде кошачьих (или львиных?) морд У 21 бляшки внизу имеется петля, в 6 случаях в неё продето кольцо, остальные бляшки петли не имеют» (Мурашева, 2000. С.73).

Согласно В.В. Мурашевой, «точных аналогий бляшкам с кошачьими мордами вообще неизвестно, отдаленное сходство можно найти лишь в тюхтятской культуре Хакассии (IX – середина X в.). В тюхтятской культуре были распространены антропоморфные подвески-личины, которые обнаруживают значительное стилистическое сходство с бляшками из Гнёздово, хотя те и имеют ярко выраженный зооморфный облик. Характерные черты одной из групп этих подвесок – изображение завитков на щеках, детальное изображение прически, а так же высоко расположенные уши, общей же стилистической особенностью антропоморфных изображений является слитная форма бровей и носа. Все эти особенности читаются и на бляшках из кургана 95, несмотря на переосмысление образа. Таким образом, в гнёздовском поясе причудливо соединились алтайские и салтовские традиции, породив абсолютно оригинальное произведение декоративно-прикладного искусства, в котором с варварской непосредственностью использованы различные конструктивные и декоративные элементы, не всегда с точным пониманием изначального их назначения» (Мурашева, 2000. С.73-74).

На наш взгляд, не менее перспективным для поиска аналогий является западное направление – раннесредневековая Европа. Среди доступных автору материалов, близкие к русским находкам по способам передачи львиной морды изображения присутствуют в

молитвеннике конца VIII в. «Sacramentary of Gellone» (Рис.4, *9*) из Французской Национальной библиотеки (Париж, Франция), на англосаксонских фибулах VIII–X вв. (Рис. 4, 10, 11), каролингской фибуле IX в. (Рис.4, 12), англосаксонской накладке на стремя X–XI вв. (Рис.4, 13), капителях французских и англосаксонских церквей IX–XI вв. (Рис.5, 1-3), немецкой скульптуре (Рис.5, 4) из склепа XI в. кафедрального собора Св. Марии и Св. Стефана (Шпайер, ФРГ). По мнению автора, наиболее близки к накладками из России изображения львов с капители из аббатства Сен-Жермен-де-Пре (Париж, Франция) (Рис.5, *3*).

Стилистически близкие приемы изображения также присутствуют и на превращенных в подвески поясных накладках с головой птицы (Рис.4,*8*) из женского погребения №606 Бирки (Arbman, 1940. Taf.95,*1*). Интересно отметить, что по краю этих накладок идёт бордюр из имитирующих жемчужины крупных шариков-«перлов», что связывает их с ювелирной традицией Каролингской империи. Согласно В.В. Мурашевой, «предметы, связанные с каролингским декоративно-прикладным искусством, получили довольно широкое распространение на территории Скандинавии, и именно они послужили источником для копирования бордюра из перлов на некоторых наконечниках, украшенных в стиле Борре. Данная орнаментальная деталь получила распространение и в древностях Великой Моравии (Мурашева, 2000. С.89-90).

В связи с вышеизложенным, можно осторожно предположить, что накладки с изображением львиной морды из Курской области и Гнёздова или их прототипы могли входить в состав поясного набора европейских воинов IX – X вв., находящихся в орбите культурного влияния Каролингской империи.

Фибула. Фибула кольцевидная бронзовая с длинной иглой. Кольцо (общая высота – 50 мм, внешний ∅ – 42 мм, ∅ прута – 3 мм) сплошное неорнаментированное с углублением-ограничителем для крепления основания иглы. В нижней части фибулы – композиция с изображением двух драконьих голов (?), трех кругов с «цветками», двумя сквозными отверстиями и вытянуто-ромбовидным навершием. Длина иглы – 154 мм, ∅ – 5 мм, основание расковано в плоскую петлю (Рис.5,*5*).

Единственной известной автору аналогией, у которой имеется набор стилистически близких курскому украшению компонентов, является ирландская кольцеобразная фибула IX в. (Рис.5,*6*) из фондов Метрополитен-музея (Нью-Йорк, США) (http://www.metmuseum.org/collections/search-the-collections/170008264). Вероятно, фибула из Курской области была сделана в Ирландии или является подражанием ирландскому украшению, попавшему на Русь при посредничестве скандинавов.

Подвеска со звездой. Подвеска круглая (∅ 41×39 мм) из белого металла. Задняя сторона гладкая. Лицевая сторона украшена небольшими кружками и изображением пятилучевой звезды с оканчивающимися птичьими или драконьими головами изогнутыми лучами. На месте глаз и в середине звезды – глубокие круглые гнёзда. Вдоль края подвески идёт узкий гладкий бордюр. Лицевая сторона подвески позолочена. Первоначальная петля была утрачена и на её место поместили другую, соединив её с подвеской двумя заклёпками. Петля имеет следы сильного износа. Аналогий украшению автору неизвестно (Рис.6, *1*).

Пятиконечная звезда входит в круг христианских символов, а стилистические особенности изображения имеют параллели в искусстве раннесредневековой Ирландии, например, с рядом изобразительных мотивов (Рис.6,*2*) созданной около 800 г. «Келлской книги» («Book of Kells») (Davis, 2000. P.10,11) или орнаментом на ирландско-саксонском бронзовом ведре (Рис.6,*3*) из женского погребения №507 Бирки (Arbman, 1940. Taf.204; Wilson, Klindt-Jensen, 1966. Fig.12). Исходя из этого, мы можем осторожно предположить, что данная подвеска была сделана ирландским ювелиром, вероятно, в пределах IX в., а затем попала к скандинавам и была привезена ими (или при их посредничестве) на Русь.

Присутствие ирландских украшений в комплексе предметов, связываемых нами со следами пребывания на курских землях скандинавов не должно нас смущать, поскольку

«почти половина относящихся к эпохе викингов предметов, изготовленных в Ирландии, была обнаружена в Скандинавии, а вовсе не в Ирландии» (Викинги, 1996. С.93). Возможно, какие-то предметы, захваченные викингами в Ирландии, вместе с ними попадали и на территорию Русского государства.

По мнению автора, все вводимые данной публикацией в научный оборот предметы, независимо от места и времени их создания попали на территорию Курского края уже после его окончательного включения в состав Русского государства в конце X в. Время их бытования на курских землях может быть определено концом X – XI вв.

Поскольку данная статья является логическим продолжением ранее вышедшей работы, автор решил воспользоваться предоставленной возможностью для уточнения и исправления сведений о подвесках, обнаруженных Д.Я. Самоквасовым в погребениях Горнальского курганного могильника (Суджанский р-н).

Опираясь на публикацию А.В. Успенской, сообщавшей о находке в Горнале литой прорезной привески «гнездовского» типа хранящейся в фондах ГИМа под №76990 (Успенская, 1967. С.126) и описанием этих подвесок как массивных медальонов, на лицевой стороне которых присутствует стилизованное изображение фантастического зверя с вытянутой шеей и раскрытой пастью (Успенская, 1967. С.106,126. Рис.18,1), автор определил горнальскую находку как литую ажурную подвеску с изображением повернувшегося дракона (Шпилев, 2009. С.238).

Однако в опубликованном А.С. Дементьевой своде найденных на территории Руси «подвесок гнёздовского типа» содержатся сведения, позволяющие уточнить данные А.В. Успенской. Согласно А.С. Дементьевой, в фондах ГИМа хранятся две подвески «гнёздовского типа», происходящие из материалов раскопок Д.Я. Самоквасова Горнальского курганного могильника.

Первая подвеска (№38) отнесена исследовательницей к типу AIII, вариант 2 – «профильное изображение зверя с повёрнутой назад (вправо) головой. Туловище изогнуто в форме буквы S. Передняя часть туловища массивней задней. В талии тело сильно сужается. Шея сужается у головы. Голова повёрнута в профиль. Пасть слегка раскрыта. Показано маленькое ухо. Показаны две лапы: передняя поднята вверх, задняя подогнута под туловище. Обе лапы касаются ободка. Длинный хвост оплетает туловище зверя. Ободок не прерывается Вариант 2 ... Заполнение плечевого сустава – полусферические бугорки. Ушко отсутствует. На его месте – небольшой выступ. Отверстие для ношения – в плоскости подвески Серебро, литье. Закрытая литейная форма. Простое ушко. Прорезная конструкция. Сохранность неполная (верхний край ушка отломан, отверстие для ношения – в плоскости подвески). 3,34*3,6*0,15/?*? Дата XI в. Место хранения: Россия, Москва, ГИМ, оп.784/6) (Дементьева, 2007. С.214, 249. Рис.5,*8*) (Рис.6,*4*).

Вторая горнальская подвеска (№87) отнесена исследовательницей к типу AIX. На подвеске помещено изображение двух зверей. «Ось симметрии – вертикальная. Головы зверей направлены вверх. Звери повернуты спинами друг к другу и за талии «связаны» друг с другом. Изображения зверей полностью помещаются на тулове подвески. Изображение каждого зверя – в профиль, с повёрнутой вперёд головой. Тело имеет S-видную форму. В талии тело немного сужается. Шея короткая. Голова с длинным ухом повёрнута в профиль. Пасть широко раскрыта. Показаны две лапы: передняя поднята вверх, задняя подогнута под туловище. Обе лапы касаются ободка подвески. Хвост раздвоенный. Ободок не прерывается Медный сплав. Литье. Закрытая литейная форма. Простое ушко. Прорезная конструкция. Сохранность неполная (левый край подвески с ободком отсутствует. Ушко сносилось). 2,82*3,38*0,18/0,88*0,39 Дата середина – вторая половина X в. Место хранения: Россия, Москва, ГИМ, оп.784/7» (Дементьева, 2007. С.221-222, 262. Рис.9,*9*) (Рис.6,*5*).

В свод А.С. Дементьевой включены ещё 4 курские подвески «гнёздовского типа».

Первая – хранящаяся в частной коллекции подвеска (№30) из Курской области отнесённая исследовательницей к типу AII, вариант 2. «Профильное изображение зверя с

повёрнутой назад (влево) головой. Туловище изогнуто в форме буквы S. Задняя часть туловища массивней передней. Тело и шея одинаковой ширины. Шея короткая. Голова развёрнута в профиль. Пасть широко раскрыта. Из пасти высунут язык, оплетающий самого зверя. Изображено одно маленькое ухо. Показаны две лапы: передняя поднята вверх, задняя поджата под туловище. Обе лапы касаются ободка подвески. Ободок не прерывается Ободок состоит из двух (одной) сплошных полос. Ушко широкое. Украшено несколькими продольными валиками Оловянистый сплав (?). Литье. Закрытая литейная форма. Простое ушко. Прорезная конструкция. Сохранность полная. Сильно повреждена коррозией. 2,84*3,55*0,12/0,68*0,5» (Дементьева, 2007. С.214, 247. Рис.5, *1*) (Рис.6, *6*).

Вторая – хранящаяся в частной коллекции подвеска (№64), отнесённая к типу AIV, вариант 4. Местом находки указана д. Шокшово Курской области (Дементьева, 2007. С.256. Рис.7, *5*). Населённого пункта с таким названием ни по одному курскому административно-территориальному справочнику не найдено, поэтому описание находки не приводится.

Третья – подвеска (№122) неизвестного типа из Гочево. Место хранения – Санкт-Петербург, ГЭ (?) (Дементьева, 2007. С.271). Вероятно, имеется в виду подвеска из кургана №50 Гочевского могильника, из коллекции раскопок В.Н. Глазова 1913 г. (ГЭ 818/145) (Шпилев, 2009. С.238. Рис.5, *5*).

Четвёртая – подвеска (№123) неизвестного типа из раскопок М.Сперанского в 1894 г. у д. Студенок (Дементьева, 2007. С.271).

Литература

Авдусин Д.А. Отчёт о раскопках в Гнездове в 1957 – 1960 гг. // Материалы по изучению Смоленской области. Вып.VII. Смоленск, 1970.

Авдусина С.А., Ениосова Н.В. Подковообразные фибулы Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. № 124. М., 2001.

Викинги: набеги с Севера. Энциклопедия «Исчезнувшие цивилизации». М., 1996.

Дедюхина В.С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967.

Дементьева А.С. «Подвески гнёздовского типа» на территории Древней Руси X – XII вв. // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М., 2007.

Зорин А.В., Шпилев А.Г. Перед Русью (Восточная Европа в IX столетии: опыт реконструкции) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. СПб., 2009.

Лехтосало-Хиландер П-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения. М., 2000.

Мурашева В.В. Бляшки-подвески с территории Древней Руси // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.-Архангельск, 2001.

Мурашева В.В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. Труды ГИМ. Вып. 175. М., 2008.

Пушкина Т.А. Скандинавские находки из Городища под Новгородом // Скандинавский сборник. XXXI. Таллин, 1988.

Пушкина Т.А. Сувениры Аустрвег // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник. СПб., 2007.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска // Материалы по истории России. №28. СПб, 1902.

Успенская А.В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМа. Вып.43. М., 1967.

Шпилев А.Г. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009.

Шпилев А.Г. Украшения роменского времени из Курской области (вторая половина VIII – конец X вв.) // Stratum plus, №5 2010. Спб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2010.

Arbman H. Birka I. Die Graber. Tafeln. Stockholm, 1940.

Arbman H. Birka I. Die Graber. Text. Stockholm, 1943.

Davis C. Celtic and old Norse designs. New York, 2000.

Jansson I. Oval brooches. A study of Viking Period standard jewellery based on the finds from Bjorko (Birka), Sweden. Uppsala, 1985.

Petersen J. Vikingetidens smykker I norge. Katalog over utstillingen av norske smykker. Stavanger, 1955.

Wilson D.M., Klindt-Jensen O. Viking art. New York, 1966.

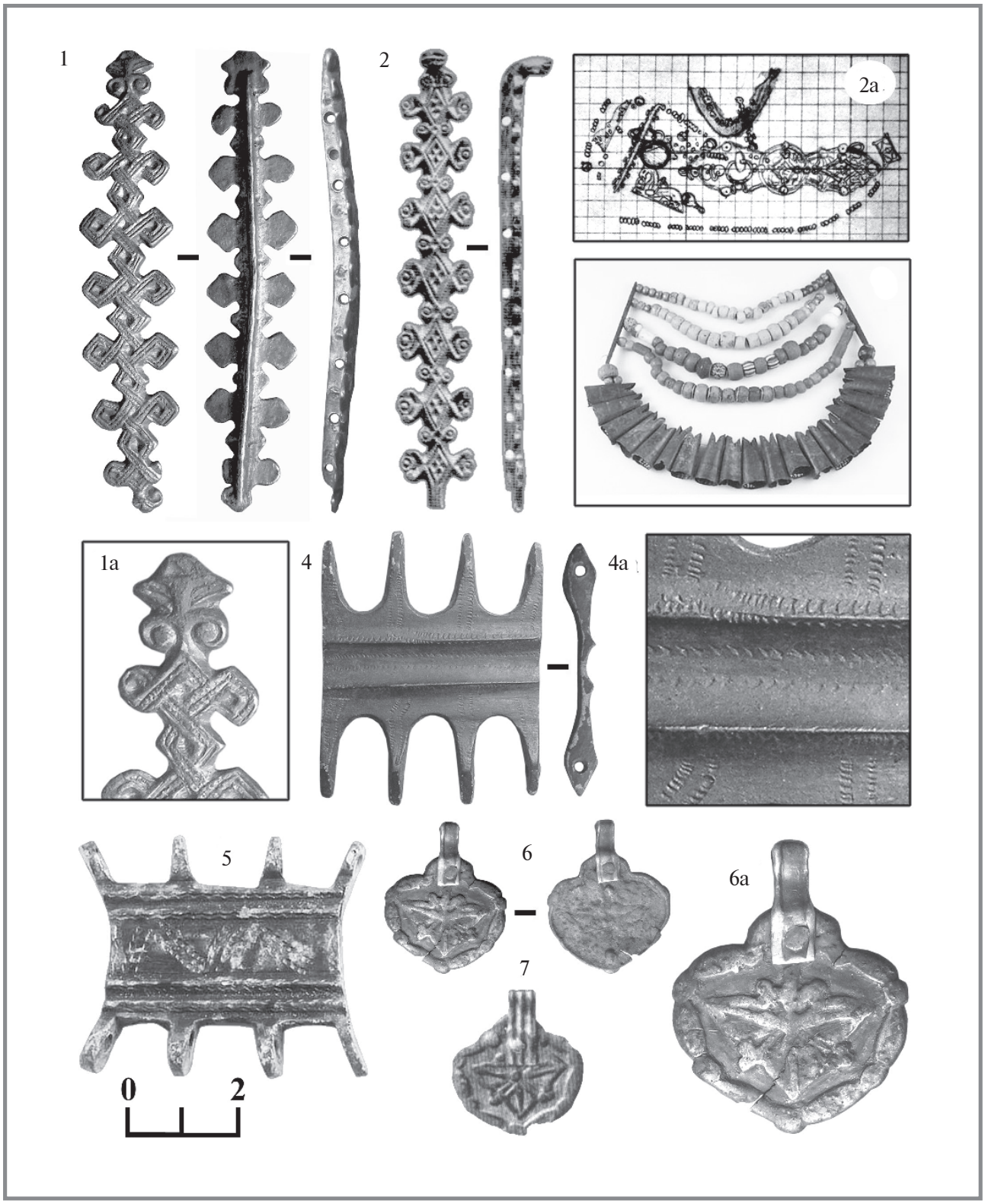

Рис. 1 1 – Разделитель ожерелья. Рыльский р-н; 2 – Разделитель ожерелья. Погр. №854. Бирка (Швеция) (по Х. Арбману). Без масштаба (Б/м); 2а – Нагрудные украшения погр. №854. Полевой чертёж (по Х. Арбману); 3 – Ожерелье с разделителями. о.Готланд (Швеция). Б/м; 4 – Подвеска–«гребёнка». Курский р-н; 5 – Подвеска–«гребёнка». Унна Саива (Швеция). Б/м; 6 – Подвеска из поясной накладки. Курский р-н; 7 – Подвеска из поясной накладки. Погребение №518. Бирка (Швеция) (по Х. Арбману). Б/м.

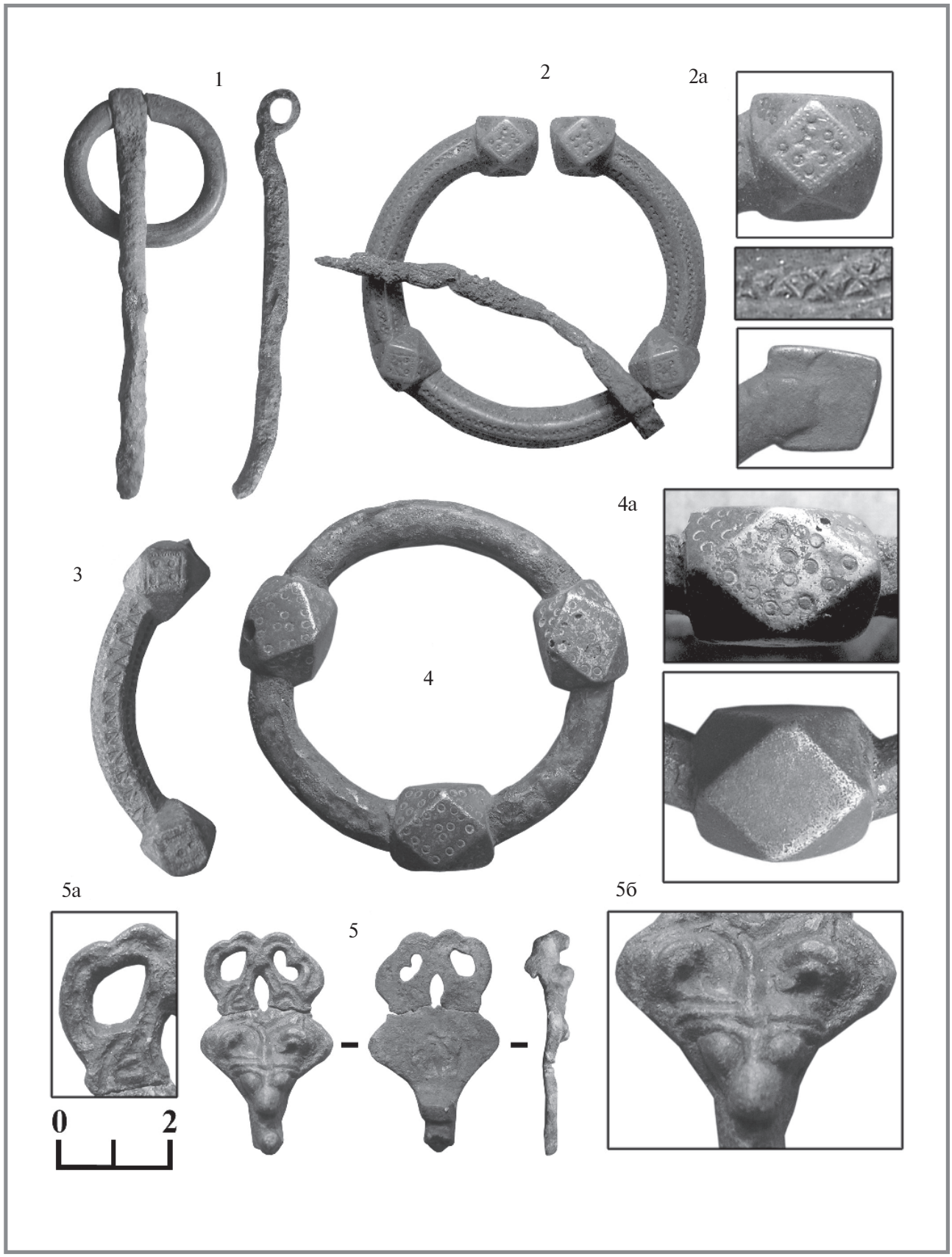

Рис. 2 1 – Фибула. Курский р-н; 2 – Фибула. Курский р-н; 3 – Фибулы фрагмент. Курский р-н; 4 – Фибула. Курский р-н; 5 – Навершие иглы. Курский р-н.

Рис. 3 1 – Фибула. Курский р-н; 2 – Накладка с двумя мужскими лицами. Курский р-н; 3 – Пряжка. Гнёздовский могильник (Смоленская обл., Россия) (по В.И. Сизову). Б/м; 4 – Фибула равноплечая. Хундорп (Норвегия) (по Я. Петерсену). Б/м; 5 – Прорисовки фигур (по И. Джансону) с овальной фибулы из погр. №464 Бирка (Швеция). Б/м.

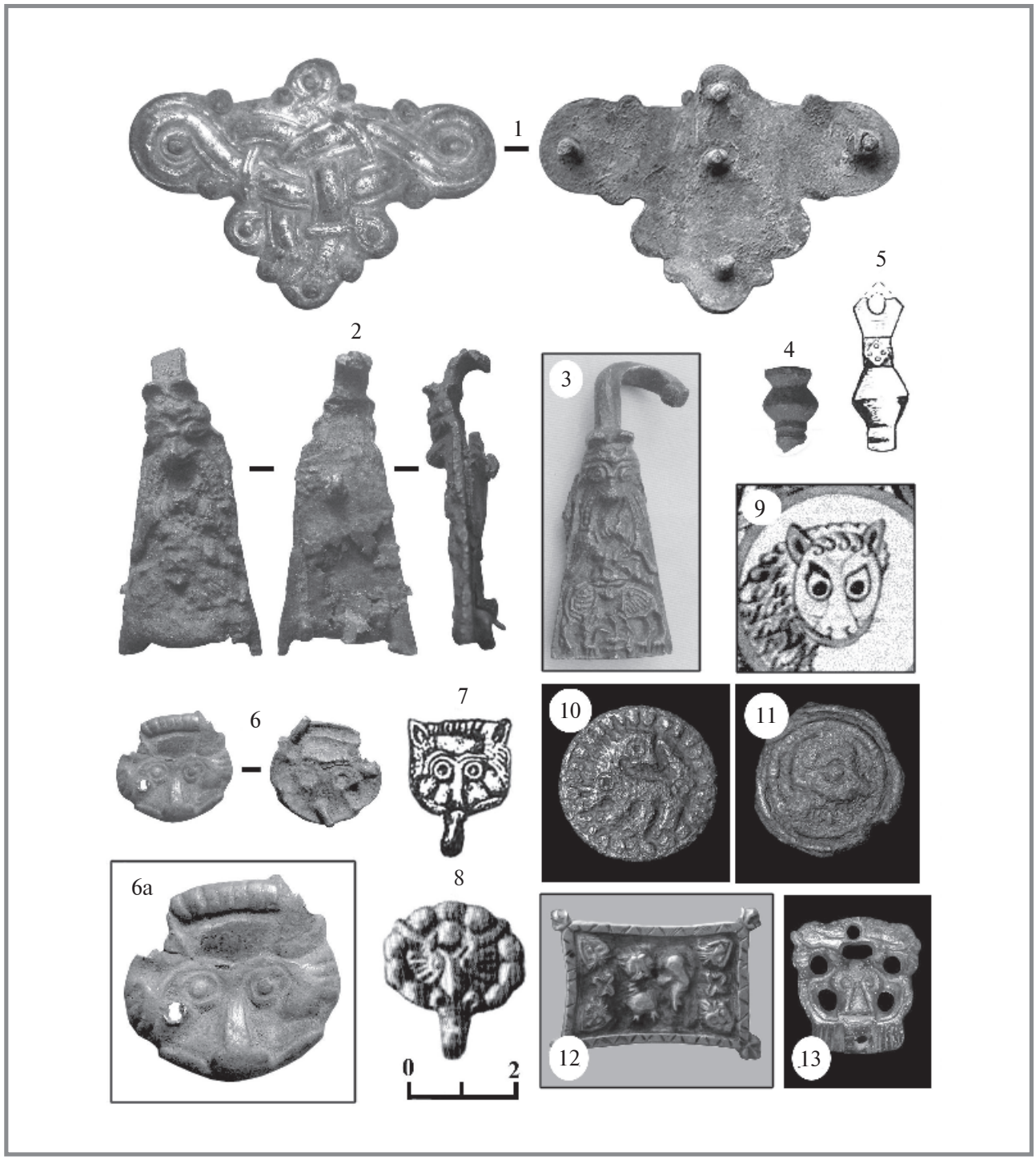

Рис. 4 1 – Накладка-«узел». Рыльский р-н; 2 – Уздечный зажим. Курский р-н; 3 – Уздечный зажим. Супрутское городище (Тульская обл., Россия). Раскопки А.В. Григорьева (по В.В. Мурашевой). Б/м.; 4 – Навершие пинцета. Курский р-н; 5 – Навершие пинцета. Рюриково городище (Новгородская обл., Россия) (по Т.А. Пушкиной); 6 – Накладка поясная. Курский р-н; 7 – Накладка поясная. Гнёздовский могильник (Смоленская обл., Россия). Раскопки Д.А. Авдусина. Б/м; 8 – Подвеска из поясной накладки с изображением головы птицы. Погр. №606 Бирка (Швеция). Б/м; 9 – Лев. VIII в. Молитвенник «Sacramentary of Gellone» (Франция); 10 – Фибула. Около VIII – X вв. (Кембриджшир, Великобритания). Б/м; 11 – Фибула. IX – X вв. (Восточная Англия, Великобритания). Б/м; 12 – Фибула. IX в. (Франция). Б/м; 13 – Накладка на верхнюю часть стремени. Около XI в. (Нотингемшир, Великобритания). Б/м.

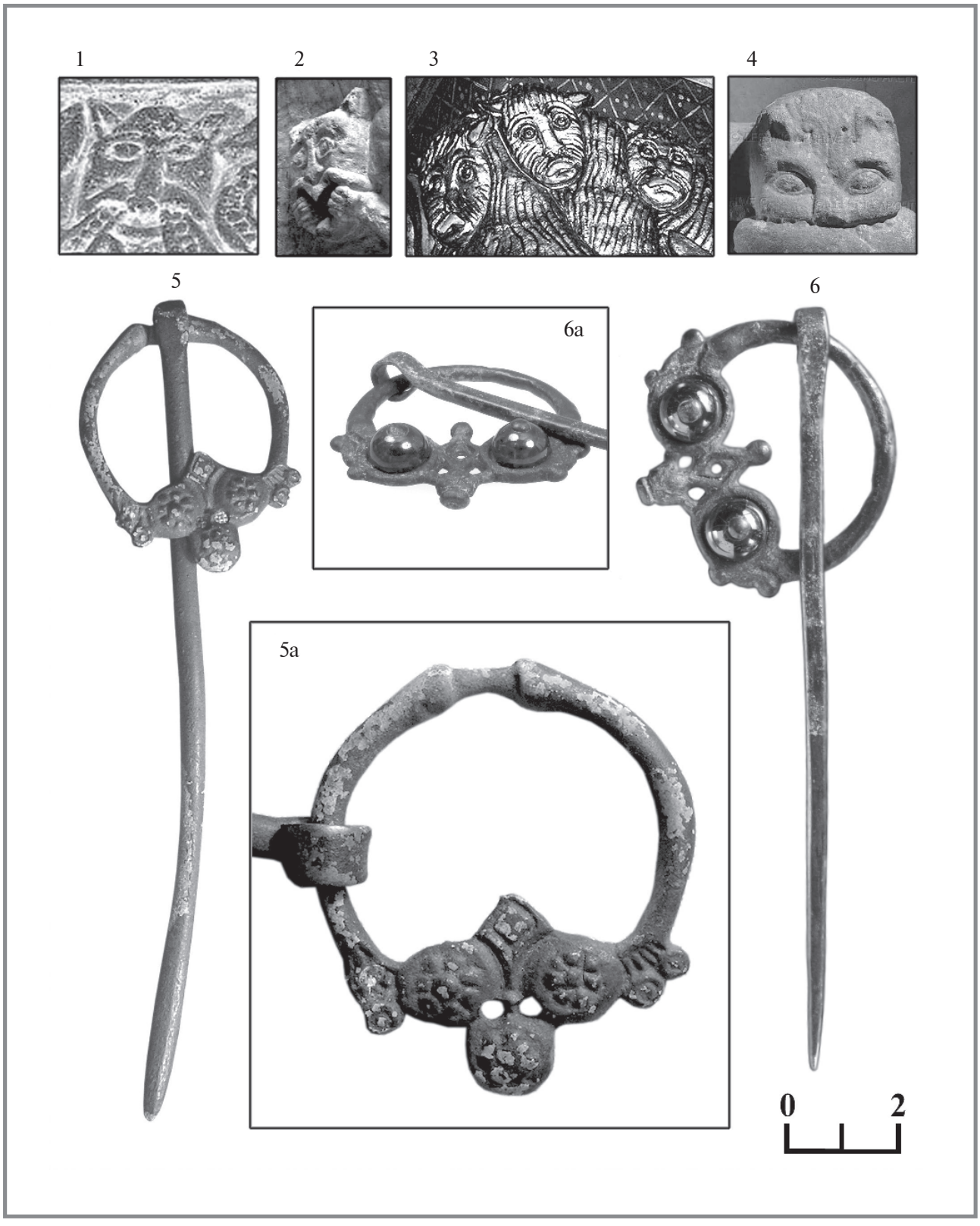

Рис. 5 1 – Лев. XI в. Церковь г. Кастора (Кембриджшир, Великобритания); 2 – Лев. Около 1030 г. Фрагмент капители из аббатства Сен-Жермен-де-Пре (Музей Клюни, Париж); 3 – Львы. Фрагмент капители из аббатства Сен-Жермен-де-Пре (Париж, Франция); 4 – Лев. XI в. Кафедральный собор Св. Марии и Св. Стефана (Шпайер, ФРГ); 5 – Фибула. Курский р-н; 6 – Фибула. IX в. Ирландия. Метрополитен-музей (Нью-Йорк, США). Б/м.

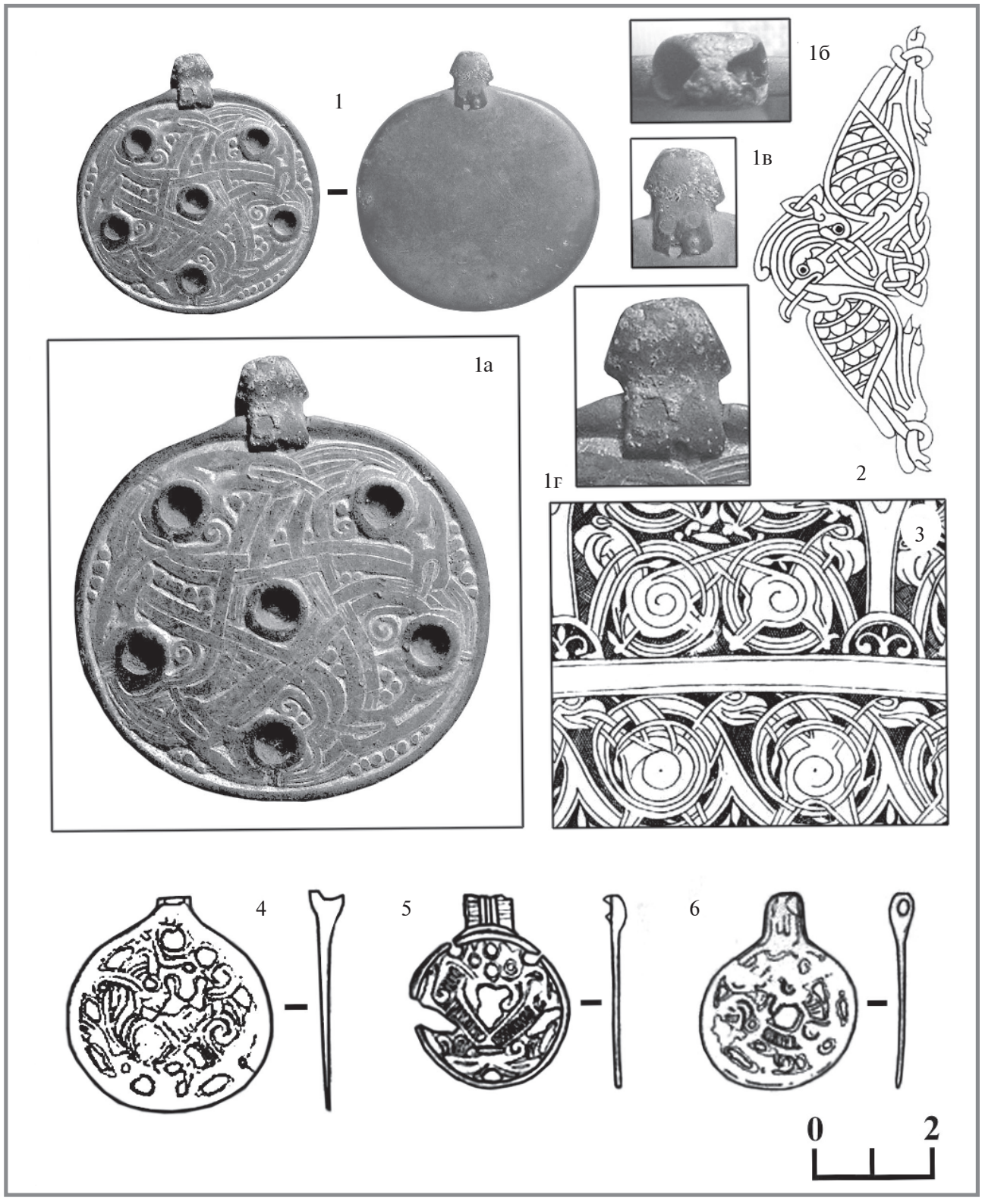

Рис. 6 1 – Подвеска. Курский р-н; 2 – Орнаменты из «Келлской книги». Около 800 г. (Дублин, Ирландия). Прорисовка К. Дэвиса; 3 – Орнамент на ведре из погр. №507 Бирки (Швеция) (по Х. Арбману). Прорисовка; 4 – Подвеска (ГИМ, оп.784/6). Горнальский могильник (Суджанский р-н). Раскопки Д.Я. Самоквасова (по А.С. Дементьевой); 5 – Подвеска (ГИМ, оп.784/7). Горнальский могильник (Суджанский р-н). Раскопки Д.Я. Самоквасова (по А.С. Дементьевой); 6 – Подвеска. Курская область (по А.С. Дементьевой).

«ГОНЧАРНАЯ МАСТЕРСКАЯ» СЕМИЛУКСКОГО ГОРОДИЩА ДРЕВНЕРУССКОГО ВРЕМЕНИ

© 2012 г. В.В. Скинкайтис
Воронежский государственный университет, Воронеж

Семилукское городище находится в черте г. Семилуки. Оно расположено на мысу правого берега р.Дона высотой более 45 м. Площадка городища вытянута в длину до 200 м и ширину – до 65–70 м. Его укрепленная площадь превышает 1 га. С напольной стороны городище имеет вал и ров. Высота вала до 1,2 м, ширина 5–7 м . Ров имеет ширину до 10 м, а глубину – до 3 м. городищу примыкает селище площадью 2–3 га (Пряхин, Цыбин, 1991. С. 93) Вскрытая площадь на поселение составила 3340 кв.м.

Городище было открыто сотрудниками воронежского краеведческого музея в 20-е гг. В 1981 г. Отрядом экспедиции В.И. Беседина были исследованы остатки гончарного горна (Беседин,Беседина, 1983. С. 77-83). Систематическое изучение Семилукского городища расположенного на правом берегу р. Дона в черте г. Семилуки Воронежской области, началось с 1984–1993 гг. под руководством А.Д. Пряхина и М.В. Цыбина. В ходе исследований было выявлено 18 построек древнерусского времени, также был сделан вывод, что городище имеет один строительный горизонт и возникло входе феодальной раздробленности на чернигово-рязанском порубежье, как сторожевая крепость и центр складывающейся сельской округи. Хронологические рамки были определены концом XII – 1-ой половиной XIII в. (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 29-43).

Для анализа керамики мною была выбрана постройка№3 («гончарная мастерская»), которая имеет датирующие находки и представительную выборку керамики. Постройка №3 представляет собой остатки «гончарной мастерской» на это указывает следующие признаки:

1) Большая керамическая серия.
2) Присутствие керамического брака.
3) Основная масса керамики не находилась в употребление.

Площадь постройки фиксировалась в плане и в профилях по прослойке, состоящей из кусочков глины, обожженной глины, углей залегавшей в основании 1-го и во 2-м пластах. Прослойка имела прямоугольную форму размерами 4,8×4,5 м. У южного угла постройки в основании 1-го пласта зафиксировано скопление обожженной глины и обожженных камней, которое было интерпретировано как отопительное устройство. Нижняя часть отопительного сооружения находилась в яме. Это, скорее всего, обусловлено тем, что данное отопительное устройство использовалось и для обжига керамики. Углами постройка была ориентирована по сторонам света (Рис.1).

С площади постройки происходят примерно фрагменты 129 горшков древнерусских. Кроме керамики с постройки происходят 10 индивидуальных находок. Из камня: каменное изделие, каменный оселок; из глины: 3 грузила рыболовных; из бронзы: бронзовый браслет, фрагмент бронзовой пластинки; из стекла: 2 фрагмента стеклянных крученных браслетов синего цвета.

При анализе керамики мною будет использоваться типология В.Ю. Коваля (Коваль,1996, 1997, 2000, 2004). Так как она является более «удачной», в ней учитывается не только верхняя часть сосуда, но и техника, технология изготовления, характер орнаментации. Суть статистической обработки материала сводится к распределению на несколько условных групп керамики на основании серии признаков. Это наличие или отсутствие дополнительной обработки поверхности. Далее по технологии изготовления формовочной массы, затем определение технологии обжига: окислительный или восстановительный (КВО). Далее керамика окислительного обжига делится на три группы по степени ожелезнённости :

– керамика из ожелезненных глин (ОЖ): цвет от красного до коричневого;
– керамика из слабоожелезненных глин (СО): цвет от желтого до розового;
– керамика из неожелезненных глин цвет белый (НО).

Далее группировка разновидностей венчиков горшков, проведенная на базе учета их конструктивных схем и способа формовки края.

16. з. 7377

Для днищ группировка пойдет по определению способа крепления горшка к гончарному кругу, оставлявшего соответствующие следы:

1) днища со следами среза дна с круга (при помощи ножа, нитки, проволоки);
2) без подсыпки под дно и следов среза с круга;
3) с песчаной подсыпкой;
4) с зольной подсыпкой;
5) с подсыпкой дресвы.

Орнаментация учитывалась по разновидностям: линейная, волнистая, в виде отпечатков различного рода штампов.

Постройка № 3. С площади постройки происходит 616 фр. средневековой керамики: 129 венчиков, 96 днищ, 117 неорнаментированных стенок от различных сосудов и 27 декорированных стенок. При определении морфологии венчиков в качестве типообразующего метода В.Ю. Ковалем предложено сочетание двух критериев: способа формовки края венчика и определение его конструктивной схемы (Коваль, 1997. С. 209; Коваль, 2004. С. 58–59). Таким образом, с учётом всех возможных сочетаний можно определить 45 различных типов венчиков.

ОПИСАНИЕ КОНСТРУКТИВНОЙ СХЕМЫ ВЕНЧИКОВ

Среди профилируемых верхних частей преобладает: тип 28–26 фр. Конструктивный тип 28 – венчик имеет сочетание из отогнутой во-внутрь шейки[1], а также устья[2], отогнутого наружу, черновой край[3] завёрнут вовнутрь; тип 23–22 фр. Конструктивный тип 23 – венчик имеет сочетание из изогнутой шейки и изогнутого наружу устья, черновой край завёрнут вовнутрь; тип 18–16 фр.; ти 41–17 фр.; Конструктивный тип 18 – венчик имеет сочетание из прямой и короткой шейки, а также высокого устья отогнутого наружу, при этом черновой край завёрнут вовнутрь, также имеется уступ «под крышку»; тип 41–17 фр. Конструктивный тип 41 – венчик имеет сочетание из отогнутой вовнутрь высокой шейки, а также устья, отогнутого наружу, черновой край без деформаций; тип 21–14 фр. Конструктивный тип 21 – венчик имеет сочетание из изогнутой шейки и изогнутого наружу устья, черновой край без деформации; тип 3–6 фр. Конструктивный тип 3 – шейка у венчика отсутствует, устье прямое, допустимо незначительное отклонение, а черновой край завёрнут вовнутрь, образуя валик; тип 16–6 фр. Конструктивный тип 16 – венчик имеет сочетание из прямой и короткой шейки, а также высокого устья, отогнутого наружу, при этом черновой край без деформации; тип 43–5 фр. Конструктивный тип 43 – венчик имеет сочетание из отогнутой во-внутрь высокой шейки, а также устья, отогнутого наружу, черновой край завёрнут вовнутрь; тип 1–4 фр. Конструктивный тип 1 – шейка у венчика отсутствует, устье вертикальное, допустимо незначительное отклонение, а черновой край без деформации; тип 1–4 фр. Конструктивный тип 11 – шейка у венчика отсутствует, устье отогнуто наружу, черновой край без деформации; тип 22–2 фр. Конструктивный тип 22 – венчик имеет сочетание из изогнутой шейки и изогнутого наружу устья, черновой край срезан; тип 6–1 фр. Конструктивный тип 6 – венчик имеет сочетание из прямой и высокой шейки, а также устья, отогнутого наружу, при этом черновой край без деформации; тип 8–1 фр. Конструктивный тип 8 – венчик имеет сочетание из прямой и высокой шейки, а также устья, отогнутого наружу, при этом черновой край завёрнут вовнутрь (Рис. 2–4).

По технологии формовки керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения РФК[4] – 3–5 по А.А. Бобринскому (Бобринский, 1978. С. 27).

---

[1] Шейка – нижняя часть венчика, в которой располагается место его минимального диаметра.

[2] Устье – верхняя часть венчика, подвергшаяся в процессе формовки разнообразной профилировке путем срезов, заворотов «чернового края».

[3] Черновой край – край сосуда на завершающей стадии процесса формовки и отделки сосуда, который подвергается различным деформациям (срезу, обтачиванию завороту).

[4] РФК – этапы развития функций гончарного круга.

В постройке встречено 3 типа формовочных масс. Среди доминирующей формовочной массы тип 2,1 – (80,8%) преобладает керамика окислительного обжига – 497 фр. (88,3%). По степени окисления керамика из ожелезненных глин 20 фр. (4%), слабоожелезненных – 452 фр. (92%), а из неожелезненных – 20 фр. (4%). К КВО принадлежат 5 фр.

Среди второго по численности типа формовочной массы 1.1–1.2 преобладает КОО – 107 фр. (15,2%). По степени окисления керамики из слабоожелезненных глин –87 фр.(90%), неожелезненных – 5 фр. (7%), а ожелезненных – 2фр. (3%).

Среди третьего по численности типа формовочной массы 2.3 преобладает КОО – 11 фр. (100%). По степени окисления керамики из слабоожелезненных глин –11 фр.(100).

Среди днищ преобладают с подсыпкой золы без закраины 87% (89 фр), с подсыкой песка бес закраиной 24,3 (29 фр)%, с подсыпокой песка бес закраины 1%, (1 фр) с зольной подсыпкой с закраиной 11% (10 фр).

При анализе декора учтены 117 фр. стенок от различных горшков. На посуде встречены различные типы орнамента, доля линейного орнамената 45% (в основном сплошной); волнистого 46,8% (как правило, многорядного), линейно-волнистого 8,1% и зубчатого 1,7%. В рецепте 2.1 (примесь песка) доля орнаментированной посуды выше, чем в других. Доля орнаментации для рецептов 1.2. (без примесей) и 2.1 практически равна. Преимущественно с орнаментом слабоожелезненная керамика.

Среди верхних профилируемых частей основным доминирующим типом является тип 28 и тип 23, и тип 28. Тип 23 является характерным для домонгольского времени , также 18 и 28 тип. Подобные венчики в литературе носят название эсовидные (Рис. 2; 3, *52-65*). В общем количестве они составляют 55,4% (66 фр.). Наличие таких типов венчиков, как 23,18, 28 «эсовидных», многие исследователи объясняют решением узкофункциональных задач (приспособление сосуда для закрытия его крышкой).Черкасов В.В. объясняет это явление необходимостью увеличить прочность керамики и срок эксплуатации, в пользу этого говорит петрографический анализ керамики и число обнаруженных крышек на памятнике, которое не сопоставимо с эсовидными венчиками (Черкасов, 2005. С. 310-311).

Для уточнения состава примесей и качества глин был проведен анализ сотрудниками кафедры полезных ископаемых и недрологии геологического факультета Воронежского университета. В результате было выявлено низкое качество теста, в составе которого содержится 50% кварцитового песка, также гидрослюда и полевые шпаты. Все это указывает на то, что глины являются ледниковыми. Также керамика содержит естественную примесь железняка и охры, которая характерна для южных территорий Руси (Бобринский, 1978. С. 78-83).

В постройке №3 «гончарная мастерская» датируемой XIII в., были выявлены ХИ – хроноиндикаторы. 1) ХИВ (венчиков) – типы 28, 23, 18; 2) ХИД (днищ) – на зольной подсыпке без закраины и на песочной без закраины; 3) ХИФМ (формовочной массы) – керамика с примесью песка 80%, которые характерны для Ростиславля-Рязанского 1-пол XIII в. Посуда преимущественно окислительного обжига, присутствует керамика, изготовленная в восстановительной среде (не более 1%), по всей видимости, это результат непреднамеренного обжига. Доля волнистой орнаментации практически равна линейной.

Изучение древнерусской керамики Семилукского городища в дальнейшем позволит выявить наиболее характерные технологические традиции изготовления керамики не только для памятника в отдельности, но и для поселений данного региона.

Литература

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы// Источники и методы изучения. Воронеж, 1978.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии //Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 9. М, 1996.

Коваль В.Ю. Керамика средневековой Руси: проблемы археологической типологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.

Коваль В.Ю. К вопросу о хронологических изменениях в орнаментации средневековой русской керамики //Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 10. М., 2000.

Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии //Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М., 2004.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище XII–XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984–1986 гг.) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На Юго-Востоке Древней Руси: Историко-археологические исследования: Сб. науч. трудов. Воронеж, 1996.

Черкасов В.В. Домонгольская традиция гончарного производства (на примере керамики Коломны 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII в.)// Великое княжество Рязанское. М, 2005.

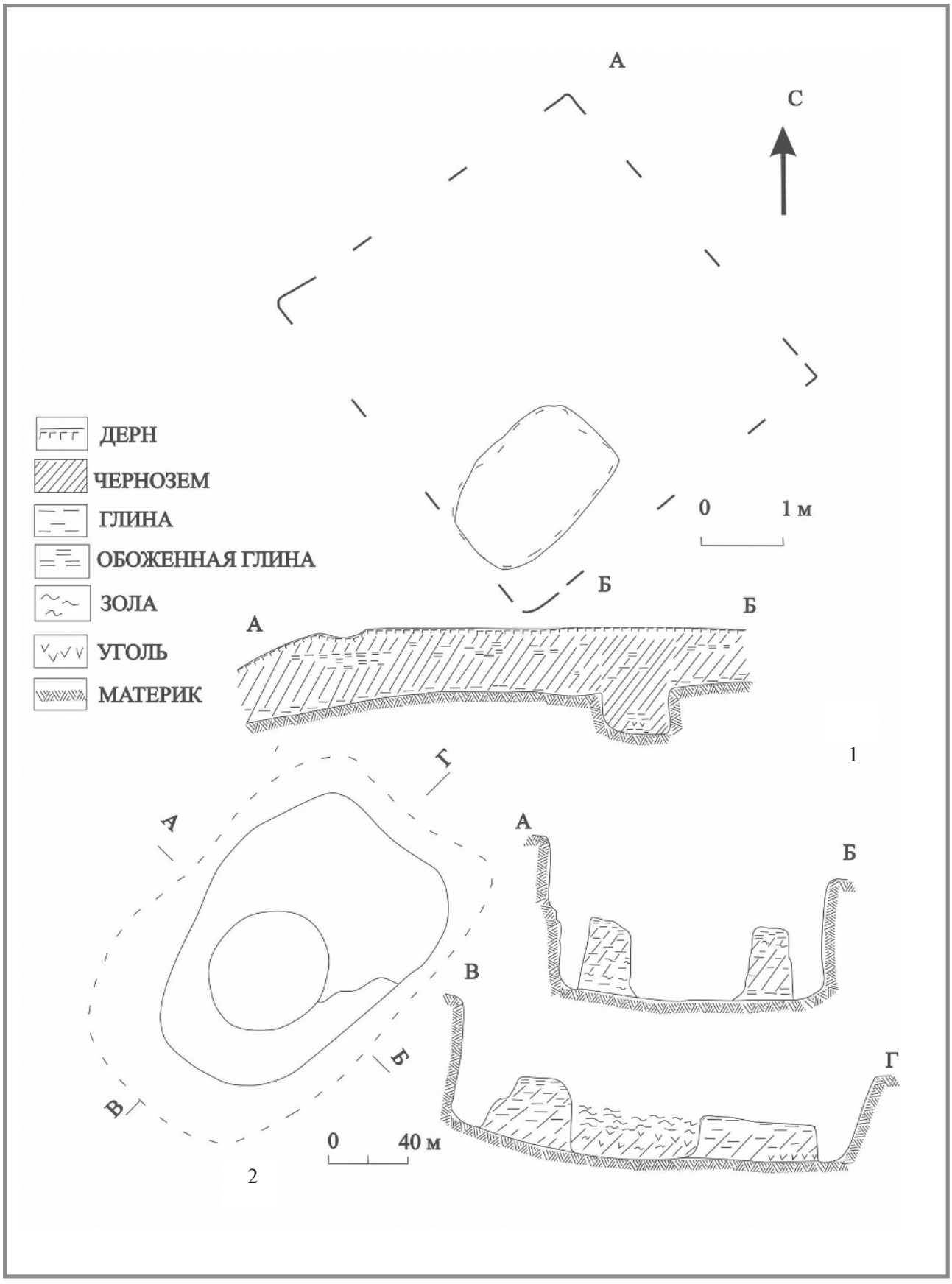

Рис.1. Постройка №3. 1 – план постройки, 2 – план и разрезы отопительного сооружения

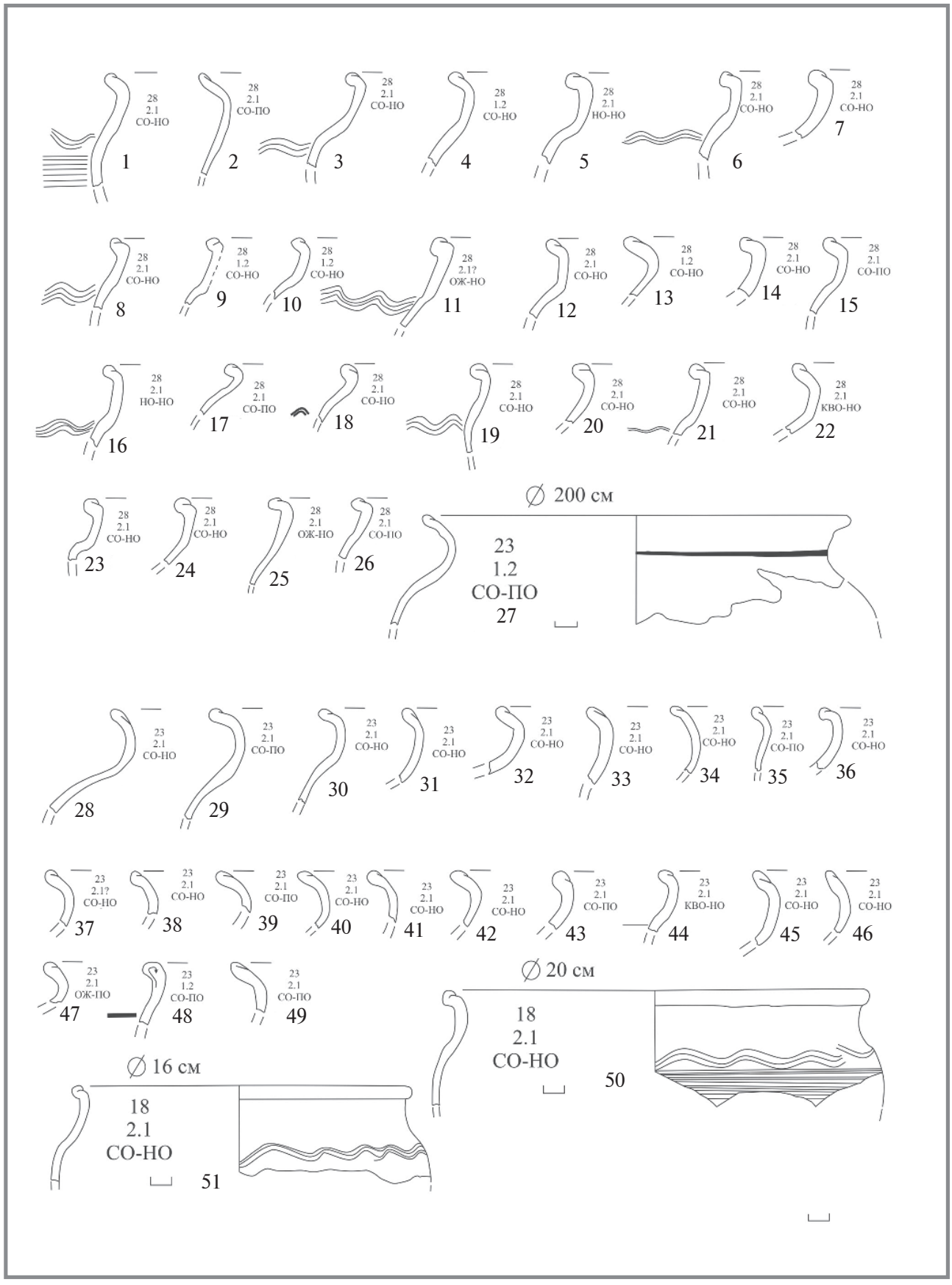

Рис.2. Древнерусская керамика Семилукского городища

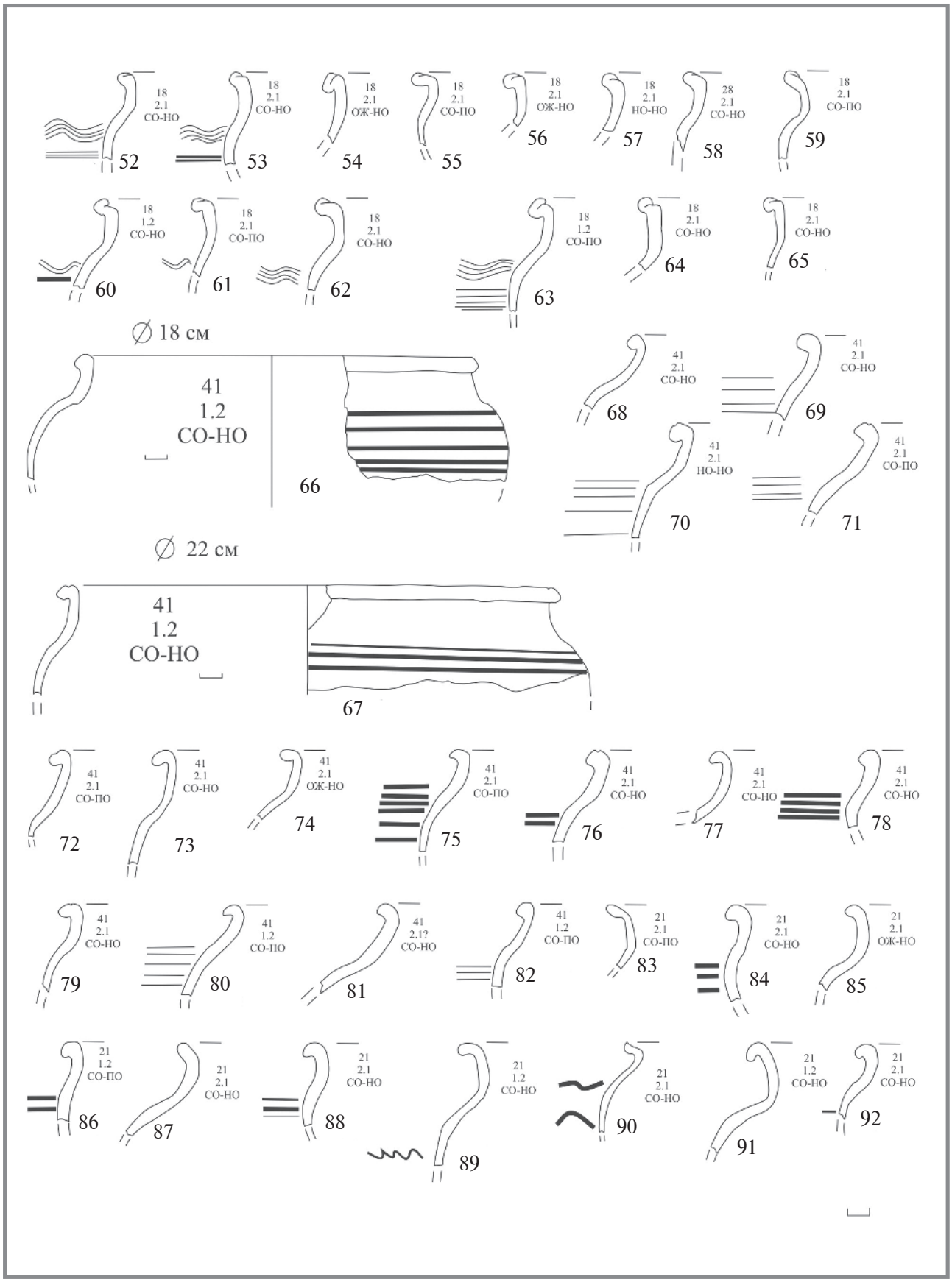

Рис.3. Древнерусская керамика Семилукского городища

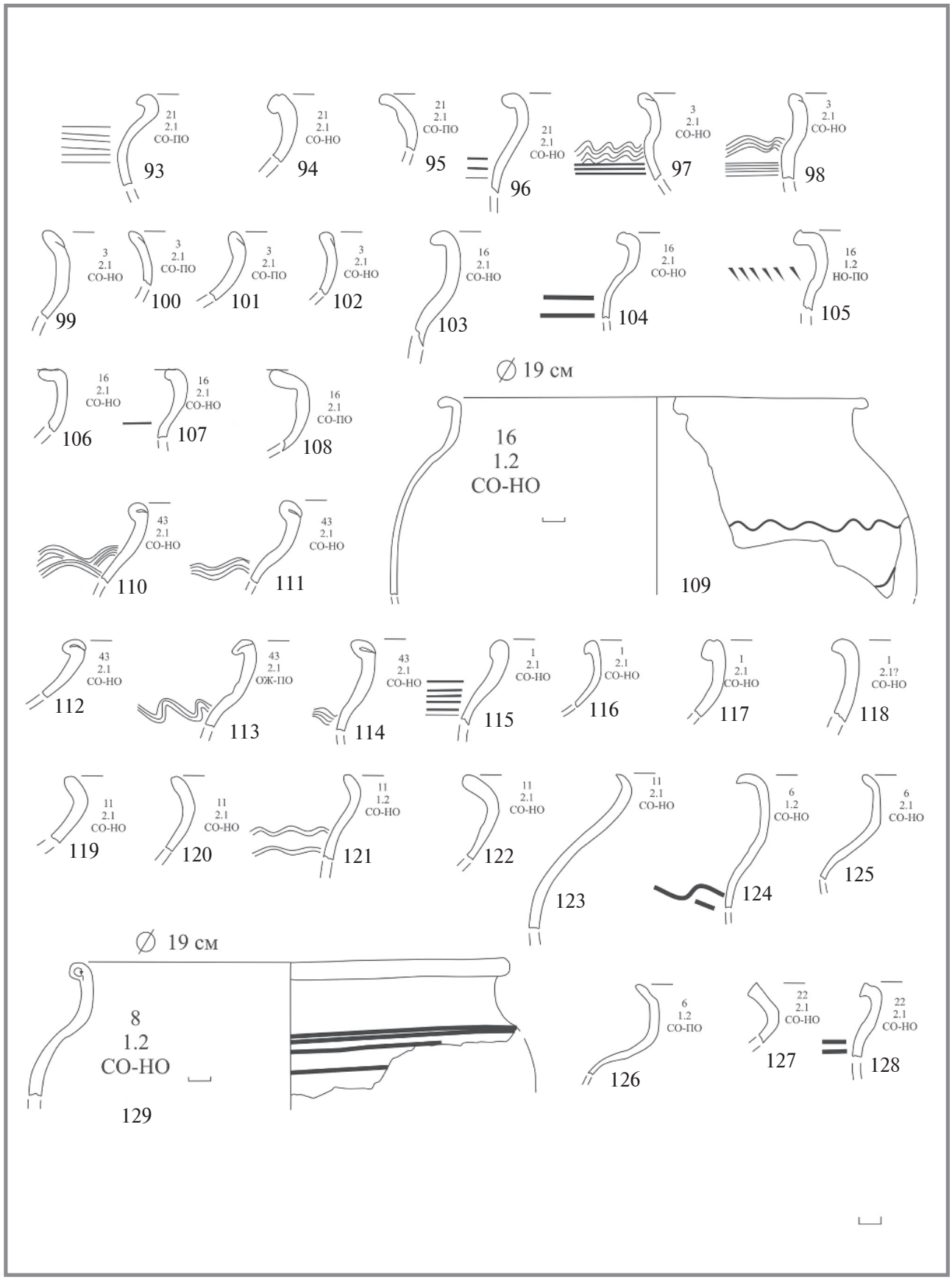

Рис.4. Древнерусская керамика Семилукского городища

О РАЗВЕДКАХ Л.Н. СОЛОВЬЁВА В РАЙОНЕ КУРСКА В 1919–1928 гг.

© Воротинская Л.С.
Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Настоящая статья посвящена курскому периоду деятельности известного краеведа, археолога Л.Н. Соловьёва, бывшему в 1928–1929 годах заведующим культурно-исторического отдела краеведческого музея г. Курска.

Лев Николаевич Соловьёв (Рис.1) родился в 7 декабря 1894 году в селе Медвенка Обоянского уезда Курской губернии в семье народного учителя. Умер 27 февраля 1973 г. в г. Сухум. Свой путь в археологию Лев Николаевич начал в 1912 году на раскопках славянского городища у с. Гочево, где принимал участие в экспедиции П.С. Рыкова в качестве художника. В 1920-е годы им был произведен ряд археологических разведок в окрестностях г. Курска, во время которых было выявлено немало новых древних памятников, а также обследовано больше количество уже известных к тому времени.

В 1930 году он решает посвятить себя геологии и первобытной археологии. В 1930 – 1932 гг. он учится на минералого-петрографическом отделении института переквалификации при Горном институте в Ленинграде. Вся последующая его жизнь была связана с древностями Абхазии и Крыма (Воронов, 1994. С.14). Биография исследователя описана в небольшой книжке «Лев Николаевич Соловьёв», написанной его учеником Ю.Н. Вороновым, известным исследователем цебельдинских древностей Абхазии, депутатом Верховного Совета Республики Абхазия (1990–1995), трагически погибшим в сентябре 1995 года. Эта книга была написана в 1983 году на основании архива Л.Н. Соловьёва. Архив включал в себя 110 папок, общим числом страниц более 32 тысяч. 22 октября 1992 года, во время грузино-абхазской войны, этот архив сгорел вместе со всем, что хранилось в здании Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Опубликована эта книжка была только в 1994 году.

В Государственном Эрмитаже хранится коллекция, собранная Л.Н. Соловьёвым в 1928 г. в окрестностях Курска (хранение по описи № 1-8, рег. № 44 от 20.01.2012). Она была передана в Эрмитаж из ИИМК АН в 1946 г. по акту № 850 с описью находок на 39 листах. Находки были упакованы в 4 ящика и 15 пакетов. В настоящее время коллекция состоит из 2290 предметов. По акту приёмки в Государственный Эрмитаж коллекция называется «Разведки в Курской области по берегам р. Сейм в р-не Гочева и Обоянска в 1928 г. Руков. Л.Н. Соловьёв». Однако фактически она содержит археологические материалы, собранные в окрестностях г. Курска и один пакет (вероятно случайно) из г. Севастополя.

Поиск полевого отчёта в архиве ИИМК РАН, к сожалению, не дал результатов. По этой причине публикация материалов затруднена. Также практически невозможно точно определить места находок 1928 г.

Как уже отмечалось выше, в 1919–1921 гг. Л.Н. Соловьёв произвёл археологические разведки в окрестностях г. Курска. Эти разведки подробно описаны им в статье, опубликованной в Известиях Курского губернского общества краеведения (Соловьёв, 1927. С. 12-33). В ней указывается, что коллекция находок, собранная в результате этих обследований, была передана в Харьковский исторический музей в 1920 году, однако её судьба в настоящее время остаётся невыясненной. К упомянутой статье приложена карта всех описанных им памятников. По этой карте можно предположительно установить местоположение некоторых памятников, обследованных в 1928 г., находки с которых поступили в дальнейшем в Эрмитаж. Материалы собраны со следующих местонахождений Курского района (Рис. 2):

1. Моква (1–5). В 1920 году в котловинах выдувания найдено большое количество находок различных эпох – «литые бляшки поясного набора», «обломок небольшого кольца с 13-гранной бронзовой бусиной на конце», фрагменты пальчатых фибул, серебряная пряжка с язычком, обломки витых стеклянных браслетов, бронзовых крестиков, серебряной подвески в виде креста, заключённого в круг, большое количество различных бус, обломков височных колец, браслетов из бронзы и серебра, три серебряные сильно стёртые монеты. В

большом количестве были найдены предметы хозяйственного назначения, обломки стёкол, кругляки фосфорита. В значительном числе встречались осколки кремня, около 20-ти микролитических ножевидных пластинок и скребков из светло серого и светло жёлтого кремня, две хорошо сработанные стрелки, одна с черенком, другая подшлифованная с выемкой, одно орудие типа tranche, обработанное отжимной ретушью. Л.Н. Соловьёв предполагал, что в этом месте была мастерская кремнёвых орудий. При посещении в 1926 году Л.Н. Соловьёвым этого памятника, он нашёл котловины совсем пустыми: они снова были занесены песком (Соловьёв, 1927. С. 19-22). Однако уже через два года при обследовании этой местности Лев Николаевич собрал большое количество подъёмного материала. Коллекция сборов 1928 года из района Моквы составляет 830 предметов. Это обломки керамики различных эпох, стекла, металлических пластинок, гвоздей, шлаков и др.

2. Солянка (6) – местность, расположенная ниже впадения р. Тускарь в Сейм в 4-х верстах от д. Моква. Обследовано 6 местонахождений, на одном из них была сделана траншея. Найдены фрагменты сосудов баночной формы с глубоким и вдавлениями в верхней части (Соловьёв, 1927. С. 18). Коллекция находок, собранных в 1928 году в этой местности, состоит из 483 предмета: обломки роменской керамики, изделий из камня, глиняной обмазки, 3 обломка глиняных пряслиц, 1 глиняный тигель, кремнёвые отщепы.

3. Духовец (7, 8). Два местонахождения обследовано в 1928 г., найдена керамика, кремень периода неолита, эпохи бронзы. Всего собрано не менее 128 предметов: керамика, кремневые отщепы, шлаки и др.

4. Толмачёво (9). В 1919 году Л.Н. Соловьёв обследовал неолитическую стоянку на остатках песчаной террасы, большей частью уничтоженной ветром. Там же была найдена, по всей видимости, керамика роменской и зольничной культур (Соловьёв, 1927. С. 17-18).

5. «Урочище «Городище» (10). Между д. Толмачёво и Линёвым озером крестьяне называли «Большим» и «Малым» городищем острова среди болот, остатки песчаной террасы высотой до 7 м. Здесь был обнаружен культурный слой 20 см, содержащий обломки древнерусской и зольничной посуды. Обследовано Л.Н. Соловьёвым в 1920 г. (Соловьёв, 1927. С. 18). В коллекции сборов 1928 найдено два пакета (13 предметов) с керамикой зольничной культуры, на котором написано «Урочище «Городище» против д. Толмачёвой».

6. Особого внимания заслуживают стоянки Харьковского леса (11–17), расположенные на песчаном плато напротив дер. Толмачёво на противоположном берегу Сейма. В начале XX века большая часть этого плато была занята дубовым лесом, части которого назывались Харьковским, Кругликовым, Новосильцевским. Уже в то время здесь вдоль южного края террасы лес был сведён и пески под воздействием ветра лишились почвы. В этом месте в 1920 году Л.Н. Соловьёв обследовал 7 памятников, расположенных вдоль Сейма. На них собран богатый материал от эпохи неолита, бронзы, зольничной, юхновской, роменской культур. Они подробно описаны в его статье, посвящённой памятникам окрестностей Курска (Соловьёв, 1927. С.13-17). В настоящее время эти местонахождения фиксируются в числе памятников Лебяжьинского археологического комплекса (Кашкин, 1980. С.54; Кашкин, 1998. С.107-113; Липкинг, 1968. С.61,62). В письме Л.Н. Соловьёва в учетно-консультационное совещание по археологии при Главнауке есть упоминание о могильнике «культуры полей погребальных урн». Здесь же была найдена находка – серебряная монета Антонина Пия. В этом месте намечались раскопки этого могильника. Скорее всего, эти планы не осуществились. Во всяком случае, данных о раскопках этого могильника нет. Известно, что он активно разрушался и разграблялся (Прил. 4).

7. Липина (18). Городище, памятники великокняжеского времени и раннего железного века у «Монастырища», зольник, входящие в состав известного, многократно исследованного Липинского археологического комплекса, обследовано Л.Н. Соловьёвым в 1920 г. (Соловьёв, 1927. С. 23-26). По мнению ряда исследователей, основное ядро Липинского археологического комплекса является детинцем и посадом древнерусского города (Липецка – у В.В. Енукова,

Липовичска у А.В. Кашкина) – одного из удельных центров Курского княжения (Енуков, 1994. С. 124-125; Енуков, Енукова, 1994. С. 60; Зайцев, 1996. С. 40-51; Кашкин, 1996. С. 52-59; Кашкин, 2000. С. 65-70; Стародубцев, 2007. С. 600). В 1928 году им было ещё раз осмотрено городище и селище около него, собрано около двухсот обломков керамических сосудов периода Древней Руси.

8. Ванина (19). В 1928 г. было собрано 17 фрагментов сосудов древнерусского периода, подписанный: «Насыпь. Раскоп кургана между городищем и д. Ванина».

9. В 1920 и 1928 гг. Л.Н. Соловьёвым были обследованы дюны между д. Пименовской и Черницыны (20) в устье реки Большая Курица на правом берегу Сейма. Здесь была найдена керамика эпохи неолита и полей погребальных урн (Соловьёв, 1927. С. 26). В 1928 году в этом районе им была собрана неорнаментированная керамика, кремнёвые отщепы, пережженные камни и глиняная обмазка. Всего 18 предметов.

Помимо этих памятников в 1919–1920 гг. Л. Н. Соловьёвым были обследованы памятники на территории современного г. Курска: Кривец (21) – неолитическая стоянка, уничтоженная в результате строительных работ; Стрелецкая слобода (22) – обнаружен культурный слой с керамикой скифского времени, роменской и древнерусской культур, в настоящее время памятник уничтожен; Заяры (23) – так назывался луг на крутом изгибе р. Тускари, где находились памятники, относящиеся, по-видимому, к эпохе неолита и раннего железного века. В северной части окрестностей Курска Л. Н. Соловьёвым обследованы: славянское поселение у д. Щекино (вероятно в районе д. Щетинка) (24); роменское городище у д. Шуклинка (25), славянское селище у д. Вырок (26), разновремённые памятники у д. Каменева (27-29) (Соловьёв, 1927).

Для некоторых упомянутых памятников сохранившиеся описания Л.Н. Соловьёва – всё, что осталось от них.

Для городища Шуклинка Лев Николаевич разработал маршрут экскурсии, показав памятник «на историческом фоне, воссоздав ту действительную обстановку, которая его когда-то окружала». Описание этого маршрута было опубликовано в Известиях Курского общества краеведения (Соловьёв, 1928. С. 7-10).

Помимо коллекции археологических находок, собранных в 1928 г., обнаружены некоторые архивные документы, немного проливающие свет на обстоятельства этих и других разведок и некоторые подробности биографии Л.Н. Соловьёва в период его жизни в Курске.

Согласно найденным документам, в марте 1928 г. Л.Н. Соловьёв обратился в Главнауку с просьбой выдать ему открытый лист, дающий право на ведение археологических разведок в Курской губернии и в районе г. Севастополя (Прил. 1). В апреле он получил такое разрешение (Прил. 2). Очевидно, материалы именно этих обследований и хранятся сейчас в Государственном Эрмитаже.

В апреле 1929 г. Л. Н. Соловьёв вновь обращается в учётно-консультационное совещание по археологии при Главнауке с просьбой выдать ему открытый лист на право археологических раскопок в пределах Курского, Льговского и Белгородского округов Ц.Ч.О. в течение летнего сезона 1929 г. В заявлении подробно описывается научная биография исследователя (Прил. 3). Затем он дополнительно сообщает в Главнауку о своём намерении исследовать в период летнего сезона 1929 г. городище у д. Шуклинка в 6 верстах от г. Курска. В этом году была поставлена задача – проверить культурные напластования и выяснить «его отношения к группе курганов, числом около 20, расположенных на расстоянии 1 версты». Предполагалось провести несколько траншей на городище и раскопать 3–4 кургана (Прил. 4).

В июне 1929 г. Л.Н. Соловьёв дополнительно обращается в Главнауку с просьбой предоставить ему открытый лист на право проведения небольших раскопок в соседстве с б. Троицкого женского монастыря, где при прокладке водопровода были обнаружены человеческие скелеты (Прил. 5).

Этими мероприятиями завершился период жизни Л.Н. Соловьёва, связанный с г. Курском и курскими древностями. Работа Л.Н. Соловьёва в Курской области явилась важной вехой в изучении древностей этого края.

Приложение 1

Г. А. И. М. К.
«27».III.1928 г.
Вк. № 510

В Академию Материальной Культуры.
От Зам. председателя Культурно-Исторической
секции Курского О-ва Краеведения Л.Н. Соловьёва

Заявление

Прошу выдать мне открытый лист на право ведения археологических разведок в Курской губ. и в районе г. Севастополя.

В 1913–14 гг. я помогал проф. П.С. Рыкову при раскопках курганного могильника в селе Гочево Обоянск. у., Курской губ. и в обследовании Островского у. Псковской губ. в археологическом отношении. В 1922 г. под руководством проф. А.С. Федоровского и самостоятельно, обследовал группу скифских курганов у посёлка Липовая Роща близ г. Харькова. В 1924–25 гг. я помогал проф. А.С. Башкирову при раскопках древних сооружений на Гераклейском полуострове близ г. Бахчисарая. В 1925 г. я получил открытый лист от Археологического Подотдела Главнауки, который был вследствие моей болезни использован лишь частично. Отчёт по этому открытому листу был своевременно представлен мною в Археологический Подотдел Главнауки. В ближайшее лето я предполагаю произвести небольшие разведки (взрез культурного слоя нескольких стоянок, селищ и одного городища ранней поры железных орудий близ г. Севастополя и подобную же работу в окрестностях г. Курска.

12.03. 1928
Подпись
Адрес: Курск. Площадь 1-го мая, д. № 8
Льву Николаевичу Соловьёву

Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН (СПб.). Ф. 2. 1928. Оп.1. № 168. Л. 1.

Приложение 2

2. IV. 1928
1341

В отдел Главнауки

Государственная Академия Истории Материальной Культуры, препровождая при сем копию о заявлении Л.Н. Соловьёва, уведомляет Отдел, что Академия считает возможным выдачу ему разрешения и производство обследований в окрестностях гор. Курска. Что касается обследований в окрестностях г. Севастополя, то они должны быть согласованы с раскопками, предполагаемыми в нынешнем году на Гераклейском полуострове.

Председатель Академии Б. Фармаковский

Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН (СПб.). Ф. 2. 1929. Оп. 1. № 168. Л.2.

Приложение 3

В учётно-консультационное совещание по археологии при Главнауке.

Заявление

Прошу выдать мне открытый лист на право археологических раскопок в пределах Курского, Льговского и Белгородского округов Ц.Ч.О. в течение летнего сезона 1929 г.

О себе могу сообщить следующее:

В 1922 г. Окончил Харьковск. Инст. Нар. Образов.

В 1914 г. Я частично прослушал курс археологии (Городцов) в Моск. Археол. Ин-те. Тогда же полностью прослушал курс археологии при Моск. Ун-те (Готье)

В 1913 г. Участвовал в археол. Обследовании Новгородской губ. (руков. П.С. Рыков).

В 1919-1921 гг. принимал участи е в раскопке курганного могильника в посёлке Липовая Роща под Харьковом (самостоятельно и под руководством А. Федоровского).

В 1923 г. участвовал в раскопках Научн. Ассоц. Востоковедения на Гераклейском п-ве в Крыму (руков. А. Башкиров и И. Бороздин).

В 1924 г. уч-л в раскопках Херсонеса близ Севастополя (рук. К.Э. Гриневич).

В настоящее время я заведую Истор.-Культур. Отделом Курского Госмузея. Состою на учёте Цент. Секции Научн. работников.

Состою тов. Председателя культ.-истор. Секции курского о-вы Краеведения.

Состою членом предварительного комитета по подготовке к I археол. Съезду РСФСР и председателем Курского комитета Содействия съезду.

Л. Соловьёв

Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН (СПб.). Ф. 2. 1929. Оп.1. № 209. Л. 5.

Приложение 4

В учетно-консультационное совещание по археологии при Главнауке.

В ответ на Ваш запрос от 8/04 29 г. О местах предполагаемых мною раскопок в Ц.Ч.О., в дополнение к моему заявлению о выдаче открытого листа могу сообщить следующее:

Основным пунктом предполагаемых раскопок, является небольшое городище у д. Шуклинка в 6 верст. от г. Курска, которое имеет два культурных наслоения: верхнее славянское и нижнее – соответствующее отчасти нижнему слою Дьякова городища – состав культур типичный для городищ Курского края.

В этом году задачей раскопки ставится проверка культурных напластований и выяснение его отношения к группе курганов, числом около 20, расположенных на расстоянии 1 версты. Предполагается провести несколько траншей на городище и раскопать 3-4 кургана.

В зависимости от ассигнования средств предварительным комитетом РСФСР, намечается раскопка могильника типа полей погребальных урн, близ Харьковского леса в 8 верстах от г. Курска.

В прошлом году осенью этот могильник был частично раскопан местными крестьянами, нашедшими здесь серебряную монету Антонина Пия. Несмотря на принятые музеем меры охраны, лучшим средством остановить хищническое разрушение могильника всё же является его раскопка.

Этими двумя пунктами исчерпывается намечаемый в этом году план раскопок. Предварительные сведения об этих памятниках старины опубликованы в моей статье «Стоянки, городища и селища окрестностей г. Курска» (Известия Курского о-ва Краеведения, 1927, № 4).

13.04.29. Соловьёв

Курск. Площадь 1 мая, 8

Льву Николаевичу Соловьёву

Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН (СПб.). Ф. 2. 1929. Оп.1. № 209. Л. 4.

Приложение 5

21.06.1929

В Главнауку.

Курский Госмузей в связи с Вашим запросом об открытом листе на имя т. Соловьёва, зав. Ист. Культ. Отд. музея от 13/06 с/г за 5031 имеет сообщить следующее:

В половине июля с/г музей неожиданно стал перед необходимостью произвести небольшие раскопки в соседстве с б. Троицкого женского монастыря, где при прокладке водопровода были обнаружены человеческие скелеты. Произведённый по поручению музея т. Соловьёвым осмотр места находки, а также раскопка трёх погребений, затронутых канавой водопровода, установили существование в центральной части города:

1) Следов поселения, предшествовавшего возобновлению г. Курск в конце 16 в.

2) Следов значительного кладбища, относящегося к 17 в. или к несколько более ранней эпохе.

В виду того значительного интереса, который представляют вновь обнаруженные данные для решения спорных вопросов топографии города, времени его возникновения, начала колонизации Курской окраины Московского государства и пр. музей предполагает произвести раскопки кладбища в текущем летнем сезоне. Поэтому музей ходатайствует перед Главнаукой о предоставлении открытого листа т. Соловьёву на производство раскопок разведочного характера на территории г. Курска, а также в его ближайших окрестностях: с. Лебяжьем и с. Шуклинке. Для раскопок кладбища в городе музей рассчитывает получить небольшую сумму от Горсовета, раскопки в с. Лебяжьем и в с. Шуклинке будут проведены силами подшефной военной части в порядке культработы с дачей соответствующих разъяснений и лекций.

В ближайшее время музей предоставит отчёт об упомянутых выше предварительных работах музея на территории древнего кладбища.

Зам. зав. музея Соловьёв

Рукописный отдел научного архива ИИМК РАН (СПб.). Ф. 2. 1929. Оп.1. № 209. Л. 2.

Литература

Воронов Ю.Н. Лев Николаевич Соловьёв (1894–1972). СПб., 1994.

Енуков В.В. Летописные сведения 1283 – 1284 гг. и география округи Курска // Вопросы истории и краеведения. Курск, 1994.

Енуков В.В., Енукова О.Н. Охранные раскопки на Липинском поселении // АО 1993 г. М., 1994.

Зайцев А.К. Где находились владения князя Липовичского, упоминаемого в летописях под 1283 – 1284 гг. Липецк: начало истории. Липецк, 1996.

Кашкин А.В. Разведки по Сейму, Пслу, Рати // АО 1979 г. М., 1980.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Кашкин А.В. Археологическая карта России. Курская область. Ч. 2. М., 2000.

Липкинг Ю.А. Раннеславянские памятники у с. Лебяжье под Курском // АО 1968. М., 1969.

Соловьёв Л.Н. Стоянки, селища, и городища окрестностей г. Курска // Известия Курского губернского общества краеведения. Курск, 1927. № 4.

Соловьёв Л.Н. Маршрут экскурсии на Шуклинское городище // Известия Курского губернского общества краеведения. Курск, 1928. № 2.

Соловьёв Л.Н. Переписка // Архив ИИМК РАН. 1928. Ф. 2. Оп.1. № 168.

Соловьёв Л.Н. Переписка // Архив ИИМК РАН. 1929. Ф. 2. Оп.1. № 209.

Стародубцев Г.Ю. Следопыты прошлого. В кн. Очерки истории Курского края. Курск, 2007.

Щавелёв С.П. Первооткрыватели курских древностей. Вып. 3. Курск, 2002.

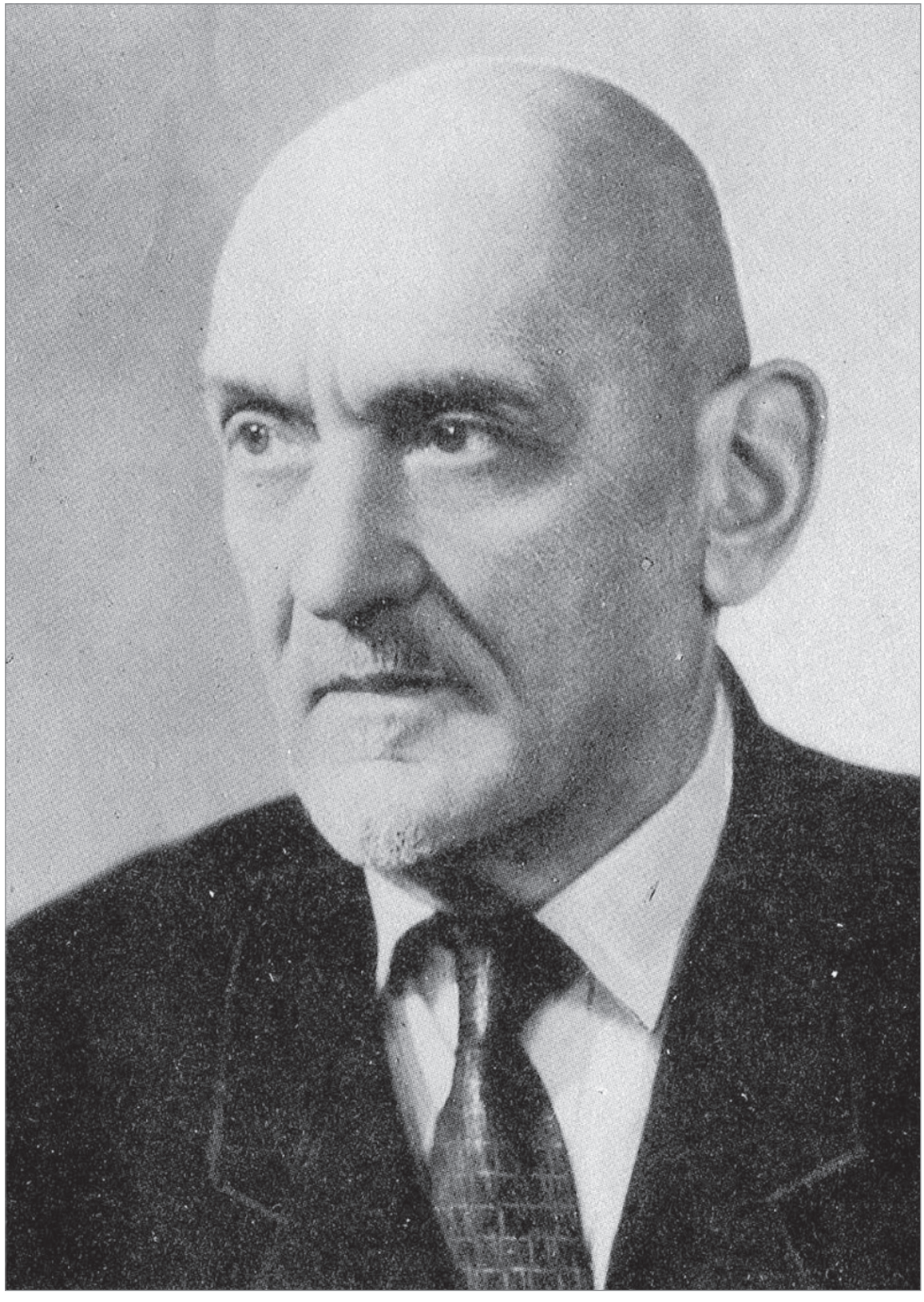

Рис. 1. Лев Николаевич Соловьёв.

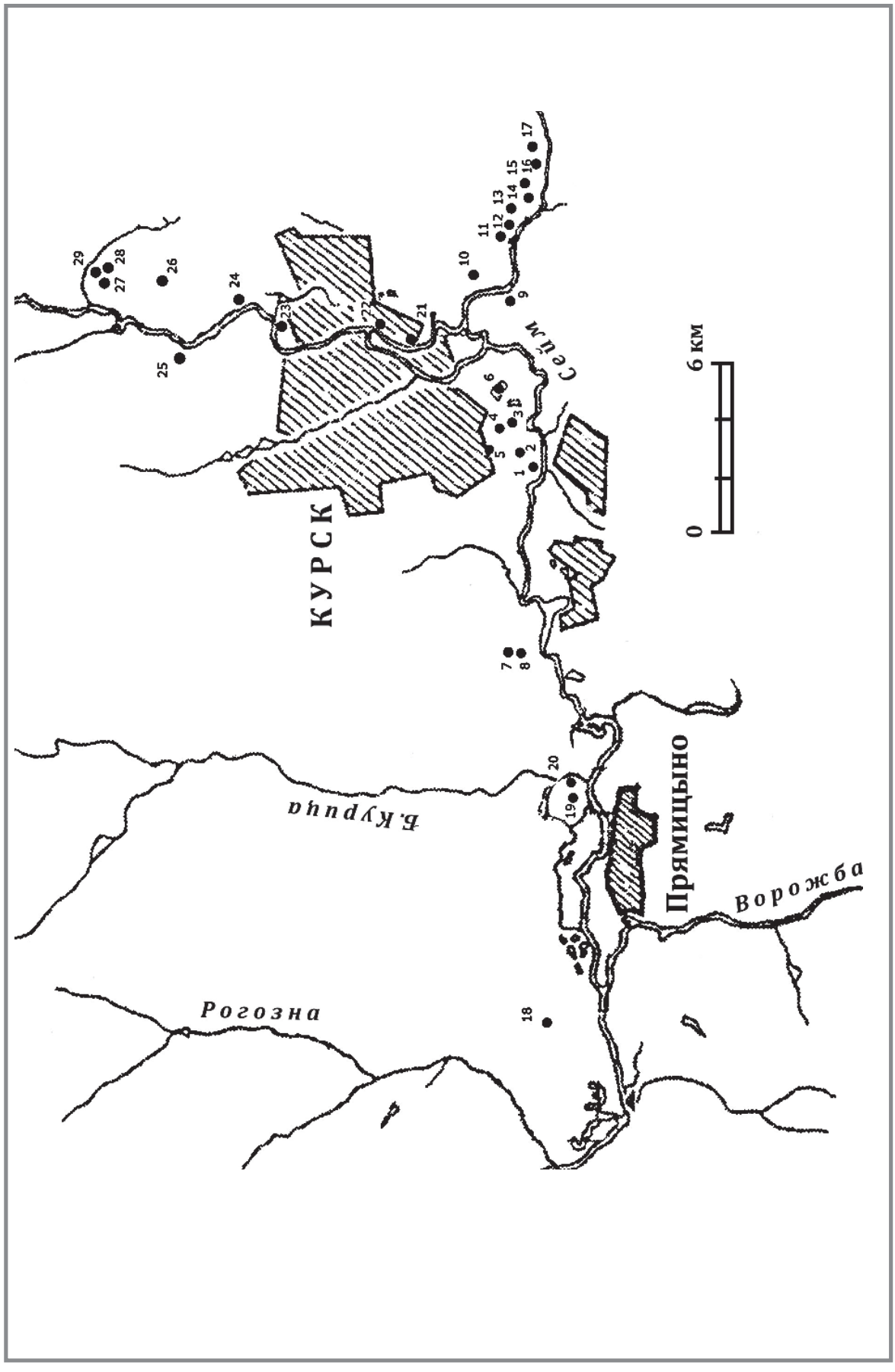

Рис. 2. Карта – схема памятников, обследованных Л.Н. Соловьёвым в 1919–1928 гг.:1–5 – Моква, 6 – Солянка, 7,8 – Духовец, 9 – Толмачёва, 10 – «Урочище «Городище»; 11–17 – стоянки Харьковского Леса, 18 – Липина, 19 – Ванина, 20 – дюны между д. Пименовской и Черницыны, 21 – Кривец, 22 –Стрелецкая сл., 23 – Заяры, 24 – Щекино, 25 – Шуклинка, 26 – Вырок, 27–29 – Каменева.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИМ – Археологические исследования в Молдавии
АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України
АО – Археологические открытия, Москва
АЭС – Археолого-этнографический сборник
ВГУ – Воронежский государственный университет
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии, Санкт-Петербург
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР, Москва
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
КГОМА – Курский государственный областной музей археологии
КГПИ – Курский государственный педагогический институт
КГУ – Курский государственный университет
КГУАК – Курская губернская учёная архивная комиссия
КОКМ – Курский областной краеведческий музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии СССР (РАН), Москва
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии УССР, Киев.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ – Научный архив ИА НАНУ. Киев
НА РА ИИМК РАН – Научный архив рукописного архива ИИМК РАН, Санкт-Петербург
ПАВ – Петербургский археологический вестник
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
ХАС – Харьковский археологический сборник
SMA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Finska fornminnesforeningens tidskrift), Helsinki

17. з. 7377

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахметгалеева Наталья Борисовна – к.и.н., зав. отделом археологии Курчатовского государственного краеведческого музея (Курская обл., Россия)

Безматерных Татьяна Александровна – аспирант кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета

Билинский Олег Олегович – студент магистерской программы «История. Археология и древняя история Украины» Национального университета «Киево-Могилянская академия»

Веретюшкина Мария Владимировна – младший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета

Воротинская Лариса Сергеевна – младший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа

Горбаненко Сергей Анатольевич – к.и.н., старший научный сотрудник Отдела археологии ранних славян и региональных полевых исследований Института археологии НАН Украины

Зиньковская Ирина Владимировна – к.и.н., доцент кафедры истории средних веков Воронежского государственного университета

Зорин Александр Васильевич – к.и.н., главный хранитель Курского государственного областного музея археологии

Медведев Александр Павлович – д.и.н. профессор, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета

Писаревский Николай Петрович – д.и.н., доцент кафедры археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета

Плаксина Елена Владимировна – старший научный сотрудник сектора археологии Государственного историко-культурного заповедника в г. Путивле (Сумская обл., Украина)

Приймак Виктор Владимирович – ведущий специалист историко-культурного заповедника «Бельск» (Полтавская обл., Украина)

Пузикова Анна Ивановна – к.и.н., старший научный сотрудник Института археологии РАН

Радюш Олег Александрович – сотрудник отдела охранных раскопок Института археологии РАН

Разуваев Юрий Дмитриевич – к.и.н., доцент кафедры истории России Воронежского государственного педагогического университета

Скинкайтис Винцас – студент исторического факультета Воронежского гусударственного университета

Стародубцев Геннадий Юрьевич – к.и.н., директор Курского государственного областного музея археологии

Тихомиров Николай Алексеевич – главный специалист Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Курской области

Удовиченко Александр Анатольевич – лаборант ГП НИЦ “Охранная археологическая служба Украины” ИА НАН Украины

Фиалко Елена Евгеньевна – к.и.н., старший научный сотрудник отдела археологии раннего железного века ИА НАН Украины

Чубур Артур Артурович – к.и.н., профессор РАЕ, доктор honoris causa, ведущий специалист НИИ фундаментальных и прикладных исследований Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского, доцент кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского

Шпилев Андрей Геннадьевич – зав. научно-экспозиционным отделом Курского государственного областного музея археологии

СОДЕРЖАНИЕ

Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Анна Ивановна Пузикова: жизнь в археологии 3
Пузикова А.И. Многослойное поселение Переверзево II в Посеймье 23
Ахметгалеева Н.Б. Смена типов верхнепалеолитических поселений Посеймья на заключительных этапах последнего оледенения (по материалам стоянок Посеймья Быки) 74
Зорин А.В. Новые погребения эпохи бронзы на территории г. Курска 93
Плаксина Е.В., Удовиченко А.А. Археологические находки эпохи бронзы вблизи Путивля 99
Безматерных Т.А. Проблема этнокультурной принадлежности населения Среднего Подонья в скифское время в исследованиях А.И. Пузиковой 104
Билинский О.О. К истории изучения памятников скифского времени в Среднем Посеймье и современное состояние проблемы 110
Чубур А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика 117
Медведев А.П. Городище скифского времени Верхняя Покровка II 136
Разуваев Ю.Д. Керамика из бытовых и погребальных комплексов Семилукского городища скифского времени 142
Фиалко Е.Е. Скифские амазонки и музыка 155
Шпилев А.Г. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области 165
Писаревский Н.П. Скифский Таргитай и его лувийско-греко-фракийский и этрусский контексты 170
Приймак В.В. Предметы позднескифского-сарматского облика из городища Новотроицкого 181
Зиньковская И.В. К вопросу о варварских эмалях на памятниках юга Восточной Европы 187
Тихомиров Н.А. Поселение киевского времени у с. Лебяжье под Курском 195
Радюш О.А. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области 202
Веретюшкина М.В., Горбаненко С.А. Земледелие населения Посемья в X в. (на примере археологического комплекса у д. Шуклинка) 209
Стародубцев Г.Ю. Арабские монеты и подражания дирхемам с поселения Жидеевка Курской области 220
Шпилев А.Г. Новые находки предметов круга «скандинавских древностей» из Курской области 227
Скинкайтис В.В. «Гончарная мастерская» Семилукского городища древнерусского времени 241
Воротинская Л.С. О разведках Л.Н. Соловьева в районе Курска в 1919–1928 гг. 249

Материалы и исследования
по археологии Днепровского Левобережья

Выпуск IV

Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой)

Сборник научных трудов

Подписано в печать 29.11.2012 г.
Формат 60г84$^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «TimesET». Усл. печ. л. 30,22.
Тираж 100 экз. Заказ № 7377.

Отпечатано в МУП «Курская городская типография»,
Россия, 305004, г. Курск, ул. Ленина, 77,
тел./факс (4712) 58-76-11; тел. 58-75-62 E-mail:kgt@kursktelecom.ru.